

СОЧИНЕНИЯ
ИММОКЕНТИЯ
АРХИЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

ТОМЪ VII.

ПАДЕНИЕ АДАМОВО. — О ГРѢХѢ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХѢ. — БЕСѢДЫ О СМЕРТИ.
МЫСЛИ О БЕЗСМЕРТИИ. — ЗАМѢТКИ.

ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГъ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1874.

ОГЛАВЛЕНИЕ VII ТОМА.

ПАДЕНИЕ АДАМОВО.

	стр.
Слово въ недѣлю сыропустную. Огласительное	1
Слово въ среду 1-й недѣли великаго поста	7
Слово въ пятокъ 1-й недѣли великаго поста	15
Бесѣда въ среду 2-й недѣли великаго поста.	21
Бесѣда въ пятокъ 2-й недѣли великаго поста	30
Бесѣда въ среду 3-й недѣли великаго поста	36
Бесѣда въ пятокъ 3-й недѣли великаго поста	41
Бесѣда въ среду 4-й недѣли великаго поста	49
Бесѣда въ пятокъ 4-й недѣли великаго поста	59
Бесѣда въ среду 5-й недѣли великаго поста	66
Бесѣда въ пятокъ 5-й недѣли великаго поста	74
Слово въ субботу 5-й недѣли великаго поста или похвальную	81
Бесѣда въ среду 6-й недѣли великаго поста.	87
Бесѣда въ пятокъ 6-й недѣли великаго поста	93
Бесѣда въ великій понедѣльникъ	98
Бесѣда въ великій вторникъ.	102
Слово въ великую среду, заключительное	108'

О ГРѢХѢ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ.

Слово огласительное	117
Слово о существѣ грѣха, его видахъ, степеняхъ и различныхъ грѣхов- ныхъ состояніяхъ	122
Слово о томъ, какъ произошелъ грѣхъ въ мірѣ и въ родѣ человѣче- скомъ	127
Слово о томъ, чѣмъ грѣхъ соблазняетъ человѣка	134
Слово о пагубныхъ дѣствіяхъ грѣха.	139
Слово о томъ, что грѣхъ распространяетъ по всему существу человѣ- ка тьму	144

II

	стр.
Слово о томъ, что грѣхъ, обѣщавая человѣку вольность и независимость, лишаетъ его истинной свободы	153
Слово о томъ, что радости грѣховныя привременны	158
Слово о томъ, что грѣхъ есть главною и первоначальною причиною всѣхъ болѣзней	164
Слово о томъ, что грѣхъ неминуемо подвергаетъ человѣка мучительному владычеству дьявола	171
Слово о лютой кончинѣ, ожидающей грѣшника	177
Слово о томъ, что за грѣхомъ послѣдуетъ наконецъ для человѣка вѣчное мученіе	182

БЕСЪДЫ О СМЕРТИ.

Слово о смерти вообще	189
Слово о смерти	197
Слово о томъ, что такое смерть	197
Слово о томъ, что такое смерть	201
Слово о томъ, что такое смерть	203
Слово о происхожденіи смерти.	206
Слово о происхожденіи смерти.	210
Слово о томъ, какъ произошла смерть въ родѣ человѣческомъ.	213
Слово о томъ, какимъ образомъ грѣхъ породилъ смерть.	217
Слово о томъ, что сдѣляль Иисусъ Христосъ со смертию.	219
Слово обѣ участіи самой смерти	220

МЫСЛИ О БЕЗСМЕРТИИ.

I—XII	223—236
-----------------	---------

~ ЗАМѢТКИ.

I—ХС	237—277
----------------	---------

СЛОВО

ВЪ ИЗДѢЛІИ СЫРОПУСТНЮ.

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ.

 сми когда, братіе мои, довѣло бы намъ начать бесѣду съ вами не словами, а вздыханіемъ и слезами, то въ настоящій лень, когда св. Церковь воспоминаетъ и оплакиваетъ злополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ, а въ лицѣ ихъ и всего рода человѣческаго, слѣдовательно — каждого изъ насъ.

Наденіе Адамово!... Когда произносишь слова сіи, то, кажется, весь міръ возстаетъ противъ тебя: со всѣхъ сторонъ несутся вопли, стоны и упреки; всюду представляются потоки крови и слезъ, нами пролитыхъ; все злое и преступное — въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ — является на лице и требуетъ отъ себя отвѣта; небо и земля, солнце и звѣзды, растенія и животные идутъ на судъ противъ тебя и говорятъ: ты лишилъ насъ первобытнаго совершенства!

Въ самомъ лѣтѣ, братіе мои, не это ли злополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ низринуло съ высоты богоподобія и блаженства и повергло во прахъ и тленіе весь родъ человѣческій? Не оно ли помрачило благолѣпіе и возмутило порядокъ всей видимой вселенной, измѣнило первоначальное опредѣленіе о насть Творца, лишило всѣ твари земныя ихъ совершенства первобытнаго и схвпало наконецъ необходимымъ то, что земля и всѣ, якъ на ней, дѣла (з Петр. 3, 10) должны нѣкогда сгорѣть, сонце и луна — померкнуть, звѣзды яко листвіе спасть съ не-

бесе, и самыя силы небесныя подвигнуться (Мат. 24, 29)? Не оно ли наконецъ нарушило, въ нѣкоемъ отношеніи, величественный покой седьмаго дня для самого Творца, побудило Все-могущаго къ новымъ чудесамъ любви и премудрости и какъ бы къ новому творенію, заставило Сына Божія сойти съ неба на землю, облечься бѣдною плотью человѣческою, претерпѣть уничиженіе и муку, и умереть за насъ на крестѣ? Ужасно было паденіе Ангеловъ:—но грѣхопаденіе человѣка, по его злополучнымъ послѣствіямъ для всего міра, могло быть еще ужаснѣе, если бы въ безднахъ премудрости и любви Божіей не обрѣлось средства возставить насъ отъ паденія.

Но, какъ ни злополучно было паденіе въ раю Адама, оно въ тоже время есть мое собственное паденіе. Напрасно хотѣлъ бы я разлучиться на сей разъ съ прародителемъ моимъ: союзъ природы связуетъ меня неразрывно.—Напрасно, происшедшъ на свѣтѣ послѣ многихъ поколѣній, хотѣлъ бы я потому усомниться въ моемъ участіи во грѣхѣ эдемскомъ: казнь, мною несомая, непрестанно напоминаетъ мнѣ о немъ.

Какая казнь?—Увы, самый вопросъ сей обнаруживаетъ уже крайнюю глубину нашего паденія!.. Значить, мы пали въ такую пропасть, что уже не видимъ болѣе той святой и блаженной высоты, на коей поставлены были нѣкогда творческою десниццею, такъ оглушены паденіемъ, что не чувствуемъ даже боли, отъ него происшедшей, и не замѣчаемъ той бездны, въ коей находимся.—Какая казнь? А развѣ награда, что всѣ мы приходимъ на свѣтѣ сей самымъ плачевнымъ образомъ: съ воплемъ оставляемъ утробу матернюю, дабы явиться на краткое время на лицѣ земли, и среди воплей расторгаемъ утробу земли, дабы скрыть въ ней свое тлѣніе отъ среды живыхъ?— Какая казнь?— А развѣ награда, что большая часть изъ насъ, созданныхъ по образу Божію и видимо предназначенныхъ къ господству надъ всѣмъ, насть окружающимъ, принуждены теперь влачить всю жизнь свою въ узахъ рабства духовнаго и тѣлеснаго, бороться непрестанно со всякаго рода нуждами и скорбями, искуплять сию не каждый день бытія потомъ и слезами? Какая казнь?— А развѣ награда, что люди братія терзаютъ нерѣлко, какъ тигры, другъ друга, что цѣлья племена и царства должны непрестанно стоять одно противъ другаго на стражѣ и не знать высшаго искусства, какъ отражать и поражать людей, себѣ подобныхъ?—Какая казнь?—А что въ сердцѣ у каждого изъ насъ? Непрестанная борьба лобра со зломъ, духа съ плотью, ума и со-

вѣсти со страстями; и гдѣ побѣда? Большею частію на сторонѣ грѣха и плоти. *Не еже хощу (добroe), сie творю: но еже не павижду (злоe), то содѣловаю.* Еже хотѣти прилежитъ ли, а еже содѣлти добroe, не обрѣтаю (Рим. 7, 15—18). Такъ жалуются не себя самые лучшіе изъ людей:—что же должны сказать худшіе?.. Увы, куда ни обращусь, вездѣ вижу слѣды моего паденія: вижу и въ разрушительной для меня борьбѣ бездушныхъ стихій, и въ нѣкоемъ постоянномъ враждованіи противъ меня существъ одушевленныхъ;—вижу и въ грозныхъ явленіяхъ надо мною неба, и въ бесплодіи воздѣлываемой мною земли;—вижу и въ бренности моего ума, и въ ломкости моихъ произведеній;—вижу и въ силѣ страстей человѣческихъ, и въ безсиліи законовъ человѣческихъ, и въ недостаткѣ вѣры и въ избыткѣ сомнѣній; вижу въ хижинѣ и на престолѣ, у алтаря и плуга, въ минуту радости и печали, на яву и въ самомъ снѣ.... Тяжко, тяжко иго на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ (Сирах. 40, 1—2)! Ужасна работа истлѣнію, отъ коеи стенаєтъ вся тварь (Рим. 8, 22)!

Кто же виною сего? Откуда и какъ возникло зло, облежащее меня и весь міръ со мною? Не у Творца ли моего недостало, быть можетъ, силъ и средствъ создать меня чистымъ и праведнымъ, бессмертнымъ и блаженнымъ? Но одинъ простой взглядъ на необъятность міра, на порядокъ и красоту вселенной уже ясно показываетъ, что десница, меня созидавшая, была всемогуща и всеблага; ибо ею не забыто и снабжено всѣмъ нужнымъ самома1ѣшее твореніе. А я между тѣмъ томлюсь и стражду; стражду такъ, что самъ по себѣ не вижу конца моимъ страданіямъ.... Не я ли самъ потому и виною сего? Во мнѣ есть и теперь способность, по коеи могу я—усовершать свое состояніе, или превращать его и губить себя. Это моя свобода!... Въ ней же по сему самому, въ ней должна быть причина и моего бѣдственного состоянія на землѣ. Была нѣкогда, была злополучная минута, въ которую я, злоупотребивъ произволомъ своимъ, разорвалъ нагло первобытный союзъ, соединявший меня и весь міръ съ Источникомъ истинной жизни и блаженства; существовала ужасная минута, въ которую я ринулся безумно съ высоты природныхъ совершенствъ моихъ и увлекъ за собою въ бездину зла тварь, мнѣ подчиненную.

Когда и какъ послѣдовало это несчастное паденіе? Напрасно стаіъ бы я вопрошать о семъ природу, меня окружающую: она въсемъ случаѣ безмолвна, какъ поле послѣ сраженія, нанемъ прои-

ходившаго. Всѣдѣ видны слѣды пораженія; слышны даже отголоски стона и воплей:—но кто и какъ сражался? — неизвѣстно. Одно заключаю изъ всего видимаго въ природѣ,—что это все бѣдствіе должно было произойти и не такъ давно, чтобы совершенно забыть его, и не такъ недавно, чтобы можно было сохранить о немъ ясную память. Обращаюсь къ исторіи и древнѣйшимъ преданіямъ рода человѣческаго. Тутъ со всѣхъ концевъ вселенныя слышу, что родъ человѣческій былъ не таковъ, какъ видимъ его нынѣ; что на землѣ не было тѣхъ золь и бѣдствій, отъ коихъ страдаетъ теперъ все живущее; что настоящій порядокъ, или паче беспорядокъ, вѣщей есть слѣдствіе грѣхопаденія первыхъ человѣковъ. Но когда, не довольствуясь симъ, любопытствуя знать, какимъ именно образомъ послѣдовало мое паденіе, то нахожу въ древнихъ преданіяхъ столько разнообразія, противорѣчій и мрака, что не знаю, на чёмъ остановиться; не вижу, гдѣ конецъ истинному свидѣтельству, и откуда начинается вымыселъ. Одно богодохновенное бытописаніе Моисея, какъ лучезарный свѣтильникъ среди моря, возвышается надъ мутными волнами древнихъ сказаний и тьмою, покрывающею первобытное состояніе рода человѣческаго. Не смотря на краткость сего бытописанія, въ немъ столько свѣта, что всѣ главные вопросы о происхожденіи зла въ нашемъ мірѣ разрѣщаются изъ него столь же любомудрственно, какъ и благочестиво.

Сію-то священную повѣсть о грѣхопаденіи прародителей нашихъ намѣрены мы, братіе мои, повторить и разсмотрѣть вмѣстѣ съ вами въ наступающіе дни святаго и великаго поста. Не радостная картина ожидаетъ нась! И предъ нами, какъ нѣкогда предъ Пророкомъ, раскроется свитокъ, въ коемъ вписаны рыданіе, жалость и горе (Іезек. 2, 10). Узримъ змія съ его ужасною клеветою—пріемлемаго, а Творца и Благодѣтеля съ Его святою заповѣдью отвергнутаго; узримъ праматерь всѣхъ живущихъ, легкомысленно простирающею руку къ плоду запрещенному и за сіе осуждаемую въ болѣзняхъ родити чада; узримъ прародителя нашего, убѣгающаго отъ лица Божія, слагающаго вину на самого Создателя и за сіе подвергаемаго на всю жизнь труду въ потѣ лица, съ возвращенiemъ наконецъ въ землю, отъ нея же взять бысть;—узримъ обоихъ стыдящихися своей наготы, а не грѣха, отъ коего нагота и смерть,—изгоняемыхъ изъ рая сладости и влачащихъ остатокъ бѣдственной жизни среди проклятія всей земли; узримъ наконецъ Херувима съ пламеннымъ оружіемъ, поставленного у вратъ рая и стрегущаго путь къ древу жизни,

навсегда потерявшому для тѣхъ, кои не умѣли пользоваться плодами его. Но въ тоже время услышимъ ужасный приговоръ и врагу нашему, увлекшему насъ въ преступленіе, приговоръ—показывающій, что за насъ есть Отмститель, что мы не беззащитны; услышимъ радостотворное обѣтованіе о Сѣмени жены, имѣющемъ сокрушить главу змія, то обѣтованіе, въ коемъ, какъ въ сѣмени древо, заключена вся тайна нашего спасенія. Такимъ образомъ свитокъ первобытія нашего, хотя въ немъ вписано рыданіе, жалость и горе, будетъ наконецъ, подобно свитку Іезекіилеву, сладокъ въ устахъ нашихъ, и можетъ напитать насъ пищью нетлѣнною. Ибо ученіе слова Божія о паденіи Адамовомъ, кромѣ того что изъясняетъ намъ тайну настоящаго бытія нашего на землѣ, указуетъ начало и причину, ничѣмъ иначе неизъяснимыхъ, бѣдствій и страданій нашихъ, и тѣмъ самымъ примиряетъ насъ съ тяжкою судьбою своею и удерживаетъ отъ ропота и хулы на Провидѣніе; это же ученіе служить основаніемъ тому животворному благовѣстію, которое составляеть сущность вѣры христіанской, то есть, ученію объ искупленіи насъ Сыномъ Божіимъ, который для того и облекся въ плоть нашу, да побѣдить врага нашего и упразднить всѣ слѣдствія грѣхопаденія земскаго. Чтобы возчувствовать въ полной мѣрѣ цѣну сего божественнаго искупленія, для сего надобно прежде познать всю величію золъ, насы сокрушающихъ. Вторый Адамъ, иже есть Господь съ небесе (1 Кор. 15, 43), является во всемъ божественномъ величіи не прежде, какъ первый Адамъ, иже отъ земли, прародитель нашъ, предстанетъ намъ во всемъ своемъ уничиженіи и клятвѣ.

Для сего-то, безъ сомнѣнія, и св. Церковь, общая наша Матерь и Наставница, нынѣ, предъ самымъ вступленіемъ нашимъ во св. постъ, приводить намъ на память не другое какое либо событие, а паденіе Адамово. Симъ самымъ она какъ бы тѣ говоритъ каждому изъ насъ: если ты сынъ Адамовъ, то, кто бы ни былъ, ты существо падшее; тебѣ нужно возстать изъ бездны, уврачевать все разбитое въ паденіи, и начать восходить на прежнюю высоту и совершенство, посредствомъ таинства покаянія и причащенія животворящаго Тѣла и Крови Христовой. Для сей же самой цѣли,—то есть, чтобы произвести въ насъ сознаніе своего грѣховнаго безпомощнаго состоянія и расположить всѣхъ и каждого къ смиренію, вѣрѣ и усердной молитвѣ о помощи свыше,—въ продолженіе будущихъ дней поста св. Церковь не престанетъ ежедневно оглашать слухъ нашъ чтеніемъ изъ бытописанія

Моисеева. Итакъ, занимаясь избраннымъ нами предметомъ, мы будемъ идти по слѣдамъ св. Церкви, проповѣдывать тоже самое, что внушиается ею.

Воззовемъ же, братіе мои, едиными усты и единимъ сердцемъ ко Господу, да, внушивъ нѣкогда возлюбленному рабу своему Моисею—начертать для насть святую повѣсть о грѣхопаденіи прародителей нашихъ, даруетъ и намъ, недостойнымъ рабамъ своимъ, благодать—воспользоваться ею, какъ должно, уразумѣть изъ нея всю бѣдность нашей падшей природы, познать грѣховное окаянство свое, дабы потомъ съ вѣрою и смиренiemъ обратиться къ Тому, кто единъ силенъ возставить все падшее и взвести насть, какъ обѣщаетъ св. Церковь, къ первому нашему достоянію съ раствореніемъ, чего да достигнемъ всѣ мы Его всемощною благодатію. Аминь.

СЛОВО

И К СРУДУ НІ ІЗДІДІ БУДІНГО ПОСТА.

О ЗАПОВЪДИ ВЪ РАЮ.

 Мополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ въ Эдемѣ состояло, какъ извѣстно, въ преступлениі заповѣди Божіей о невкушении отъ плода запрещеннаго. Посему, прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію сего злосчастнаго события, подобаетъ обратить вниманіе на сию заповѣдь и показать, въ чёмъ именно состояла она и для чего дана. Должно вникнуть въ эту заповѣдь и потому, что касательно ея существуетъ не мало предразсудковъ и мнѣній, кои, кромѣ того, что ложны, служатъ къ нареканію на святый промыслъ Божій. Одни говорятъ: зачѣмъ было давать сию заповѣдь? Другие: для чѣго было не предохранить человѣка отъ ея преступленія? Вопреки сего, мы должны показать, что заповѣдь была необходима, и что все, нужное къ предохраненію человѣка отъ нарушенія ея, было сдѣлано. (Оставалось только развѣ связать свободу человѣка; но тогда добродѣтель потеряла бы всю цѣну, а человѣкъ—все свое правственное достоинство.

Заповѣдь эдемская изображена у Моисея такъ: и заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго дерева, еже въ раи, спѣши сиѣси: отъ дерева же, еже разумѣти доброе и лукавое, не сиѣсте отъ него: въ онъже бо аще день сиѣсте отъ него, слерптию умрете (Быт. 2, 16—17). Видите, въ чёмъ состояла заповѣдь. Въ томъ, чтобы не вкушать отъ плодовъ одного извѣстнаго дерева. Отсюда тотчасъ обнаруживается вся легкость запо-

вѣди къ исполненію. Ибо, что за трудность не вкушать отъ плодовъ одного дерева, когда ихъ въ раю находились тысячи, и притомъ всякаго рода? Прародители наши, и безъ запрещенія, не успѣли еще, конечно, вкусить отъ плода многихъ деревъ райскихъ; тѣмъ легче было воздержаться отъ плода запрещеннаго. Вообразить, что запрещенное дерево было по плодамъ своимъ самое лучшее изъ всѣхъ, нельзя: ибо самымъ лучшимъ, безъ сомнѣнія, было дерево жизни. Правда, что Евѣ запрещенное дерево показалось потомъ добрымъ въ снѣдь, угоднымъ очамъ—*еже видѣти, и красно, еже разумѣти:* но оно показалось такимъ уже тогда, когда въ несчастной прародительнице нашей, отъ лѣстивой бесѣды съ нею змій-искусителя, возбуждено было въ высшей степени любопытство и чувственное вожделѣніе. Въ такомъ случаѣ и обыкновенное само въ себѣ кажется человѣку отличнымъ и привлекательнымъ. Притомъ самыя слова Евы, если вникнуть въ нихъ поглубже, выражаютъ не столько похвалу отличнымъ качествамъ дерева, сколько нѣкую какъ бы защиту отъ нареканія и презрѣнія, то есть, что оно показалось на глаза Евы не такъ отвратительнымъ, чтобы уже не пожелать вкусить отъ него, не такъ безобразнымъ, чтобы на него нельзя было посмотретьъ безъ неудовольствія, и не такъ наконецъ ничтожнымъ, чтобы не полюбопытствовать, что въ немъ и почему оно запрещено. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни смотрѣть на заповѣдь о деревѣ, выходитъ одно и тоже—что исполнить ее было крайне легко, и слѣд. нарушиТЬ, вопреки явному повелѣнію Божію, крайне постыдно и безумно.

Но что же значить послѣ сего запрещенія? Для чего не вѣлько вкушать отъ сего дерева? Вопросъ важный, и мы должны разсмотрѣть его съ надлежащею подробностію, дабы устраниТЬ всѣ неправыя мнѣнія касательно сего предмета.

Очевидно, что дерево запрещено не потому, якобы самъ Господь имѣлъ, такъ сказать, какую либо нужду въ этомъ запрещеніи, какъ будетъ клеветать змій-искуситель. Ибо какая могла бытъ въ семъ нужда для Господа? Чтобы чрезъ вкушение отъ плодовъ его Адамъ и Ева не получили новыхъ совершенствъ и не сравнялись съ Нимъ? Такъ именно будетъ утверждать змій: но что можетъ быть недѣлѣ сей мысли? Не говоря уже о томъ, что совершенію невозможнѣо достигнуть не только богоподобія, но и другаго какого либо совершенства духовнаго, отъ вкушения какого бы то ни было плода,—что препятствовало Господу не творить опаснаго для него дерева, если бы оно въ самомъ дѣлѣ бы-

ло таково, или сотворивъ, не помѣщать его въ раю? Все это—и всецѣло—зависѣло отъ воли самого Творца. Посему одинъ только змій, или, прямѣе сказать, діаволъ, могъ составить въ своемъ умѣ такую нечестивую мысль, что древо запрещено было потому, якобы въ семъ запрещеніи имѣлъ нужду и выгоду самъ Запрещавшій. Это ложь и хула змішная!

Значитъ, древо запрещено ради пользы и нужды самыхъ прародителей нашихъ. Какой? Не заключалось ли въ немъ чего либо смертоноснаго? Не были-ль плоды его ядовиты?—Подобная мысль представляется тотчасъ, коль скоро вспоминаешь объ угрозѣ Божіей прародителямъ, что за вкушеніемъ отъ дерева должна послѣдовать для нихъ смерть. Въ такомъ случаѣ самое запрещеніе представляется уже не только правильнымъ, но и необходимымъ: ибо какъ не воспретить вкушенія плодовъ ядовитыхъ?—Между тѣмъ, и сей мысли нельзя принять, не смотря на ея благовидность. Ибо, скажите, что бы подумали вы объ отцѣ, который, имѣя въ своемъ саду такое ядовитое дерево, употребилъ бы его для испытанія въ послушаніи своего сына? Не то ли, что онъ легкомысленно подвергаетъ своего сына величайшей опасности? Ибо самымъ запрещеніемъ дерева наводилось уже вниманіе на него, и слѣд., приближаясь къ человѣку опасность. Не будемъ же лумагъ обѣ. Отцѣ небесномъ того, чого не можемъ предположить въ разумномъ и добромъ отцѣ земномъ. Плоды запрещеннаго дерева произвели смерть въ человѣкѣ; но они произвели ее не сами по себѣ, а потому, что вкушеніе отъ нихъ составляло для человѣка преступленіе воли Божіей;—грахъ всякое дерево сдѣлалъ бы ядоноснымъ для человѣка.

Можно и еще возымѣть одну мысль касательно запрещенія дерева—изъ самаго его названія. Ибо, какъ оно называется? Древомъ познанія добра и зла. Не потому ли, слѣд., оно и запрещено, что вкушеніе отъ плодовъ его могло сообщить человѣку какое либо вѣдѣніе, для него еще преждевременное и потому неподезное? Но касательно сего довольно припомнить, что не въ природѣ дерева—сообщать какія либо познанія, равно какъ и не въ свойствѣ познанія,—сообщаться посредствомъ вкушенія чего либо. Вкушеніе и яства суть дѣло устъ и чрева, а познаніе есть дѣло ума и размышенія. Спросятъ: отъ чегоже дерево получило такое название? Всего вѣроятнѣе, отъ своихъ послѣдствій для человѣка, то есть, не отъ непосредственнаго свойства и дѣйствія его плодовъ, а отъ того, что произошло въ человѣкѣ послѣ ихъ вкушенія:—ибо прародители наши дѣйствительно познали тогда

на опытѣ, что добро и что зло;—узнали цѣну того блага, которое потеряно чрезъ преступленіе заповѣди Божіей, и силу того зла, о коемъ прежде не вѣдали и коему теперь за сіе подверглись.

Почему же наконецъ запрещено оно? Потому что необходимо было воспретить что либо для человѣка. Отъ чего необходимой? Для испытанія его свободы и для упражненія воли его въ покорности волѣ Божіей. А это къ чему? Къ тому, чтобы открылось наконецъ, способенъ ли человѣкъ стоять на той высотѣ чести и достоинства, на которую онъ имѣлъ быть возведенъ по испытанію. Изъяснимся подробнѣе.

Для чего созданъ и къ чему предназначенъ быть человѣкъ? Къ тому ли, чтобы быть обладателемъ и хранителемъ сада, наскаженного въ Эдемѣ на востоцѣхъ (Быт. 2, 8)? Если такъ, то для сего не стоило украшать будущаго садовника такимъ великимъ и безпримѣрнымъ отличиемъ, каковы образъ и подобіе самого Творца. Величественный образъ сей требовалъ для себя не сада, а храма; предъ нимъ должны были преклониться — современемъ—не древа токмо эдемскія съ ихъ плодами, а всѣ твари, даже всѣ стихіи земныя, съ ихъ чуднымъ разнообразіемъ. Нося въ себѣ образъ Божій, человѣкъ имѣлъ быть самъ яко нѣкій земный Богъ. Такое существо не могло имѣть другаго предназначенія, какъ быть ближайшимъ наперсникомъ своего Создателя, представлять Его собою видимо и служить органомъ и намѣстникомъ Его для всѣхъ низшихъ тварей, кои, по свойству природы своей и мѣсту, или занимаемому, не могутъ видѣть своего Творца и бесѣдоватъ съ Нимъ лицемъ къ лицу. Такому высокому предназначению долженствовали соотвѣтствовать въ человѣкѣ власть и полномочіе его надъ всѣми видимыми тварями. Что мы, утверждая сіе, водимся не воображеніемъ и догадками, а дѣйствительною истиной, доказательство и порука за то дѣянія святыхъ людей, кои, будучи возсозданы благодатію Христовою, вообразившиесь, какъ выражается св. Церковь, *первою добродою, единымъ словомъ останавливали солнце, бездыны морскія прелагали въ сушу, угашали пламень огня, воскрешали мертвыхъ.* Тоже самое внушаетъ и св. Павель, когда, обращаясь къ вѣрующимъ, какъ бы отъ лица самого Христа, взыываетъ: *миръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая: все ваша суть; ты же Христовъ, Христосъ же Божій* (1 Кор. 3, 23).

Если же такъ, то судите теперь—можно ли было новосоздан-

наго человѣка вдругъ вознести на такую высоту и отдать въ руки его столько могущества, не давъ раскрыться предварительно въ немъ способности къ тому и не доведши его, посредствомъ испытанія, до непоколебимой ничѣмъ вѣрности въ употребленіи великихъ силъ и преимуществъ, его ожидающихъ? Хотя человѣкъ созданъ быль невиннымъ и самымъ естествомъ своимъ предрасположенъ къ добру; но, по свободѣ своей, этому высочайшему лару, который составляетъ основаніе всѣхъ прочихъ совершенствъ духовныхъ и паче всѣхъ ихъ уподобляеть человѣка Богу, по свободѣ, говорю, своей, человѣкъ могъ сдѣлать изъ себя, что угодно; могъ оставаться во всегдашнемъ тѣсномъ союзѣ съ Творцемъ своимъ, въ добровольномъ подчиненіи всѣхъ дѣйствій своихъ Его премудрой и всесвятой волѣ; но могъ, подобно падшему Ангелу, пойти и противнымъ путемъ, уклонить волю свою отъ воли Божіей, начать дѣйствовать вопреки намѣреніямъ Создателя. И что было бы въ послѣднемъ случаѣ съ сонмомъ тварей, ему подчиненныхъ? Противникъ Бога, куда бы привелъ за собою все свое владычество?...

Потому, прежде возведенія человѣка на высоту чести и могущества, его ожидающихъ, надлежало подвергнуть его, въ родѣ испытанія, нѣкоему предварительному упражненію въ употреблении своей свободы. Для сего требовалось указать ему на что либо, противное волѣ Божіей, дабы онъ могъ сдѣлать выборъ и показать или свое всецѣлое согласіе съ нею и совершенную покорность Творцу, или оказаться преслушникомъ и, слѣд., неспособнымъ къ тому, чтобы ему вѣрено было господство надъ міромъ дольшимъ.

Такъ дѣйствительно и поступлено съ прародителемъ нашимъ. Господство его ограничено въ началѣ только однимъ Эдемомъ: потомъ приведены предъ будущаго владыку земли всѣ животные для принятія отъ него именъ; но полнаго управлениія всѣмъ дольшимъ въ рукахъ Адама еще не видимъ. Это должноствовало произойти уже по окончаніи опыта, тогда, когда человѣкъ соблюденiemъ заповѣди Божіей доказалъ бы, что онъ будетъ вѣрнымъ исполнителемъ на землѣ установъ небеснаго Самодержца.

Для сего прародителю нашимъ поставленъ въ такое состояніе, гдѣ воля Божія и его собственная представали ему не только въ видимой и ощутительной отдаленности, но даже въ нѣкоей какъ бы противоположности, такъ что изъ повиновенія волѣ Творца надлежало ему забыть свою собственную волю съ ея пожеланіями. И вотъ источникъ заповѣди, ему данной: она служила че-

ловѣку въ испытаніе—къ раскрытию его внутреннихъ силъ и упражненію его свободы!

Что касается предмета заповѣди, то онъ могъ быть взятъ отовсюду. Правда Божія могла бы потребовать отъ ущедренного всѣми дарами человѣка самаго труднаго подвига и жертвы, подобной напр. той, какая потребована нѣкогда отъ Авраама, то есть, могла бы потребовать въ жертву себѣ самой его жизни: но этого не сдѣлано. Напротивъ, опытъ и искушеніе сведены на вещь самую малую и обыкновенную, на жертву, можно сказать, ничего не стоящую.— Не велѣно только вкушать отъ плодовъ одного извѣстнаго дерева. Заповѣдь однако чрезъ это не теряла никакъ своей важности и не удалялась отъ своей цѣли. Важно было не то, чтобы сорвать или не сорвать плодъ съ дерева, а то, чтобы послушать или не послушать Творца, который запретилъ это. Для Существа всемогущаго и всесодѣржащаго все равно было,—сорвано ли будетъ человѣкомъ яблоко съ дерева, или солнце съ неба.

Не забыты и всѣ нужныя предосторожности. Чтобы Адамъ, принявъ заповѣдь, не могъ быть увлеченъ въ противную отъ нея сторону какимъ либо коварнымъ внушенiemъ, или остановившись мыслю на одной поверхности предмета, не почелъ заповѣданнаго не такъ важнымъ и не пострадалъ отъ собственнаго легкомыслія,—для сего со всею ясностію указано ему то ужасное послѣдствіе, которое неминуемо имѣло произойти отъ нарушенія воли Божіей. *Въ онъже аще день, сказано, снѣсте отъ него, смертію умрете.* Большой угрозы и большаго предостереженія нельзя было и сдѣлать. Такимъ образомъ на страхѣ у запрещеннаго дерева стояли уже не одна благодарность къ Богу, а и страхъ смерти. Скажутъ, что Адамъ, не видавъ еще на самомъ дѣлѣ смерти, не могъ вообразить ее себѣ въ томъ точно видѣ и съ тѣми самыми подробностями, съ коими является смерть намъ. Положимъ такъ; но и это не могло мѣшать дѣйствію угрозы: ибо послѣ такихъ словъ Божіихъ Адамъ долженъ былъ представлять себѣ, что за нарушеніе заповѣди постигнутъ его величайшія бѣдствія; а сердце наше таково, что неопредѣленность бѣдствія, намъ угрожающаго, еще болѣе тревожить и ужасаетъ насъ. А вѣрнѣе всего то, что если премудрость Божія почла нужнымъ оградить прародителя нашего отъ преступленія угрозою наказанія; то, безъ сомнѣнія, позаботилась о томъ, чтобы эта угроза и это наказаніе были для него понятны,

хотя мы и не можемъ теперь показать определенно, какъ это было сдѣлано.

Послѣ страшной угрозы за преступленіе, человѣкъ долженъ былъ взирать на запрещенное древо уже не только какъ на предметъ особенной воли Божіей, но и какъ на собственного своего врага, какъ на свою смерть. Выраженіе Евы въ бесѣдѣ съ зміемъ, гдѣ она говоритъ, якобы имъ воспрещено было не только вкушать отъ плодовъ, но и прикасаться къ сему древу, — между тѣмъ какъ послѣдняго нѣтъ въ словахъ заповѣди, — даетъ разумѣть, что древо запрещенное было уже не разъ предметомъ размышеній и бесѣдъ ея съ мужемъ, и что вслѣдствіе сихъ размышеній и бесѣдъ составилась у нихъ рѣшиимость не только не брать въ руки плодовъ отъ сего дерева, хотя бы то было изъ одного любопытства, но и не подходить къ нему близко, во избѣжаніе всяаго искушенія,

Но, увы, что значитъ рѣшиимость и всѣ наши обѣты!... Явится съ льстивою бесѣдою змій,—и забудется заповѣдь и Законодатель; бросится похотливый взглядъ на плодъ запрещенный, и выйдетъ изъ памяти самая смерть!...

Но, какъ послѣдуетъ искушеніе, увидимъ въ слѣдующій разъ: а теперь скажемъ еще иѣсколько словъ о заповѣди. Видите ли теперь ся необходимости? Она служить къ тому, чтобы посредствомъ ея обнаружить совершенство человѣка и способность или неспособность къ его высокому предназначению. Устояніе человѣка въ семъ опытѣ утвердило бы волю его въ добрѣ и сдѣжало бы неприступнымъ для новыхъ искушеній. Видите ли теперь невинность самого дерева запрещеннаго: оно послужило къ смерти не по какой либо ядовитости своей, а потому, что человѣкъ не соблюль заповѣди; само же по себѣ оно могло и, по намѣренію Божію, ложенствовало служить къ жизни, обнаруживъ совершенства первозданного человѣка. Если бы онъ устоялъ въ искушеніи; то, вѣроятно, снято было бы и запрещеніе съ дерева, и оно, наряду со всѣми древами райскими, отдано было бы въ его власть и употребленіе. Такимъ образомъ и въ семъ случаѣ совершенно вѣрно то, что сказалъ Апостолъ о законѣ Моисеевомъ: *заповѣдь убо свята и праведна и блага* (Рим. 7, 12)!...

Благое ли убо, скажемъ словами того же Апостола, *бысть ти смерть? да не будетъ: по грѣхъ, да явится грѣхъ благиль ти сдѣвая смерть, да будетъ попрелногу грѣшень грѣхъ заповѣдю* (Рим. 7, 13). Насъ погубило не дерево, не заповѣдь, а мы сами—наша свобода, то есть, ея злоупотребленіе. Вообразимъ,

что не было ни заповѣди, ни древа запрещенаго: развѣ человѣкъ не могъ, и безъ нихъ, уклонить своей воли отъ Бога и сдѣлаться грѣшникомъ? Въ немъ самомъ, въ его умѣ и совѣсти, была уже не одна заповѣдь, а весь законъ; каждая изъ сихъ заповѣдей могла быть нарушена, и нарушение каждой сопровождалось бы смертію. Ибо оброцы грѣха — всякаго, внѣшняго и внутренняго, — слерть (Рим. 6, 23)! Чтобы убѣдиться въ семъ совершенно и оставить навсегда ропотъ на заповѣдь и на запрещенное древо, вспомнимъ судьбу Денница и его паденіе. Предъ нимъ,— на небѣ,—не было ни древа съ запрещенными плодами, ни змія съ искушеніемъ; однакоже онъ палъ самимъ ужаснымъ образомъ,—прельщеній самимъ собою. Подобное могло быть и съ человѣкомъ. Такова участъ существъ свободныхъ, что они изъ своей воли могутъ дѣлать, что ни захотятъ. Но если бы намъ самимъ предоставлено было выбирать образъ нашего паденія, то гораздо лучше было — пасть прельщенными со внѣ, какъ бы не хотя и бывъ увлечены обманомъ, нежели какъ если бы мы открыли источникъ зла въ самихъ себѣ. Тогда и съ нами, можетъ быть, произошло бы тоже самое, что послѣдовало съ духами отверженными, то есть мы потеряли бы самую способность быть поднятыми изъ бездны. Аминь.

СЛОВО

ІІ ПАТОВИ НІ ПІДДІЛ РОДИМОГО ПОСТА.

О ЗМІЄ-ИСКУСИТЕЛІВ.

В прошедший разъ, братіе, мы обращались мыслями нашими въ царствѣ растеній,—между лесъ райскихъ: ибо среди ихъ находился предметъ заповѣди, данной для нашего испытанія; шиї мы должны войти въ кругъ царства животныхъ; ибо изъ ихъ сонма взято искусителемъ орудіе для обольщенія нашихъ прародителей. Такимъ образомъ въ великому опыте, который первому человѣку надлежало пройти для своего усовершенствованія, дано было участвовать — каждому своимъ образомъ—всѣмъ царствамъ природы, какъ бы въ доказательство и видимое выраженіе того, что въ лицѣ человѣка, яко владыки, рѣшалась судьба всего дольняго міра, ему подвластнаго. Устоявъ въ испытаніи, пребывъ вѣрнымъ волѣ Творца своего и Благодѣтеля, Адамъ не только самъ утвердился бы въ добрѣ, но возвысилъ бы собою доброту и изящество всѣхъ низшихъ тварей, приблизивъ ихъ чрезъ себя къ Источнику всѣхъ совершенствъ — Богу. Низпавъ же съ высоты богоподобія въ зміиную пропасть лжи и грѣха, прародитель нашъ не только самъ пострадалъ отъ паденія и потерялъ множество совершенствъ, но яко глава и средоточіе міра дольняго, разстроилъ въ себѣ и съ собою благоустройство всѣхъ частей его и остановилъ всѣ твари на пути, естественнаго всѣмъ имъ, стремленія къ совершенству. Посему-то, какъ замѣчаетъ св. апостолъ Павелъ, со временемъ паденія нашихъ прародителей, не только терпимъ и злостраждемъ мы, потомки ихъ;

но и вся тварь совозыхаетъ и сболѣзнуеть намъ даже донынѣ (Рим. 8, 21). Почему совозыхаетъ? потому, отвѣчаетъ онъ, что съ того времени и она, — безъ невинности и свободы чадъ Божиихъ подверглась суетѣ и работѣ истилѣнія. Но обратимся къ сказанію Моисееву.

Змій же бѣ тудрѣйшій всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли, ихъ—же сотвори Господь Богъ. И рече змій женѣ: что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго дерева райскаго (Быт. 3, 1. 2)?

Итакъ, искусствителемъ нашимъ былъ змій, — не пернатое, не звѣрь какой либо, а пресмыкающеся, то самое, которое, какъ бы въ знаменіе причиненной намъ чрезъ него погибели, доселѣ однимъ видомъ своимъ уже производить въ каждомъ изъ насть невольное къ себѣ отвращеніе. Спрашивается: какимъ образомъ животное могло сдѣлаться противникомъ заповѣди Божіей и врагомъ человѣку? — Какъ съ природою дерева несомнѣнно быть источникомъ познаній и мудрости для человѣка, такъ съ природою животнаго несомнѣнно сдѣлаться источникомъ и началомъ грѣха въ мірѣ. Грѣхъ можетъ явиться, въ собственномъ видѣ, только тамъ, гдѣ есть разумъ и воля: такъ какъ онъ и есть не что иное, какъ злоупотребленіе разума и воли. И точно, у змія эдемскаго видимъ то и другое: онъ будетъ вопрошать и разсуждать, совѣтовать и предлагать, клеветать и обольщать. Мало сего: бесѣда змія съ Евою показываетъ, что бесѣдующій не только разуменъ, но и такъ хитеръ и опытенъ, что берется быть наставникомъ для самыхъ людей, и такъ золъ, что дерзаетъ явно идти противъ самаго Творца.

Прилично ли все это змію, какъ простому животному? Очевидно, нѣтъ; и по этому уже одному надобно предположить, что въ зміѣ находилось какое либо существо разумное, но злое, которое въ семъ случаѣ захотѣло употребить животное только своимъ орудіемъ, для прикрытия симъ подлиннаго своего существа и вида. Моисей не сказываетъ намъ о семъ потому, что изображаетъ искушеніе такъ, какъ оно было,—по его видимой наружности, лабы мы удобнѣе могли судить, трудно ли было Евѣ устоять противъ обольщенія змінаго; но въ другихъ мѣстахъ писанія явно указанъ намъ этотъ первобытный врагъ и губитель нашъ. При свѣтѣ сихъ указаний, мы знаемъ теперь несомнѣнно, что это былъ тотъ самый злой и богоотступный духъ, который еще на небѣ дерзнулъ возстать противъ Всемогущаго, и за сие возстаніе сверженъ въ преисподнюю: Онъ-то дѣйствуетъ теперь въ зміѣ эдемскомъ и заставляетъ его производить то, что самъ

по себѣ змій, ни другое какое либо животное, никогда бы не могло проишестви.

Что побудило сего духа злобы искать нашей погибели? Всего вѣроютишь, избытокъ въ немъ зла внутренняго. Какъ существу истинно-лоброму пріятно умножать и сообщать другимъ доброе, въ немъ заключающеся; такъ существу злому отрадно распространять и передавать свою злость. Кромѣ сего дѣйствовало и мишеніе. Не имѣя возможности уязвить самаго неприступного лица Божія и прикоснуться къ престолу Всемогущаго, сверженный съ неба и дышущій мишенемъ Архангель покушается помрачить и превратить, по крайней мѣрѣ, драгоценный образъ Божій, сіявший въ первомъ человѣкѣ, дабы погубленіемъ сего нового наперсника и любимца Божія причинить огорченіе Создателю. Могла побуждать діавола на погибель человѣка и самая выгода: ибо, уловляя родъ человѣческий въ сѣти грѣха, онъ умножалъ симъ самымъ числомъ клеветовъ и слугъ своихъ; даже подчиняль адскому вліянію своему все то, изъ чего имѣло состоять будущее владычество Адамово.

Каждой изъ сихъ причинъ и одной достаточно было для того, чтобы подвигнуть противъ насъ весь адъ съ его владыкою: — и потѣ, гордый Леница, для достиженія своей цѣли, забываетъ свое надменіе, входитъ въ бѣдное пресмыкающееся и его устами заходитъ рѣчи съ Евою.

Почему избрали имъ въ орудіе змій, а не другое какое либо животное? Отвѣтъ на сіе выходитъ уже изъ самыхъ словъ Моисея, коими описывается онъ змія-искусителя: змій же бѣ, говорить онъ, *мудрѣйший всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли*. Въ самомъ дѣлѣ, змій и теперь хитростію превосходитъ едва не всѣхъ животныхъ; а до паденія человѣка, до проклятія, отнявшаго у всѣхъ тварей часть совершенствъ, тѣмъ паче у змія, — онъ могъ обладать еще большими способностями. По сему самому змій бытъ удобнѣе другихъ животныхъ и на то, чтобы служить оружиемъ для духа-искусителя, который, не смѣя показаться въ собственномъ своемъ образѣ, искалъ въ орудіе себѣ такое существо, которое, искушая человѣка, казалось бы дѣйствующимъ само отъ себя, а не по чуждому внушенію; ибо въ послѣднемъ случаѣ искушаемый возымѣль бы тотчасъ подозрѣніе, и не дался бы такъ легко въ обманъ.

Все это такъ, подумаетъ кто либо; но для чего было попускать такому ужасному существу, какъ духъ отверженный, дѣйствовать на человѣка въ такую рѣшительную пору, когда судьба его ви-

димо колебалась между небомъ и адомъ? Пусть бы искушало человѣка одно запрещенное древо и собственная его свобода. Для нашей слабости довольно было и сихъ двухъ искусителей.

За то видишь ли, возлюбленный, какъ ограничено это попущеніе! Если самъ духъ злобы является, чтобы искушать насть: то является какъ преступникъ, связанный по рукамъ и ногамъ невидимыми узами. Ему дано дѣйствовать, но не всѣми глубинами злобы и лукавства: хитрости и козни его сокращены, умалены, унижены до образа дѣйствія гада пресмыкающагося; дозволено употребить только одну особенность, превышающую природу животнаго—слово и языкъ человѣческій. Но эта особенность, усиливая, по видимому, искушеніе, въ тоже время могла отнять у него всю дѣйствительность, внушивъ самою неестественностью своею подозрѣніе искушаемой и страхъ опасности. Между тѣмъ искуситель со мнѣ бывъ не безполезенъ для человѣка въ случаѣ самого паденія: ибо, какъ непосредственный виновникъ преступленія, онъ имѣлъ служить (какъ и послужилъ) отводомъ противъ громовыхъ стрѣль правосудія небеснаго, каравшаго преступниковъ заповѣди. Искуситель, какъ увидимъ, первый приметъ ихъ на главу свою, и прародителямъ нашимъ останутся на долю молнии, такъ сказать, уже почти угасшія. Во всякомъ случаѣ попущеніемъ образоваться искушенію для прародителей нашихъ со мнѣ предупреждалась ужасная возможность произойти ему извнутрь, изъ самаго духа и сердца ихъ, какъ это произошло нѣкогда въ самомъ искусителѣ. Тогда зло, очевидно, проникло бы глубже въ природу нашу, и исцѣленіе ея отъ яза грѣховнаго сдѣгалось бы, можетъ быть, совершенно невозможнымъ, или стократъ труднѣе.

«Но Всевѣдущій», скажетъ еще кто либо, «не могъ не предвидѣть, что человѣкъ не устоитъ противъ искушенія діавольскаго». Безъ сомнѣнія, предвидѣлъ; но что изъ сего? Вообразимъ, что Онъ равно предвидѣлъ паденіе человѣка безъ искусителя, — отъ него самого: въ такомъ разѣ по тому самому надлежало допустить искушеніе и паденіе человѣка чрезъ искусителя, дабы симъ предотвратить для него паденіе отъ себя самого; подобно какъ искусиные врачи, предвидя внутреннюю смертоносную болѣзнь, стараются отвратить ее произведеніемъ язвы наружной. Притомъ, предвидѣвъ и допустивъ паденіе отъ искусителя, Всевѣдущій предвидѣлъ въ тоже время, или лучше сказать, предположилъ и возстановленіе насть посредствомъ Искупителя. Вообще, мы можемъ быть совершенно спокойны за то, что насть не подвергли

въ Элемѣ опасности напрасно, что отъ насть при древѣ познанія не потребовало болѣше, нежели сколько мы могли понести. Скорѣе потребовано гораздо менѣе: ибо, предопредѣливъ, въ случаѣ паденія нашего, послать единороднаго Сына своего, послать при томъ не на посѣщеніе только насть, какъ Іосифъ посѣщалъ своихъ братиевъ, а на крестъ и смерть за грѣхи наши, любовь Отца небеснаго по тому самому не могла,—осмѣлимся такъ выразиться,—сугубо не помыслить о судьбѣ нашей, то есть, размыслить о ней не только ради насть однихъ, но и ради собственнаго Сына своего. Ибо грозное опредѣленіе за преслушаніе заповѣди: *смертию умреши*, — вслѣдствіе тайны искупленія, — должноствовало пасть уже не на однихъ насть, а и на Него, и на Него еще болѣе, нежели на насть: ибо, умирая яко жертва за грѣхи всего рода человѣческаго, Онъ умеръ смертию самою поносною и самою мучительною.

Теперь надлежало бы намъ приступить къ разсмотрѣнію ~~самыхъ~~ дѣйствій змія-искусителя: но собесѣданіе наше уже и безъ того продолжилось значительно; а настоящій день призываєтъ насть къ другому—къ исповѣди и покаянію.

Думаете ли, братіе мои, что лукавыи и всезлобный искуситель оставитъ насть въ покоѣ и допуститъ совершиться исповѣди и покаянію нашему, какъ должно? Нѣтъ, *человѣкоубийца* искони (Іоан. 8, 44) ничего такъ не боится въ падшемъ человѣкѣ, какъ истиннаго покаянія, и ничему такъ не старается ставить преграды, какъ исповѣди: ибо твердо знаетъ, что это—смерть ему въ насть. Посему, когда совѣсть наша будетъ внушать намъ тяжесть нашихъ грѣховъ и представлять гнѣвъ Божій и казнь вѣчную, онъ заговорить внутрь насть совершенно противное: что грѣхъ напр. есть вещь маловажная, что Существу высочайшему нѣтъ до поступковъ нашихъ никакого дѣла, что Богъ милосердъ, что намъ рано еще перестать угодждать себѣ и своимъ пожеланіямъ, что теперь особенно самая обстоятельства наши не благопріятствуютъ тому, чтобы намъ перемѣнить свои нравы и жизнь, что на это будетъ время послѣ, и лучше и удобнѣе. Блюдитесь, братіе мои, подобныхъ мыслей: это—навѣты змія; отъ нихъ погибли прародители наши; отъ нихъ же гибнемъ, и если не возьмемъ мѣръ рѣшительныхъ, то навсегда погибнемъ и мы. Не будемъ, подобно виновнымъ прародителямъ нашимъ, убѣгать подъ тѣнь древесную; не будемъ сокрывать язвъ совѣсти, нечистотъ сердца, когда Господь, насть взыскующій, гласомъ служителя Церкви воззоветъ къ намъ: *Адаме, гдѣ еси?* Оставимъ

у прага церковнаго всѣ смоковничныя препоясанія, всѣ предло-
ги, вымышиаемые нашею грѣхолюбивою природою къ извиненію
неправдѣ. Явимся предъ Всевѣдущаго со всею наготою и бѣд-
ностю нашею, и речемъ: се азъ и грѣхи мои! Некого мнѣ ви-
нитъ въ нихъ, кромѣ себя самого. Не смотря на всю слабость
природы моей и на всѣ искушенія отъ міра и плоти, чувствую,
что при каждомъ изъ нихъ могъ я устоять въ чистотѣ и прав-
дѣ, еслибы только восхотѣлъ того и оградился, какъ должно,
благодатию Твою. Но я небрегъ, окаянный, о своей душѣ и со-
вѣсти; не только не уклонялся зла: нерѣдко самъ искалъ его.
И се, прихожду къ Тебѣ, врачу душѣ и тѣлесъ, прихожду не-
чистый, помраченный и уязвленный, съ знаменіемъ отверженія
во всемъ существѣ моемъ. Нѣтъ у меня ни единаго права на
милосердіе Твое: я—сынъ гнѣва и клятвы! И если бы мнѣ над-
лежало предстать предъ Тебя, яко Творца и Господа моего, яко
Судію и Мздовоздаятеля; то я ужъ осужденъ и низложенъ мо-
ею совѣстю: мнѣ оставалось бы обратиться къ горамъ и безд-
намъ и молить ихъ: да сокроютъ меня отъ лица правды и сла-
вы Твоей! Но я зрю посредѣ земли знаменіе спасенія для всѣхъ
грѣшниковъ—крестъ Сына Твоего! Яко Спаситель міра, Онъ
пришелъ взыскать и спасти не праведныхъ, а подобныхъ мнѣ
грѣшниковъ. Вижду руцѣ Его, со креста простертыхъ ко всѣмъ,—
и гряду! Пріими заблудшаго, нечистаго, оскверненнаго, убитаго
грѣхомъ и преступленіями, но кающагося, желающаго быть чи-
стымъ, здравымъ и вѣрнымъ Тебѣ, Господу моему. Покрой
самъ наготу мою, самъ очисти скверну души и тѣла моего,
разгони тьму, меня обышедшую, сними узы грѣха, меня гнетущія,
коснись моего сердца и преложи его изъ камня въ плоть, ко-
снись моего духа и обнови его силою благодати Твоей, утвер-
ди на камени заповѣдей Твоихъ слабыя нозѣ мои, огради мя
страхомъ суда Твоего, да помилованій, очищенный, освящен-
ный, не возвращусь паки николиже на стропотный путь грѣха и
беззаконія. Аминь.

БЕСЪДА

ВЪ СРѢДУ 2-ІІ ПОДІИ Великого поста.

И рече змій женѣ, что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго дерева райскаго; и рече жена змію: отъ всякаго дерева райскаго ясти будемъ: отъ плода же дерева, еже есть посредъ рая, рече Богъ, да не ясте отъ него, ниже прикоснетесь сму, да не умрете. И рече змій женѣ: не смертю умрете. Вѣяша бо Богъ, ико въ онъ же лицъ лено сиѣсте отъ него, отверзутся очи ваши и буздете, яко Бози, вѣдяще доброе и лукавое. (Быт. 3, 1—5.)

 вы, какъ не многаго стоило погубить насть! Ибо вотъ все, чѣмъ діаволь низринулъ въ бездну прародителей нашихъ! Для обольщенія насть не употреблено ни знаменій, ни чудесъ, а только сказано нѣсколько словъ,— и мы не могли устоять противу нихъ! И какія это слова? Такія, что ихъ, казалось, могъ побѣдоносно отразить даже отрокъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто повѣригъ пынѣ, чтобы Творецъ могъ, какъ клевещеть змій, запретить человѣку что либо по зависти и изъ опасенія, дабы онъ не сравнялся съ Нимъ въ совершенствахъ? На такую клевету всякихъ готовъ съ отвѣтомъ, что у всеблагаго Бога не можетъ быть зависти, и что, съ другой стороны, человѣку нельзя быть вторымъ Богомъ: ибо два Бога невозможны. Столъ же странно было думать, чтобы сего невозможнаго совершенства можно было достигнуть вкушениемъ отъ плодовъ какого бы то ни было дерева. И тутъ многіе и изъ насть тотчасъ сказали бы, что никакой въ свѣтѣ плодъ древесный не можетъ сдѣлать этого. Между тѣмъ прародительница наша,—хотя и не одними сими мыслами и обѣщаніями, а и собственнымъ любопытствомъ и са-

мымъ видомъ древа,—но тронется и увлечется, какъ увидимъ, до того, что, забывъ заповѣдь Божію и страхъ смерти, простретъ руку свою къ плоду запрещенному!... Не знѣкъ ли это, подумаетъ кто либо, что прародители наши находились по уму своему въ состояніи еще не вполнѣ совершенномъ, и что потому они не вполнѣ же способны были вынести того искушенія, коему подвергнуты?

Нѣтъ, думать такимъ образомъ значило бы обвинять Провидѣніе Божіе въ томъ, что оно вывело на сраженіе воина, не снабдивъ его достаточно ни силою, ни оружіемъ. Такъ не поступаютъ и благоразумные изъ людей, кольми паче Богъ всеблагій и премудрый. Если человѣкъ подвергнутъ искушенію; то потому, что могъ побѣдить его. Почему же не побѣдилъ? Потому, что не захотѣлъ побѣдить. Почему не захотѣлъ? Потому, что обладалъ свободою и допустилъ чувственности затмить въ себѣ разсудокъ. При такомъ затмѣніи и нынѣ самые высокие по уму люди становятся иногда неразумнѣе малыхъ дѣтей, и совершаютъ такія дѣла, о коихъ каждый невольно спрашивается: какъ эту странность могъ сдѣлать такой умный человѣкъ?—«Но при самомъ затмѣніи разсудка отъ чувственности», возразишь, «какъ можно было повѣрить такимъ невѣроятностямъ, какія говорилъ змій? Такое довѣріе не совмѣстно съ предполагаемымъ совершенствомъ первыхъ людей.» А въ чемъ, скажи, состояло это совершенство и до чего простидалось?—Мы не должны умалять его, но не должны и преувеличивать: то и другое равно повело бы насъ къ мыслямъ неправильнымъ. Въ чемъ же состояло совершенство первыхъ людей, если смотрѣть на него безъ преувеличенія?—Въ томъ, во-первыхъ, что въ нихъ не было никакого природного недостатка и порчи; въ томъ, далѣе, что они снажены были прекрасными способностями душевными и тѣлесными; въ томъ, въ третьихъ, что вся природа ихъ была предрасположена къ добру и естественно отвращалась отъ всякаго зла; въ томъ, наконецъ, что въ душѣ ихъ, яко въ природномъ своемъ храмѣ на землѣ, всегда присутствовала благодать Божія, исполня ихъ чувствомъ небеснаго довольства и радости. Но при всей чистотѣ и благонастроенности, прародители наши не только не были, подобно Ангеламъ, утверждены въ добрѣ, но не имѣли еще и той нравственной твердости, какую имѣютъ нынѣ святые Божіи человѣки, кои, узнавъ худость грѣха изъ опыта, отвращаются отъ него, какъ отъ зла уже извѣданнаго. Съ сей стороны нагубность грѣха стократъ болѣе извѣстна даже для каждого

иаъ нась, иежели сколько была она въдома для нашихъ прародителей. Преимущество горькое для нась и печальное, но, въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ, весьма важное! Не имѣя его (а его нельзя было имѣть безъ опыта), первый человѣкъ по тому самому былъ довѣрчивѣе къ самому невѣроятному. Надѣ нимъ—шь извѣстномъ смыслѣ—сбылось то, что ап. Павелъ замѣтилъ о любви, что она *всему вѣру емлетъ*; потому что сама, говоря всегда правду, не можетъ безъ особеннаго усилия и представить, чтобы кто либо могъ говорить неправду. Подобный взглядъ на состояніе Адама въ раю имѣлъ св. ап. Павелъ, когда писалъ къ Коринѳянамъ: *бояся, да не како, яко же злїй Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разулы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. и, 3). И въ Эдемѣ была сего рода простота,—благая, вожделѣнная, чистая, святая,—но не имѣющая еще чувствъ, обученныхъ долгимъ учениемъ въ различеніи добра и зла (Евр. 5, 14), которая по сему самому могла, прошедъ опытъ, обратиться въ искусство духовное и въ разумную непреклонность ко злу, но увлекшись чувственностью, могла также, хотя безъ злаго намѣренія, взять совѣту змія, забыть заповѣдь и вкусить отъ запрещеннаго дерева.

Скажутъ, въ такомъ разѣ повременить бы искушеніемъ. Но доколѣ же временить? Изъ такого неопределѣленного состоянія простоты, иначе и нельзя было выйти окончательно, какъ посредствомъ опыта же и искушенія; чрезъ сто, двѣсти лѣтъ оно было бы тоже, доколѣ не сдѣлано опыта. И Ангелы на небѣ, если утвердились въ добрѣ, то также послѣ своего рода опыта, то есть, послѣ возмущенія Люцифера, когда, имѣвъ случай къ соблазну и искушенію, преодолѣли его, и такимъ образомъ отошли навсегда отъ той роковой черты, которая предъ каждымъ свободнымъ существомъ отдѣляетъ, такъ сказать, небо отъ ада.

Послѣ сихъ предварительныхъ замѣчаній, братіе мои, понятнѣе будетъ, какъ змій-искуситель позволяетъ себѣ говорить совершенную ложь и выдавать за вѣрное вещи несбыточныя, и какъ прародительница наша не закрываетъ отъ нихъ, при самомъ началѣ, своего слуха.

Теперь перенесемся мыслю въ Эдемъ, и приложимъ вниманіе къ бесѣдѣ нашей прародительницы съ искусствителемъ.

По всему видно, что это несчастное собесѣданіе происходило у самого дерева познанія: ибо послѣ того, какъ прельщенная жена рѣшилась преступить заповѣдь, тотчасъ сказано: *и вземши яде*—отъ того, то есть, дерева, которое находилось непосредственно-

но предъ нею, и къ коему стоило только простереть руку. Значить, Ева, до бесѣды съ зміемъ, сама собою подошла къ опасному древу. Почему и зачѣмъ? Потому ли, что оно стояло на пути, или весьма близко къ жилищу прародителей? Послѣдняго не видно, не изъ чего заключить и о первомъ: посему невольно приходитъ мысль, что это было въ Евѣ е́ва ли не слѣдствіемъ какого-то любопытства, которое вообще такъ свойственно природѣ нашей, и отъ коего доселѣ бываетъ не мало бѣдъ и искушений.

Итакъ, праматерь наша теперь—предъ запрещеннымъ древомъ!... А змій давно тамъ; и, можетъ быть, не разъ готовился къ нападенію, только не находилъ къ тому случая. Теперь онъ явился, — и злобный врагъ пользуется имъ со всею хитростію.

И рече злій: что яко рече Богъ, да не снѣсте отъ всякаго древа райскаго?

Въ словахъ сихъ—хитрость на хитрости. Рѣчь заводится не прямо о заповѣди и запрещенномъ древѣ, которое предъ глазами Евы; нѣтъ, змію до этого нѣтъ какъ бы никакого дѣла;—онъ только, пользуясь случайно встрѣчею Евы, хочетъ узнать объ одномъ предметѣ, который давно лежитъ у него на сердцѣ и тревожить его,—не за него самого, а за Адама и Еву;—а именно, что бы такое значило, что Богъ запретилъ имъ вкушать отъ всѣхъ плодовъ райскихъ? Жалѣть сихъ плодовъ, кажется, нечего: ихъ такъ много! да и чего они стоять Богу? Почитать ихъ вредными нельзя; они такъ видимо прекрасны и добры въ сиѣды! Наказывать такимъ образомъ Адама и Еву не за что: они не сдѣлали еще ничего противозаконнаго. А между тѣмъ ихъ положеніе становится отъ того даже для другихъ существъ страннымъ и жалкимъ. Быть въ саду, называемыя господами Эдема, и не смѣть поднять руки, чтобы сорвать плодъ съ дерева!... Тутъ, явно, кроется какая либо тайна и намѣреніе: что же бы все это значило? *Что, яко рече Богъ, да не снѣсте отъ всякаго древа райскаго?*

Такимъ образомъ, начало разговора было, по видимому, совершенно невинно и естественно. Змій усердствуетъ Адаму и Евѣ, какъ своимъ владыкамъ; думаетъ, что ихъ состояніе хуже, нежели какъ оно есть;—и спрашивается. Ошибается, въ своемъ предположеніи; но ошибается, такъ сказать, отъ избытка усердія. Какъ послѣ сего не вразумить заблуждающаго, и не сказать ему, что онъ напрасно лумаетъ, яко бы Богъ запретилъ Адаму вкушеніе отъ всѣхъ деревъ райскихъ, что подобному запрещенію

подвергнуто только одно дерево? Такого вразумлениј требовали и признательность за усердіе и самая честь Божія, дабы змій не думалъ болѣе, что Іохъ-Творецъ слишкомъ строгъ и нелюбosoобщителенъ.

Одно, по видимому, могло удержать Еву отъ бесѣды съ зміемъ—это его способность говорить, несвойственная животному. Такая необыкновенность, казалось бы, должна изумить ее, и заставить пригласить мужа, или, по крайней мѣрѣ, первѣе всякаго отвѣта, спросить змія: откуда явилось у него слово? Но во-первыхъ, что необыкновенно теперь—для настъ, то, можетъ быть, не такъ необыкновенно было въ Эдемѣ; то есть, можетъ быть, это было уже не первый опытъ, что существа невидимыя облекались, предъ человѣкомъ, во образъ существъ видимыхъ, дабы тѣмъ удобнѣе входить въ сообщеніе съ нимъ, яко существомъ, хотя нечуждымъ ихъ природы, но до времени принадлежащимъ наиболѣе міру видимому и чувственному. А если явленіе сіе было и необыкновенно; то самая необыкновенность въ свою чреду тотчасъ могла возродить любопытство, и желаніе вступить въ начатую со стороны змія бесѣду, дабы узнать, что будетъ далѣе. Даже могла возбудиться мысль: не есть ли такое необыкновенное и возвышенное состояніе змія слѣдствіемъ вкушениј отъ плода запрещеннаго? Въ такомъ случаѣ еще естественнѣе было желаніе продолжать бесѣду съ зміемъ, дабы узнать поскорѣе тайну завѣтнаго дерева. И вотъ Ева, не медля, отвѣтствуєтъ искусителю.

И рече жена злію: отъ всякаго дерева райскаго ясти будемъ, отъ плода же дерева, еже есть посредѣ рая, рече Богъ, да не ясте отъ него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете.

Слова сіи еще такъ невинны, что ихъ могъ произнести самъ Ангель. Ибо, что дѣлаетъ Ева? Поясняетъ истину, вразумляетъ невѣдущаго змія, защищаетъ, хотя не прямо, отъ нареканія своего Творца и Благодѣтеля. Ибо сказать, что говоритъ теперь она, значило тоже, что сказать: напрасно, змѣй, беспокоишься за настъ; твоему вопросу вовсе нѣтъ мѣста: Богъ не давалъ такого страннаго и строгаго запрещенія, какъ ты думаешь.—Одно только неожиданіо въ словахъ Евы: заповѣдь Божія о деревѣ познанія добра и зла является въ устахъ ея съ прибавленіемъ, кото-раго въ ней не было; а именно, Богъ не запрещалъ прикасаться къ дереву, какъ говорить Ева, а только повелѣлъ не вкушать отъ плодовъ его. Откуда же явились слова сіи у Евы? Не погрѣшилъ, если, въ слѣдъ за учителями Церкви, скажемъ, что они произошли въ ней отъ страха смерти въ сердцѣ, а страхъ

сей отъ тайной наклонности къ запрещенному дереву. Не предосудительное чувство и страхъ — дасть бы Господь, чтобы мы хотя по страху оставались вѣрными заповѣдямъ Господнимъ!— но въ сердцѣ Евы можно было ожидать другаго чувства господствующаго, высшаго и лучшаго, то есть, любви и уваженія къ своему Творцу и Благодѣтелю. Посему, сими немногими прибаочными словами едва ли не обнаруживалась, невольно и непримѣтно для самой Евы, тайна ея душевнаго состоянія.

Змѣй тотчасъ примѣтилъ, что праматерь нашу въ повиновѣніи Богу держитъ наиболѣе страхъ смерти;—и тотчасъ со всею силою ринулся на сю ограду, чтобы, опровергнувъ ее, овладѣть легковѣрною женою. *И рече злїй: не смертію умрете: вѣдяше до Богъ, яко въ онъже день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко Бози, вѣдяще доброе и лукавое.*

Заговорить такимъ языкомъ значило ужебросить съ себя всѣ личины; ибо кто говорить такимъ образомъ, тотъ явно показываетъ себя уже не тѣмъ, чѣмъ представлялся прежде, не существомъ, мало знавшимъ дѣло и потому вопрошавшимъ, а такимъ всевѣдцемъ, коему извѣстна вся *тайна* дерева и заповѣди болѣе, нежели самому Адаму и Евѣ, который былъ какъ бы въ совѣтѣ самаго Бога и знаетъ истинную причину, почему воспретилъ Онъ Адаму вкушеніе отъ сихъ плодовъ. И какая это причина? Не сожалѣніе о немъ, по причинѣ какой либо опасности для него отъ плодовъ дерева (въ нихъ, напротивъ, чудное свойство—отверзать у вкушающихъ очи и дѣлать ихъ богоподобными!); а опасеніе и зависть, чтобы Адамъ, питаясь такою чудесною пищею, не узналъ всего и не сравнился съ своимъ Творцемъ: То есть, какъ въ прежнихъ словахъ змія была хитрость на хитрости, чтобы только благовидно завязать съ Евою рѣчъ; такъ въ настоящихъ словахъ была клевета на клеветѣ, дабы прямо соблазнить ее на вкушеніе отъ запрещенныхъ плодовъ: только, какъ тамъ, такъ и здѣсь, все продолжаетъ дышать мнимымъ доброжелательствомъ къ человѣку и усердiemъ къ возвышенію его благосостоянія. И вы вѣрите сему, какъ бы такъ говорить змїй,— думаете, что дерево запрещено по причинѣ опасности отъ смерти? Какъ вы просты и недальновидны!— Умереть отъ этихъ плодовъ! Напротивъ, кто вкушаетъ ихъ, у того отверзаются очи, и онъ становится подобнымъ Богу, получая рѣдкую и чудную способность—знать добро и зло. Богъ вѣдалъ это, и вотъ причина запрещенія—Ему не угодно, чтобы вы сравнились съ

Нимъ!... Судите послѣ сего, стоить ли хранить такую заповѣдь и лишать себя—произвольно—такого совершенства?

Боже мой, воскликнетъ при семъ ктолибо, и эту ложь и клевету можно было выслушать равнодушно? И жена не отвратила своего слуха? Не поразила змія? Не возвратилась тотчасъ къ своему мужу?—Гдѣ любовь къ Творцу и Благодѣтелю? Гдѣ вѣра слову Его? Гдѣ стыдъ и совѣсть? Гдѣ самый страхъ смерти?

Очевидно, не было уже въ душѣ и сего спасительного страха,—этого послѣдняго якоря среди возставшей въ душѣ бури помысловъ. Куда дѣвался онъ? Исчезъ среди волнъ сомнѣнія, возбужденного словами искусителя, которое, какъ темное облако, тотчасъ обняло всю душу, не дая видѣть за собою ничего, кроме рокового дерева. Отъ каждого изъ словъ змія рождалось множество мыслей, одна другой мрачнѣе, и каждая закрывала собою въ душѣ свѣтлый ликъ Отца небеснаго.—Такъ вотъ тайна заповѣди, думала долупреклонная уже, но еще не совершенно падшая, праматерь наша. Кто изъ насть могъ проникнуть въ это? Значитъ, предъ нами, въ нашихъ рукахъ, давно находится средство быть яко Бози;—и мы, по невѣдѣнію, не пользуемся симъ драгоцѣннымъ средствомъ! Другія существа, даже зміи, сожалѣютъ о насть; только мы одни не знаемъ своего состоянія! Что бы изъ насть было уже доселѣ, если бы мы не были такъ прости!

Если искуситель, произнесши ужасныя слова, заставилъ въ тоже время змія вкушать отъ плодовъ сего дерева; то это еще болѣе могло расположить Еву къ мысли, что змій совершенно правъ, что напрасно говорено Богомъ, яко бы за вкушенiemъ отъ него слѣдуетъ смерть; вѣроятнѣе напротивъ, что въ деревѣ кроется чудная способность сообщать вѣдѣніе; ибо змій, отъ него вкушающій, не только остается въ живыхъ, но и обладаетъ отъ этого особенною мудростію.

Надлежало ожидать, по ходу бесѣды, что праматерь наша скажетъ, что либо въ отвѣтъ и на сіи послѣднія слова змія, отразить ихъ до времени чѣмъ либо, или пожелаетъ доказательствъ на его клевету: если же они подѣйствовали на нее рѣшительно, то возьметъ тотчасъ плодъ и вкусить. И однакоже ни того, ни другаго не было. Ева ничего не говоритъ змію,—знакъ, что слова его не нашли въ ней противорѣчія; не тотчасъ вкушаетъ и отъ плода запрещеннаго,—знакъ, что она находилась еще въ состояніи нерѣшимости. Состояніе души, подобное тому, когда внезапною бурею оборваны уже въ корабль снасти, со всѣхъ

сторонъ проникаетъ въ него вода, но кормило еще въ рукахъ кормчаго; стоить только не терять духа, удвоить усилия, взять мѣры противъ разщелинъ въ кораблѣ, переждать опасную минуту,—и потопленіе избѣгнуто. Какъ останется безъ дѣйствія эта драгоценная возможность спасенія, какъ довершится наша погибель и торжество врага, увидимъ послѣ; а теперь извлечемъ изъ видѣннаго какой-либо урокъ въ наше назиданіе.

Видите, съ чего началась опасность? Съ того же, съ чего на морѣ, во время лѣтняго полудня, начинаются бури опасныя. Среди чистаго неба является вдали малая, темная точка. Опытные мореплаватели, замѣтивъ это, тотчасъ даютъ кораблю направление, отличное отъ того, куда она движется. Иначе въ нѣсколько минутъ точка сія возрастетъ въ огромное облако, набѣжть на корабль и можетъ сокрушить его. Такъ и здѣсь. На свѣтлой душѣ Евы появился полусвѣтлый вопросъ змія: *что яко рече Богъ?* Вопросъ самъ по себѣ еще, какъ мы видѣли, невинный: но посмотрите, какъ онъ скоро возросъ въ темную тучу сомнѣній! Такъ опасны самые невинные, по видимому, вопросы и недоумѣнія касательно вѣры! Начнешь благонамѣренымъ, по видимому, испытанiemъ, а кончишь явною хулою на Провидѣніе; ибо путь сомнѣній какъ спускъ съ крутой горы въ низъ: первые шаги ровны и тихи, но послѣдующіе невольно ускоряются сами собою до того, что и хотѣлъ бы уже остановиться, но не можешь. Особенно опасенъ путь сомнѣній для неопытныхъ, какою была и праматерь наша. Но Еву, въ замѣнъ неопытности, много ограждала еще отъ опасности невинность и чистота души, коихъ въ насъ нѣтъ. Нечистую душу, напротивъ, въ семъ отношеніи должно уподобить храминѣ, въ коей по всѣмъ угламъ разбросано множество разныхъ горючихъ веществъ; посему одна упавшая искра какого-либо сомнѣнія тотчасъ разливаетъ огонь по всей душѣ. Въ такомъ случаѣ откуда берутся вопросы и недоумѣнія! Душа становится подобна горѣ огнедышащей, изъ коей вылетаютъ и дымъ и пламя, вода и камни, подъ коими въ нѣсколько минутъ погребается невозвратно то, надъ чѣмъ трудились многіе годы.

Что же, подумаетъ кто либо, ужели не надобно размышлять о заповѣдяхъ Божіихъ? Нѣтъ, мы не говоримъ сего, а только хотимъ внушить, что узнавать достоинство и пользу сихъ заповѣдей всего лучше не пытливымъ размышлениемъ объ ихъ причинахъ и цѣляхъ, а вѣрнымъ и постояннымъ исполненіемъ заповѣданнаго. Что сказалъ бы тебѣ опытный врачъ, предписавшій ле-

карство на твою болѣзнь, еслибы ты сталъ сомнѣваться о немъ и фолософствовать? Примите, онъ сказалъ бы, лекарство, какъ предписано, и тогда судите по его дѣйствіямъ. Сего въ-правѣ требовать отъ насъ и человѣкъ намъ подобный, который можетъ сто разъ ошибиться; колыми паче имѣеть право на то Богъ все-вѣдущій и неложный во всѣхъ словесѣхъ своихъ. Что много думать о томъ, о чёмъ до насъ и за насъ разсуждено самимъ Богомъ? Надобно принимать лекарство, а не мудрствовать о немъ. Посему души простыя ничего не могутъ лучше сдѣлать въ отношеніи къ предметамъ вѣры, какъ, заградивъ слухъ свой на-всегда отъ всѣхъ споровъ и возраженій, ограничиться простымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ и уставовъ св. Церкви. Для сего, можетъ быть, не безполезно будетъ передать вамъ раз-сказъ объ одномъ простомъ, но добромъ и твердомъ христіа-нинѣ, котораго злой духъ хотѣль привести въ сомнѣніе о вѣрѣ. Какъ ты думаешьъ, вопросилъ онъ, о такомъ-то догматѣ? Такъ же, отвѣчалъ онъ, какъ думаетъ св. Церковь. А Церковь какъ думаетъ, продолжалъ искуситель. Такъ же, какъ и я. А ты? Такъ же, какъ и Церковь. На всѣ дальниѣшіе подобные вопросы былъ одинъ и тотъ же прежній отвѣтъ: и діаволъ, не находя мѣста къ уязвленію, отшелъ — посрамленъ. Вотъ примѣръ, какъ должно ограждать себя простымъ людямъ отъ искушеній въ вѣрѣ!

Тѣ же изъ насъ, кои самыи званіемъ, или свойствомъ ума своего, или другими обстоятельствами, поставлены въ необходимости изслѣдывать истины вѣры въ ихъ основаніи и взаимной связи, да дѣлаютъ сіе важное дѣло съ благоговѣніемъ и стра-хомъ, памятуя, что имъ досталось идти опаснымъ и скользкимъ путемъ: да не выпускаютъ они никогда изъ виду злополучнаго примѣра прародительницы нашей, да не забываютъ, что всѣ бѣдствія, отъ коихъ страдаемъ мы, начались съ самаго невин-наго, по видимому, вопроса: *что яко рече Богъ?*

Не наша доля на землѣ знать все: всего не знаютъ и Анге-лы на нѣбѣ.—Самъ Сынъ Божій, находясь во днехъ плоти своея (Евр. 5, 7), сказалъ о Себѣ, что Онъ не вѣдаетъ, когда насту-пить послѣдній день міра (Мар. 13, 32). Намъ ли покушаться на всезнаніе? Придетъ время, спадутъ узы плоти, отнимется за-вѣса чувственности: тогда *узримъ, яко же есть* (1 Іоан. 3, 2), и познаемъ, яко же познани есмы (1 Кор. 13, 12). Аминь.

БЕСЪДА

ВЪ ПАТОВЪ 2-І ВѢДѢДѢИ ВѢДѢВАГО ПОСТІ.

И видѣ жена, яко добро древо въ сиѣдѣ и яко угодно очима видѣти, и красно есть, еже разумѣти (Быт. 3, 6).

Между наклонностію прародительницы нашей къ паденію и самымъ грѣхопаденіемъ была, какъ мы видѣли въ прошедшій разъ, минута недоумѣнія и нерѣшимости. И внявъ змію, мы не вдругъ еще простерли руку къ плоду запрещенному. Что именно было въ эту минуту на душѣ Евы, единъ Богъ вѣстъ. Но, явно, было не то, что должно; явно, что мы не умѣли употребить сей драгоцѣнной минуты въ свою пользу.

Что бы надлежало сдѣлать намъ среди обышедшей нась тѣмы клеветъ и подозрѣній змішныхъ? Надлежало отвратить взоры отъ змія и древа, устремить ихъ горѣ—къ Богу, и въ Его совершенствахъ и благодѣяніяхъ намъ искать успокоенія сердцу, мятущемуся сомнѣніями. Такимъ образомъ, безъ труда, нашлось бы все, что нужно къ угашенію разжеченныхъ стрѣлъ сатаны. Ибо, возможно ли, чтобы Творецъ всесовершенный позавидовалъ въ чемъ-либо своей твари? Чтобы Всеблагій запретилъ плоды древа потому, что вкушеніе отъ нихъ могло поставить человѣка на высшую степень совершенства? Развѣ не въ Его волѣ было не вызывать нась на свѣтъ изъ ничтожества? Что мы бытіемъ своимъ могли придать къ Его безпредѣльнымъ совершенствамъ?—Но Онъ возлюбилъ нась еще несущихъ: извлекъ изъ небытія и украсиль — не только умомъ и волею, но и самыми

образомъ своимъ; сдѣлалъ владыками рая и всей земли, и предназначилъ къ господству надъ прочими тварями. Это ли зависть и недоброхотство?—А ты, проклятый искуситель, что сдѣлалъ для насъ доброго? Чѣмъ доказалъ истину своего мнимаго усердія? Развѣ тѣмъ, что клевещешь теперь на Бога и хочешь погубить насъ, коварный? Но твоя злоба и лукавство не останутся безъ казни.—Кто бы ты ни былъ—простой змій, или хуже змія, мы возвѣстимъ о тебѣ Всемогущему, и будемъ молить, да не являешься ты никогда среди мирнаго жилища нашего. Тогда—предъ лицемъ Его—повторяй, если можешь, ужасную клевету твою; а мы—рабы Господни и вѣруемъ слову Его болѣе, нежели собственнымъ очамъ нашимъ.

Подобныя мысли могли бы разсѣять всѣ недоумѣнія и спасти злополучную праматерь нашу отъ пополновенія ко грѣху. Но сіи мысли остались безъ употребленія. Почему?—Потому что умъ искушаемой Евы обратился совсѣмъ въ другую сторону. Ибо съ душею нашей бываетъ тоже что и съ тѣломъ: куда обратишься съ мыслю, то и видишь; а что назади тебя, то, такъ бы ни было близко, какъ будто не существуетъ для тебя. Это самое послѣдовало и съ Евою: она отвратилась мыслю отъ Бога, безъ всякаго, впрочемъ, еще намѣренія преступить заповѣдь Его,—и обратила весь умъ свой къ запрещенному древу,—тоже еще безъ определенного намѣренія вкусить отъ плодовъ его, а только какъ бы ища въ немъ или подтвержденія, или опроверженія на то, что говорилъ о немъ змій. Хотя это было уже крайне опасно, но все еще не составило бы полной бѣды, если бы Ева могла смотрѣть на дерево просто, не пред занятая мыслями змія, безъ тайного предрасположенія найти въ немъ то, что обѣщалъ отъ него искуситель. Ибо, что же такое было въ самомъ деревѣ, чтобы нельзя уже было посмотретьъ на него безъ того, чтобы не рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ вкусить отъ плодовъ его? Особенного совершенства въ сравненіи съ другими деревами райскими, тѣмъ паче въ сравненіи съ деревомъ жизни, предполагать въ немъ, какъ мы видѣли прежде, нельзя. Посему на него совершенно безопасно можно было смотрѣть тому, у кого око было чисто и не затмено чувственнымъ вожделѣніемъ. Но такой чистоты взгляда и свободы отъ чувствъ у насъ уже не было. Злополучная жена,—сама не вѣдая,—будетъ смотрѣть на дерево сквозь то стекло, которое поставилъ предъ нею искуситель. Посему ей представится въ деревѣ и плодахъ его то, чего никогда не представлялось прежде и не представится послѣ.

И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, яко угодно очила, еже видѣти, и красно есть, еже разумѣти.

Вотъ сколько вдругъ новостей и открытий! Что Апостолъ усматриваетъ въ цѣломъ мірѣ, говоря, что все еже въ мірѣ, есть похоть плотская,, похоть очей и гордость житейская (Іоан. 2, 16), то Ева теперь находитъ въ одномъ бѣдномъ деревѣ. А отъ чего? Отъ того, что смотрить на него, какъ мы сказали, въ увеличительное стекло собственного чувственного вожделѣнія, такое стекло притомъ, которое подкрашено дыханіемъ зміинымъ. Все это, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, служить доказательствомъ, что жена, принявши онъ пагубный совѣтъ зміевъ, и свое стараніе приложила, тѣмъ, то есть, что не удалилась тотчасъ отъ дерева, а еще такъ прилежно со всѣхъ сторонъ рассматривала его. Таковъ вообще путь искушеній: сначала онъ широкъ и съ него много выходовъ въ разныя стороны; потомъ становится уже и тѣснѣе, и выходовъ менѣе; наконецъ образуетъ надъ человѣкомъ какъ бы сводъ со стѣнами, такъ что по неволѣ надобно идти, хотя и согнувшись, далѣе. Ева тѣмъ скорѣe дошла до послѣдняго предѣла, чѣмъ мысль въ ней была живѣе, и желанія, яко еще неиспорченныя, быстрѣе.

И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, яко угодно очила, еже видѣти, и красно есть, еже разумѣти.

Тутъ уже нѣтъ змія, а вмѣсто его продолжаетъ искушеніе собственная похоть. Змій говорилъ: *не смертію умрете*; похоть продолжаетъ: древо не только не смертоносно, но и добро въ снѣдь. Змій утверждалъ: *въ онъже аще день спѣсте отъ него, отверзутся очи ваши*; похоть присовокупляетъ: *дѣйствительно угодно очила, еже видѣти*. Змій обѣщалъ: *и будете яко Бози, вѣдливѣе доброе и лукавое*; похоть потверждаетъ, и какъ бы уже видить на дѣлѣ, тоже самое: *и красно есть, еже разумѣти!*

Вотъ сколько новыхъ соблазновъ и поводовъ ко грѣху! А отъ чего? Все оттого, что праматерь устремила взоръ не туда, куда слѣдовало,—не къ Богу, на небо, а на землю, къ дереву. Когда бы она, какъ мы прежде замѣтили, тотчасъ удалилась отъ опаснаго мѣста, то не было бы ничего подобнаго. Не напрасно одинъ изъ пророковъ чувства наши называетъ окнами, чрезъ которыхъ входитъ въ душу смерть. Теперь войдетъ ими именно смерть. Хорошо зналъ это св. Іовъ, когда почиталъ нужнымъ полагать завѣтъ очамъ своимъ, чтобы не взирать на запрещенное. Ева не положила сего завѣта и тѣмъ нескажанно усилила сама для себя искушеніе.

Но неужели Ева безъ мужа рѣшится кончить дѣло, столь важное? А онъ можетъ еще поправить его, образумить легкомысленную, удержать долупреклонную. Напрасная надежда! Змій не ждетъ, похоть очесь сейчасъ требуетъ удовлетворенія, древо, кажется, само преклоняется долу съ плодами. Тутъ ли медлить? испытать его теперь же,—обрадовать внезапностю супруга,—усвоить себѣ честь открытия, столь важнаго:—и вземише отъ плода древа, яде!...

Яде. Выраженіе, показывающее полноту дѣйствія; то есть, не отвѣдала только, вкусила, а съѣла то, что взяла съ дерева. Мы не знаемъ заподлинно, какой это былъ плодъ: но видно, что вкушеніе его продолжалось не одно мгновеніе, а нѣкоторое время, можетъ быть, и не малое, если плодъ былъ не малый. Сего и надлежало ожидать какъ отъ любопытства, такъ и отъ чувственнаго вожделѣнія, кои дѣйствовали теперь въ Евѣ.

Будемъ ли винить и осуждать праматерь нашу за все это? Но чтобы имѣть хотя малое право на сіе, надобно прежде доказать, что мы поступили бы на ея мѣстѣ лучше. А кто изъ наасъ въ состояніи сказать это? Увы, мы знаемъ уже всю ядовитость грѣха, и однако же не престаемъ увлекаться имъ! Ибо хотя мы живемъ уже не въ Эдемѣ, и первобытнаго дерева жизни нѣть предъ нами; но древъ познанія добра и зла и доселѣ много по всему миру. При каждомъ изъ нихъ слышится древняя заповѣдь: *въ онъже день синѣте отъ него, спертию умрете!* Но многихъ ли изъ наасъ удерживаетъ отъ грѣха это грозное предостереженіе? Прародительница наша единожды токмо простерла руку къ плоду запрещенному, а мы простираемъ ее стократно—во всю жизнь нашу. Самыя бѣдствія отъ грѣховъ нашихъ не могутъ удержать наасъ отъ нихъ. Видяты нерѣдко, что поступаютъ крайне худо; чувствуютъ, можно сказать, внутрь себя смерть и пагубу отъ плода запрещеннаго; и, не смотря на сіе, продолжаютъ повторять одинъ и тотъ же грѣхъ, какъ бы не вѣря собственнымъ своимъ ранамъ. Не будемъ же столь дерзки и безразсудны, чтобы роптать безумно на прародительницу нашу, памятуя, что мы сами повторяемъ непрестанно тоже самое. Посмотримъ лучше на то, какъ намъ вести себя среди искушеній, дабы не попадаться въ сѣти врага. Для сего выйдемъ изъ Эдема и пойдемъ въ пустыню Іорданскую; ибо что потеряно нами въ раю сладости, то паки обрѣтено для наасъ на мѣстѣ слезъ и воздыханій.

Мы хотимъ указать вамъ, братіе, на примѣръ Господа и Спасителя нашего и на Его побѣду надъ искушителемъ, во время

четыредесятидневного поста Его въ пустынѣ. Искушениe Спасителя и искушениe прародителей нашихъ, очевидно, состоятъ въ тѣсной связи между собою. Вторый Адамъ подвергся искушению, безъ сомнѣнія, не за Себя, а для вознагражденія преступленія Адама первого: потому и самыи видѣ Его искушения весьма похожъ на тотъ, отъ коего пала теперь Ева, съ тѣмъ только различіемъ, что врагъ явился предъ Спасителемъ уже не въ видѣ змія, какъ искушалъ насъ, а въ собственномъ своемъ лицѣ. Притомъ, что для Евы сосредоточено было въ плодахъ одного дерева, то діаволъ для Искупителя раздробилъ, такъ сказать, на три приема, дабы, если не подѣйствуетъ одинъ, употребить съ успѣхомъ другой. *Аще Сынъ еси Божій, руы камепію селу, да хлѣбы будуть:* вотъ первое искушение! Можете судить, какъ долженъ быть казаться добрь въ сиѣдѣ хлѣбъ изъ камней, послѣ того какъ про-веденено было въ постѣ четыредесять дней! *И постави Его на крылѣ церковномъ, глаголя: аще Сынъ еси Божій, верзия пизу!* Вотъ второе искушение, не менѣе привлекательное для обыкновенного самолюбія человѣческаго. Ибо въ какое удивленіе пришелъ бы весь Іерусалимъ, увидѣвъ Іисуса, свергшагося безвредно долу съ такой высоты, съ которой страшно было и посмотретьъ внизъ! Во истину и это красно было, еже разумѣти опытомъ. *И показа Ему вся царствія міра и славу ихъ, глаголя: сія вся тебѣ дамъ, аще падъ, поклонишися:* вотъ третіе искушение, столь же сильное; ибо для того, кто не имѣлъ во всю жизнь гдѣ подклонить главу, долженствовало быть весьма уголно—видѣть весь міръ, со всѣми благами и красотами его, подлежащими своей власти!

Что же Искупитель нашъ? У Него нѣтъ, какъ у Евы, полысловъ многихъ, а единая только неизмѣнная мысль о святой волѣ и славѣ Отца небеснаго. Когда искуситель хочетъ обратить вниманіе Его на предметы дольніе, Онъ всякий разъ обращается при семъ горѣ, къ Отцу и отъ Его свѣтлого лица взимаетъ отвѣтъ врагу. На предложеніе о хлѣбахъ, Онъ отвѣчаетъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будеть человѣкъ, но о всякому глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.* На предложеніе вергнуться низу, говорить: *не искусиши Господа Бога твоего.* Предложеніе царствъ міра, съ подчиненiemъ за господство надъ ними врагу, отражаетъ словами: *Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши.* И всѣ отвѣты заключены повелительнымъ гласомъ: *Иди за мною, сатано!* А Ева пустила его предъ собою, какъ вождя и руководителя, пошла за нимъ легкомысленно,—и погибла.

Но вмѣстѣ съ этою твердостію и съ симъ величіемъ Спасителя, смотрите, какое въ Немъ глубокое смиреніе! Онъ ничего не говоритъ діаволу отъ своего лица, а все заимствуетъ изъ слова Божія, поражаетъ его такимъ образомъ мечемъ нерукотвореннымъ: *пи-сано до есть, писано до есть*, отвращая нась своимъ примѣромъ отъ той самонадѣянности, съ коею праматерь наша вступила въ бесѣду съ искушителемъ, и подая намъ примѣръ смиренія, коимъ всего скорѣе побѣждается гордый противникъ нашъ. Весьма полезно посему и для насть имѣть въ памяти своей запасъ изречений св. писанія, дабы въ случаѣ искушенія тотчасъ можно было употребить ихъ къ отраженію стрѣль вражіихъ. А кто не можетъ сдѣлать сего, тотъ въ семъ случаѣ дѣлай, покрайней мѣрѣ, вотъ что: первѣе всего устреми мысль къ Богу и проси помоющи; ибо сами по себѣ, мы, какъ трость вѣтромъ колеблемая, легко можемъ увлечься и пасть, безъ помоющи свыше. Во-вторыхъ, если можешь, то закрой глаза и бѣги отъ предмета и мѣста искушенія. Ибо и Ева, если бы тотчасъ удалилась отъ дерева и змія, то не вкусила бы плода. А когда нельзя удалиться вѣнчно, то старайся по крайней мѣрѣ быть далѣе внутренно, то есть, не обращай, подобно Евѣ, взора и мыслей на предметъ искушенія; старайся не видѣть и не знать его; иначе и тебѣ, въ минуту искушенія, можетъ показаться онъ стократъ привлекательнѣе, нежели каковъ есть на самомъ дѣлѣ. Когда мы будемъ такимъ образомъ блести себя и сражаться со врагомъ, чѣмъ можемъ, сражаться и призываТЬ на помощь Господа; то быть не можетъ, чтобы нась оставили безъ услышанія: ибо Господь, какъ увѣряетъ слово Божіе, никогда не попускаеть намъ быть искушаемымъ паче, нежели можемъ понести. Аминь.

БЕСЪДА

ІІІ СРУДУ З-Ї ВІДДАЛ ВУДИЧНОГО ПОСТІ.

И вземши отъ плода его (Ева), яде; и даде мужу своему, и ядоста (Быт. 3, 6).

реступленіе заповѣди Божіїй прародительницею нашою было уже крайне важно и пагубно для настъ: но дѣло паденія нашего не было еще симъ кончено. Въ лицѣ Евы пала только одна половина рода человѣческаго, и при томъ слабѣйшая. Адамъ еще не участвовалъ въ преступленіи заповѣди. Можно было надѣяться, что онъ, яко мужъ и глава, устоитъ противъ искушенія. Но, увы, самая надежда эта была уже такова, что почти надлежало опасаться неисполненія ея. Ибо много ли было бы радости, еслибы Адамъ и не палъ, когда согрѣшила уже Ева?—Тѣмъ, кои были такъ неразрывно сопряжены въ состояніи невинности и блаженства, трудно было раздѣлиться и въ наказаніи за него. Взаимный союзъ прародителей такъ былъ неразрывенъ и глубокъ въ основаніи его, что происшедшее въ одномъ не могло въ тоже время не отражаться и въ другомъ, такъ что вмѣстѣ съ Евою, можно сказать, предниспалъ уже и Адамъ. Симъ именно, ничѣмъ другимъ, объясняется та скорость и, такъ сказать, беспрекословность, съ коими, по описанію Моисея, падаетъ прародитель нашъ. Ева, по крайней мѣрѣ, бесѣдуетъ съ зміемъ, рассматриваетъ запрещенное дерево, недумѣваетъ, борется съ собственными мыслями, и потомъ уже простираетъ руку къ плоду; въ Адамѣ не видимъ ничего подоб-

наго: ему подаютъ плодъ, онъ беретъ его, какъ обыкновенный, и вкушаетъ; то есть, дѣло происходитъ такъ, какъ бы уже не могло быть иначе. *И даде мужу своему, и ядоста.*

Впрочемъ, не должно думать, чтобы все это произошло совершиенно молча: ибо иначе Адамъ и не зналъ бы, какой подаютъ плодъ, слѣдовательно, и вкушая его, не былъ бы виновенъ въ преступлениі заповѣди. Ева разсказала, конечно, о своей встрѣчѣ и бесѣдѣ съ зміемъ,—какъ послѣдній открылъ ей мнѣмую тайну запрещеннаго дерева, какъ подѣствовалъ на нее самый видъ плодовъ его и что вкушеніе отъ нихъ не только не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго, но и сопряжено съ удовольствиемъ. А это все, по необходимости, заставляетъ предполагать, что въ Евѣ, по вкушеніи отъ гибельного плода, дѣйствительно на первый разъ не произошло ничего явно худаго, тѣмъ паче мучительного: иначе какъ бы рѣшилась она поднести собственными руками супругу своему ту отраву, которая терзала ея внутренность?—Въ послѣднемъ случаѣ она скорѣе отвратила бы своего супруга отъ вкушенія гибельныхъ плодовъ; хотя бы онъ, по любви къ ней, и захотѣлъ раздѣлить ея печальную участъ.

Изъ этой мнимой безвредности плодовъ запрещенныхъ должно было составиться для Адама новое и сильное искушеніе. Видя жену, и по вкушеніи отъ нихъ, оставшуюся въ живыхъ, безъ особенной видимой перемѣны на худшее, онъ легко могъ подумать, что если обѣщаніе змія чрезвычайныхъ дѣйствій отъ сихъ плодовъ и преувеличено; то и угроза смертію за него также несоразмѣрна съ истиной; что дерево если и не божественно, какъ увѣрялъ змій, то и несмертоносно, какъ объявлялось въ заповѣди Божіей. Съ другой стороны, если бы и оставались какія-либо сомнѣнія въ душѣ Адама; если бы и готовы были причины къ возраженію на слова Евы, и представлялась удобность показать, что она въ заблужденіи: то уже поздно было врачевать зло; дѣло сдѣлано невозвратно; плодъ сорванъ и вкушенъ Евою; осталось только или предоставить падшую самой себѣ, или раздѣлить съ нею тяжесть грѣхопаденія. Любовь къ Богу не устояла предъ любовью къ женѣ: и Адамъ предпочелъ послѣднее!...

И даде мужу своему, и ядоста. Значитъ, Ева при семъ снова вкусила отъ плода запрещеннаго и такимъ образомъ нарушила заповѣдь Божію какъ бы дважды. Откуда бы ни произошло это,—отъ особенной ли расположенности къ плодамъ запрещеннымъ, или изъ желанія подать симъ примѣръ мужу, во всякомъ случаѣ вина ея чрезъ то усугублялась, а это повлечетъ за собою,

какъ увидимъ, и наказаніе сугубое. Но, если Ева виновнѣе въ томъ, что первая открыла сердце свое искусителю, первая вкусила отъ запрещеннаго древа, и она же увлекла примѣромъ своимъ мужа, снова вкушивъ для сего предъ нимъ отъ плодовъ его; то Адамъ въ свою очередь виновнѣе жены тѣмъ, что яко глава жены, долженствуя быть руководителемъ ея, легкомысленно увлекся ея предложеніемъ, и почти безъ всякаго размышенія преступилъ ту заповѣдь, которую непосредственно принялъ отъ самого Бога. Въ семъ-то, конечно, разумѣ и ап. Павель называетъ одну Еву обольщенною (1 Тим. 2, 14), и одного Адама преступникомъ заповѣди (Рим. 5, 12. 14. 19).

Взглянемъ теперь на самый поступокъ прародителей нашихъ. По наружному виду своему, онъ представляется не такъ важнымъ. Ибо что можетъ быть проще, какъ сорвать какой-либо плодъ съ дерева и съѣсть его?—Но когда вникаешь въ сущность сего поступка, то онъ тотчасъ представляется чрезвычайно важнымъ. Почему? Потому во-первыхъ, что въ семъ случаѣ нарушена воля и заповѣдь не человѣка какого-либо, не Ангела или Архангела, а Существа высочайшаго и всемогущаго, нашего Творца и Благодѣтеля; потому, во-вторыхъ, что сей поступокъ обнаружилъ въ прародителяхъ нашихъ множество худыхъ мыслей и чувствъ, и вообще показалъ, что съ богоподобною природою ихъ произошло ужасное превращеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, найдите преступленіе, которое не заключалось бы, явно или тайно, въ этомъ несчастномъ вкушеніи. Невѣріе? Здѣсь не повѣрили ясному и рѣшительному слову своего Творца и Благодѣтеля, и, вопреки заповѣди Его, положились на клевету такого ничтожнаго существа, какъ змій. Гордость? Здѣсь простерлись въ ней до того, что рѣшились сравниться съ самимъ Богомъ. Любостяжательность? Здѣсь, не удовлетворились Эдемомъ и господствомъ надъ цѣлою землею, и не захотѣли предоставить Богу единаго древа. Плотоугодіе и невоздержаніе? Они-то наипаче и погубили насъ; ибо древо первѣе всего показалось добрымъ въ снѣдь. Ненависть и злоба? Но любятъ ли того, чью заповѣдь преступаютъ такъ безумно, и у кого хотятъ отнять, если бы то было возможно, самое владычество?

Такимъ образомъ, нѣть грѣха, который бы, явно или тайно, не заключался въ первомъ грѣхѣ прародителей нашихъ. Если когда, то въ семъ случаѣ имѣли всю силу слова Апостола: *иже согрѣшишъ въ едиполь, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10).

Не должно забывать и того, что человѣкъ, вкушая отъ плода

запрещенного, видимо рѣшался не на оскорблѣніе только своего Создателя, а и на собственную погибель; ибо ему прямо и ясно было сказано: *въ онъже аще день сиѣсте отъ него, смертю умрете.* Послѣ сего простерть руку къ плоду значило тоже, что простерть ее къ своей смерти.

И все это не удержало насъ! И на все сіе мы рѣшились! И все что мы сдѣлали!.... О солнце, для чего ты не померкло въ ту минуту предъ праматерію нашею, чтобы показать ей опасность? Земля! для чего ты не сотряслась подъ стопами ея, когда она простирала свою руку? Древа райскія! зачѣмъ вы не преклонились до земли и не удержали ее? Древо познанія, зачѣмъ ты само не обнаружило тайны, въ тебѣ скрывавшейся?

Но что могла сдѣлать неразумная, подчиненная закону необходимости тварь, когда одаренный разумомъ владыка ея злоупотреблялъ своею свободою? Ея долгъ будетъ раздѣлить съ нами несчастныя слѣдствія нашего паденія; не ея дѣло было управлять нашею свободою и остановить ея дѣйствіе. Сего не восхотѣль сдѣлать самъ Творецъ. Ибо, разъ давши человѣку свободу, отказавшись, такъ сказать, въ отношеніи къ ней отъ всякаго принудительного всевластія, Онъ никогда уже не возьметъ дара своего назадъ. Великое, братіе мои, дѣло бытъ существомъ свободнымъ! Это въ нѣкоторомъ смыслѣ значитъ—быть подобнымъ Богу!... Ибо, по свободѣ, каждый человѣкъ, самый бѣдный и послѣдній, можетъ каждую минуту дѣлать то, чего во всю вѣчность не въ состояніи ни разу сдѣлать вся совокупность существъ неразумныхъ, со всемъ громадностю ихъ силъ и разнообразiemъ свойствъ; потому что существа сіи, яко неразумныя, всѣ подчинены закону необходимости и не могутъ уклониться отъ того пути, по коему велѣно идти имъ. Человѣкъ, напротивъ, каждую минуту можетъ перемѣнить свои мысли и дѣйствія, устремляться горѣ и долу, на лесно и шуе, слѣдовать истинѣ или лжи, избирать добро или зло. Такимъ образомъ, хотя, подобно другимъ тварямъ, онъ созданъ изъ ничего всемогуществомъ Божіимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ, посредствомъ употребленія своихъ способностей и силъ, можетъ и долженъ быть какъ бы творцемъ своей судьбы.

Познаемъ же, братіе мои, собственное преимущество, возблагоговѣемъ предъ величиемъ дара, насть украшающаго, и престанемъ расточать сокровище свободы безразсудно. Ибо это даръ столь же опасный, какъ и великій. Мы можемъ въ каждую минуту, по свободѣ, дѣлать что угодно; но возвратить изъ сдѣлан-

наго ничего не можемъ. Всякій поступокъ нашъ остается при томъ не одинъ, а произведши изъ себя безконечный рядъ дѣйствій по виду своему. Каждое благое дѣйствіе наше во всю вѣчность будетъ производить изъ себя рядъ дѣйствій благихъ; а злое—злыхъ и несчастныхъ. Посему на какой поступокъ ни рѣшаешься ты, человѣкъ, помни, что ты рѣшаешься на то, что пребудетъ вѣчно. Поступая легкомысленно, и въ сей жизни мы уже часто наказуемся жестоко за наше легкомысліе: рады бы иногда отдать все, чтобы возвратить иной поступокъ, но невозможно. Въ вѣчности же, куда мы должны прейти чрезъ смерть, будемъ страдать отъ сего стократъ болѣе: ибо взоръ нашъ на худость прошедшихъ грѣхопаденій нашихъ сдѣлается несравненно яснѣе, и чувство отвращенія къ нимъ живѣе. Будемъ видѣть, какъ грѣхи наши, подобно намъ самимъ, не умираютъ, а живутъ въ своихъ злыхъ послѣдствіяхъ; и между тѣмъ не въ состояніи будемъ ничего сдѣлать къ уничтоженію ихъ. Посему, изъ жалости къ самимъ себѣ, будемъ, братіе мои, употреблять свободу воли нашей съ крайнею осмотрительностю во всемъ; постараемся при томъ избѣгать не однихъ великихъ, по своему размѣру, преступленій, но и малыхъ нарушеній закона Божія, памятая, что и первый грѣхъ, погубившій всѣхъ насть и все вокругъ насть, состоялъ, по вѣшности своей, не въ погашеніи солнца или луны на небѣ, а въ сорваніи съ дерева и вкушениіи запрещеннаго плода. Аминь.

БЕСЪДА

ВЪ ПАТОКЪ З-Й ВѢДѢДЪ ВѢДѢВІАГО ПОСТІ.

И отверзоша очи обѣма, и разумѣша, яко нази бѣша, и сшиста себѣ препоясаніе (Быт. 3, 7).

 то это? Ужъ не говорилъ ли змій въ самомъ дѣлѣ правды? Ибо вотъ, чѣмъ угрожалъ Господь, то, по видимому, не сбылось надъ нашими прародителями; а что обѣщалъ змій, то является. Господь сказалъ: *въ онъже аще день сиѣстѣ, смертю умрете:* а Ева и Адамъ живы!... Змій обѣщалъ: *въ онъже аще день сиѣстѣ, отверзутся очи ваши;* и вотъ, они дѣйствительно отверзлись!... *И отверзоша очи обѣла.* Судите посему, какъ злохитро придумано было искушеніе, когда, и послѣ паденія искушаемыхъ, оно все еще какъ бы оправдывается опытомъ....

Но, братіе мои, если когда и гдѣ, то въ семъ случаѣ не должно останавливаться на поверхности вещей, а надобно проникать въ ихъ глубину и сущность. Надъ прародителями сбылись, по видимому, слова искусителя: но въ какомъ видѣ? Въ томъ ли, какъ обѣщалъ онъ? Совершенно въ противномъ. Змій обѣщалъ вмѣстѣ съ отверзеніемъ очей человѣку вѣдѣніе божественное: *отверзутся очи ваши и будете яко Бози, вѣдяще доброе и лукавое.* А теперь что видѣть человѣкъ сими ново отверстыми очами? Видѣть одну свою наготу и бѣдность, то есть, видѣть то, что лучшее бы никогда не видѣть, и чего прежде дѣйствительно не видѣли прародители наши, потому что не были такими, какъ теперь. *И отверзостася очи обѣла, и уразумѣша, яко нази бѣша.*

«Все же однако въ семъ случаѣ употребляются, скажешь, обѣ Адамъ и Евѣ тѣ-же самыя слова, кои употреблены зміемъ?» Точно, употребляются тѣ-же слова, но въ какомъ смыслѣ? не въ томъ, въ какомъ употреблены искусителемъ, а въ другомъ, противномъ. Св. писаніе имѣетъ обычай называть отверзеніемъ очей у человѣка то состояніе, когда онъ увидитъ и замѣтитъ что либо такое, что давно было при немъ, только онъ не видѣлъ и не примѣчалъ того, подобно какъ и мы говоримъ: —у меня раскрылись тогда-то глаза: то есть, я увидѣлъ то, чего прежде не видѣлъ и не подозрѣвалъ, хотя и могъ видѣть. Особенно же употребляемъ и мы подобное выраженіе въ случаѣ открытаго обмана или хитрости, прежде непримѣченной, — опасности, до того непредвидѣнной, въ которую заведены мы кѣмъ-либо. Въ семъ-то смыслѣ говорится теперь и о прародителяхъ, что у нихъ, по паденіи, отверзлись очи; то есть, они увидѣли теперь, куда засвѣль ихъ змій, почувствовали и примѣтили, что съ ними произошла столь же необыкновенная, какъ и несчастная перемѣна, что они хотя тѣ же, повидимому, что и прежде, но на самомъ дѣлѣ далеко не тѣ, а гораздо хуже, что они — наги: *и уразумѣша, яко нази бѣша.*

Примѣчательно однако же, что такое отверзеніе очей и чувство наготы произошло не тотчасъ по вкушениі отъ плода запрещеннаго одною Евою, какъ бы надлежало того ожидать, а теперь, когда вкусили уже отъ сего плода и Адамъ. Почему бы это?... Потому, конечно, что для сего необходимо было полное пробужденіе совѣсти; а она не вдругъ могла пробудиться съ надлежащею силою въ душѣ, занятой удовольствіемъ отъ исполненія своихъ страстныхъ желаній. Ева, какъ мы видѣли, находясь предъ деревомъ, увлеченная льстивыми обѣщаніями искусителя, вся, можно сказать, обратилась въ вождѣївѣнное чувственное, которое и нынѣ, какъ показываетъ опытъ, помрачаетъ силою своею взоръ не только умственный, а даже тѣлесный. Въ такомъ расположении душевномъ, совѣсти неудобно было скоро начать дѣйствовать съ силою. Въ Адамѣ—напротивъ: онъ не былъ у дерева, не страдалъ такъ воспаленіемъ души отъ желанія плодовъ его, не подвергался непосредственному обаянію отъ бесѣды зміиной; по тому самому въ немъ скорѣ возникаетъ и совѣсть, по нарушеніи заповѣди. Между тѣмъ и праматерь наша имѣла уже теперь довольно времени выйти изъ замѣшательства душевнаго и возвратиться къ обыкновенному порядку мыслей и чувствъ. Въ такомъ

состояніи совѣсти не замедлила надъ обоими воспріять права свои: — а съ возбужденіемъ совѣсти тотчась — отверзша очи обѣма, и урадуя мѣша, яко нази бѣша....

Итакъ, первое слѣдствіе грѣха въ прародителяхъ нашихъ, ими примѣченное, было чувство наготы—не боли какой-либо душевной или тѣлесной, а наготы. Если разложить сіе чувство на его составные части; то оно даетъ изъ себя два ощущенія, одно тѣсное—ощущеніе зависимости отъ внѣшнихъ стихій, другое—душевное—ощущеніе внутрь себя стыда и смущенія. Что въ чувствѣ настоящей внѣшней наготы участвовалъ, или паче господствовалъ, теперь стыдъ внутренній, видно изъ того, что Моисей говорилъ о прежнемъ состояніи прародителей до ихъ грѣха: *и бѣста оба нога, и не стыдястася*. Значитъ, теперь устыдились, когда не хотѣли уже болѣе видѣть своей наготы. А что кромѣ стыда, ощущалась теперь вмѣстѣ съ нимъ и потребность къ защитѣ отъ стихій, это покажетъ одежда, въ которую облечетъ Господь грѣшниковъ: ибо она будетъ, какъ увидимъ, не другая какая-либо, а кожаная, то есть, способная къ защитѣ отъ перемѣнъ воздушныхъ. Въ противномъ случаѣ, она была бы слишкомъ тяжела; еслибы, то есть, предназначалась къ защитѣ только отъ собственного стыда.

Но откуда столь великая перемѣна въ прародителяхъ нашихъ, что они, не зная прѣдѣле своей наготы, теперь не только познали это, а и начали искать способа скрыть ее? Явно—отъ грѣха. Какъ и чѣмъ грѣхъ произвелъ наготу? Тѣмъ, что лишилъ человѣка присутствія въ немъ благодати Божіей, которая, проникая и наполняя собою все существо его, дѣлала его неприкосновеннымъ и возвышала надъ всѣмъ дольнимъ. Теперь, послѣ преступленія воли Божіей, божественной силы сей и пренебеснаго обличенія не стало въ человѣкѣ: онъ остался, такъ сказать, одинъ, самъ съ собою, и потому недостаточенъ и нагъ. Это неестественное и плачевное одиночество должноствовало произвести чрезвычайную разницу въ его положеніи. Но вмѣстѣ съ лишеніемъ чрезъ грѣхъ благодати произошло въ человѣкѣ еще другое, не меньшее зло—исчезли единство и порядокъ въ его способностяхъ: тѣло престало повиноваться душѣ, воля уклонилась отъ совѣсти, желанія воспротиворѣчили уму, со всѣмъ существомъ человѣка произошло то, что бываетъ теперь съ тѣломъ нашимъ во время такъ называемой болѣзни разслабленія, или онѣмѣнія тѣлеснаго. При такомъ расчлененіи своей природы и онѣмѣніи своихъ силъ, человѣкъ лишился даже той моціи, которую онъ имѣлъ въ себѣ

по самой природѣ своей, высокой и богоподобной. Поелику же отношение его къ миру виѣшнему и вещамъ зависѣло отъ его собственного отношенія къ Богу и самому себѣ; то съ превращенiemъ послѣдняго отношенія, тотчасъ измѣнилось, по необходимости, отношеніе къ нему и всего виѣшняго міра. Оставаясь въ своей первобытной, такъ сказать, невинности и благонастроеніи, всѣ прочія твари и вещи невольно и неизбѣжно оказались противными и враждебными человѣку, послѣ того какъ онъ сдѣлался преступенъ и потому разстроенъ и безсиленъ. Отсюда должно было произойти въ человѣкѣ множество непріятныхъ для него явлений, кои первѣе всего выразились въ немъ стыдомъ и чувствомъ наготы, то есть, недостатка и безсилія: *разумѣша, яко нази бѣша. Наги* отъ благодати Божіей, которая невидимо облекала собою нашихъ прародителей, а теперь удалилась отъ нихъ, какъ удаляется свѣтъ отъ земли, когда между єю и солнцемъ станетъ темное тѣло; *наги* отъ своей невинности и чистоты, кои также служили для нихъ покровомъ, а теперь были потеряны; *наги* отъ господства надъ стихіями и міромъ видимымъ, который начиналь уже становиться во враждебное отношеніе съ ихъ тѣлеснымъ бытіемъ.

Это новое скорбное чувство лишенія и наготы было такъ сильно, что злополучные прародители немедленно начали искать средствъ, если не избавиться отъ него совершенно, то уменьшить его силу, какимъ-либо прикрытиемъ своего тѣла. *И сииста себѣ препоясаніе.* Не цѣлую одежду, которой вдругъ неудобно было и составить, а одно препоясаніе, для коего веществомъ могли служить листья тѣхъ же деревъ райскихъ. Такая одежда удовлетворяла по крайней мѣрѣ тому, что, при чувствѣ наготы тѣлесной, казалось наиболѣе требующимъ покрова. До такой скучности и умаленія дошелъ вдругъ богоподобный владыка земли! Смотря умственно на Адама и Еву, какъ они поспѣшно рвутъ листья дре-весные и неопытными еще въ семъ дѣлѣ руками творять себѣ, смущенные, препоясаніе, нельзя не воздохнуть горько и не восплакать о ихъ злополучномъ жребіи: ибо это малое препоясаніе вполнѣ выражало собою всю глубину ихъ паденія.

Междуду тѣмъ, видите ли, братіе мои, откуда произошли всѣ наши *одежды?* Это—слѣдствіе нашей нечистоты и преступленія воли Божіей! Это плодъ нашего слѣпаго послушанія змію и безумной вражды съ Іогомъ. Это—всегдашній съ тѣхъ поръ трауръ по нашему первобытному состоянію невинности и блаженства! А мы, неразумные, забывъ все это, позволяемъ себѣ тщеславиться оде-

жлою; обратили въ предметъ отличія и гордости то, что должно служить для нась всегдашнею укоризною! Ахъ, отличаться множествомъ одѣждъ не то же ли значитъ, какъ и тщеславиться множествомъ знаковъ нашего рабства, нашихъ немощей, нашего грѣхопаденія? Прародители, облекаясь потомъ въ одѣжду, безъ сомнѣнія, всякий разъ вспоминали со вздохомъ о томъ блаженномъ состояніи, когда они были наги и не стыдились. Такъ бы надлежало поступать и всѣмъ намъ. Когда по утру надѣваешь на себя одѣжду, приводи себѣ на память первый грѣхъ нашъ, который сдѣлалъ ее для тебя необходимою. Когда вечеромъ слагаешь туже одѣжду, преносись мыслю къ будущему воскресенію изъ мертвыхъ, когда паки не будетъ нужды ни въ какомъ одѣяніи. Отъ сего сугубаго постояннаго воспоминанія вѣрно умалится, если не исчезнетъ совсѣмъ, несчастная охота твоя къ безразсудному щегольству платьемъ: ты будешь употреблять его, какъ печальнуу необходимость, и престанешь искать отличія въ томъ, что для всѣхъ нась должно служить къ стыду и въ укоризну.

Посмотримъ теперь на другую сторону нашего предмета. Обѣщаніе искусителя, какъ мы видѣли, не сбылось ни мало, а послѣдовало противное тому; но не сбылась, по видимому, и угроза Божія, ибо сказано было: *въ онъже день снѣсте отъ него, смертію умрете;* а прародители наши, хотя и подверглись чувству наготы, хотя и ниспали въ очевидно худшее состояніе, но остались однако живы и не умерли; даже будуть оставаться на землѣ въ десять разъ долѣе, нежели сколько живутъ теперь самые долговѣчные изъ насть—ихъ потомковъ. Что же значитъ все сie, и какъ примирить это съ истиной?—Весьма не трудно, если опять вникнуть со вниманіемъ и въ слово Божіе и въ самое дѣло. Не безъ причины, конечно, сказано въ угрозѣ Божіей не просто: умрете или потеряете жизнь, а—*смертію умрете,* чѣмъ проznаменуется какое-то какъ бы обиліе, разнообразіе и продолжительность смерти. Прародители наши, въ сообразность многочастному составу естества человѣческаго, дѣйствительно имѣли подвергнуться за преступленіе свое не одной, а многими смертями, изъ коихъ одна слѣдовала за другою, и какъ бы выходила изъ предшествующей, доколѣ не оканчивалось все гробомъ и тленіемъ. Такъ духу человѣческому предстояла своя смерть, душѣ—своя, тѣлу наконецъ также своя, но каждой части, сообразно значенію ея въ составѣ человѣка, предстояла смерть въ особенномъ видѣ, и не въ одно и тоже время, а послѣдовательно и преемственно. Посему смерть духовная, самая главная и странная изъ смертей,

ибо изъ ней уже происходили всѣ прочія, — послѣдовала тотчасъ по преступленіи, не только въ тотъ же самыи день, но въ тоже мгновеніе: ибо человѣкъ-грѣшникъ, преступивъ заповѣдь Божію, тогда же умеръ въ духѣ для жизни въ Богѣ, лишился благодати и съ нею высшаго начала своей дѣятельности, престалъ дышать Духомъ Божіимъ, потерялъ истинное блаженство и жизнь вѣчную. Смерть въ душѣ человѣка также не замедлила показать своего страшнаго лица—тѣмъ, что всѣ способности душевныя разъединились, превратились, ослабѣли и какъ бы замерли: въ умѣ и понятіяхъ явились мракъ и невѣдѣніе, въ сужденіяхъ—колебаніе и неправильность, въ воображеніи безобразіе и разстройство, въ памяти—забвеніе и смѣшеніе понятій, въ чувствѣ—страхъ и недовольство, въ пожеланіяхъ—нечистота и порча. Тѣло человѣка, яко грубѣйшая часть существа его, менѣе, повидимому, обнаружило свою порчу и смертность, но тотчасъ однако же обнаружило уже тѣмъ, что потребовало одежды для защиты,—знакъ, что надъ нимъ начала уже свое дѣйствіе какая-то сила враждебная и разрушительная. Такимъ образомъ человѣкъ весь—отъ духа до тѣла—отъ высшихъ силъ и способностей до самыхъ низшихъ—подвергся владычеству смерти, сообразно угрозѣ Божіей, тотчасъ по своемъ преступленіи; только сіе владычество,—по самой обширности его,—обнаруживалось не вездѣ и во всемъ вдругъ, а постепенно. Для большаго уясненія сей истины, вообразимъ, что кому-либо угрожаемо было за извѣстное преступленіе немедленнымъ пожаромъ его дома, и пожаръ дѣйствительно начался бы тотчасъ по его преступленіи, только продолжался бы не одинъ день, а нѣсколько, потому что зданіе, по огромности его, не могло сгорѣть въ одинъ день: скажетъ ли кто-либо послѣ сего, что угроза не исполнилась?—Подобное сему было и съ нами: созданная по образу Божію, природа человѣческая заключала въ себѣ такъ много, что смерть, при всей лютости ея, не могла вдругъ равно проникнуть во всѣ составы ея и овладѣть всѣми частями до того, чтобы тотчасъ обратить самое тѣло паки въ землю, отъ нея же взято.

«Но все,—скажетъ еще кто-либо,—угроза Божія смертю, тъ оньже аще день сїѣсте отъ него, какъ будто не исполнилась надъ нами во всей силѣ; все мы какъ будто пощажены за чѣмъ-либо, и намъ дана какъ бы нѣкакая разсрочка въ уплатѣ оброка за грѣхъ, то есть, смерти». Пожалуй, если тебя не удовлетворяетъ вышесказанное, то и мы готовы съ удовольствиемъ согласиться, что съ нами при семъ случаѣ не поступлено со всею

строгостю (и что было бы съ нами въ противномъ случаѣ?); только это снисхожденіе къ намъ нисколько не служить къ напеканію на истину словъ Того, Кто угрожаетъ намъ смертию. Ибо причиною снисхожденія была не слабость угрожавшаго, якобы Онъ не могъ выполнить своей угрозы (долго ли было лишить жизни двухъ человѣкъ, когда и нынѣ каждый изъ насъ можетъ отнять ее у всякаго?), а другая, совершенно другая. Какая? Та, что въ туже самую минуту, когда мы, вкусивъ отъ древа и преступивъ заповѣдь, по тому самому подверглись было смерти, въ туже, говорю, минуту явился за насть Ходатай и Защитникъ, такой Защитникъ, коего гласу нельзѧ было не внять самому правосудію Божію, потому что Онъ не просто ходатайствовалъ за насть, какъ дѣлаютъ люди, не просилъ только и умолялъ, а всецѣло воспринялъ на Себя нашъ грѣхъ и наказаніе за него, то есть, нашу смерть. Вы знаете, братіе мои, кто сей великий Защитникъ и Благодѣтель нашъ: это единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, сей, какъ именуется Онъ у св. Павла, второй Адамъ, такъ благотворно замѣнившій собою для всего рода человѣческаго Адама первого. Онъ-то, говоримъ, принялъ на Себя, еще въ Эдемѣ, и нашъ грѣхъ, и нашу смерть, дабы потомъ, въ скончаніе временъ, явившиесь на землѣ во плоти, взойти за насть (какъ и взошелъ) на крестъ, и смертию своею умертвить на немъ какъ грѣхъ человѣческій, такъ и смерть человѣческую, да избавившиесь, какъ говоритъ Апостолъ, отъ грѣха и проклятия, правдою поживемъ (Рим. б, 10).

Послѣ такого, совершенно съ нашей стороны неожиданного, всемогущаго и крайне благодѣтельного для насть посредничества, естественно должно было уже все измѣниться въ судьбѣ нашей. За снятіемъ съ насть преступленія эдемскаго, сама собою снималась и казнь эдемская: смерть посему не имѣла уже надъ на ми прежняго своего неотразимаго права; ибо грѣхъ нашъ, перешедъ на Ходатая и Искупителя нашего, терялъ въ отношеніи къ намъ свою обвинительную силу. Вслѣдствіе сего, мы могли бы даже вовсе быть освобожденными отъ смерти тѣлесной, если бы она не была нужна для насть же самихъ со многихъ другихъ сторонъ, а всего болѣе для того, дабы служить обузданіемъ нашей чувственности, преградою нашимъ страстиамъ, и чтобы въ противномъ случаѣ, то есть, когда бы грѣхъ не престѣкался въ человѣкѣ смертию, зло, какъ выражается Григорій Богословъ, не стало безсмертнымъ. Посему, оставленная для нашего же блага, смерть есть теперь для вѣрующихъ въ Искупителя не столько

наказаніе, сколько ограда, помошь и врачевство: ею полагается конецъ всѣмъ недостаткамъ и горестямъ нашего узническаго бытія на землѣ; ею довершается въ нѣдрахъ земли очищеніе природы нашей, зараженной ядомъ грѣха; ею наконецъ душа наша какъ бы возвращается къ первоначальному источнику своего бытія, Богу, дабы отъ Него, въ свое время, снова пріять вмѣстѣ съ тѣломъ полное пакибытие, жизнь и блаженство вѣчное.

Падемъ же, братіе мои, предъ Искупителемъ нашимъ и возблагодаримъ Его за величайшее благодѣяніе, оказанное всѣмъ намъ еще въ Эдемѣ, возблагодаримъ и будемъ памятовать, Кому всѣ мы обязаны жизню послѣ того, какъ подпали-было за грѣхъ владычеству смерти. Аминь.

БЕСЪДА

ВЪ СРѢДУ 4-ІЙ ПѢДѢДЪ ВѢДИВІГО ПОСТІ.

И услышаста гласть Бога, ходяща въ раю, по по-
лудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица
Господа посредѣ древа райскаго. И призва Господь
Богъ Адама, и рече ему: Адаме, гдѣ еси? и рече
ему: гласть слышахъ Тебе ходяща въ раи, и убоих-
ся, яко нагъ есмь и скрыхся. И рече ему Богъ: кто
возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы древа, его-
же заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него
яль еси? И рече Адамъ: жена, юже даль еси со мною,
та ми даде отъ древа, и ядохъ. И рече Господь Богъ
женѣ: что сіе сотворила еси. И рече жена: змій прель-
сти мя, и ядохъ (Быт. 3, 8—13).

Какъ ни велико было преступленіе прародителей нашихъ, какъ ни глубока бездна, въ которую съ высоты богоподобія низринулъ насъ врагъ искушитель; но если бъ бѣд-
ственное состояніе наше было не медля сознано и понято нами, какъ должно, если бы вмѣсто бѣгства, скрытности и извиненій, мы сами поспѣшили явиться предъ Господа, исповѣдали предъ Нимъ искренію свои грѣхи, пали со смиреніемъ и любовію къ стопамъ Его и предали бы судьбу свою въ волю Его преблагаго: то, безъ сомнѣнія, намъ отпущено было бы многое изъ того, что теперь, хотя и не ко вреду, а къ пользѣ нашей, такъ сильно тяготѣть надъ нами. Ибо если истинное раскаяніе и внѣ рая преклоняетъ гнѣвъ Божій на милость и производить чудеса ми-
лосердія; то чего не могло бы оно произвести, принесенное въ
раю, у древа жизни, тотчасъ по паденіи, когда ядъ грѣха не

успѣль еще проникнуть насть всецѣло и содѣлать рану нашу такъ лютою и злоказчественною? Исправительное наказаніе за грѣхъ, конечно, не могло быть снято съ насть вовсе; но, по всей вѣроятности, наложено было бы на насть не въ настоящемъ его, такъ грозномъ и улручительномъ видѣ, а въ другомъ, болѣе легкомъ и тихомъ, такъ что, можетъ быть, намъ дозволено было бы всю эпитимію нашу за грѣхъ понести и совершить не на сей, преданной проклятию землѣ изгнанія, а среди тогоже рая сладости.

Но, увы, мы и чувствовали, по видимому, грѣхопаденіе свое и не чувствовали; не хотѣли уже болѣе внимать змію, но не желали видѣть и Господа; стыдились наготы тѣлесной и какъ будто ни во что ставили наготу духовную; сознавали, что съ наими худо, что мы лишились многаго, но все еще думали помочь страшной бѣдѣ своей собственнымъ умомъ и усилиемъ!... *И скрыстася Адамъ и жена его отъ лица Господа посредѣ древа райскаго.*

Таковъ, братіе мои, до сихъ поръ *каждый грѣшникъ!* Таковы всѣ мы! Чтобы почувствовать всю гнусность своихъ грѣховъ, для сего маю нашей, самой тонкой, повидимому, чувствительности, а потребна особенная благодать Божія. Безъ сего, какъ бы ни были мы обременены грѣхами, что бы даже ни терпѣли отъ нихъ въ своихъ дѣлахъ и жизни, въ насть никогда не явится истиннаго чувства раскаянія. Будемъ сознавать и говорить, что мы грѣшники; будемъ являться по временамъ предъ служителемъ алтаря и хладнокровно, а иногда и со слезами, рассказывать о своихъ паденіяхъ; но не достигнемъ того сокрушенія о своихъ грѣхахъ, того *покаянія*, какъ выражается Апостоль, *нераскаяннаго*; во спасеніе, которое состоитъ въ невозвратномъ отвращеніи отъ прежнихъ путей беззаконія, и въ несовратимомъ шествіи до конца жизни по стезямъ заповѣдей Господнихъ. Ибо одно изъ самыхъ гибельныхъ свойствъ грѣха состоить въ томъ, что онъ ослѣпляетъ нашъ умъ, ожесточаетъ сердце и извѣляетъ его нечувствительнымъ къ истинѣ и добру. Чтобы измѣнить насть въ семъ отношеніи, чтобы отнять у нашей души это нечувствіе и онѣмѣніе, для сего потребно дѣйствіе Того, Кто есть *болій сердца нашего* (Іоан. 3, 20), можетъ, какъ выражается слово Божіе, *отъ камня воздвигнутъ чада Аврааму* (Лук. 3, 8).

Судя по такому свойству грѣха и по тому, что прародители хотятъ теперь скрыться отъ лица Божія, нельзя не вывести того

печального заключенія, что если бы Господь не явился имъ по паденію, а предоставилъ ихъ самимъ себѣ; то они, можетъ быть, и никогда, по крайней мѣрѣ, долго не пришли бы въ полное сознаніе своего грѣха, не подумали бы обратиться съ покаяніемъ къ своему Создателю. И что было бы тогда? Ядъ грѣха, неостановленный въ дѣйствіи исповѣдію и покаяніемъ, проникъ бы природу нашу еще болѣе и глубже; а за симъ, по необходимости уже, потребовалось бы для исправленія нашего еще большаго наказанія и горчайшаго врачевства.

Но благъ и милосердъ Господь Богъ нашъ: является *непищущимъ Его и обрѣтается невопрошающимъ о Немъ* (Исаіи. 65 1). Такъ поступилъ Онъ съ нами еще въ Эдемѣ, показуя своимъ примѣромъ, какъ должно поступать и намъ, когда согрѣшишь кто-либо противу насть. *И услышаста гласъ Бога, ходяща въ раи по полуодни: и скрыстася—посредъ древа райскаго.* Напрасно, основываясь на семъ, такъ сказать, бѣгствѣ прародителей отъ Господа, подумалъ бы кто, что явленіе Его сопровождалось чѣмъ либо страшнымъ и поражающимъ: нѣть, хотя забытый, презрѣнныи и промѣненныи, такъ сказать, на змія, Творецъ и Благодѣтель имѣлъ все право явиться теперь, облекшись ужасомъ и грозою; но подобнаго ничего не было. Явленіе Господа и теперь было такъ же кротко, благо и просто, какъ прежде, и имѣло весь видъ посещенія дружескаго. Чтобы не привести въ ужасъ бѣдныхъ и трепещущихъ уже отъ своего жалкаго положенія грѣшниковъ—внезапностію явленія, Господь является даже не вдругъ, а предваряетъ свое свиданіе съ ними хожденіемъ въ раю, то есть, въ нѣкое дали отъ того мѣста, где находились прародители. *И услышаста гласъ Бога, ходяща въ раю.*

Гласъ Бога. Не членораздѣльный, какъ можетъ подумать кто либо, голосъ, ибо бесѣда начнется послѣ,—а нѣкій шумъ, происходящій отъ движенія, къ коему Адамъ и Ева уже до того привыкли, что тотчасъ могли разпознавать и отличать его отъ всего прочаго. Между тѣмъ обстоятельство сіе, равно какъ и слѣдующая за симъ бесѣда Божія съ ними, достаточно показываютъ, что настоящее богоявленіе происходило въ образѣ человѣческомъ. Поелику же изъ трехъ лицъ Божества всего свойственнѣе было принять сей образъ Тому, Кто на самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкогда облечься плотю, то есть, Сыну Божію; то, не безъ основанія, можно сказать, что мы были допрашиваемы и судимы въ раю не другимъ чѣмъ, а самимъ Искупителемъ нашимъ,

и слѣд., не столько судимы и осуждаемы, сколько увидимъ, щадимы и милуемы.

Св. Іыгописатель указуетъ еще при семъ на самое время богоявленія, говоря, что оно послѣдовало по полудни, или точнѣе съ еврейскаго, въ прохладѣ дня, что обыкновенно бываетъ, въ знойные дни, подъ вечеръ. Господь явился и не вдругъ по паденіи, дабы падшіе имѣли время прійти въ чувство и размыслить о своемъ поступкѣ, и недолго спустя, а въ тотъ же самый день, дабы не дать погрузиться имъ въ безчувствіе и нераскаянность. Отовсюду видны были любовь къ намъ и милосердіе!

Но, увы, грѣхъ, содѣлавъ насъ недостойными любви Божіей, въ тоже время отнялъ у насъ способность чувствовать ея цѣну и наслаждаться ею. *И услышаста гласъ Господа, ходяща въ раю, по полудни, и скрыстася, Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога посредѣ древъ райскихъ.*

Скрыстася, то есть, нарочно удалились въ чащу деревъ отъ того мѣста, которое служило имъ обыкновеннымъ пребываніемъ и где находилъ ихъ дотолѣ Господь. Думали, что Онъ поищетъ ихъ, не найдетъ, и возвратится на небо. До того затмилось отъ грѣха въ душѣ понятіе о совершенствахъ Божіихъ, что на Вездѣсущаго, потому только, что Онъ былъ теперь въ ограниченномъ образѣ, взирали яко на обыкновенного человека, отъ кое-го можно убѣжать и скрываться. «Ибо таковъ обычай согрѣшающихъ», замѣчаетъ св. Златоустъ, «что они хотя и не могутъ скрыться, однако скрываются тщатся.»

Надлежало посему взыскать заблудшихъ: и воззвѣ Господь: *Адаме, гдѣ еси?*—Гласъ кротости и дружелюбія: прежнее имя: *Адаме*, и прежняя любовь: гдѣ еси? Можно бы сказать: гдѣ ты, преступникъ заповѣди? Куда бѣжалъ отъ стыда и казни, тебя ожидающихъ? Но ничего подобного, даже и похожаго на то, не было. Вопрошающій какъ будто не вѣдаетъ о происшедшемъ; пришелъ не обличать и судить, а только навѣстить своего любимца и друга; хочетъ видѣть его, побесѣдовать съ нимъ, оставить ему, можетъ быть, новый знакъ любви и благорасположенія; и, не находя его дома, ищетъ и спрашивается: *Адаме, гдѣ еси?*—Гдѣ, въ какомъ ты мѣстѣ, а еще болѣе, въ какомъ ты состояніи? Съ тобою произошло что-то особенное, притомъ нерадостное. Я всегда заставалъ тебя на своемъ мѣстѣ; ты самъ, бывало, спѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу: теперь другое—прихожу и не вижу тебя: что съ тобою? *Адаме, гдѣ еси?*—Такъ глубоко было паденіе наше, замѣчаетъ при семъ случаѣ одинъ св. отецъ,

что самое искренніе Божіе какъ бы потеряло насть изъ виду и принуждено вопрошать: гдѣ мы?

На такой гласть уже нельзя было не отзваться. И вотъ, Адамъ и Ева исходять предъ Господа изъ среды древъ райскихъ, но исходягъ съ препоясаніемъ—не по одному тѣлу, а еще болѣе по лушѣ; то есть, съ несчастнымъ запасомъ извиненій и отговорокъ, кои отнимутъ, какъ увидимъ, едва не всю цѣну у ихъ самопризнанія во грѣхѣ. Чтобы не показаться убѣгающимъ отъ самого Бога, по личному отвращенію отъ Его присутствія, Адамъ спѣшишь объявить причину своего удаленія отъ лица Божія и говорить, что причина сія въ немъ самомъ, и есть не что иное, какъ страхъ отъ своей наготы: *гласть Твой слышахъ и убоихся, яко нагъ есмъ. Убоихся:* наготы надлежало болѣе стыдиться, нежели бояться; но Адамъ приходитъ отъ нея въ страхъ, обнаруживая сімъ, что чувство наготы соединено въ немъ съ чувствомъ нарушенія заповѣди. Примѣчательно также, что хотя скрывался не одинъ онъ, а съ Евою, но упоминаетъ только объ одномъ себѣ, какъ бы Евы вовсе не было съ нимъ. Такъ скоро грѣхъ успѣль уже породить въ человѣкѣ самость, заключить его любовь и попеченіе въ одномъ себѣ и разъединить съ самыми первыми ближними. Тоже самое увидимъ и далѣе—и Адамъ и Ева будутъ извинять только каждый себя одного, да же слагать вину свою другъ на друга, не жалѣя никого, кромѣ себя.

Убоихся, яко нагъ есмъ, и скрыхся. Если я, какъ бы такъ говорить Адамъ, не поспѣшилъ къ Тебѣ на встрѣчу, то это было не по недостатку усердія, не по нежеланію видѣть Тебя; нѣтъ, причина сего не въ Тебѣ, а во мнѣ: я нагъ, мнѣ стыдно и страшно въ такомъ видѣ явиться предъ Тобою: *убоихся, яко нагъ есмъ, и скрыхся.* Тоже самое, хотя о семъ и не говоритъся, было, безъ сомнѣнія, и съ Евою.

Но, признавая въ себѣ такимъ образомъ слѣдствіе грѣха, Адамъ медлитъ однако же признать самый грѣхъ. Чтобы сказать прямо: я скрылся потому, что нагъ: а нагъ потому, что вкусишъ отъ дерева, преступилъ заповѣдь Твою? Сего чувства, сей полной откровенности не было: до самаго конца останемся непрізнателныи, неискреннии и нераскаянны!

Подивимся же, братіе мои, долготерпѣнію Господа. Не смотря на такую неискренность, Человѣколюбецъ все еще помедлитъ обличать и осуждать насть, и новымъ кроткимъ вопросомъ дастъ намъ время одуматься, прийти въ чувство, раскрыть до-

бровольно свои раны и просить на нихъ врачества. *И рече ему Богъ: кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси? Аще не отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ сего единаго не есть, отъ него яль еси?*

Кто возвѣсти? Отъ Меня ты не слышалъ сего; самъ не зналъ о семъ; въ раю некому было сказать этого: какъ же ты узналъ, что ты нагъ? Одно было средство къ тому: не вкусила ли ты отъ дерева запрещеннаго?

Послѣ указанія на дерево нельзя ужъ было скрывать грѣха: и вотъ, уста трепещущаго прародителя нашего разверзаются наконецъ для исповѣди; но самолюбіе и ложный стыдъ тотчасъ портятъ ее суетнымъ извиненіемъ: *и рече Адамъ: жена, юже далъ ми еси, та ми даде, и ядохъ.* Видите, по самой разстановкѣ словъ, гдѣ поставленъ грѣхъ? Въ самомъ концѣ—ядохъ, а напреди и вблизи: жена, за нею Тотъ, который далъ ее.... И для чего все это? Дабы показать, что если Адамъ и согрѣшилъ, то невольно; если въ происшедшемъ и есть какая либо вина, то общая, часть коей падаетъ на самого Бога. *Жена, юже далъ ми еси, та ми даде, и ядохъ.* И самъ, какъ бы такъ говорилъ прародитель, и не думалъ преступать заповѣди; но явилась жена, та самая, которую Ты мнѣ привелъ и назвалъ мою помощницею, подала мнѣ плодъ запрещенный, и я съѣмъ. Какъ было, подразумѣвалось, не съѣсть поданнаго изъ такихъ рукъ? Могъ ли я думать, что погибну отъ той, которая дана Тобою?

Но, злополучный праотецъ, развѣ жена была дана тебѣ въ руководители? Развѣ повелѣно слушать ее, когда бы она подала и плодъ запрещенный? Она слышала о заповѣди изъ твоихъ устъ, и могла еще, пожалуй, думать, такъ ли она выслушана тобою, какъ должно, и понять ли истинный смыслъ ея. Ты напротивъ самъ принялъ заповѣдь прямо отъ Бога, и потому не могъ имѣть въ ней никакого сомнѣнія. А между тѣмъ поступиль такъ же легкомысленно, какъ и она, тебя во всемъ слабѣйшая.

Подобнаго однако же ничего не было сказано Адаму: а поелику онъ ссыпался на жену, то рѣчь обращена къ ней.

И рече Богъ: что сіе сотворила еси? Для чего и сама вкусила и мужа склонила къ тому же, впавъ такимъ образомъ въ сугубое преступленіе заповѣди?— *Что сотворила?*— Чувствуешь ли, какъ важенъ проступокъ твой? Видишь ли безину, въ которую зашла сама и завела мужа?— *Что сотворила еси?...*

И рече жена: змій прельсти мя. *И я, го есъ, не сама за-*

думала зло, а введена въ грѣхъ другимъ. Вольно же— подразумѣвалось—позволять зміямъ брать на себя видъ такихъ злочитыхъ искусителей и говорить такую обольстительную ложь....

Открыто, такимъ образомъ, Адамомъ и Евою то, чего нельзя было уже скрывать долѣе; но открытое опять тотчасъ старались закрыть обвинениемъ другихъ. Выходило,—хотя прямо того и не говорили,—что если виноваты Адамъ и Ева, то не правъ и самъ Законодатель.

Сами чувствуете, братіе мои, какъ неприлично было поступать намъ такимъ образомъ, по преступлениі заповѣди Божіей. Это значило какъ бы заводить нѣкоторымъ образомъ споръ и хотѣть препираться съ самимъ Богомъ, яко бы мы были невинны. Но гдѣ эта невинность? Самая нагота наша, страхъ нашъ не давали ль уже намъ знать, что мы были и совершенно виновны, и совершенно безответственны? Между тѣмъ такая нераскаянность наша вполнѣ обнаруживала, какъ необходимо было для насъ наказаніе. Иначе, что бы могло образумить нашу гордость и обратить насъ къ смиренію и покаянію?

Творецъ и Благодѣтель нашъ не будетъ оправдываться предъ прародителями нашими (это было бы недостойно Его величія), а въ самомъ наказаніи покажетъ имъ, что оно не столько зависитъ отъ Его произвола, сколько само собою прямо выходитъ изъ ихъ преступленія. Это мы увидимъ въ слѣдующій разъ; а теперь обратимся къ себѣ самимъ и посмотримъ, не поступаемъ ли и мы въ подобныхъ обстоятельствахъ такъ же, какъ прародители наши.

И къ намъ, недостойнымъ, послѣ каждого новаго грѣхопаденія, является, можно сказать, самъ Господь; и насть падшихъ посреди рая, еже есть Церковь Христова, взыскиуетъ Онъ, то внутреннимъ гласомъ совѣсти, то внѣшнимъ вѣщаніемъ духовныхъ пастырей нашихъ; изнутрь, говорю, и со внѣ грѣшникъ, если не закрываетъ слуха своего, всегда можетъ слышать древній гласъ: *Адаме, гдѣ еси?*

Какъ же отвѣчаемъ мы на милосердіе Господа, насть взыскиующаго?—Увы, многіе, подобно прародителямъ, явно убѣгаютъ въ семъ случаѣ отъ лица Божія и скрываются; и если бы еще, подобно имъ, скрывались въ чащѣ древъ райскихъ! нѣтъ, убѣгаютъ, можно сказать, въ чащу древъ адскихъ, то есть, въ тьму своихъ гордыихъ и нечестивыхъ помысловъ и дерзкихъ мудрований о таинствѣ покаянія и исповѣди. «Зачѣмъ я пойду на исповѣдь? говорятъ нагло таковые. Кому какое дѣло до моихъ грѣ-

ховъ? Хочу, раскаюсь въ нихъ; не захочу, останусь такимъ, какъ есмъ. Мои грѣхи, мое и дѣло.» Откуда такой несчастный образъ мыслей, какъ не ить ада, какъ не отъ духа злобы, этой древней гордыни, которая потому и неисправима, что не знаетъ смиренія и исповѣди?—Увы, бѣдный грѣшникъ, насть съ тобою тревожить то, что нами занимается, объ насть печется самъ Богъ!... И какъ же бы, скажи, Творецъ могъ забыть и оставить свое твореніе, въ коемъ Его образъ? Сними съ себя, если можешь, сей образъ, и тогда говори, что никому нѣтъ дѣла до твоихъ грѣховъ. И не ты ли взыскиваешь строго съ слугъ твоихъ за неисполненіе твоихъ, часто безумныхъ повелѣній? Господу ли неба и земли не требовать у насть отчета въ исполненіи своего закона, въ коемъ заключены и Его слава и наше собственное блаженство? «Но я вижу во время исповѣди предъ собою не Бога а подобного мнѣ человѣка!» А развѣ бы тебѣ лучше, если бы предсталъ для суда надъ тобою самъ Богъ? Не растаялъ ли бы ты съ твою грѣховою нечистотою отъ неприступной славы Вседержителя? Мусей и Илія не могли взирать на явленіе Его; Ангелы и Архангелы закрываютъ отъ Него лица свои; а мы, нашими больными очами, хотимъ смотрѣть прямо на это Солнце? Предъ тобою въ таинствѣ исповѣди человѣкъ, тебѣ подобный: но онъ посланъ отъ Бога; ему дано право вопрошать тебя и произнести судъ надъ тобою. И какой судъ? Не казни, которую мы стократъ заслужили, а милости и прощенія. И послѣ сего мы будемъ медлить пріять—собственное спасеніе?

Другая, большая часть изъ насть, волею и неволею, является, подобно Адаму, предъ Господа, то есть приходить ежегодно на исповѣдь; но съ чѣмъ? Не съ дѣйствительнымъ раскаяніемъ въ грѣхахъ, не съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ, а съ нечувствіемъ и хладностію, съ извиненіями и отговорками, съ явнымъ почти желаніемъ скрыть свой грѣхъ, если бы то было возможно, не только отъ духовника, отъ самого Бога. Признаютъ, подобно прародителямъ, свои грѣхи; но не чувствуютъ и не видятъ, что въ сихъ грѣхахъ пагуба душевная и вѣчна смерть; говорятъ: *согрѣшилъ—прости*; но не изъ глубины сердца, а по одному обычаю и уставу; даютъ обѣщаніе избѣгать грѣховъ, но безъ внутренней твердой рѣшимости — выполнить обѣщанное. Ссылаются въ извиненіе себѣ то на свое сложеніе и природу человѣческую, то на обстоятельства и положеніе свое въ свѣтѣ, то на примѣры другихъ людей. Какъ будто бы существовалъ какой грѣхъ, отъ коего нельзѧ было удержаться при по-

мощи благодати Божієї! Какъ будто бы собственная польза на-
ша не требовала оставить, если то нужно, все—самое любезное,
рѣшиться на жертвы, самыя тяжкія, только бы не погубить
души своей и не лишиться блаженной вѣчности!....

Престанемъ же, братіе мои, поступать такимъ образомъ,
дабы, въ противномъ случаѣ, самое врачество, то есть, таин-
ство покаянія, не обращалось во вредъ и не служило къ оже-
сточенію нашихъ душевныхъ ранъ и недуговъ. Сбросимъ съ се-
бя всѣ смоковничныя препоясанія; явимся предъ Господа, насы-
взыскующаго, во всей наготѣ грѣховной, и да речетъ каждый:
се азъ и несчастныя дѣла моя! Нѣтъ у меня извиненія о грѣ-
сѣхъ моихъ: могъ я избѣгнуть соблазна, или устоять противъ
него; могъ, если бы захотѣлъ, пребыть вѣрнымъ закону Твоему;
и если падаль стократно, то отъ самого себя, отъ моего легкомыслія,
отъ моей злобы, отъ произвольной нечистоты въ мы-
сляхъ и чувствахъ, отъ того, что не употреблялъ, безразсудный,
тѣхъ средствъ, кои въ избыткѣ даны и указаны мнѣ къ ограж-
денію себя отъ грѣха и соблазна. Чувствую всю тяжесть вины
моей;—и возвергаю надежду на единое милосердіе Твое: поми-
луй мя падшаго! Отселѣ я столько же возлюблю законъ Твой
святый, сколько любилъ прежде беззаконныя удовольствія пло-
ти и міра; такъ же буду внимать совѣсти, какъ слушался досе-
лѣ страстей своихъ. Точію Ты не лиши меня милости и благо-
дати Твоей, и укрѣпи на камени заповѣдей колеблющіяся сто-
пы мои! Твой есмь отнынѣ азъ, спаси мя! Аминь.

БЕСЪДА

ІІ ЗАТОКІ 4-Й ПОДІЛ ВѢДИМІГО ПОСТА.

И рече Господъ Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклять ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ: на персѣхъ твоихъ и чревѣ ходити будеши, и землю снѣси вся дни живота твоего. И вражду положу междудо тобою и между женою, и между съменемъ твоимъ, и между съменемъ тоя: той твою блюсти будетъ главу и ты блюсти будеши его пяту. (Быт. 3, 14. 15).

 прошедшій разъ мы видѣли, братіе мои, какъ совершился допросъ виновнымъ прародителямъ нашимъ, какъ Вездѣсущій благоволилъ, яко единъ отъ насъ, искать ихъ въ Эдемѣ и вызывать изъ среды древъ райскихъ; какъ Всеизѣдущій являлся, яко ничто же вѣдый о происшедшемъ съ ними, да не приведетъ ихъ въ смущеніе и предрасположить къ искреннему исповѣданію предъ Нимъ грѣха своего, въ надеждѣ на помилованіе. Хотя прародители наши, по неразумію, отъ грѣха прописшему, не употребили во благо сего благоснисходенія Божественнаго; но во всемъ этомъ, тѣмъ не менѣе, была бездна любви, великодушія и долготерпѣнія къ намъ недостойнымъ. Ибо, много ли владыкъ на землѣ, вопрошаєтъ св. Златоустъ, кои сами пріемлють трудъ разспрашивать полсудимыхъ преступниковъ? А здѣсь Царь неба и земли, владыка Ангеловъ и Архангеловъ, оставилъ престолъ славы, ищетъ убѣгающаго отъ Него грѣшника и предлагаєтъ столько вопросовъ тамъ, гдѣ довольно

бы сказать одно слово: ты преступникъ—се казнь твоя! Во всемъ этомъ, продолжаетъ св. Златоустъ, Господь подаетъ примѣръ, какъ намъ должно поступать съ виновными, — не предаваться, то есть, безразсудно порывамъ гнѣва, позволять имъ говорить все, что могутъ, въ свое оправданіе, не оскорбляться, если они, по сродной грѣшнику наклонности къ лукавству, скрываютъ даже что либо изъ дѣла, или представляютъ его не такъ, какъ оно было; вообще бесѣдоватъ кротко, памятуя, что мы всѣ такимъ же образомъ сами были вопрошаемы и судимы въ раю Господомъ.

Между тѣмъ, судя по такому великодушію въ допросѣ виновныхъ, надлежало ожидать, что и змій-искуситель не осудится и не накажется—невыслушанный. Но его вовсе не спрашиваютъ, а прямо подвергаютъ казни: *и рече Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклять ты отъ всѣхъ звѣрей земныхъ.* Откуда сія неожиданная суворость? Отъ внезапно воспламенившагося въ Судіи гнѣва, который (какъ бываетъ нерѣдко между нами), заставилъ забыть безпристрастіе и кротость? Всего менѣе. Ибо и при этомъ наказаніи мы увидимъ въ Судіи тоже величественное спокойствіе и благость, какія видѣли прежде. Если змій не вопрошается, то потому, что, яко животное неразумное, онъ самъ по себѣ не могъ ни замыслить зла, ни искушать кого либо: искушалъ въ зміѣ и заставлялъ его клеветать и лгать духъ злобы, который, достигнувъ своей цѣли, вышелъ теперь изъ него; послѣ чего змій, какъ животное, сдѣлался вовсе неспособнымъ къ отвѣту.

Оставалось посему подвергнуть допросу не змія, а діавола, дѣйствовавшаго въ немъ на пагубу человѣка; но и онъ не вопрошается: почему?—потому безъ сомнѣнія, что Всевѣдущій не про видитъ въ немъ никакой надежды къ обращенію. Въ такомъ разѣ не для чего было, скажемъ словами св. Писанія, повергать бисера предъ свиніями: оставалось токмо поразить нераскаянную гордыню казнью. Но какъ поразить? Человѣкоубійца во время искушенія нисколько не былъ видѣнъ; онъ дѣйствовалъ не прямо, а изъ-подъ завѣсы; предъ очами Евы былъ одинъ простой змій съ искушеніемъ; отъ змія, ни отъ кого болѣе, произвѣдилъ конечно въ своемъ умѣ искушеніе и Адамъ. Сообразно съ симъ и на предстоящемъ судѣ Божіемъ дѣло сіе будетъ оставлено въ томъ видѣ, какъ оно происходило по виѣшности: главному виновнику зла попустятъ остататься невидимымъ во тьмѣ ему сродной; завѣса, его скрывающая, уїдѣтъ: но не уї-

лѣть за нею онъ, лукавый и всезлобный: слово суда и казни хотя произнесется, по видимому, надъ однимъ зміемъ чувственнымъ; но, падая одною стороною на животное, въ тоже время—чрезъ него—будеть всецѣло достигать луха злобы и поразить его смертельно въ самую главу.

Посему, для полнаго уразумѣнія казни, изрекаемой теперь змію, надобно представлять себѣ въ умѣ, что слова, къ нему обращенные, относятся не къ нему одному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ змію духовному, или діаволу.

И рече Богъ змію: яко сотворилъ еси сie: поелику ты дерзнулъ возстать противъ человѣка, образа моего и твоего повелителя; дерзнулъ клеветать предъ нимъ на Меня самого, и лживыми обѣщаніями увлекъ его къ преступленію моей заповѣди: то проклять ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ, мирное царство коихъ унижено и посрамлено тобою на вѣки. Хотя невольно и одушевленный чуждою силою, но поелику ты взялся за то, что превыше тебя и представляль изъ себя въ одно и тоже время и клеветника и учителя: то отселъ ты будешъ послѣднимъ изъ существъ, движущихся по землѣ, и яко отребiemъ всего живущаго. У всѣхъ тварей отнимется часть совершенствъ, вслѣдствие паденія общаго владыки вашего, но у тебя болѣе всѣхъ, такъ что самыя неразумныя животныя будутъ чуждаться тебя, какъ изверга: проклять ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ!

Дѣйствительно, у всѣхъ прочихъ животныхъ есть между собою взаимныя сообщенія и связи, нѣчто похожее на любовь и дружбу: у одного змія нѣтъ ни съ кѣмъ подобнаго. Все живущее или преслѣдуется его, или бѣжитъ отъ него.

На персѣхъ твоихъ и чревѣ ходити будеши, и землю снѣси вся дни живота твоего—то есть: ты не поднимешь болѣе главы для лѣстивыхъ собесѣдований и клеветъ на твоего Создателя: самый образъ движенія твоего покажеть всѣмъ, что ты существо низринутое и отвергнутое. Не будешь болѣе предлагать въ пищу и плодовъ запрещенныхъ, самъ питаясь бреніемъ и гнилостію.

Наказаніе сie показываетъ, что змій въ первобытномъ состояніи имѣлъ нѣкоторыя качества, коихъ теперь нѣтъ въ немъ,—что онъ двигался и питался не такъ, какъ движется, или паче пресмыкается и питается теперь.

И вражду положу между тобою и между женомъ, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ тоя: той сотретъ твою главу, ты же блости будеши его пыту. То есть—если примемъ пока

слова сіи въ смыслѣ только буквальномъ,—какъ бы такъ говорилъ змію Господь: вмѣсто неестественной близости, въ которую нагло вошелъ ты съ женою неопытною, отнынѣ—такъ сдѣлаю Я: начнется между человѣкомъ и тобою вѣчное взаимное отвращеніе и брань. Все рожденное отъ жены будетъ враждебно змію, и всякое порожденіе змішное будетъ враждебно для человѣка. Не имѣя возможности сдѣлать большаго зла, ты будешь блюсти за пятою человѣческою, чтобы ужалить ее; а человѣкъ будетъ сокрушать самую главу твою.

Всегдашній опытъ удивительнымъ образомъ подтверждаетъ все сіе, братіе мои. И всѣ твари вышли, болѣе или менѣе, изъ повиновенія падшему человѣку; нѣкоторыя сдѣлались даже опасны для него, по своей силѣ и ярости; но ни къ какому животному нѣтъ у человѣка такого естественного и непреодолимаго отвращенія, какъ къ змію; одинъ видъ его уже возбуждаетъ отвращеніе и страхъ: змій противенъ даже на картинѣ. Все это гѣмъ примѣчательнѣе, что есть не мало змѣй, вовсе не ядовитыхъ; есть змѣи, отличающіяся красотою своего вида и своимъ убранствомъ. Съ другой стороны, и змій ни отъ кого такъ не бѣжть, какъ отъ человѣка, хотя бы и не былъ преслѣдуемъ. Особенно змій, какъ еще примѣчено древними, боится человѣка нагаго, какъ бы памятая первобытное состояніе наше въ раю.

Такъ наказанъ змій!—наказанъ и змій чувственныій потому, что былъ орудіемъ, хотя невольнымъ, нашей погибели, наказанъ для того, чтобы служить отселѣ для всѣхъ видимымъ символомъ гнѣва Божія за лукавство и гордость. Любовь Отца небеснаго поступила въ семъ случаѣ по обычай отцевъ земныхъ, кои, въ избыткѣ горести, проклинаютъ и преломляютъ тотъ мечъ или ножъ, коимъ отнята жизнь у ихъ любимаго сына.

Но мы сказали, что въ наказаніи змія чувственаго заключались судъ и казнь змія духовнаго—діавола. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что подъ каждымъ словомъ, изрекаемымъ на змія, содержится острая и неотразимая стрѣла противъ діавола.

Змій видимый низводится на послѣднюю степень въ ряду живыхъ тварей, дѣлается предметомъ всеобщаго отвращенія и проклятия: змій духовный,—діаволъ, вслѣдствіе настоящаго—новаго преступленія его въ Эдемѣ, низвергнется теперь еще глубже, не жели какъ упалъ, низринутый нѣкогда съ неба. Проклятие всѣхъ новопрізвѣденыхъ и подчиненныхъ человѣку тварей, обременивъ ихъ на время, все наконецъ, со всего искупленнаго вмѣстѣ съ человѣкомъ міра, перейдетъ на его главу, вслѣдствіе чего онъ,

яко зло болѣе нетерпимое, извергнутъ будетъ изъ свѣтлаго сонма облаженствованныхъ тварей Божиихъ, вонъ — въ озеро егненное (Апок. 19, 20).

Змію видимому суждено пресмыкаться по землѣ и питаться бречіемъ: змій духовныи долженъ отселѣ пресмыкаться въ преисподніей, питаться грѣхами и тлѣніемъ человѣческимъ,—питаться и не насыщаться, поглощать видимому на время—устами смерти—нѣкія жертвы, но съ тѣмъ, чтобы въ день воскресенія паки возвратить все поглощенное великому Побѣдителю смерти и ада.

Глава змія видимаго осуждена быть цѣлю ударовъ чувственныхъ; глава змія невидимаго поставлена въ цѣль ударовъ духовныхъ. Діаволъ мнилъ чрезъ грѣхъ сроднить съ собою навсегда весь родъ человѣческій, и такимъ образомъ поработить его своему темному владычеству; но вместо покорства срѣтитъ жестокую брань со стороны человѣка. Отъ сѣмени той же жены, которую обольстилъ онъ, непрерывною чредою будутъ возставать дивные ратоборцы на его пораженіе. Авелъ поразитъ его невинностю и чистотою. Энохъ—постояннымъ хожденіемъ предъ Богомъ, Ной—упованіемъ, Авраамъ—вѣрою, Моисей—кротостю и смиреніемъ, Давидъ—необыкновеннымъ покаяніемъ, Іеремія—слезами, Креститель—постомъ и уединеніемъ. Наконецъ явится обѣтованное Свѣля жены, явится второй Адамъ, Господь съ небесе, и родившись именно отъ одной только жены, безъ мужа, всеконечно сокрушитъ самую главу адскаго змія крестомъ, разрушивъ державу грѣха и смерти, которую мнилъ онъ основать на паденіи человѣка.

Уразумѣль ли все это врагъ нашъ?... Понялъ ли всю силу и лютость казни, его ожидающей? Едва ли... иначе не явился бы съ такою наглостю для искушенія втораго Адама въ пустынѣ Іорданской. Слишкомъ много событий надлежало прovidѣть, дабы уразумѣть вполнѣ, что изрекалось теперь; и главнѣе всего надлежало предвидѣть то, что, какъ чудо любви божественной, выходило изъ всѣхъ предѣловъ вѣроятія, то есть, чтобы милосердіе Божіе къ падшему человѣку простерлось до того, что самъ Единородный Сынъ Божій, оставивъ славу, юже имѣль у Отца прежде ліръ не бысть (Іоан. 17, 5), явится на землѣ во образѣ человѣка, соединить свою судьбу съ нашу судьбою, приметъ на Себя не только плоть, но и грѣхи наши, вознесеть ихъ съ Собою на крестъ, претерпить смерть и сойдетъ въ самый адъ, дабы такимъ образомъ, *взглагавшъ собою всическаго* (Еф. 1, 10) содѣлаться владыкою не только жизни, но и смерти, самаго ада.

Могъ ли, ослаѣпленій гордостю и злобою, Денница вмѣстить въ своемъ умѣ мысль о таковомъ чудѣ любви и смиренія?

Тѣмъ трунигѣе было нашимъ прародителямъ войти разумѣніемъ тогда же во всю глубину суда и казни надъ зміемъ. Но въ этомъ, на первый разъ, не было и нужды. Произнесенное въ слухъ ихъ наказаніе коварнаго обольстителя ихъ, хотя бы съ начала и непонятое ими вполнѣ, — особенно съ таинственной его стороны,—тѣмъ не менѣе достигало въ отношеніи къ нимъ своей цѣли. Предваряя собою ихъ собственное наказаніе, оно должноствовало служить имъ въ ободреніе, показуя, что Господь дорожитъ ими и послѣ ихъ паденія, и все еще продолжаетъ взирать на нихъ, яко на свою собственность. Полагаемая самимъ Богомъ вражда между человѣкомъ и искусителемъ давала знать прародителямъ нашимъ, что они не преданы въ беззащитную жертву злой и враждебной силѣ, низринувшей ихъ съ высоты невинности и богоподобія, что, несмотря на постигшее ихъ бѣдствіе, у нихъ осталась возможность возстать отъ своего паденія, стать противу врага, сразиться съ нимъ и побѣдить его, заемля для сего и силу и средства отъ Того, Кто является теперь не только Судію ихъ, но и Отмстителемъ за нихъ. Впослѣдствіи, когда очи прародителей очистятся болѣе слезами покаянія и просвѣтлютъ вѣрою и упованіемъ, безъ сомнѣнія, открыто будетъ имъ и болѣе, какъ о благословенномъ Сѣмени жены, такъ и о тлетворномъ сѣмени змія; яснѣе укажется, кто врагъ ихъ и кто Испупитель, чѣмъ побѣждать первого и какъ соединяться съ послѣднимъ. Но это не касается уже настоящаго предмета нашего: намъ должно теперь обратить вниманіе на другое.

Итакъ у всѣхъ насть есть врагъ, ужасный, непримирамый, который коварствомъ своимъ погубилъ насть въ Эдемѣ, и теперь непрестанно употребляетъ всѣ средства, чтобы никто изъ насть не возсталъ отъ сего паденія, а, слѣдя его внушеніямъ, продолжалъ низвергаться все глубже—въ пропасть адскую. У всѣхъ насть есть и всемогущій Испупитель, который спасъ насть отъ смерти вѣчной еще въ Эдемѣ, и тогда же, по безпримѣрному милосердію своему, принялъ на Себя изгладить всѣ слѣды паденія и возвратить намъ съ лихвою наше первобытное совершенство.

Далѣе — ни Испупитель, ни искуситель насть не могутъ действовать на насть безъ насть: первый, несмотря на свое всемогущество, не можетъ преставить насть въ рай, если мы будемъ

противиться тому; послѣдній, не смотря на всю злобу и хитрость его, не въ состояніи увлечь насъ во адъ, если мы не будемъ содѣйствовать тому. Отъ насъ самихъ посему зависить благополучный или злополучный исходъ борьбы, за насъ ведомой; прейти на небо или во адъ, можно сказать, въ нашей волѣ. Итакъ, что же мы дѣлаемъ? кому помогаемъ? на чьей сторонѣ остаемся?...

Увы, у насъ множество споровъ, распрай и браней; а о великой браны между сѣменемъ жены и сѣменемъ змія, то есть, между всѣми нами и общимъ врагомъ нашимъ, многіе изъ насъ почти не вѣдаютъ! Не вѣдаютъ, что этотъ злый драконъ до селъ непрестанно ходить по всему миру съ темными клевретами своими, *искій кого поглотити* (І Пет. 5, 8). Откуда это пагубное невѣдѣніе? Отъ собственного небреженія. Ибо Евангелие непрестанно возглашаетъ о сей важной для всѣхъ насъ истинѣ. — Другимъ она извѣстна, но обращается ими не на пользу, а во вредъ себѣ и другимъ. Они вѣдаютъ все, что Писаніе сказываетъ намъ о злобномъ врагѣ нашемъ, но не прилагаютъ вѣры сказуемому. Можете судить, какъ долженъ быть доволенъ врагъ нашъ и какъ радоваться, находя между людьми такое невѣріе въ самое бытіе свое!... Лучшаго положенія для себя не могъ пожелать онъ самъ. Ибо, представляя его несуществующимъ, потому самому нисколько не страшатся его и не берутъ мѣръ противу козней его; а такимъ образомъ даютъ ему возможность дѣйствовать надъ собою, какъ ему угодно. Это воины, отдающіеся въ плѣнъ безъ сраженія! И дѣйствительно, посмотрите на тѣхъ людей, для коихъ духъ злобы не существуетъ! Для нихъ не существуетъ и Иискупитель. Ибо для чего искать вождя, когда нѣтъ браны? Для нихъ нѣтъ и заповѣди съ запрещеннымъ древомъ: все позволено!

Блюдитесь, братіе мои, подобныхъ лжеумствователей, мудрыхъ токмо на злое, — на свою и чужую погибель: закрывайте слухъ отъ ихъ лушетлѣнныхъ бесѣдъ и возраженій, дабы не пострадать подобно прародительницѣ нашей. Памятуйте непрестанно, что у всѣхъ насъ брань не съ плотию токмо и кровью, не съ соблазнами токмо міра видимаго, а и съ лухами змобы подибесными (Еф. 17, 12), и памятуй о семъ, никогда не слагайте съ себя того святаго всеоружія, коимъ слово Божіе облечаетъ христіанина на сраженіе съ врагомъ нашего спасенія. То есть, какъ говоритъ Апостолъ Христовъ, *станите препоясаны чресла ваша истинною, и оболкшеся въ брони правды, и обувше*

нозъ во уготованіе благовѣстованія мира. Надъ всѣми же воспріимши щитъ вѣры, въ немъ же возложете вся стрѣлы лукаваго разженнаго угасити: и шлемъ спасенія воспріимите, и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій; всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всякое время духомъ (Еф. 6, 14—18). Аминь.

БЕСЪДА

ІІ ЄРѢДУ 5-Й НОДДИІ ВІДЛІВІГО ПОСТІ.

И жеиъ рече: умножая умножу печали твоя и воздыханія твои: въ болѣзняхъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будеть (Быт. 3, 16.).

Въмъ болѣе размышляемъ мы, братіе мои, о сказаніи Моисеевомъ касательно паденія прародителей нашихъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что въ семъ токмо святомъ сказаніи, не смотря на краткость его, содержится ключъ къ разрѣшенію всѣхъ недоумѣній касательно настоящаго бытія нашего на землѣ, къ поясненію нынѣшняго состоянія самой природы, насть окружающей. Ибо вообразимъ на время, что у насть нѣть подобнаго сказанія; тогда мы не будемъ знать, какъ произошелъ міръ и человѣкъ, что было потомъ съ нашими прародителями, какъ они пали и увлекли за собою въ бездну зла все, что отъ нихъ зависѣло или имѣло зависѣть въ будущемъ: а безъ сего нельзѧ сказать совершенно удовлетворительно ни слова о настоящей судьбѣ рода человѣческаго и всего, что окружаетъ насть: откуда, напр. тѣ бѣствія, коими всѣ мы окружены съ младенчества до гроба, и для чего они? Откуда разстройство и беспорядокъ въ природѣ, насть окружающей, которая съ одной стороны является такъ прекрасною, а съ другой представляеть видъ поля послѣ великаго сраженія? Но когда воспоминаешь объ Эдемѣ и плодѣ запрещенномъ, о змїѣ-искусителѣ и пагубной сиѣни, о смоковничномъ препоясаніи и грозномъ, но столь же милосердомъ судѣ Божиемъ

то мракъ, покрывающій судьбу земли и человѣка, разсвѣвается; узнаемъ, откуда зло въ мірѣ, за что и для чего страдаетъ все живущее; и, вмѣсто ропота и отчаянія, олушевляемся святымъ терпѣніемъ и надеждою на Провидѣніе. И были лжемудрецы, кои, отвергая сказаніе Моисея о первобытномъ человѣкѣ и его паденіи, думали еще показать этимъ свою мудрость! Что же помогли дать они въ замѣнѣ свитка Моисеева? Нелѣпыя мечты разстрѣленного воображенія, кои могли казаться стоящими вниманія только ихъ суемудрымъ изобрѣтателямъ. Но честь и благодарность здравой наукѣ, которая, углубившись въ изслѣдованіе природы, не замедлила сама стать противъ лжеименной мудрости и показать всему свѣту, что бытописаніе Моисея превыше всякаго сомнѣнія, потому что написано не на одной хартии, а начертано неизгладимыми буквами на лицѣ всей земли. Пожалѣвъ о семъ печальному и уже почти прошедшемъ явленіи, пойдемъ паки съ благоговѣніемъ за богоодѣновеннымъ вождемъ нашимъ и выслушаемъ изъ устъ его, какъ, во слѣдъ за зміемъ-искусителемъ, судъ Божій коснулся и насъ, кои такъ легкомысленно приложили слухъ къ его обаянію.

И женѣ рече: умножая умножку печали твоя: въ болѣзняхъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ. Допросъ начать былъ съ мужа, а наказаніе начинается съ жены. Почему такъ? Потому конечно, что жена, какъ мы видѣли, первая открыла слухъ и сердце свои искусителю, и она же сдѣлалась почти единственою причиной паденія для своего мужа. Да не забываютъ сего жены, кто бы онѣ ни были и какъ бы высоко ни стояли, и да прилагаютъ попеченіе о томъ, чтобы скромностю, смиреніемъ и послушаніемъ мужу вознаградить свое первобытное легкомысліе и кичливость!

Умножая умножку печали твоя и воздыханія твоя. Онѣ будутъ, какъ бы такъ сказано, у тебя и сами по себѣ (ибо какъ не печалиться и не воздыхать той, которая легкомыслѣмъ и продержостю своею подвергла столькимъ бѣдствіямъ и себя, и мужа, и весь родъ человѣческій?); но кромѣ сего явится у тебя множество еще такихъ скорбей и воздыханій, отъ коихъ мужъ твой будетъ свободенъ, отъ коихъ и ты, хотя и преступница заповѣди, была бы свободна, если бы не показала себя въ дѣлѣ общаго преступленія такъ самонадѣянною и особенно усердною къ общей погибели. Поелику такое, удвоенное, обузданіе необходимо для твоей непомѣрной наклонности къ чувственному: то наложу его Я самъ; и поелику наложу Я, то никто не

въ состояніи будетъ снять его съ тебя. Чѣмъ бы ты ни была, какъ бы высоко ни стояла, печали и воздыханія всюду будутъ слѣдоватъ за тобою: *у.пноожая у.пноожу печали и воздыханія твоя!*

Послѣ сего какъ бы введенія, изображается уже самое наказаніе жены, состоящее изъ двухъ видовъ: она осуждается, во-первыхъ, на болѣзни рожденія, во вторыхъ на подчиненіе своему мужу. Разсмотримъ каждое наказаніе порознь: ибо въ томъ и другомъ найдемъ урокъ для нашего назиданія.

Въ болѣзняхъ родили чада. Значитъ, до преступленія заповѣди, въ состояніи невинности, чада рождались бы безъ болѣзни. Такъ и должно быть. Ибо прилично ли столь великому и священному дѣйствію, каково произведеніе на свѣтъ человѣка, сопряжену быть съ болѣзнями и страданіемъ? Только одинъ грѣхъ, ставъ на срединѣ, могъ произвести сіе, заставивъ явиться скорбь и болѣзнь тамъ, где бы надлежало быть одной чистой радости и святому веселію. Посему животныя и донынѣ свободны отъ большей части мукъ чадорожденія, какъ бы въ показаніе того, что если человѣкъ столько подлежитъ имъ, то не по необходимости закону природы, а по особенному распоряженію о немъ Промысла Божія. И поелику въ семъ случаѣ дѣйствовало само правосудіе Божіе, то не безъ мудраго конечно намѣренія обратило въ наказаніе женѣ то самое, что, въ состояніи невинности, имѣло сопровождаться однимъ чистымъ удовольствіемъ. Ибо Господь всеблагій, если наказуетъ кого либо, то наказуетъ всегда такъ, чтобы наказуемый самымъ наказаніемъ отводился отъ какого либо зла и приводился къ какому либо добру. Въ настоящемъ случаѣ, когда опредѣлялась судьба не одной Евы, а въ лицѣ ея и всѣхъ будущихъ дщерей человѣческихъ, цѣлой половины всего рода человѣческаго, тѣмъ паче имѣлось въ виду не мщеніе какое либо и не желаніе поразить какъ можно чувствительнѣе и преогорчить самую болышую радость въ жизни, а благо самой жены.

Какое же благо, спроситъ кто либо? То, чтобы удержать на бу碌щее время жену отъ пополненія къ грѣху. При запрещенномъ древѣ, Ева, какъ мы видѣли, обнаружила крайнюю наклонность свою прельщаться внѣшнимъ видомъ и увлекаться наслажденіемъ чувственнымъ. Если при взорѣ на красивое древо и сладкій плодъ она такъ потерялась и погибла; то что будетъ съ нею при встрѣчѣ съ красотою одушевленію? И вотъ, въ ограду ея цѣлому прія, безъ коего жена есть яко сосудъ погубленъ,

ставятся безсмѣнныe, неумолимые и неподкупные стражи — болѣзни чадорождѣнія, да, увлекаемая страстью, она будетъ удерживаема представлениемъ продолжительности бремяношенія и мукъ рожденія, кои ожидаютъ ее за минутное услажденіе плоти. Вмѣстѣ съ симъ, посредствомъ этого же самаго наказанія жены, будетъ достигнута у Промысла и другая, не менѣе важная цѣль въ отношеніи ко всему роду человѣческому, та цѣль, чтобы связать тѣснѣйшимъ союзомъ любви раждающихъ съ рожденными отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему матери гораздо приверженнѣе къ дѣтямъ, нежели отцамъ? Потому, что дѣти достались имъ гораздо дороже, нежели отцамъ.

Но съ другой стороны, что было причиною для насть печалей и болѣзней, то обыкновенно становится послѣ того непріятнымъ и отвратительнымъ, такъ что мы не можемъ впослѣдствіи и смотрѣть равнодушно на преждебывшій источникъ скорбей нашихъ. Посему можно было опасаться, что и въ семъ случаѣ умноженіе для жены болѣзней, во время ея чревоношенія и рожденія, произведетъ нѣчто подобное, и заставитъ жену, пожалуй, вовсе отвергнуть жизнь брачную, что было бы противно цѣлямъ самаго Промысла о размноженіи на землѣ рода человѣческаго. Что же дѣлаетъ премудрость Божія для удаленія сей противоположной крайности? Ничего болѣе, какъ соединяетъ конецъ чадорождѣнія съ такою чистою душевною радостію, что жена, какъ говорить самъ Спаситель, не помнить уже въ то время прежней скорби своей — за радость, яко родился человѣкъ въ міръ (Іоан. 12, 21). Такъ умѣетъ Промыслъ достигать своихъ премудрыхъ и всеблагихъ цѣлей!

Съ намѣреніемъ, братіе мои, медлимъ мы на семъ предметѣ и входимъ въ такія подробности, дабы дать женамъ случай вникнуть болѣе въ опредѣленіе Божіе о нихъ и почерпнуть изъ него для себя и назиданіе и утѣшеніе. Велики скорби жены! Дорого стоитъ ей младенецъ, коего лелеѧть она у груди своей! Стократъ дороже, нежели его отцу и ея мужу! Но это не слѣпой какой либо случай судьбы, а премудрое и всесвятое определеніе Божіе. Посему-то никакая изъ женъ не свободна отъ болѣзней рожденія. Въ чертогахъ великолѣпныхъ страдаютъ такъ же, какъ и въ послѣдней хижинѣ. Жены высшаго званія и сана подлежатъ нерѣдко даже большимъ опасностямъ и мукамъ при чадорождѣніи, нежели жены простыхъ людей; и это потому, что слишкомъ искусственнымъ образомъ жизни своей онѣ слишкомъ далеко уклоняются отъ простыхъ законовъ при-

роды, а нравами своими—отъ чистоты душевной, и такимъ образомъ сами для себя увеличиваются тяжесть наказанія Божія. Но какъ бы оно ни было тяжело, поелику отъ Бога, то всегда можетъ служить на пользу лучшую, если только мы не испортимъ дѣла съ нашей стороны. Самая мысль, что онъ страдаютъ по волѣ и непосредственному распоряженію Божію, должна служить великою отрадою для женъ дѣвородящихъ. Ибо не напрасно св. Давидъ предпочиталъ нѣкогда впастъ въ руцѣ Божіи, нежели въ руки человѣческія. Среди болѣзней чадорожденія вы, жены, находитесь именно въ рукахъ Божіихъ; но, находясь въ рукахъ Божіихъ, не отвращайте взоровъ своихъ отъ лица Божія. Простирайте руки ваши не столько къ людямъ, слабымъ и часто немогущимъ подать вамъ никакой помощи, сколько къ Богу крѣпкому и живому. Если какая сила скорѣе можетъ восполнить немощь природы и разрѣшить узы плоти, то сила вѣры и молитвы, для коеи нѣть ничего невозможнаго. А чтобы самая молитва ваша была дѣйствительна и богопріятна, растворяйте ее духомъ вѣры и покаянія. Страданіями нашей плоти Господь всегда хочетъ изгнать какой либо недугъ изъ нашего сердца и духа. Посему искреннее раскаяніе въ прошедшихъ грѣхахъ нашихъ и твердый обѣтъ вести себя впредь богообоязненно, кротко и смиренно—есть самый дѣйствительнѣй способъ преклонить правду Божію на милость, вмѣстѣ съ чѣмъ сократятся и всѣ страданія плоти. Посему нельзя довольно похвалить тѣхъ богообоязненныхъ женъ, кои, предъ наступленіемъ чадорожденія, соловѣтуются не съ одними врачами тѣлесными, а приготовляютъ себя къ грозной минутѣ молитвою и таинствами св. Церкви. Это, можно сказать, необходимость для каждой жены въ такомъ положеніи: ибо кто можетъ поручиться, чтобы часть дѣворожденія не обратился въ часъ смерти для рождающей? Какъ же не приготовиться къ такой опасности покаяніемъ и причащеніемъ св. Таинъ?

Но это все невольно наводить страхъ, хотя и спасительный. Не скроемъ же и того, что можетъ служить къ великому ободрѣнію и утѣшенію для женъ, среди ихъ страданій во время родовъ. Что это такое? То, что болѣзни рожденія, когда они переносятся въ духѣ вѣры и покаянія, суть самое дѣйствительное средство къ изглажденію вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій. На это намекасть уже сама природа; ибо послѣ болѣзней рожденія всякий разъ очищается все тѣло жены. Но будетъ очищаться не одно тѣло, а и луша, коль скоро, страдая тѣломъ,

не будутъ забывать при семъ своей души. Сие-то самое, безъ сомнінія, имѣль въ виду апостолъ Павель, когда написалъ, что жена *спасется чадородія ради* (1 Тим. 2, 15). Надобно токмо родить чадъ не по одной плоти, а и по духу, то есть рожденное не оставлять на произволъ судьбы, или на попеченіе наемныхъ приставниковъ, а воспитывать самимъ въ страхѣ Божіемъ и повиновеніи уставамъ св. Церкви. Ибо и Апостолъ не сказалъ просто: *спасется чадородія ради* (иначе у которой было бы болѣе дѣтей, та была бы потому и спасеніе другихъ), а присовокупилъ: *аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви, во святыни съ цѣлопу-дріемъ* (1 Тим. 2, 15). И въ другомъ мѣстѣ, похваляя вдовицу, похваляется не просто, а съ условіемъ: *аще чада воспитала есть, аще скорбныи утѣшеніе бысть, аще всікому дѣлу благу по-слѣдовала есть* (1 Тим. 5, 10). При такомъ только нравѣ и такомъ поведеніи женъ обращается имъ во спасеніе и дѣло ихъ чадорожденія, яко весьма трудное и болѣзненное, но въ тоже время необходимое для рода человѣческаго. Ибо, жена, скажемъ и это въ утѣшеніе страждущихъ, заступаетъ въ семъ случаѣ мѣсто какъ бы самого Творца, раждая изъ себя человѣка, который въ первый разъ произведенъ былъ непосредственно самимъ Богомъ.

Видите теперь, каково наказаніе Божіе? Видите, какъ въ немъ открыть случай для женъ къ великой заслугѣ, къ достиженію самого спасенія вѣчнаго? Что можетъ быть важнѣе для насть сего послѣдняго? Итакъ будемъ послушны и терпѣливы: терпѣніе и вѣра награждаются, въ семъ случаѣ, еще здѣсь на землѣ. Ибо, если отецъ и мать въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ будуть воодушевлены такимъ духомъ, какого требуетъ Евангелие; то ихъ домъ будетъ не хуже рая, сдѣляется даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, лучше его; ибо въ рай прародители наши вошли невинные, а вышли изъ него грѣшниками, и распространяли своимъ грѣхомъ клятву по всей землѣ, а въ такомъ домѣ будетъ напротивъ: въ него, путемъ рожденія, будутъ входить грѣшники (ибо *рожденное отъ плоти плоть есть*, Иоан. 3, 6), а изъ него, путемъ христіанскаго воспитанія, будутъ исходить праведники, и гдѣ ни будутъ жить, всюду станутъ распространять вокругъ себя миръ и благословеніе.

Второй видъ наказанія, возложеннаго на жену за преступление заповѣди—взять изъ ея отношенія къ мужу: *и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будеть*. Ты, какъ бы такъ говорить Господь, почтена была отъ Меня равною

съ мужемъ честію; подобно ему украшена образомъ моимъ; подобно ему поставлена владычицею рая; и хотя пришла позже его на свѣтъ, но получила тоже самое, даже удостоилась произойти не изъ земли, какъ онъ, а изъ ребра его: довольно бы для тебя сей чести, довольно бы того, что предоставляла тебѣ собственная его любовь къ тебѣ. Но ты не удовольствовалась всѣмъ симъ и взяла на себя большее, тебѣ не принадлежащее: безъ его согласія вступила въ бесѣду и пріязнь съ зміемъ; безъ его одобренія вкусила отъ плода запрещеннаго и не только сама нарушила заповѣдь, но подала къ тому же поводъ и мужу и увлекла его въ пропасть. Этого противозаконнаго господства твоего надъ супругомъ твоимъ не будетъ болѣе. За присвоеніе того, что не принадлежало тебѣ, ты потеряешь большую часть и того, чѣмъ обладала по праву. Въ тебѣ останется прежняя привязанность къ супругу: *къ мужу твоему обращеніе твое;* но въ немъ не будетъ уже прежняго благоснисхожденія; при всѣхъ ласкахъ и нѣжности его, ты невольно будешь всегда видѣть въ немъ своего владыку: *и той тобою обладати будетъ.* Такъ обладати, что ты съ воздыханіемъ не разъ вспомнишь о прежнемъ между вами равенствѣ; будешь сознавать не рѣдко свое преимущество предъ нимъ, но и въ семъ случаѣ останешься въ зависимости не только отъ его ума и воли, отъ самыхъ прихотей; и сколько бы ни искала способа свергнуть тяжкое иго, никогда не найдешь его въ той полнотѣ, какъ-бы хотѣлось: *и той тобою обладати будетъ.*

Какъ ни грозны слова сіи въ отношеніи женъ, но они никакъ однако же не уполномочиваютъ мужей на тиранство надъ своими женами, и не означаютъ того, чтобы послѣднія отдавались имъ въ совершенное подчиненіе и рабство. Нѣтъ, это было бы противно намѣренію Божію, равно какъ и благосостоянію рода человѣческаго. Ибо, что быль бы за союзъ у мужа съ женою, если бы первый только всегда повелѣвалъ, а послѣдняя всегда только бы повиновалась? Тѣмъ паче, что было бы за семейство, если бы жена походила на невольницу? Гдѣ жена—раба, тамъ нѣтъ истинной любви и мира, а только страхъ и принужденіе. Посему-то мы не видимъ въ семействѣ допотопныхъ патриарховъ не только никакого рабства и такъ называемаго заключенія женъ, но и многоженства. И послѣ потопа жены праотцевъ пользуются еще не малое время своею свободою и влияниемъ на дѣла домашнія. Хотя Сарра уважаетъ, напримѣръ, Авраама, господиномъ *того зовущи* (Иет. 3, 6), какъ замѣчаѣтъ Апо-

столъ; но это господство Авраама состояло не въ величавости предъ женою и приказанихъ, а въ большей предъ нею мудrostи. Уже впослѣдствіи, когда, съ усиленiemъ въ родѣ человѣческомъ грѣха и страстей и съ постепенно большею потерю чистоты нравовъ, мужья, вмѣсто закона взаимной любви къ женамъ, начали слѣдоватъ своему слѣпому произволу; тогда только жребій женъ, смягчаемый дотолѣ любовью мужнею, началъ тяжелѣть и преогорчеваться болѣе и болѣе, такъ что жена наконецъ изъ помощницы, хотя зависимой, но все еще близкой къ мужу даже и по правамъ своимъ, ниспала въ состояніе безотвѣтной рабы и невольницы и обратилась въ жалкое орудіе страстей. Какъ ни противозаконно и ни вредно для благосостоянія рода человѣческаго такое уничиженіе жены, но яко благопріятствующее страстиамъ, оно, съ продолженiemъ времени, успѣло распространиться въ цѣломъ древнемъ мірѣ, возымѣло силу не только обычая, но и закона, отъ коего до сихъ поръ стенаютъ, какъ извѣстно, жены едва не у всѣхъ народовъ нехристіанскихъ.

И кто бы вывелъ женскій полъ изъ сего злосчастнаго состоянія, если бы не явилось на помощь Евангелие Христово? Философія, по обычаю своему, не смѣла сказать о семъ ни одного слова. Только Евангелие, своимъ учениемъ о воздержаніи и свободѣ духовной, изгнало, вмѣстѣ съ многоженствомъ, уничиженіе женскаго пола, возвѣстивъ въ слухъ всѣхъ, яко о Христѣ Иусусѣ нѣсть мужескъ полъ, ни женскій (Гал. 3, 28), но все едини и равны предъ Богомъ. Только Евангелие внушило и поставило въ обязанность мужьямъ любить своихъ женъ, яко же Христосъ возлюби Церковь и Себѣ предаде за нею (Ефес. 6, 25). Послѣ сего жена уже не могла быть рабою мужа, какъ бы онъ ни былъ высокъ и важенъ.

Не забывайте же сего, жены, и лобызая Евангелие Христово, благодарите Виновника его не только за то, что Онъ крестомъ своимъ отверзъ вамъ, равно какъ и мужьямъ вашимъ, входъ въ рай потерянный и царство небесное, но и на землѣ сняль съ васъ тѣ поносныя узы неволи и уничиженія, въ коихъ полъ вашъ стеналь, безъ надежды, цѣлыя тысящелѣтія. Аминь.

БЕСЪДА

ВЪ ПАТОНЪ 5-й ПОСЛѢДІЙ РУДНИКАГО ПОСТІ.

И Адаму рече (Богъ): яко послушалъ еси гласа жены твоей, и яль еси отъ дерева, его же заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него яль еси: проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалѣхъ сиѣси тую, вся дни живота твоего. Терніе и волчцы возраститъ тебѣ, и сиѣси траву сельную. Въ потѣ лица твоего сиѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взять еси: яко земля еси, и въ землю отыдеши (Быт. 3, 17—19).

 отъ и послѣдняя часть приговора, на насъ произнесенного! На насъ, говоримъ: ибо что изрекалось прародителямъ нашимъ, то падало на всѣхъ насъ; потому-что въ лицѣ ихъ заключался весь родъ человѣческій. Какъ благословеніе и блаженство, имѣвшія послѣдовать за сохраненіемъ заповѣди Божіей, достались бы каждому изъ насъ; такъ и наказаніе за нарушеніе заповѣди простерлось на всѣхъ и каждого. Это послѣднее для нѣкоторыхъ кажется несправедливымъ: но почему такъ кажется? Потому что не вникаютъ въ связь вещей, не хотятъ видѣть, что весь родъ человѣческій, по самому существу своему, составляетъ единое цѣлое, и что онъ весь заключался въ своемъ прародителѣ. Повредите чѣмъ либо сѣмя дерева, и всѣ деревья, кои произойдутъ отъ сего сѣмени, будутъ отзываться порчею. Для того, чтобы возымѣть хорошее дерево, надобно уже вырастить его изъ другихъ сѣмянъ. Такъ и намъ, чтобы не участвовать въ грѣховной порчѣ, коей подверглась природа человѣческая

въ Адамѣ, надобно уже было бы произойти не отъ него, а отъ другаго прародителя. Но кто же быль бы этотъ другой прародитель? Такой же человѣкъ, какъ и Адамъ, только вновь сотворенный. И онъ, сообразно своему предназначенію, долженъ бы быль подлежать, какъ и Адамъ, опыту и искушенію. Устояль же ли бы онъ такъ-же, какъ и настоящій прародитель нашъ? Намъ, конечно, можно вообразить, что новый прародитель не нарушиль бы заповѣди; но премудрость Божія, безъ сомнѣнія, ясно предвидѣла, что было бы и съ симъ новымъ прародителемъ: и если не произвела его на свѣтъ, то это—вѣрный знакъ, что не предвидѣла въ немъ мужества и крѣпости большей, нежели какая обнаружилась въ Адамѣ. Но обратимся отъ возможнаго къ тому, что было на самомъ дѣлѣ.

Наказаніе для жены взято, какъ мы видѣли, изъ ея предназначенія—раждать дѣтей и отношеній ея къ своему мужу; наказаніе мужу взимается теперь частію изъ круга его будущихъ дѣлъ и занятій: въ *потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*, частію изъ самаго состава его тѣла: *земля еси и въ землю обратишися*; и все это предваряется указаніемъ на причину наказанія, дабы Адамъ тотчасъ видѣлъ, что съ нимъ, и преступникомъ, поступаютъ не по произволу, а по справедливости: *яко послушалъ еси и проч.*

Слова сіи явно противоположны собственнымъ словамъ Адама, коими думалъ онъ извинить грѣхъ свой предъ Богомъ. Адамъ говорилъ: *жена, тюже Ты далъ еси, та ни даде и ядохъ;* правосудіе Божіе въ семъ самомъ обстоятельствѣ находитъ вину Адамову: *яко послушалъ еси гласа жены твоей* и предпочелъ его гласу Божію, котораго не надлежало мѣнять ни на что, тѣмъ паче на безразсудныя внушенія своей жены. *И отъ древа, отъ него же единаго заповѣдахъ не ясти, отъ сего яль еси;* то есть, не соблюль заповѣди самой легкой: ибо трудно ли было не вкушать отъ единаго древа, когда плоды всѣхъ прочихъ деревъ, безчисленныхъ и совершенійшихъ, предоставлены были въ твое полное употребленіе? Поелику ты со всѣхъ сторонъ показалъ во всемъ этомъ явное невниманіе ко мнѣ, твоему Творцу и Благодѣтелю, и обнаружилъ въ себѣ легкомысліе и неблагодарность, гордость и алчность, а вмѣстѣ съ симъ неспособность быть тѣмъ, къ чemu Я тебя предназначилъ; то вотъ наказаніе твое: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ: въ печали снѣси тую вся дни живота твоего. Терпія и волчицы возрастить тебѣ и снѣси траву сельную.* Въ *потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ*

твой, допде же возратиши въ землю, отъ нея же взять еси: яко земля еси и въ землю возвратишися.

Очевидно, что здѣсь сколько словъ, столько, можно сказать, разныхъ стрѣль и молний: но это молни, какъ мы замѣтили прежде, полуугасшія, кои потеряли уже силу свою на главѣ змія. И какъ падаютъ онѣ теперь на прародителя нашего? Падаютъ какъ-бы мимоходомъ, то есть, не останавливаются на Адамѣ, а, коснувшись его, уходятъ потомъ, какъ это бываетъ и съ вещественною молниєю, въ землю. *Проклята земля*, — не Адамъ проклять, а земля: разность величайшая, показывающая, что въ безднахъ любви и премудрости Божіей обрѣлось уже средство спасти отъ проклятия самого человѣка. Что касается до земли, то проклятие ея не должно казаться несправедливостію, хотя земля, яко неодушевленная, и не участвовала въ преступлении. Ибо ради кого получила она прежде благословеніе? Не сама по себѣ, ради своей какой-либо заслуги, а ради человѣка, своего обитателя и владыки. Ради его получила она благословеніе; ради его же теперь и лишается онаго. Примѣтьте еще, какъ мудро ограничена сила проклятия! Земля проклинается не сама въ себѣ, не въ сущности и основныхъ силахъ своихъ (тогда бы она сдѣлалась совершенно ни къ чему неспособною), а дѣлѣхъ человѣка, тою, то есть, стороною, которою она обращена къ человѣку и коею будетъ служить отсель къ поддержанію его краткаго бытія на ней. Такое проклятие земли, или, что тоже, уменіе и сокращеніе служебныхъ для человѣка силъ ея, было необходимо для самого человѣка. Ибо если бы земля осталась съ прежнимъ благословеніемъ, съ прежнимъ обиліемъ и роскошью своихъ произведеній; то какое обширное поле къ злоупотребленію даровъ ея представилось бы для гордости и алчности человѣческой! Человѣкъ-грѣшникъ, и безъ того наклонный къ чувственности, находя всюду безъ труда удовлетвореніе своихъ прихотей, погрязъ бы отъ ногъ до головы въ праздности, нѣгѣ и сладострастіи. И вотъ, земля лишается, такъ сказать, своего праздничнаго убранства, покрывается, вместо его, рубищами; и приведенная такимъ образомъ въ уровень съ злополучнымъ состояніемъ человѣка, дѣлается такою, что, служа для необходимаго поддержанія его жизни, въ то же время недостатками своими будетъ непрестанно напоминать ему о грѣхѣ его, ихъ произведшемъ, и такимъ образомъ препровождать его къ покаянію.

Что же именно, спросишь, послѣдовало съ землею, вслѣдствіе проклятия? Послѣдовало истощеніе производительныхъ силъ,

откуда скудость и несовершенство всѣхъ произведеній земныхъ: послѣдовала даже какъ бы нѣкая враждебность къ человѣку земли, по которой она, не смотря на всѣ усилія человѣческія, начнетъ производить нерѣдко именно то, что ему противно, такъ что годы неурожая и глада отнынѣ какъ бы чредою будутъ приходить въ наказаніе человѣку: *терніе и волциы возраститъ тебѣ!*

Тернія и волциы эти, безъ сомнѣнія, не вновь творятся теперь; они были на землѣ и прежде: но были какъ малая часть въ великому цѣломъ, и служили потому не къ безобразію, а къ полнотѣ и совершенству цѣлаго, занимая малое и ненужное для прочаго мѣсто. Теперь, это терніе, эти плевелы усилиятся до того, что не дадутъ собою расти необходимому и совершененнѣйшему. Прежде они росли тамъ, гдѣ были нужны; ибо есть живыя твари, коимъ они могутъ служить въ пищу или на другое употребленіе; теперь будутъ расти именно для человѣка, среди поля, воздѣланного его руками: *возраститъ тебѣ!* Ты посѣешь пшеницу, а вмѣсто ней явятся плевелы; посадишь розу, а изъ земли выйдетъ терніе: *тернія и волциы возраститъ тебѣ!*

Итакъ, братіе мои, когда будете на полѣ, не смотрите хладнымъ и разсѣяннымъ взоромъ на бѣдную ниву земледѣльца: на ней изображенъ судъ всего рода человѣческаго! Когда увидите тощіе и рѣдкіе класы; когда замѣтите, что на нивѣ болѣе плевель, нежели жита или пшеницы: не ограничивайтесь однимъ сожалѣніемъ о потерянныхъ трудахъ земледѣльца, а перенеситесь мыслю къ тому времени, съ коего земля начала быть такъ, повидимому, неблагодарною къ трудамъ человѣческимъ. Увы, это не земли неблагодарность, а грозное велѣніе самого неба! Земля сама тяготится своимъ неплодіемъ, яко ей неестественнымъ, но не можетъ производить болѣе, сколько производить; потому что грѣхъ и проклятие за него проникли нѣдра ея глубже всѣхъ дождей и росы, и изгубили плодотворную силу ея. Почему, если хотимъ, чтобы поля наши не оставляли безъ вознагражденія трудовъ нашихъ; то не будемъ ограничиваться удобреніемъ ихъ только вещественнымъ, а постараемся усердною молитвою и чистотою рукъ нашихъ низвести на нихъ первѣе всего благословеніе Божіе.

Снѣси траву сельную—будешь, то есть, по нуждѣ, употреблять въ пищу то, что предназначено было точію для безсловесныхъ: ибо въ плодахъ древесныхъ, коими прежде питался ты, уже окажется недостатокъ.

Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой: не взимая его, какъ было прежде, почти готовый, изъ рукъ природы, а доставая трудами изнурительными, собирая по прошествіи зимы и весны то, что посѣяно еще было осенью—въ прошедшемъ году, а нерѣдко предоставляемъ собрать дѣтямъ и даже чуждымъ то, что посѣялъ самъ.

Этого пота и этого труда, на кои осужденъ прародитель нашъ, избавились, повидимому, иѣкоторые изъ насъ, нашедъ возможность жить въ совершенной праздности и питаться чужими трудами. Но много ли въ сравненіи съ цѣлымъ родомъ человѣческимъ такихъ людей? И дѣйствительно ли счастливы они тѣмъ, что избѣгли, повидимому, наказанія Божія? Увы, жить въ праздности и питаться чужимъ трудомъ, когда онъ орошенъ потомъ, а можетъ быть и слезами, обратій нашихъ, это для того, кто не погубилъ души и сердача, еще большая тягость и наказаніе, нежели трудиться самому!—Если иѣкоторые не чувствуютъ сего, то это самое нечувствіе обнаруживается, что въ нихъ иѣть уже первобытного достоинства природы человѣческой. И лумаете ли, что этотъ непримѣтный для многихъ, но самъ по себѣ крайне жалкій недостатокъ не влечетъ за собою наказанія, ему свойственнаго? Нѣть, безжалостные къ другимъ, бываютъ, сами того не замѣчая, еще безжалостнѣе къ самимъ себѣ; среди праздности, иѣги и роскоши они наказуются въ разныхъ видахъ и губятъ сами себя. Чѣмъ? тѣмъ, что дѣлаются играющими собственныхъ безумныхъ страстей.

Взглянемъ теперь на послѣднюю часть наказанія Адамова: *дондеже возвратиши въ землю, отъ нея же взять еси: яко земля еси, и въ землю возвратишия.* Человѣкъ и въ состояніи невинности былъ земля, но сія земля, проникнута была благодатнымъ присутствиемъ въ человѣкѣ Духа Божія, закрыта и ограждена отъ всего враждебнаго и разрушительного образомъ Божіимъ: теперь, съ потерю сего образа, съ удаленiemъ божественного Духа силы и жизни, человѣкъ упадаетъ подъ власть стихій, подчиняется наряду съ неодушевленнымъ веществомъ неумолимому закону тяжести земной, за коеи не замедлятъ послѣдовать слабость тѣла, болѣзни и разрушение.

Вотъ, значитъ, гдѣ начало нашей смерти, братіе мои, — въ грѣхѣ! Дсколѣ не было въ мірѣ грѣха, дотолѣ не было и смерти. Но если же и грѣхъ вошелъ къ намъ, такъ сказать, не самъ, а ввергнутъ діаволомъ; то первоначальный виновникъ смерти, какъ и всѣхъ золь въ мірѣ, есть діаволъ. Завистію діавола, го-

ворить Писаніе, смерть въ мірѣ вниде (Прем. II, 24). Посему-то онъ и называется у ап. Павла *имущимъ державу смерти* (Евр. II, 14). Замѣчаемъ все это предъ вами для того, что между мудрыми иѣка сего есть нѣкоторые какъ бы любители смерти, кои въ ослѣпленіи своего ума, отвергнувъ святое иго вѣры, думаютъ и проповѣдуютъ, что смерть человѣческая не есть наказаніе какое-либо, а дѣло природы, что тѣло наше, по необходимости, подлежало рано или поздно разрушенню. Такіе люди, очевидно, обманываются взглядомъ на нынѣшнее тѣло наше. Въ настоящемъ состояніи оно точно таково, что не можетъ, съ продолженіемъ извѣстнаго времени, не слабѣть и не подлежать смерти; но это состояніе не первобытное: тѣло наше было далеко не таково, какъ нынѣ, потому и не подлежало смерти. Сю-то самую, столь простую и несомнѣнную истину забываютъ мнимые умники, и твердятъ о неизбѣжности для человѣка смерти; забываютъ и благость Божію: ибо если смерть не отъ грѣха, а отъ природы, то она отъ Бога. Но могъ ли Богъ сотворить смерть? Это совершенно недостойно ни Его величія, ни Его благости. И человѣкъ добрый, если бы на него возложено было сотворить міръ, то не создалъ бы смерти. Ибо смерть, сама по себѣ, есть зло, и при томъ великое. Посему-то между людьми смертию наказываютъ только за самые нестерпимые грѣхи и преступленія. Возможно ли же, чтобы такому наказанію, безъ всякой вины, подвергнутъ былъ весь родъ человѣческій?

Но что наши злополучные прародители? Отвѣтствуютъ ли чѣмъ либо на судъ и наказаніе Божіе, ихъ теперь постигающее? Нѣтъ, они пріемлютъ то и другое молча и безответственно; не только не слышно новыхъ извиненій, но и никакихъ просьбъ о прощеніи, или уменьшеніи казни. Откуда вдругъ такое неожиданное безмолвіе и преданность? Отъ того, безъ сомнѣнія, что въ самомъ лицѣ и гласѣ Божіемъ уже выражалась совершенная непреложность того, что было изрекаемо. Съ другой стороны, пробудившаяся совѣсть давала знать прародителямъ, что судьба ихъ, послѣ нарушенія заповѣди Божіей, не можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ, что грѣхъ и преступленіе непремѣнно должны быть наказаны, и что благолушное принятіе и перенесеніе сего наказанія есть наилучшее средство къ тому, чтобы заслужить милость и возвратить себѣ любовь Божію.

Падемъ убо, братіе мои, и мы въ духѣ предъ Судією и Господемъ нашимъ и, оставивъ всѣ вопросы и размышенія, скажемъ въ простотѣ ума и сердца съ Давидомъ: *праведенъ еси*

Господи, и прави суды Твои! яже навель еси на насъ, судомъ и правою навель еси, да потомъ и слезами, терниемъ и волчцами, исцѣлимся отъ пагубной наклонности къ ядовитой сласти грѣха. Подаждь убо всѣмъ намъ, о Всеблагій, духа вѣры и терпѣнія, духа крѣпости и упованія, да благодушно будемъ нести то, что возложила на насъ не столько наказующая, сколько самыя наказаніемъ врачующая десница Твоя! Аминь.

СЛОВО

В 1 СУББОТУ 5-Й ПОДАИИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

или

ПОХВАЛЬНУЮ.

Соглася древній Адамъ, и Богъ вожделѣвъ быти, не бысть: человѣкъ быдается Богъ, да Бога Адама содѣляетъ.

Высокое богословіе заключается въ словахъ сихъ, братіе мои, богословіе и созерцательное и дѣятельное, успокоительное и всерадостное для тѣхъ, кои соображаютъ съ нимъ вѣру, дѣла и жизнь свою,—грозное и всеобличительное для тѣхъ, кои небрегутъ о немъ. Послѣдуя гласу Церкви, мы тѣмъ охотнѣе предаемся нынѣ всей глубинѣ сего богословія, что видимъ въ этомъ средство, не прерывая никакъ собесѣданій о предметѣ, насть съ вами занимающемъ, воздать подобающую честь настоящему празднеству въ честь преблагословенныя Дѣвы Маріи. Ибо, вникая въ смыслъ сего высокаго пѣснопѣнія церковнаго, мы паки срѣтимся съ прародителями нашими въ Эдемѣ; а между тѣмъ восхвалимъ великую Заступницу нашу, которая послужила взбранною Воеводою не грекамъ токмо на пораженіе скиѳовъ и срацянъ, а всему роду человѣческому, на низложеніе онаго древняго прегордаго Кагана, который, обольстивъ и поработивъ себѣ прародителей нашихъ въ Эдемѣ, мечталъ вѣчно удержать въ плѣну у себя весь родъ человѣческій.

Салгаси, то есть, обманулся въ своемъ ожиданіи и намѣреніи, дретній Адамъ, и Богъ вожделѣвъ быти, не бысть.

Мы видѣли, откуда и какъ возникло въ Евѣ и Адамѣ безумное вожделѣніе, быть яко бози. Причиною и поводомъ къ сему было змій искуситель, или паче, духъ злобы, дѣйствовавшій въ змії и клеветою на Бога и суетными обѣщаніями успѣвшій возбудить въ прародительницѣ нашей несбыточную надежду на мгновенное обоженіе своей природы. Видѣли далѣе, какъ Ева и Адамъ привели въ дѣйствіе свое преступное намѣреніе, и по совѣту змія, вкусили отъ плода запрещеннаго. Во всемъ этомъ было жестокій обманъ со стороны змія; ибо это несчастное вкушеніе, яко противное заповѣди Божіей, было для человѣка средствомъ не къ тому, чтобы сдѣлаться Богомъ, а прямо къ противному, то есть, чтобы потерять и ту часть богоподобія, которою Адамъ обладалъ уже, яко созданный по образу Божію. Горькій опытъ не замедлилъ, какъ мы видѣли, показать все это на дѣлѣ. Прародители тотчасъ почувствовали свою, невѣдомую ими дотолѣ, наготу, стыдъ и страхъ; сдѣлались неспособными не только быть яко Богъ, но и сносить присутствіе Божіе, почему и скрылися отъ лица Божія, въ среду древъ райскихъ. Когда же воззванные потомъ предъ судъ Божій, обличены во грѣхѣ, то подверглись осужденію: жена на болѣзни чадородія и сугубую покорность своему мужу, мужъ на потъ и труды надъ воздѣлываніемъ земли, оба—на возвращеніе въ землю, отъ нея же взяты. Не могло быть ошибки ужаснѣе, разобольщенія болѣе полнаго: *соглася древній Адамъ!*

Если бы дѣло осталось въ такомъ видѣ, то какое бы торжество для врага нашего, не только надъ нами, но и надъ самимъ Творцемъ нашимъ! Онъ достигъ, повидимому, всего: ибо, вотъ планъ и намѣренія Всемогущаго въ созданіи человѣка разстроены и превращены; земный образъ и намѣстникъ Его униженъ, поруганъ, ограбленъ и пораженъ смертію; земля и родъ человѣческій отселѣ—царство грѣха и страстей, слѣд. подвластное духу злобы. Побѣда полная! И какъ все это достигнуто скоро, легко, вѣрно, безвозвратно!

Мы говоримъ: и безвозвратно. Ибо средства къ возстановленію падшаго человѣка не представлялось никакого. Человѣкъ самъ—что бы онъ сдѣлалъ для сего? Тотъ, кто не устоялъ на высотѣ богоподобія, обладая всѣми силами, какъ бы могъ взойти обратно на сию святую высоту, разбившись отъ паденія и потерявъ силы?—Ангелы и духи чистые? Они могли сообщить нѣсколько

свѣта и теплоты помраченному и охладѣвшему къ добру человѣку, могли оказать ему нѣкую помощь въ извѣстныхъ случаяхъ; но поднять его изъ глубины грѣха, смерти и тлѣнія—это было превыше и ихъ силъ. Для самого Божества казалось невозможнымъ оказать помощь падшему человѣку и спасти его отъ погибели грѣховной. Ибо главное свойство грѣха въ томъ и состоитъ, что онъ удаляетъ человѣка отъ Бога и Бога отъ человѣка. Для поданія помощи нужна близость къ тому, кому помогаютъ, и нѣкое соединеніе съ нимъ; а святость существа Божія требовала не приближенія, а удаленія отъ нея человѣка, яко грѣшника: ибо *кое обиженіе свѣту ко тьмѣ* (2 Кор. 6, 14) чистотѣ и святости къ беззаконію?

Все сие, безъ сомнѣнія, ясно видѣлъ всезлобный врагъ нашъ; видѣлъ—и радовался и торжествовалъ надъ нами. Но непродолжительно было торжество всегубителя! Въ неизслѣдимыхъ глубинахъ премудрости Божіей отъ вѣкъ уже обрѣталось средство не только возстановить человѣка падшаго, не только посрамить діавола разрушениемъ всѣхъ дѣлъ его, но сдѣлать гораздо болѣе: именно обратить въ истину то самое, что искуситель, яко совершенно несбыточное, обѣщалъ Адаму,—дабы солгался уже не Адамъ, а врагъ нашъ. Онъ обѣщалъ, какъ мы видѣли, отъ вкушенія плодовъ запрещенныхъ совершенство божеское, воображая, безъ сомнѣнія, въ умѣ своемъ, что это рѣшительно невозможно. И вотъ, премудрость и любовь Божія положили эту невозможность обратить въ дѣйствительность, то есть, возвысить естество человѣческое не до обладанія только, какъ прежде было, образомъ Божіимъ, чрезъ отраженіе въ себѣ нѣкоторыхъ совершенствъ божественныхъ, а до нѣкоего дѣйствительнаго участія въ самомъ естествѣ божественному, да будемъ, какъ говорить св. ап. Петръ, божественнаго причастницы естества (2 Петр. 1, 4). Для достиженія такой чрезвычайной цѣли необходимо было и средство чрезвычайное. И дѣйствительно, для сего употреблено такое средство, которое не могло прийти на мысль самому многоочитому Серафиму: человѣкъ Богъ бываетъ, да Бога Адама содѣлаетъ.

Извѣстно, братіе мои, какъ совершилася сія тайна, какъ произошло это чудо. Не смотря на омраченіе естества нашего грѣхомъ, на униженіе его страстями, на нашу нечистоту, безобразіе, бренность и тлѣніе, Единородный Сынъ Божій, со всею полнотою божественныхъ силъ, низшелъ до насть падшихъ, принялъ на Себя естество наше на всю вѣчность, содѣлался подобнымъ намъ че-

ловѣкомъ, усвоилъ Себѣ всѣ наши немощи, кромѣ грѣха, и, въ удовлетвореніе правуѣ Божіей, умеръ за насть на крестѣ. Примиривъ такимъ образомъ человѣка съ Богомъ, Онъ возвратилъ намъ всѣ потерянныя права, измѣнилъ на родъ человѣческій всю полноту божественныхъ силъ, открылъ каждому изъ насть входъ на небо и доставилъ возможность не приближаться токмо къ Богу, но и соединяться съ Нимъ во единъ духъ. Такимъ-то образомъ Богъ человѣкъ бываетъ, да Бога Адама содѣляетъ!

Вмѣстѣ съ симъ чрезвычайнымъ дѣйствиемъ, по необходимости долженствовало измѣниться въ судьбѣ нашей все и всегда. Съ вочеловѣченіемъ Сына Божія, человѣчество—въ лицѣ Его—явилось обоженнымъ и исполненнымъ всею силою Божества; а по совершеніи дѣла искуplenія, оно превознесено не только превыше первобытнаго нашего совершенства въ Эдемѣ, а превыше всякаго величія Ангеловъ и Архангеловъ, такъ что теперь Богъ и человѣкъ во Христѣ—едино лицо, божественное и препрославленное. Вотъ къ чему, самъ не зная, вопреки своей злобы, привель человѣка искуситель! Онъ не потерпѣлъ видѣть природы нашей въ раю; а теперь, какъ ни подниметъ очи на небо (если поднимаетъ когда либо), всегда видить естество человѣческое, въ лицѣ Иисупителя нашего, съдящимъ одесную престола величествія на высокихъ (Епр. 1, 3).

Но не этотъ одинъ ударъ долженъ перенести врагъ нашъ, хотя и его вполнѣ достаточно для сокрушенія всей главы зміиной. Нѣтъ, Сынъ Божій содѣлся сыномъ человѣческимъ не для того токмо, чтобы въ единомъ лицѣ своемъ обожить воспринятое Имъ человѣчество, но чтобы чрезъ Себя и отъ Себя распространить—до извѣстной степени—это обоженіе на всѣхъ потомковъ Адама, кои суть теперь единокровные, такъ сказать, братія Его. Вслѣдствіе Его воплощенія и обоженія Имъ въ лицѣ своемъ природы нашей, должно выйти столько же обоженныхъ людей, сколько есть людей, совершенно облагодатствованныхъ, такъ чтобы врагъ нашъ на кого потомъ ни воззрѣлъ изъ нихъ, въ каждой увидѣлъ бы величіе и славу Божества. Богъ человѣкъ бываетъ, да Бога Адама содѣляетъ!

Не вдругъ началось, не вдругъ можетъ и кончиться чудо столь великое: ибо не вдругъ каждый изъ падшихъ сыновъ Адама можетъ быть возведенъ на сию высоту преображенію. Потребно множество разныхъ средствъ, а съ тѣмъ имѣеть и времени, чтобы природа человѣческая въ каждой изъ вѣрующихъ исцѣлилась, очистилась, просвѣтила, возвысила, и сильилась способ-

ною къ тому, чтобы быть едино съ Богомъ. Но премудрость Искупителя нашего сдѣлала все, чтобы облегчить, сколько возможно, упрочить и обезопасить для каждого этотъ восходъ на высоту уже не богоподобія токмо, а дѣйствительного обоженія естества человѣческаго. И сколько уже потомковъ Адама, кои могутъ сказать о себѣ, по примѣру св. Павла: *живу не къ тому азъ, но живеть во мнѣ Христосъ!* Сколько еще до конца міра явится душъ, кои помогутъ сказать о себѣ тоже самое! Степень совершенства, достигаемаго истинно-вѣрующими, еще на землѣ, такъ велика, что самъ Господь благоволитъ ихъ именовать не людьми, а богами. Такъ о Моисеѣ прямо говорится: *и се азъ дахъ тя Бога фараону* (Исх. 7, 2). Посему сіи обоженные человѣки и производятъ уже дѣла не человѣческія, а, можно сказать, истинно-божескія: тотъ единимъ словомъ останавливаетъ солнце; сей раздѣляетъ жезломъ море; другой воскрешаетъ мертвыхъ. Но въ продолженіе сей жизни слава обоженія вѣрныхъ рабовъ Господнихъ, какъ нѣкогда слава Божія въ скиніи свидѣнія, все еще сокрываются подъ завѣсою кожаною, то есть, подъ грубою нашею плотью. Откроется же вся полнота сея славы и предъ всѣмъ міромъ въ послѣдній день, когда паки представанетъ, или паче приведется на судъ съ нами врагъ нашъ. Тогда-то, по величественному выражению Псаломопѣвца, *Богъ станеть въ сонлѣ Боговъ; посредѣ же Боги разсудитъ* (Псал. 81, 1)! То есть, Божественный Искупитель нашъ, вступивъ въ полное соединеніе съ Богами (1 Кор. 6, 2) *), то есть человѣками, Имъ искупленными и обоженными, вмѣстѣ съ ними произнесетъ судъ надъ діаволомъ и его клевретами. *Не вѣсте ли, пишетъ св. Павелъ, яко святіи міру судити имуть?*

Къ такой неизреченной высотѣ предназначены всѣ мы, братіе мои, вслѣдствіе воплощенія для насъ Сына Божія! Если высота сія изумительна и даже неимовѣрна, по сравненію съ нашею бѣдностію и ничтожествомъ грѣховнымъ; то, съ другой стороны, она естественна и, можно сказать, необходима, по сравненію съ достоинствомъ и дѣяніями Божественнаго Искупителя нашего. Ибо какова причина, таково и дѣйствіе. Но если же воплощеніе для насъ и смерть за насъ Сына Божія суть события преестественныя и неизмѣримыя; то таковы же должны быть и слѣдствія сихъ событий. Коль скоро Богъ во плоти, то самая

*) Григорій Богословъ въ словѣ на Богоявление.

плоть—въ чистомъ видѣ ся—уже въ Богѣ: человѣкъ Богъ быва-
етъ, да Бога Адама содѣлаетъ!

Но кого, послѣ Божественнаго Искупителя нашего, должны
мы болѣе всѣхъ благодарить за такую честь и достоинство, какъ
не пресвятую Матерь Его, преблагословенную Дѣву Марию?
Она, единственная изъ всѣхъ дщерей Евы, столько обрѣла благодати у
Господа, что помогла вмѣстить въ пречистой утробѣ своей Того
коего не вмѣщаются небеса небесь; Она воспитала отъ непороч-
ныхъ сосѣвъ своихъ Того, кто имѣлъ сокрушить главу змія и
покорить его подъ ноги наши; Она вполнѣ вознаградила то, что
погублено было въ Эдемѣ Евою.

Достойно убо и праведно поется и славится имя Ея отъ ко-
нецъ до конецъ вселенныя. Достойно и праведно провозглашается
Она высшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ.
Ибо надъ кѣмъ скорѣе и во всей силѣ должна была выполниться
высокая цѣль искупленія, какъ не надъ Нею? Кому подобало
болѣе причаститься Божественнаго естества, какъ не Той, отъ
коей взято человѣческое естество? Послѣ Сына Божія, пресвятая
Матерь Его есть первый и высшій образецъ возсозданного и обо-
женного искупленіемъ Его человѣчества. Аминь.

БЕСЪДА

ІІ СРДЧ 6-ІІ ІІДІДН РІДИІІГО ПОСТІ.

И створи Господь Богъ Адаму и
женѣ его ризы кожаны и облече ихъ
(Быт. 3, 21).

Акакъ Адамъ и Ева вкупѣ. Но, какъ же, когда Адамъ осуждался на смерть, о женѣ не было сказано ни слова? Уже не пощажена ли она, по слабости пола, отъ сего страшнаго наказанія? Нѣть, кто вкусили отъ плода запрещеннаго, тотъ не могъ оставаться бессмертнымъ. Ева первая простерла къ нему руку, и первая же увидѣть надъ собою Ангела смерти. Ибо, на основаніи того же сказанія Моисеева, есть причина думать, что она, предваривъ Адама въ нарушеніи заповѣди, предварила его и въ смерти. Если же умолчано о ней въ опредѣленіи Божиемъ, то потому конечно, что Адамъ представлялъ собою на ту пору все человѣчество: что изрекалось въ семъ качествѣ ему, то само собою падало и на жену, взятую отъ ребра его. Одной только, повидимому, черты въ наказаніи Адамовомъ нельзя отнести къ женѣ: воздѣлыванія въ потѣ лица земли. Но и здѣсь сколько жень, по необходимости раздѣляющихъ труль мужа надъ землею! Если мужъ раздираетъ руками свои утробу земли и бросаетъ въ нее сѣмена; то жена своими руками собираетъ то, что произрашаетъ земля. И какъ собирается? Съ утомлениемъ и не безъ вздыханій, когда земля щедро наградила трудъ мужа; еще съ большими вздыханіями и печалию, когда собирать почти нечего; такъ что ее угнетаетъ и печалить болѣе недостатокъ пота и труда, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, нежели избытокъ усилий. И собранное кто уготовляетъ на трапезу? Рука жены. Лице мужа

страждеть на одномъ солнцѣ; лице жены страдаетъ и отъ солнца во время жатвы, и каждый день отъ огня, на коемъ готовится пища. Если сравнить все это, если принять во внимание большую слабость тѣлеснаго состава жены предъ мужемъ, ея большую чувствительность въ минуту несчастія и скорби; то окажется, что жребій жены на землѣ тяжелѣе жребія мужа. Посему весьма справедливо и законами и общимъ мнѣніемъ (гдѣ оно идетъ какъ должно) оказывается большее внимание и большее снисхожденіе женѣ. Только это внимание и это уваженіе не должны простираться, какъ иногда бываетъ, за предѣлы, — до той безразсудной угодливости прихотямъ жены, отъ коей падь прародитель нашъ и падаютъ доселѣ многіе изъ домовладыкъ. Но обратимся къ тому, что повѣствуетъ Моисей.

И сотвори Господь Адаму и женѣ его ризы кожаны, и облече ихъ.

Итакъ, первыя ризы наши были нерукотворенныя! Ихъ сдѣлалъ не человѣкъ, и не Ангель, а самъ Богъ! Видите ли любовь, видите ли попеченіе нѣжнаго Отца о дѣтяхъ! И въ какое время? Когда Онъ судить и наказуетъ ихъ—преступныхъ! По изреченію приговора надъ виновными, надлежало ожидать, что они предоставлены будуутъ самимъ себѣ, что Господь не замедлитъ удалиться отъ тѣхъ, кои сами, еще такъ недавно, убѣгали и скрывались отъ лица Его. Но Онъ продолжаетъ свое присутствіе, какъ бы ожидая и желая видѣть, что произведутъ слова Его; и, не слыша ничего изъ устъ насть осужденныхъ, тотчасъ изъ сущіи обращается въ друга и благодѣтеля. Прародителей, какъ мы видѣли, ничто такъ не смущало на первый разъ, какъ ихъ нагота; смущала до того, что они не могли переносить собственныхъ взоровъ, и спѣшили сдѣлать для себя препоясаніе. Препоясаніе это не столько однокоже скрывало, сколько обнажало ихъ наготу, показуя, что они не въ прежнемъ естественномъ имъ состояніи невинности. При томъ надолго ли бы стало сего препоясанія? Въ состояніи ли оно было защищать тѣло отъ будущихъ перемѣнъ воздушныхъ? Скоро ли бы злополучные грѣшники дошли сами по себѣ до искусства устроить себѣ одежды изъ вещества болѣе прочнаго? Вселагій видить все сіе, — и настоящее положеніе Адама и Евы, то есть ихъ стыдъ и смущеніе, и будущую потребность для нихъ въ большей и прочнѣйшей защите своего тѣла отъ перемѣнъ воздушныхъ, и неспособность ихъ скоро удовлетворить сей нуждѣ,—видить, и немедленно самъ

восполняетъ ихъ недостатки: и сотвори Господь Богъ Адаму и жепѣ его ризы кожаны, и облече ихъ.

Но что это за ризы кожаны? Не плоть ли наша нынѣшняя, грубая и скотоподобная, которая, по замѣчанію Соломона (Прем. 9, 15), отягощаетъ собою душу и обременяетъ умъ? Если сравнить тѣло человѣческое въ нынѣшнемъ его состояніи съ тѣмъ, какъ оно было въ началѣ, вышло изъ рукъ Божіихъ, и съ тѣмъ, какимъ оно имѣеть быть нѣкогда паки, послѣ будущаго всеобщаго воскресенія изъ мертвыхъ: то и настоящее грубое тѣло наше можно, пожалуй, назвать ризами кожаными. Но Моисей, очевидно, разумѣетъ подъ ними не то, а дѣйствительную одѣжду, которую Господь премилосердый устроилъ для прародителей нашихъ.

Но откуда же, спросить кто либо, взялись въ раю кожи? Пожалуй, если хочешь, прими просто и буквально выраженіе Моисея—*и сотвори*; тогда вовсе не нужно будетъ спрашивать—откуда? И если судить по лицу и достоинству Того, кто устроилъ теперь для Адама одѣжду; то Ему, какъ всемогущему, приличнѣе было сдѣлать ее не изъ чего либо, а изъ ничего. — А если тебя пугаетъ мысль о новомъ твореніи (хотя Господь непрестанно творить новое въ царствѣ благодати), то можно найти отвѣтъ на предложенный вопросъ и другимъ образомъ. Та же, напр., свящ. книга Бытія показываетъ намъ, что Авель приносилъ уже Богу жертву отъ первородныхъ и отъ тука ихъ. Кто, скажи, научилъ его искать и найти жертву Богу въ закланіи и смерти животныхъ? Всего вѣроятнѣе, примѣръ отца — Адама. А онъ откуда взялъ такую мысль необыкновенную? — Самъ дошелъ до нея? — Какимъ образомъ? Здравый разумъ и тогда уже не могъ не внушать того, что изречено впослѣдствіи о подобныхъ жертвахъ Апостоломъ: *яко не возможно, то есть, крови юнчей и козлѣй отпушати грѣхи* (Евр. 10, 4). И какъ, скажи, можно было осмѣливаться принести въ жертву Богу жизнъ существа, Имъ созданного? Сдѣлавъ это самовольно, скорѣе можно было опасаться за то гнева Божія, нежели благоволенія. Поелику же сыны Адама приносятъ уже въ жертву животныхъ и дѣлаютъ это, какъ должно думать, потому, что самъ Адамъ дѣлалъ тоже, самъ же онъ не могъ начать дѣлать сего отъ себя и произвольно: то остается положить, что принесеніе въ жертву животныхъ внушено прародителямъ нашимъ самимъ Богомъ. Для чего внушено? Господь самъ не могъ имѣть въ этомъ никакой нужды: значитъ, это нужно было для Адама. Для чего? Для того же, ко-

нечно, для чего введены впослѣдствіи жертвы въ цѣломъ народѣ Израильскомъ, дабы, то есть, — какъ разъяснилъ намъ то ап. Павелъ въ посланіи къ Ереямъ, — онѣ служили прообразованіемъ той великой Жертвы крестной, кою имѣть быть на Голгоѳѣ искупленъ весь міръ и заглаждены всѣ грѣхи.

Когда произошло это божественное наученіе Адама жертвоприношеніямъ? Не погрѣшимъ, кажется, если скажемъ, что теперь же, по окончаніи суда надъ нимъ: ибо послѣ не видно уже, чтобы Господь являлся ему когда либо. Въ смерти приносимаго въ жертву животнаго прародители наши тотъ же часъ могли видѣть и свою будущую смерть и свое будущее искупленіе страданіями и смертю за всѣхъ насъ Искупителя міра. И вотъ вѣщество для содѣлація ризь Адаму и женѣ его: кожи, то есть, жертвенныхъ животныхъ! Посему—то, можетъ быть, и послѣ, когда данъ израильтянамъ законъ о жертвоприношеніяхъ, кожа отъ закланнаго животнаго не сожигалась вмѣстѣ съ жертвою, а была предоставлена закономъ жрецу. Если Моисей не говорить теперь о всемъ этомъ, то, конечно, потому, что вообще о происшедшемъ въ Эдемѣ говорится у него весьма мало, одно необходимое; а еще болѣе потому, что, начавъ рѣчь о первомъ жертвоприношениі въ Эдемѣ и его таинственному значеніи, надлежало уже вмѣстѣ съ тѣмъ коснуться и многихъ другихъ истинъ и тайнъ Божіихъ; а это значило бы приподнять завѣсу, скрывавшую до времени Святое Святыхъ, за которую входилъ одинъ первосвященникъ, то есть, только немногіе избранные.

Но возвратимся къ нашей бѣдной и вмѣстѣ богатой и драгоценной одѣждѣ; — бѣдной, ибо она замѣнила собою благодать Божію и невинность, насть облекавшія, богатой, ибо она вышла изъ рукъ самого Творца и Господа нашего; бѣдной, ибо она составлена изъ смерти существъ живыхъ,—богатой, ибо она выражала собою будущія заслуги мя насть нашего Искупителя. Примѣтьте, братіе, силу и нѣжность самаго выраженія: *соторви Адаму и женѣ его ризы кожаны*. Можно бы сдѣлать ризу одному Адаму и сказать: вотъ такъ сдѣлай и женѣ! Но Господь творитъ одѣяніе для обоихъ. Далѣе сказано: *и облече я:* то есть, не только самъ сдѣлалъ одѣжду, но и самъ возложилъ на нихъ: подобно тому какъ мать, сдѣлавши платье своему літятии, сама надѣваетъ на него, показуя, какъ ходить въ немъ и какъ носить его.

Не будемъ же забывать сего, возлюбленные! Престанемъ смотрѣть легкомысленно на одѣжду нашу: она есть сугубый

памятникъ и нашего грѣха предъ Богомъ и милосердія Божія къ намъ грѣшникамъ. Какъ знаменіе нашего падшаго состоянія, одѣжду, изъ чего бы ни состояла она и какъ бы ни была богата, всегда должно носить со смиреніемъ, а не превозноситься ею, какъ то дѣлаютъ безразсудно нѣкоторые. А какъ даръ любви Божіей, одѣжда должна располагать насть къ благодарности Богу. И чѣмъ же, спросишь, могу я возблагодарить Бога за нее? Тѣмъ, возлюбленный, если ты, въ благодарность, самъ не откажешься сдѣлать одѣжду для Бога. Какъ это? А вотъ какъ: если одѣнешь бѣднаго и нагаго собрата твоего. Ибо, слышшишь ли, что говорить самъ Господь въ Евангеліи? *Понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Минъ сотвористе* (Мат. 25, 40). Видишь, на кого переходитъ одѣжда, сдѣланная нищему?

Вспомнимъ и подумаемъ при семъ случаѣ и еще объ одномъ одѣяніи. Прародители наши, получивъ ризы изъ рукъ Божіихъ, безъ сомнѣнія, не столько носили ихъ потомъ, сколько берегли, какъ драгоцѣнность и святыню. И у насть есть одѣжда, полученная изъ рукъ Божіихъ: это оное драгоцѣнное одѣяніе, въ которое облекла насть при крещеніи св. Церковь. Для составленія сего одѣянія, также необходима была смерть — не животнаго какого-либо безсловеснаго, а смерть Сына Божія, Спасителя нашего. Ибо мы облечены въ крещеніи заслугами Его, облечены, можно сказать, въ самую крестную смерть Его, за насть претерпѣнную. Ибо, *елицы во Христѣ крестистеся*, говорить Апостоль и поетъ св. Церковь, *во Христѣ облекостеся* (Гал. 3, 27). И въ другомъ мѣстѣ говорится: *елицы во Христѣ Iucusa крестихомся, въ смерть Его крестихомся; спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть, да яко же Христосъ воста отъ мертвыхъ, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. 6, 3. 4). Вотъ наша одѣжда! Видите, какъ она чиста и свята! Какъ великолѣпна и божественна! Какъ вожделѣнна и вмѣстѣ страшна! Ибо малая ли вещь облечься въ смерть Сына Божія?....

Будемъ же, братіе мои, памятовать все это и вести себя, какъ прилично людямъ, облеченнымъ во Христа. Оставимъ суэтное попеченіе объ украшеніи нашей виѣшности, которое у многихъ изъ насть выходитъ изъ всякихъ предѣловъ и поглощаетъ собою все время. Ахъ, не до нарядовъ и украшеній, не до изящныхъ, такъ называемыхъ вкусовъ и послѣднихъ модъ тѣмъ, кои лишены образа Божія, изгнаны изъ рая сладости, поселены на землѣ проклятия, осуждены на то, чтобы возвратиться въ землю, отъ нея же взяты, и на краткое время токмо остаются

межлу жизню и смертю, небомъ и адомъ. Благодареніе любви вѣчной, что по паденіи нашемъ могли мы удержаться — до времени — хотя на сей зыбкой и опасной срединѣ! Доколѣ мы не восхищены еще отъ среды живыхъ, дотолѣ все можетъ быть исправлено: можемъ, если захотимъ, возвратить рай потерянный, и получить еще большее, то есть, царствіе небесное и сожитіе со Христомъ и Ангелами. Но долго ли продлится для насъ сія драгоцѣнная возможность? Завтра, послѣ-завтра явится смерть, и позоветъ насъ, подобно прародителямъ нашимъ, предъ страшный судъ Божій. Что речемъ на судѣ семъ, если явимся безъ той одежды невинности, въ которую Господь самъ облекъ насъ при крещеніи? Не будемъ же тратить драгоцѣнного времени напрасно; употребимъ все, даже претерпимъ все, только бы изыти путемъ вѣры и покаянія изъ той бездны, въ которую низринулъ насъ грѣхъ, прежде нежели она заключится надъ нами на вѣки. Аминь.

БЕСЪДА

ВЪ ПЯТОЙ 6-І ПОДѢДІИ ВѢДУЧІГО ПОСТІ.

И рече Богъ: се Адамъ бысть яко единъ отъ нась, еже разумѣти доброе и лукавое; и нынѣ да некогда простреть руку свою и возметь отъ дерева жизни и живъ будеть во вѣки. И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости, даътъ землю, отъ нея же взять бысть. И изрине Адама и всели его прямо рая сладости (Быт 3, 22. 23).

Послѣ божественнаго приговора надъ прародителями нашими, подлежало еще рѣшенію—гдѣ жить имъ? Оставаться ли по-прежнему въ Эдемѣ, или быть переселенными въ другое мѣсто? Премудрость Божія предсудила послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, по паденію его, уже не въ пользу было бессмертіе, а надлежало возвратиться въ землю, отъ нея же взять бысть: это, какъ мы видѣли, составляло и наказаніе за грѣхъ, и вмѣстѣ врачевство отъ ожесточенія во грѣхѣ, такое врачевство, котораго не могло замѣнить для нась ничто. Но въ Эдемѣ, и по паденіи человѣка, оставалось дерево жизни: вкушение отъ плодовъ его могло и грѣшника предохранить отъ смерти тѣлесной. Между тѣмъ, кто самовольно дерзнулъ на вкушение отъ плодовъ дерева запрещеннаго, отъ того трудно было ожидать, чтобы онъ не покусился на вкушение отъ плодовъ дерева животнаго. Послѣ сего оставалось одно изъ двухъ: или уничтожить дерево жизни, или переселить человѣка изъ рая. Послѣднее было естественнѣе уже потому, что Эдемъ весь былъ приспособленъ къ обитанію въ немъ человѣка.

невиннаго, и слѣдовательно сдѣлался неспособенъ для жительства въ немъ человѣка грѣшника, который отселѣ долженъ быть жить не плодами съ лрень райскихъ, а доставать себѣ пропитаніе въ потѣ лица, изъ земли, трудами рукъ своихъ, и потому самому обитать уже въ рая.

Всѣ сіи мысли находятся, братіе мои, въ словахъ Моисея, вами слышанныхъ: только онѣ изображены у него не просто, а въ видѣ нѣкоего чрезвычайного совѣта, который держитъ Творецъ съ самимъ Собою. *И рече Богъ: се Адамъ бысть, яко единъ отъ насъ!*—Дважды токмо встрѣчается такое самособѣствованіе Божіе въ повѣствованіи о прародителяхъ нашихъ: въ первый разъ предъ ихъ произведеніемъ на свѣтъ, гдѣ Господь говоритъ: *соторилъ человѣка по образу нашему*; въ другой разъ здѣсь, предъ изгнаніемъ ихъ изъ рая. Такъ занимались не только судьбою, самимъ мѣстопребываніемъ нашимъ, дабы мы знали, что если съ нами сдѣлано что либо, то сдѣлано не по мѣщенню какому либо и въ гнѣвѣ, а, такъ сказать, съ полнымъ разсужденіемъ, и не по другой какой причинѣ, а для нашего же блага.

И рече Богъ: се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое. Явно, что рѣчь Божія обращена здѣсь къ какому-то лицу, или точнѣе, лицамъ. Какимъ? не къ Ангеламъ ли? но Господь говоритъ: *яко единъ отъ Насъ*, что нескажанно выше всякаго Ангела. Притомъ слова сіи изъ устъ Божіихъ имѣютъ видимое отношеніе къ тому обѣщанію, коимъ искуситель обольстилъ праматерь нашу, говоря: *будете яко Бози*. Простирая руку къ плоду запрещенному, Ева думала сдѣлаться чрезъ то подобною не Ангеламъ, а самому Богу. Послѣ сего не остается уже никакого сомнѣнія, что вышесказанныя слова обращены не къ Ангеламъ, а къ Лицамъ Божественнымъ и единосущнымъ; то есть, Богъ Отецъ говоритъ сіе къ Богу Сыну и Богу Духу Святому. Что же говорится о насъ въ семъ великому совѣтѣ?—Говорится нѣчто, какъ бы въ укоризну намъ: но поелику эта укоризна исходитъ изъ устъ любви Божіей, то и составляетъ не столько явную укоризну, сколько тайное сожалѣніе о насъ. *Се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое.* Адамъ, какъ бы такъ говорилъ Господь, сдѣлалъ съ своей стороны все для достижения того, что присовѣтовалъ змій; онъ знаетъ теперь доброе и лукавое, уподобился Богу! То есть—другими словами, Адамъ такъ уклонился теперь отъ своего предназначения, такъ разстроился во всемъ существѣ своемъ, сдѣлался такъ несчастенъ, что объ немъ надобно подумать снова столько же, сколько думано прежде,

когда онъ получалъ бытіе изъ рукъ нашихъ. Что же съ нимъ теперь дѣлать? Если предоставить ему самому опредѣлить дальнѣйшую свою судьбу до смерти, то онъ, неразумный, предположитъ, по легкомыслію, остататься жить въ Эдемѣ, воображая, что тутъ ему лучше; а оставшись въ раю, онъ, безъ сомнѣнія, не удержится отъ вкушенія плодовъ съ дерева жизни, что было бы теперь крайне вредно для него, ибо это самое воспрепятствуетъ Нашему благодѣтельному распоряженію о немъ—возвратиться ему, на время, въ землю, отъ нея же взять. Посему—и нынѣ, да некогда прострѣть руку свою и взлетѣть отъ дерева жизни, и живъ будешь во вѣки,—надобно назначить ему другое мѣсто жительства, гдѣ не было бы дерева жизни, для него теперь вреднаго, и гдѣ скорѣе срѣтили бы его трудъ и печаль, для него теперь необходимыя: и изгна Господь Богъ Адама изъ рая сладости, дѣлами землю, отъ нея же взять бысть, и изрине Адама.

Послѣднее выраженіе: *и изрине*, подаетъ мысль, что удаленіе прародителей изъ рая соединено было съ нѣкоторымъ принужденіемъ, а посему заставляетъ предполагать съ ихъ стороны усиление—остаться тамъ, гдѣ были. И можно ли было скоро и съ охотою оставить рай, чтобы пойти вонъ—на землю, уже проклятую, въ ожиданіи отъ пота и трудовъ надъ нею—тернія и волчевъ? Но, безъ сомнѣнія, это усиление—не разставаться съ мѣстомъ своего первобытнаго жительства состояло не въ чемъ другомъ, какъ въ моленіи и слезахъ, какъ это бываетъ съ дѣтьми, когда ихъ хотятъ удалить навсегда отъ какого либо любимаго мѣста. Въ такомъ случаѣ потребно бываетъ нѣкоторое усиленіе руки отца или матери. Тоже послѣдовало и теперь: невидимая сила заставила прародителей идти, куда повелѣно: *и изрине Адама*.

И всели его прямо рая сладости. Судя по той цѣли, для коей прародители удалены изъ рая, можно было ожидать, что для новаго жительства ихъ избрано будетъ мѣсто, совершенно удаленное отъ Эдема, дабы не было предъ глазами искушенія—пожелать паки возвратиться въ него. Но премудрость Божія поступаетъ противнымъ образомъ—вселяетъ Адама не вдали, а *прямо рая*, дабы онъ всегда имѣлъ его предъ глазами своими. Для чего это? Для того конечно, чтобы видѣть потеряннаго Эдема непрестанно напоминаль человѣку о томъ, чего онъ лишился, и располагалъ его къ покаянію. Это полезно было даже не для одного Адама и Евы, а и для потомковъ ихъ, кои, безъ сомнѣнія, не вдругъ разлучились съ своими прародителями, а долго жили съ ними вмѣстѣ—*прямо рая*. Такимъ образомъ въ ихъ памяти и умѣ

отъ самаго взгляда на Эдемъ утверждалось сказаніе Адама и Евы о первобытномъ блаженномъ состояніи человѣчества, о преступленіи заповѣди, о зміѣ искусителѣ, о судѣ Божіемъ и наказаніи за грѣхъ. Все это должно было располагать потомковъ Адамовыхъ къ чувствамъ покаянія и вѣры въ обѣтованіе Божіе о побѣдѣ надъ зміемъ. И сему-то, конечно, должно приписать, что преданія о первобытномъ невинномъ состояніи человѣка и его паденіи до того распространілись и утвердились во всемъ родѣ человѣческомъ, что, не смотря на столько вѣковъ, на испребленіе первого міра потопомъ, на разсѣяніе по столпотворенію Вавилонскомъ людей по всему лицу земли, доселѣ, хотя не ясно, слышатся въ священныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ.

Будемъ, братіе мои, и мы чаще ставить себя въ мысляхъ *пряло рая*; будемъ воспоминать то, что случилось съ нами въ Эдемѣ: какъ мы преступили заповѣдь, какъ лишились образа Божія, какъ облеклись сначала листвіемъ смоковничнымъ, а потомъ ризами кожаными, какъ осуждены въ потѣ лица снискивать хлѣбъ свой и возвратиться въ землю, отъ нея же взяты. Это будетъ стократъ полезнѣе для насть, нежели перебирать и вращать въ памяти пышныя прозванія и титулы своихъ предковъ, отличія и права, ими для насть пріобрѣтенныя. Ахъ, что значитъ все нынѣшнее, такъ называемое, благородство человѣческое предъ тѣмъ, что мы всѣ были и чѣмъ обладали нѣкогда! Если бы мы устояли въ невинности эдемской, то всѣ наслаждались бы нынѣ такимъ совершенствомъ, которое въ настоящемъ бѣдственномъ состояніи нашемъ трудно и представить. Ибо не напрасно злобный врагъ нашъ позавидовалъ намъ: великимъ обладали мы, и еще къ стократъ большему были предназначены! Теперь все это ниспрoverгнуто, попрано, разсѣяно, изглаждено. Но и теперь есть средство все исправить, все паки пріобрѣсть, взойти на прежнюю высоту богоподобія и блаженства. Второй Адамъ, божественный Искупитель нашъ для того и пришелъ съ небесъ на землю, для того и воспринялъ на Себя плоть нашу, для того умеръ и воскресъ, дабы возставить все падшее въ Адемѣ первомъ, возвратить намъ права наши, заронить всѣ силы для побѣды надъ грѣхомъ и діаволомъ. Отъ насть зависитъ воспользоваться симъ божественнымъ благодѣяніемъ, усвоить себѣ наше искупленіе — употребленіемъ въ дѣло тѣхъ спасительныхъ средствъ, кои намъ доставлены. А для того, чтобы умѣть оцѣнить ихъ какъ должно, чтобы научиться дорожити ими для своего спасенія, и немедленно начать употреб-

лять во благо свое, нужно чаще всѣмъ намъ вспоминать наше первобытное состояніе и потерянное блаженство. Будемъ же, говорю, ставить себя въ мысляхъ *прямо рая*, и взирая мысленно на Эдемъ, сравнивать нынѣшнее наше бѣдственное состояніе съ первобытнымъ, сравнивая, обращаться къ Иисупителю нашему за средствами возвратить потерянное, и блюстись отъ новыхъ грѣхопаденій. Аминь.

БЕСЪДА

ВЪ ВЪДѢИИ ПОПОДАВЪИИ.

И пристави Господь Богъ Херувима и пламенное оружіе, обращающее, хранити путь древа жизни (Быт. 3, 24).

акъ прилежно бережетъ нась любовь Божія! Подлинно, не даромъ сказано: *аще мати забудеть отроча свое, Азъ не забуду тебе!*—Мы видѣли, какъ въ настоящемъ состояніи нашемъ опасно было для насъ вкушеніе отъ плодовъ древа жизни. Но, сами по себѣ, не скоро уразумѣли бы мы эту опасность; сто разъ могли бы покуситься на вкушеніе отъ плодовъ его, кои для насъ столько же были неблагопріятны теперь по своимъ послѣдствіямъ, сколько прежде, въ состояніи невинности, были пагубны намъ плоды запрещеннаго дерева. И вотъ, любовь Божія ставитъ стражу на пути къ дереву жизни, такого стражи, который уже самимъ видомъ своимъ наводилъ трепетъ и уничтожалъ всякое покушеніе подойти къ сему дереву. *И пристави Господь Богъ Херувима и пламенное оружие, обращающее, хранити путь дерева жизни.*

Пристави Херувима. Такъ грѣхъ измѣнилъ служеніе самыхъ Херувимовъ и Серафимовъ! Тѣмъ ли бы надлежало заниматься симъ существамъ премірнымъ? Ихъ дѣло было стоять у престола Божія, наслаждаться лицезрѣніемъ Пресвятаго Троицы, гласить непрестанно славу Вседержителя. Когда бы даже нисходили они въ дольній міръ нашъ, то нисходили бы всегда вѣстниками новой радости и нового блаженства; обращались бы съ человѣками, яко съ братіями единаго небеснаго Отца, яко съ

другами и наперсниками своими. Но пришелъ грѣхъ, поставилъ человѣка во враждебное отношеніе къ его Творцу и міру горнему; и духамъ чистымъ, при всемъ ихъ сожалѣніи о насть, не оставалось ничего болѣе, какъ стать противу того, кто содѣмался врагомъ Божіимъ,—начать разрушать темныя дѣла его, разить его гордость и неповиновеніе. И вотъ причина, почему Ангелы Божіи, сіи существа святыя и любвеобильныя, будуть являться иногда на землѣ, какъ свидѣтельствуетъ свящ. исторія, облечеными мракомъ и бурею,—даже съ мечемъ, поражающими смертію тѣхъ, коимъ лучше было умереть, нежели продолжать жить во грѣхахъ. Такъ Ангель поразить смертію первенцевъ египетскихъ, да не будутъ наслѣдниками злобы своихъ отцевъ; такъ Ангель же поразить въ единую нощь цѣлые легіоны воиновъ ассирійскихъ, да падутъ лучше отъ меча ангельскаго, нежели исполнятъ злую волю своего безумнаго владыки. Но возвратимся къ Эдему.

И пристави Господь Богъ Херувила и пламенное оружіе, обращающее, хранити путь древа жизни.

Особенно ли приставленъ Херувимъ, и особенно ли пламенное оружіе, обращающее? Можно представлять Херувима и оружіе раздѣльно, но лучше—вмѣстѣ. Ибо какъ бы обращалось оружіе само, безъ руки его обращавшей? И кому было ближе обращать его, какъ не Херувиму, стоявшему на стражѣ? Воину необходимо нужно оружіе, а оружію воинъ; но, по свойству священнаго языка, нерѣдко представляется раздѣльно то, что на самомъ дѣлѣ соединено вмѣстѣ.

Если спросишь далѣе: что это за пламенное оружіе, обращающее?—то мы скажемъ въ отвѣтъ, что у Херувима и оружіе не наше, а херувимское. Слово Божіе самыихъ Ангеловъ описываетъ иногда какъ существа, похожія на чистѣйшій и невещественный огнь. *Творяй*, сказано, *слуги твоя огнь паляще.* Сообразно сему и у Херувима оружіе было теперь похоже на пламень, то есть, казалось такимъ для Адама и Евы. Обращаемымъ же называется оно, конечно, потому, что не оставалось недвижимымъ въ рукахъ стража небеснаго, тѣмъ паче не лежало праздно, какъ это бываетъ съ человѣческимъ оружіемъ, а всегда было въ дѣйствіи, вмѣстѣ съ Херувимомъ являясь, смотря по нуждѣ, то на той, то на другой сторонѣ Эдема, и наводя собою страхъ на тѣхъ, коимъ приходила мысль—проникнуть въ Эдемъ.

И Херувимъ и оружіе поставлены были впрочемъ токмо хранить путь древа жизни, а не возбранять благоговѣйное прибли-

женіе къ Эдему, близость коего къ первымъ людямъ входила, вѣроятно, какъ мы видѣли, въ планъ самой премудрости Божіей. Посему нѣтъ ничего противнаго въ той мысли, что пребываніе Херувима у вратъ рая было не безъ благотворныхъ послѣствій для прародителей нашихъ и въ другомъ отношеніи. Лишившись непосредственного общенія съ самимъ Богомъ, они могли получать отъ стражи райскаго наставленія касательно того, что для нихъ необходимо было въ жизни; могли заимствовать утѣшеніе среди горестей и печалей; могли особенно быть введены имъ въ тайну обѣтованія о Сѣмени жены и сокрушеніи главы зміиной. Любопытствующій знать о семъ болѣе, да обратится между прочимъ къ церковной лѣтописи св. Димитрія Ростовскаго.

Долго ли Херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ стоялъ на своей стражѣ? Стоялъ, безъ сомнѣнія, пока было нужно; а нужно было дотолѣ, пока рай не потерялъ древа жизни, или пока человѣкъ не оставилъ совершенно желанія вкусить отъ плодовъ его. Скоро ли могло быть то и другое? Мигъ кажется, скорѣе первое, нежели послѣднее. Ибо, хотя бы Адамъ и Ева скоро возрасли до разумѣнія, что не въ древѣ жизни, еже посредѣ рая, должно искать имъ теперь вращества отъ бѣдствій, ихъ угнетающихъ, а въ обѣтованномъ Сѣмени жены и собственномъ покаяніи; но, отъ сыновъ и дщерей Адамовыхъ не вдругъ можно было ожидать подобнаго разумѣнія. Такому человѣку, напр., какъ Каину трудно было не покуситься на плоды отъ древа жизни; а путь Каиновъ (Луд. II) никогда и послѣ не оставался празднымъ. Посему должно думать, что стража Эдема кончилась вмѣстѣ съ Эдемомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ лревомъ жизни. Скоро ли это послѣдовало? Гораздо скорѣе можетъ быть, нежели какъ представляется съ первого взгляда. Лѣпота Эдема была слѣдствіемъ не силъ природы естественныхыхъ, а особеннаго и непосредственнаго устроенія Божія. *И насади, сказано, рай на Востоукѣ;* то есть, употребилъ на то особенное дѣйствіе своей силы творческой. Какою силою наскажденъ Эдемъ, тою же, безъ сомнѣнія, и держался въ благолѣпіи своемъ, доколѣ былъ нуженъ для человѣка; а когда престалъ быть нуженъ, то особенное благословеніе, коимъ онъ держался, было отнято. Безъ сего, подпавъ общимъ законамъ земной природы, рай еще скорѣе долженъ былъ потерять совершенство и истребиться, нежели какой-либо другой садъ, возрасшій по законамъ нынѣшней природы. Какъ бы впрочемъ ни было, только священный бытописатель, излагая послѣднюю исторію рода человѣческаго, ни разу ни упоми-

наетъ уже потомъ ни объ Эдемѣ, ни о древѣ жизни, ни о Херувимѣ съ пламеннымъ оружіемъ. Потопомъ, безъ сомнѣнія, изгладились и послѣдніе слѣды первобытнаго блаженнаго жилища человѣческаго. Какъ велико и разрушительно было дѣйствіе потопа именно надъ тѣмъ мѣстомъ, въ коемъ находился рай, можемъ заключать изъ того, что, вмѣсто четырехъ рѣкъ, указанныхъ Моисеемъ и бравшихъ начало свое изъ одного и того же начала въ Эдемѣ, остались теперь только двѣ: Тигръ и Евфратъ, но и ихъ истоки уже значительно удалены другъ отъ друга. Посему искать слѣдовъ рая на землѣ, какъ дѣлали и, можетъ быть, дѣлаютъ еще нѣкоторые, предпринимая для сего долгія и трудныя путешествія, есть дѣло, хотя доброго чувства, но разумѣнія не великаго.

Не на этой землѣ нашъ рай теперь, а на той, будущей, совершенной, которая явится, вмѣстѣ съ новымъ небомъ, когда нынѣшняя земля и нынѣшнее небо сгорятъ и претворятся совершенно. Тогда явится паки и древо жизни, и явится уже безъ Херувима съ пламеннымъ оружіемъ. *Посреди стогна его, то есть, града Божія, такъ пишетъ Тайновидецъ Иоаннъ, и по оба полы рѣки древо животное, еже творить плодовъ двадцать, на кийждо лѣсѧщъ воздая плодъ свой, и листвіе дерева въ исцѣленіе изыковъ* (Апок. 22, 2).

Но, отъ сего дерева жизни вкусимъ, если удостоимся обитать въ Эдемѣ небесномъ. Теперь, въ странѣ пришельствія, для нась древо жизни—на Голгоѳѣ. Это Крестъ Христовъ, приносящи намъ плоды не по числу лѣсѧщевъ, а каждый день и каждую минуту, такъ что мы можемъ вкушать ихъ, когда захотимъ. Я разумѣю Тѣло и Кровь Христову, отъ нихъ же ядый живъ будеть (Иоан. 4, 58) и не умретъ во вѣки (Иоан. II, 26), то есть, тою смертію вѣчною, коя смерть тѣлесная есть одно слабое изображеніе, и которая одна только и есть истинная смерть для нась.

И смотрите, что теперь дѣлаютъ Херувимы и Серафимы! Не стоять уже на стражѣ съ пламеннымъ оружіемъ у вратъ Эдема, какъ прежде, а съ нами же, во время совершенія таинъ Божественныхъ, невидимо служатъ Царю славы, какъ воспѣваетъ Церковь. Такъ все паки умиротворено Крестомъ Спасителя нашего! Такъ тѣсно возсоединено то, что, казалось, на вѣки раздѣлено было грѣхомъ и діаволомъ! Остается убо всѣмъ намъ точію пользоваться помошію свыше,—идти, куда ведутъ нась Ангелы-хранители; и мы всѣ паки приидемъ къ древу жизни. Аминь.

БЕСЪДА

ВЪ ВЪДѢИІЙ ВТОРИИІ.

И быша вси дніе Адамовы лѣтъ девятьсотъ и тридесѧть, и умре (Быт. 5, 5).

акъ долго продолжалась еще жизнь праотца нашего, уже изгнанного изъ рая сладости, уже удаленного отъ древа жизни, уже осужденного возвратиться въ землю, отъ нея же взять бысть! Новое и очевидное доказательство того, что еслибы мы не согрѣшили, то не подлежали бы смерти и тлѣнію.

Но чѣже бы тогда было съ родомъ человѣческимъ? — Увы, мы всѣ такъ сдружились съ смертю, что не можемъ и представить себѣ, что было бы безъ нея! Было бы то, что родъ человѣческій, невинный и святый, разселился бы по лицу всей земли, и она вмѣстѣ съ тѣмъ вся обратилася бы въ рай сладости; было бы то (позволимъ себѣ скромное гаданіе), что по прошествіи извѣстнаго времени, роды и поколѣнія людей, подобно Эноху и Иліи, не вкусили смерти, преставлялись бы въ другіе свѣтлые міры, коихъ такое множество надѣ главами нашими, и кои, можетъ быть, теперь до времени и праздны потому именно, что не являются тѣ, въ жительство коимъ они предназначены. Но во всякомъ случаѣ не вѣрьте, братіе мои, тѣмъ празднымъ говорунамъ, кои съ важнымъ видомъ утверждаютъ, что еслибы смерть не упраздняла мѣстъ для новыхъ жильцевъ, то потомкамъ Адамовымъ негдѣ было бы жить. Тѣ, кои вникли въ сей предметъ не поверхностно, не для того токмо, чтобы при случаѣ сказать два-три красныхъ слова, давно уже вычислили и показали, что шаръ земной и въ наше время еще представляютъ бы много

свободнаго мѣста для жительства потомковъ Адамовыхъ, еслибы каждый изъ нихъ оставался въ живыхъ и доселѣ. При чемъ не надобно забывать, что человѣкъ невинный въ первобытномъ состояніи своей души и тѣла, а равно и всей внѣшней природы, не имѣлъ бы нужды въ одѣждѣ и кровѣ, ни въ нынѣшихъ пособіяхъ къ своему пропитанію; и слѣд., требовалъ бы для своего существованія на землѣ гораздо менѣе пространства, нежели какое сдѣгалось для него необходимымъ нынѣ.

Если бы кто вопросилъ за симъ, откуда произошло такое долголѣтіе Адама, равно какъ и послѣдующихъ патріарховъ? такому отвѣтствуемъ, что причиною сего долголѣтія были, впервыхъ, остатокъ первобытной жизни и силы, кои въ самой высшей степени сосредоточены были въ человѣкѣ, яко владыкѣ всего одушевленного и неодушевленного; во вторыхъ, отъ особенного состоянія окружающей человѣка природы, которая въ началѣ также сохраняла въ себѣ болѣе жизненныхъ силъ для питанія и поддержанія жизни человѣческой. Вмѣстѣ съ симъ должно сказать, что доколѣ люди не размножились на землѣ, само провидѣніе Божіе особенно пеклось о продолженіи жизни человѣческой, устранивъ отъ нихъ разрушительное дѣйствіе стихій.

Но обратимся къ прародителямъ нашимъ, и спросимъ: надѣчѣмъ проведена жизнь ихъ, столь долговременная? Судя по нынѣшнему, въ такое продолжительное время сколько можно было надѣлать разныхъ дѣлъ, открыть законовъ природы, изобрѣсти и усовершить искусствъ, основать городовъ и селеній, проложить путей и взаимныхъ сообщеній, придумать разныхъ удобствъ къ жизни? Но обѣ Адамѣ ничего подобнаго не говорится. И чтобы мы не подумали, что это одно молчаніе священ. бытописателя, о предметахъ, его не занимавшихъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Адамомъ было сдѣлано многое въ гражданскомъ и житейскомъ отношеніи, Моисей опредѣлительно указываетъ въ послѣдствіи на начало всѣхъ важнѣйшихъ изобрѣтній, называя по имени виновника каждого. Такъ о Каинѣ сказано, что онъ бѣ зиждяй градъ (Быт. 4, 11): слѣдовательно отецъ Каиновъ, Адамъ не созидалъ городовъ, а жилъ въ кущѣ. Такъ Іовилу приписывается умноженіе и усовершеніе средствъ и удобствъ жизни пастушеской (Быт. 4, 20): слѣд., Адамъ не заботился много о семъ удобствѣ. Такъ Осевель названъ ковачемъ мѣди и желѣза (Быт. 4, 22); слѣд., Адамъ не расторгалъ нѣдръ земныхъ для извлеченія изъ нихъ металловъ. О Іувалѣ говорится, что сей бывше показавый щѣвницу и гусли (Быт. 4, 21); слѣд., Адамъ не

думалъ о томъ, чтобы забавлять себя и потомковъ своихъ бряцаніемъ на струнахъ и органахъ.

Что значитъ сія, по нашему, какъ бы недѣятельность первого прародителя нашего? То ли, что въ немъ не было способности на подобныя изобрѣтенія, и что силы ума человѣческаго развились для сего уже послѣ, въ потомкахъ его? Но въ томъ, кто былъ созданъ по образу Божію, безъ сомнѣнія, болѣе находилось способности на все истинно-благое, нежели въ тѣхъ, кои произошли уже отъ него, можно сказать, не столько по образу Божію, сколько по виду самого Адама, падшаго и обезображенаго грѣхомъ. Одно нареченіе Адамомъ именъ всѣмъ животнымъ, по одному взгляду на нихъ, показываетъ уже, какъ онъ выше нась стоялъ по прозрѣнію въ самое существо вѣщей. Тѣмъ паче стало бы умѣнія у него построить въ лучшемъ видѣ или свои кущи, или какой либо пріютъ для бессловесныхъ; тѣмъ болѣе стало бы искусства выстрогать цѣвницу или устроить гусли. Но Адамъ не занимается ничѣмъ подобнымъ. Почему? потому, что весь былъ занятъ другимъ, высшимъ и лучшимъ, тѣмъ, то есть, чтобы путемъ покаянія войти паки въ рай, отъ него же изгнанъ бысть, и гдѣ паки не нуженъ будетъ ни городъ Каиновъ, ни мѣдь и желѣзо Фовеловы, ни цѣвница съ гуслями Іуваловыми.

Такой взглядъ на жизнь и все земное перешелъ отъ Адама и къ прочимъ патріархамъ. Будучи родоначальниками племенъ, пользуясь величайшимъ уваженіемъ своихъ многочисленныхъ потомковъ, онискорѣе всѣхъ послѣдующихъ завоевателей и владыкъ могли бы сдѣлаться повелителями странъ и народовъ, окружить себя всѣмъ удобствомъ жизни, поставить для себя чертоги и престолы; но они всѣ ведутъ жизнь самую простую и странническую; не имѣютъ ни постояннаго крова, ни даже собственной земли; Авраамъ, напр., столько могущественъ, что могъ побѣдить пять царей и освободить изъ плѣна у нихъ племянника своего Лота, а самъ пріобрѣтаетъ покупкою пещеру даже для своего погребенія. Почему такъ? Что заставляло ихъ вести жизнь, по нашему, столь странную? То, что они, какъ замѣчаетъ Апостолъ, взирали на себя яко на странниковъ и присельцевъ на землѣ, устремляли взоръ въ будущее, ожидая града, ему же художникъ и содѣтель Богъ (Евр. и, 10).

Племя Каиново не захотѣло подражать примѣру своего святаго прародителя и пошло другимъ путемъ: предалось удобствамъ жизни, начало дѣлать одно за другимъ изобрѣтеніе, из-

влекло изъ нѣдѣль земныхъ металлы, окружило себя златомъ и серебромъ, настроило домовъ и чертоговъ, надѣжало цѣвицы и гуслей. Но что наконецъ вышло изъ всего этого? Слишкомъ предавшись тѣломъ и душею земному, скоро забыли небесное; за удобствомъ жизни тотчасъ вошла роскошь; за нею вторглись чувственность и страсти; все это подавило вѣру и совѣсть; пророки не стали находить себѣ никакой преграды: беззаконія и злодѣйства осквернили всю землю; наконецъ всеобщій развратъ дошелъ до того, что вся земля, по выражению Бытописателя, *растопилася*; человѣкъ весь сталъ плотью и погрузился въ чувственность и нечистоту до того, что въ немъ не могъ уже обитать Духъ Божій, тотъ Духъ, безъ коего нѣть истинной жизни ни въ комъ и ни въ чёмъ. Что же далѣе? обыкновенныхъ наказаний къ исправленію нравовъ и обузданію нечестія недостало, не только на землѣ, но и на небѣ. Потребовались мѣры чрезвычайныя: и вотъ разверзлись хляби небесныя и источники бездны; пришелъ потопъ и смылъ съ лица земли златоизвѣнныя куши, мѣдь и цѣвицу, вмѣстѣ съ кующими и поющими. А святое семейство Ноево, въ коемъ обитали простота и чистота нравовъ, которое, не отличаясь изобрѣтеніями и искусствами, вѣрно слѣдовало смиренному образу жизни Адама и Сиѳа, пребыло невредимымъ среди всеобщаго истребленія, спаслось отъ воды потопныхъ въ ковчегѣ и, по прошествію гнѣва Божія и казни, содѣжалось разсадникомъ для новаго рода человѣческаго.

Что должно заключить изъ сихъ столь противоположныхъ примѣровъ? Что намъ не позволительно пешись о своей тѣлесной жизни, открывать, умножать и усовершать источники своего, такъ называемаго, земнаго благоденствія? Нѣтъ, это было бы противно намѣреніямъ Создателя нашего, который самъ благоволилъ подать человѣку примѣръ попеченія о всемъ этомъ, когда, вмѣсто смоковничаго препоясанія, яко несовершеннѣйшаго, сотворилъ для него *ризы кожаны*. Не будемъ по сему неблагодарны къ тѣмъ собратіямъ нашимъ, кои потрудились и трудятся надъ изобрѣтенiemъ и усовершенiemъ разныхъ вещей, служащихъ намъ въ жизни нашей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не будемъ забывать, что намъ, кои всѣ на землѣ только на самое краткое время, безразсудно быю бы всю жизнь свою посвятить на убранство временной гостиницы нашей, и не заняться, по крайней мѣрѣ, столько же, приготовленіемъ для себя помѣщенія тамъ, гдѣ должно намъ пребывать вѣчно. Прародителю нашему, жившему болѣе 900 лѣтъ, позволительно было бы употребить

сто или двѣстіи лѣтъ на удовлетвореніе своихъ житейскихъ нуждъ и земныхъ пожеланій; ибо еще 700 лѣтъ оставалось для своеї души и для Бога; а намъ много ли времени можно дѣлить межъ землею и небомъ? Самымъ долговѣчнымъ (и сколько ихъ?) только нѣсколько десятковъ лѣтъ. При такой краткости нашей жизни совершенное безуміе тратить ее, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, на умноженіе вокругъ себя скорогибнувшихъ игрушекъ, и не употреблять на пріобрѣтеніе благъ вѣчныхъ.

II поживе Адамъ девять сотъ и тридесѧть лѣтъ, и умре. По такой краткости выраженія, можете судить, братіе мои, какъ Моисей вообще кратокъ въ своемъ повѣствованіи. Смерть первого человѣка, яко общаго прародителя нашего, весьма немаловажна для всѣхъ наасъ. Кто бы не пожелалъ слышать хотя нѣсколько словъ о томъ, какъ Адамъ оканчивалъ жизнь свою, что завѣщевалъ потомкамъ своимъ, то есть, всему роду человѣческому, какимъ погребеніемъ почтилъ его весь міръ тогдашній. Но у Моисея обо всемъ этомъ ни слова. О смерти Евы даже вовсе не упоминается; можемъ только догадываться, что она предварила супруга своего въ окончаніи земнаго поприща. Таковы св. писатели! они говорятъ одно то, что дано было видѣть имъ отъ Духа Святаго: посему и не слѣдуютъ обыкновеннымъ правиламъ нашего повѣствованія. Возвышенные въ званіе наставниковъ цѣлаго рода человѣческаго, они не водятся любопытствомъ, а говорятъ только необходимое для всеобщаго наставленія. Повѣствованіе подробностей о смерти Адама не составляло такой необходимости; потому и нѣтъ его въ священныхъ книгахъ. Въ какой странѣ кончилъ жизнь Адамъ? Не знаемъ. Гдѣ гробъ его? Не знаемъ. Есть древнее и трогательное преданіе, якобы онъ погребенъ на Голгоѳѣ, такъ что крестъ Христовъ утвержденье былъ надъ его прахомъ, и кровь Спасителя оросила его собою, въ знакъ чего подъ крестомъ и изображается у насъ глава человѣческая. Но гдѣ бы ни былъ погребенъ Адамъ, крестъ всюду остынилъ его собою; въ смѣшеніи съ какою бы землею ни находился прахъ его, кровь Искупителя міра нашла его и проникла своею Божественною силою. Посему-то, имѣя въ виду вѣру и покаяніе Адамово, св. Церковь постоянно признавала его первымъ, по времени, въ ликѣ праведниковъ. Такимъ образомъ онъ, имѣвши несчастіе подать потомкамъ своимъ примѣръ нарушенія заповѣди Божія, имѣль счастіе содѣлаться для нихъ и примѣромъ покаянія.

Будемъ, братіе мои, подражать сему послѣднему примѣру;

и ни грѣхъ Адамовъ, ни даже собственные наши грѣхи не воспрепятствуютъ намъ удостоиться благодати помилованія и войти въ рай. Будемъ также блести себя отъ нечестиваго ропота и безразсудного глумленія надъ святыми прародителями нашими, какъ это бываетъ, къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми. Что роптать? Если паль избранный изъ всѣхъ, то кто бы устоялъ на его мѣстѣ изъ насъ, неизбранныхъ? Аминь.

СЛОВО

БІРЛІККІН ӘРДІН

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ.

 ончился, братіе мои, печальныі свитокъ грѣхопаденія пра-
родителей нашихъ; теперь сами видите, справедливо ли
сказано нами въ началѣ, что въ немъ, какъ въ горькомъ
свиткѣ, свыше показанномъ нѣкогда Пророку, вписано *рыданіе,*
жалостъ и горе (Іезек. 2, 10). Ахъ, если есть какія бѣдствія на
землѣ; если страдаетъ отъ чего либо весь родъ человѣческій, то
все это беретъ начало свое изъ Эдема, у корня древа запрещен-
наго! Тутъ начало грѣха и страстей нашихъ! тутъ исходище на-
шей смерти и тлѣнія! И что со всею нашею мудростію и всѣми
усиліями могли бы мы сдѣлать для прекращенія бѣдствій на-
шихъ, если бы предоставлены были самимъ себѣ? Кто могъ при-
нять на себя ужасную тяжесть грѣховъ и неправду человѣче-
скихъ, чтобы стать между нами и правдою небесною и преложить ее на милость? Съ другой стороны, кто могъ войти и про-
никнуть въ собственное сердце наше, связать преступное само-
любіе, сего лютаго дракона, въ немъ гнѣздящагося, исцѣлить
насъ отъ проказы грѣховной и обновить духъ правый въ утробѣ
нашей? Кто могъ потомъ низойти въ сердце земли, снять съ ней
проклятие, освободить ее отъ работы истилѣнія и извести въ сво-
боду чадъ Божіихъ?—Кто наконецъ могъ сойти во аль, къ ду-
шамъ толикухъ миллионовъ братій нашихъ, уснувшихъ уже
сномъ смерти, озарить ихъ свѣтомъ жизни и радости, и ука-
зать имъ путь на небо?—Все это совершенно превышало силы
не только наши, но и всѣхъ существъ сотворенныхъ.

Возблагодаримъ убо, братіе мои, любовь Божію, которая не оставила насъ падшихъ, не презрѣла нечистыхъ и прокаженныхъ грѣхомъ, не забыла умершихъ и близъ ада сущихъ. Явился второй Адамъ, Господь съ небесе, который смертю и крестомъ своимъ возставилъ все падшее во Адамѣ первомъ. Съ завтрашняго дня откроется предъ нами дивное зрѣлище Его божественныхъ страданій, коими уврачевано наше паденіе эдемское, и мы при содѣйствіи благодати Господней, постараемся вникнуть вмѣстѣ съ вами въ сіе чудо любви и бѣзпримѣрного промышленія Божія о насъ недостойныхъ. Теперь же, чтобы въ настоящій день не остатся намъ безъ преломленія хлѣба духовнаго и пищи для сердца, соберемъ останки отъ прошедшихъ духовныхъ трапезъ нашихъ. Отъ преломленія пяти хлѣбовъ, какъ повѣствуется въ Евангеліи, собрано было двадесять кошницъ, а для нась недостойныхъ довольно будетъ, если мы и отъ двадесятократнаго собесѣданія соберемъ хотя единую кошницу на нынѣшній день, дабы слабое благовѣстіе слова нашего соотвѣтствовало величию св. поста, если ничѣмъ другимъ, то числомъ дней и пространствомъ времени.

Итакъ, что у нась, христіанъ, называется паденіемъ Адамовыемъ? Такъ называется тотъ злополучныи поступокъ прародителей нашихъ въ раю, когда они, вопреки ясной заповѣди Божіей, вкусили, по внушенію змія, отъ плода запрещеннаго и такимъ образомъ разорвали святой и блаженный союзъ съ Творцемъ и Благодѣтелемъ своимъ.

Въ чемъ состояла важность сего преступленія и сущность паденія Адамова? Въ томъ, что слабая тварь возстала противъ всемогущаго Творца, что человѣкъ, по неразумію своему, отдалѣлилъ волю свою отъ воли Божіей, пошелъ противъ премудрыхъ Его намѣреній, покусился на совершенство, ему не принадлежащее и для него невозможное, и вступилъ въ союзъ со врагомъ Божімъ, который самъ, потерявъ небо, злоумыслилъ заградить его и для человѣка, къ нему предназначенаго.

Что было слѣдствіемъ паденія Адамова? Смерть, какъ предсказалъ самъ Господь, и при томъ во всѣхъ ея видахъ; то есть, смерть духа, оставленнаго Духомъ Божіимъ, преставшаго быть едино съ Господемъ; смерть ума, закрывшагося для созерцанія истинъ міра духовнаго и открывшагося для всякаго рода лжи и обаяній; смерть воли, потерявшей силу стремиться къ добру и ощущившей всегдашнюю наклонность ко злу; смерть сердца, обезчувствившаго для чистыхъ наслажденій духовныхъ и начавшаго

двигаться единственю по бурному дыханію страстей; наконецъ, смерть тѣла, подпавшаго разрушительному вліянію стихій, сдѣлавшагося лобычкою болѣзней и тлѣнія.

Чѣмъ выражается паденіе Адамово въ каждомъ изъ насы? Тѣмъ, что мы являемся на свѣтъ сей не въ томъ видѣ, какими прародители наши вышли изъ рукъ Божіихъ; зачинаемся, какъ говорить св. Давидъ, во грѣхахъ и рождаємся въ беззаконіяхъ, а рожденные такимъ образомъ, не имѣемъ уже тѣхъ совершенствъ, коими обладали прародители наши въ состояніи невинности, и подлежимъ множеству душевныхъ и тѣлесныхъ сквернъ, кои по необходимости содѣлываютъ насъ предметомъ отвращенія и гнѣва Божія, такъ что, если мы не возвратимъ первобытной чистоты и останемся съ настоящею порчею, то, болѣзнуя и страдая въ настоящемъ, не можемъ ожидать лучшаго жребія и въ будущемъ. Это самое называется въ ученіи христіанскомъ грѣхомъ прирожденнымъ.

Есть ли какое либо врачевство противъ заразы эдемской? — Есть—въ Крестѣ Христовомъ. Іисусъ Христость, яко второй Адамъ и новый духовный Родонаачальникъ и Глава человѣчества, принесъ намъ съ неба правду, жизнь и нетлѣніе. Соединясь съ Нимъ вѣрою и любовью, чрезъ св. таинства Церкви, подобно какъ соединены мы съ Адамомъ плотью и кровью, мы избавляемся отъ грѣха и проклятія за него, содѣлываемся чистыми и святыми, способными паки къ жизни въ Богѣ, къ владычеству надъ самими собою и надъ всѣмъ дольнимъ.

Таково, братіе мои, ученіе слова Божія о паденіи прародителей нашихъ, а въ лицѣ ихъ и всего рода человѣческаго! Ученіе столь же глубокое, сколько простое и ясное, — удаленное, конечно, во всей полнотѣ его, отъ опыта, и между тѣмъ однотакмо могущее изъяснить, что каждый испытываетъ въ своей жизни.

Хотите ли знать, къ чему сіе ученіе можетъ и должно служить намъ? Внемлите.

Ученіе о паденіи Адамовомъ,—и только оно одно,—достаточно проясняетъ намъ тайну злополучнаго состоянія нашего на землѣ.

Кто изъ способныхъ къ размышленію, при взглядѣ на человѣка и его состояніе на землѣ, не погружался въ глубокое недоумѣніе и скорбь? Ибо, что представляеть изъ себя земное бытіе наше? Представляетъ сочетаніе противорѣчій, самыхъ странныхъ и жалкихъ,—крайняго величія съ крайнимъ униже-

ніемъ, немалаго добра съ великимъ зломъ, явной способности всѣхъ и каждого къ блаженству съ непрестанными лишеніями и слезами. Съ одной стороны человѣкъ есть существо богоподобное, природныи владыка и повелитель земли, видимый наперсникъ неба, наслѣдникъ вѣчности. Съ другой — это сынъ, какъ бы забытый своимъ отцемъ и непомнящи своего происхожденія; это царь, лишенный престола, преслѣдуемый и мучимый своими подданными и, что стократъ хуже сего,—это измѣнникъ совѣсти и закону, играюще страстей самыхъ низкихъ и преступныхъ, это какъ бы нѣкій духъ падшій и отверженный! Откуда сія ужасная противоположность? Не зная истиннаго ея источника, невольно можно подумать, какъ и думали многіе, что въ мірѣ два совѣчныхъ начала: доброе и злое, что человѣкъ есть произведеніе обоихъ началъ, доброго въ томъ, что есть въ немъ доброго, злаго въ томъ, что есть въ немъ злаго, что особенно тѣло человѣческое, яко гнѣзды лиюще страстей, есть непосредственное произведеніе начала злаго. Отъ такого неправильнаго взгляда на природу человѣческую сколько другихъ заблужденій! Сколько самыхъ нелѣпыхъ правилъ въ жизни! Сколько кровавыхъ обрядовъ! Одни, вслѣдствіе превратнаго понятія о природѣ человѣческой, простирались въ строгости жизни едва не до самоубийства; другие, почитая всѣ поступки наши безразличными, уничтожали всякую добродѣтель и позволяли человѣку все.

Христіанинъ, съ яснымъ понятіемъ о грѣхопаденіи эдемскомъ, свободенъ отъ всѣхъ сихъ заблужденій и крайностей. Ибо знаетъ, откуда грѣхъ и зло въ мірѣ; знаетъ, почему и за что страдаетъ человѣкъ; вѣдаетъ, что и грѣхъ и страданіе человѣка есть слѣдствіе не природы его и не дѣла Творца ея, а произведеніе собственныхъ рукъ человѣческихъ, плодъ злоупотребленія нашей свободы. Всеобщій опытъ вполнѣ подтверждаетъ для насъ все это: ибо злоупотребленіе свободы, или точнѣе сказать, слабаго остатка ея и нынѣ всегда сопровождается горестнымъ послѣдствіемъ для человѣка: между тѣмъ какъ употребленіе ея разумное и благое, если не прекращаетъ совершенно бѣдствій нашихъ, то видимо и ощутительно сокращаетъ число ихъ. Вмѣстѣ съ симъ самъ собою теряется и исчезаетъ для насъ, несчастныи во всякомъ случаѣ, поводъ къ ропоту на промыслъ Божій. Вспоминая о томъ, что произошло съ нами въ Эдемѣ, вмѣсто безумной гордости и отчаянія, мы естественно располагаемся и приходимъ къ смиренію, терпѣнію, и упованію на благость и помощь Того, Кто можетъ уврачевать всѣ наши язвы.

Во вторыхъ, учениемъ о паденіи Адамовомъ уясняется тайна искупленія нашего въ Іисусѣ Христѣ и Его крестной смерти, за насть подъятой.

Сойти Богу на землю, облечься нашею плотию, претерпѣть всѣ виды уничиженія, взойти на крестъ и умереть смертю преступника—это такія события, которыя могли послѣдовать только ради какой либо наиважнѣйшей причины. Для чего же все это, если не было паденія нашихъ прародителей, если родъ человѣческій таковъ, какимъ вышелъ изъ рукъ Творца? Въ такомъ случаѣ напрасны и излишни не токмо крестъ, самыя ясли и пелены Христовы. Ибо все, что прилично и нужно было со стороны Бога сдѣлать въ помощь роду человѣческому непавшему, могло быть сдѣлано и безъ явленія Бога во плоти, тѣмъ паче безъ страданій и смерти Его на древѣ крестномъ. Нужно ли было научить людей? Они могли быть научены чрезъ человѣка. Нужно ли было подать примѣръ добра? Онъ могъ быть поданъ опять чрезъ человѣка же или Ангела. Но поднять на себя тяжесть грѣховъ нашихъ, примирить насть съ Богомъ и своею смертю умертвить нашу смерть, возставить насть изъ персти и тлѣнія,—для сего явно было недостаточно силъ существъ сотворенныхъ; для сего подобало явиться Тому, Кто, и въ человѣческомъ образѣ, яко безпредѣльный по своему могуществу и засlugамъ, единѣмъ приношенiemъ могъ совершить во вѣки освѧщаемыхъ (Евр. 10, 14), Кто, будучи положенъ въ наслѣдника всѣмъ (Евр. 1, 2) и всему, имѣть посему ключи не Эдема токмо, но ада и смерти (Апок. 1, 18). Такимъ образомъ крестъ Христовъ представляется во всемъ его величіи токмо тогда, когда на него смотрятъ не съ Голгоѳы, или изъ вертограда Іосифова, а изъ Эдема, при видѣ Херувима, съ пламеннымъ оружіемъ стрегущаго путь древа жизни. О, какъ понятно, какъ драгоцѣнно тогда все, что происходитъ на Голгоѳѣ! Тутъ видишь, какъ одна за другою врачаются всѣ язвы, нанесенные намъ зміемъ эдемскимъ, какъ сокрушается наконецъ самая глава его смертю Богочеловѣка! Ибо, въ чемъ сущность уязвленія зміинаго? Въ томъ, что обольщенный человѣкъ, уклонивъ волю свою отъ воли Божіей, соединилъ ее съ волею врага Божія, и восхищеніемъ непещевалъ усвоить себѣ то, что подобаетъ единому Богу. И се, на крестѣ самъ Богочеловѣкъ, въ вознагражденіе сего покушенія и мятежа, изъ повиновенія волѣ Божіей и по чистой любви къ людямъ, страждетъ, умираетъ и приноситъ въ жертву самого Себя! По совершеніи сего жертвоприношенія, не

умиравшему токмо на крестѣ Страдальцу, а небу и землѣ вмѣстѣ съ Нимъ подобало воскликнуть: *совершишася!* Ибо тутъ все сдѣлано: слава Творца возстановлена, законъ удовлетворенъ; діаволъ низложенъ и поруганъ; человѣкъ искупленъ, двери въ Эдемъ отверсты!...

Въ третьихъ, ученiemъ о падении Адамовомъ опредѣляется самимъ вѣрнымъ образомъ правило нашего поведенія во все продолженіе нашей земной жизни.

Ибо, что такое по паденіи нашемъ для насъ земля? Явно— есть помѣщеніе только временное и при томъ похожее съ одной стороны на обширный смирительный домъ, въ коемъ укрощаются своееволіе и буйство, а съ другой—на обширную больницу, гдѣ врачаются зараженные проказою и язвами грѣховными. Кто смотритъ такимъ образомъ на землю,—а иначе нельзя смотрѣть на нее отъ вратъ потеряннаго Эдема,— тотъ не будетъ прилѣпляться ни къ чему земному, престанетъ поставлять задачею своей жизни стяжаніе благъ тлѣнныхъ, а будетъ всемѣрно стараться о томъ, чтобы какъ можно болѣе воспользоваться краткимъ срокомъ пребыванія на землѣ изгнанія для достижениія цѣли своего заключенія на ней, то есть, употребить всѣ силы, способности и средства къ тому, чтобы полавить въ себѣ сѣмя грѣха и беззаконія, возстановить въ душѣ своей образъ Божій, исцѣлить свой умъ, свою волю и свою совѣсть отъ яда змінаго,—отъ лжи, плotoугодія, злобы и гордости, утвердить себя въ повиновеніи закону Господню, и такимъ образомъ сдѣлать себя способнымъ паки войти въ рай и соединиться съ Богомъ.

Кто понялъ свое падшее состояніе, тотъ не будетъ удивляться, когда Евангеліе потребуетъ отъ него не простаго только уладенія отъ пороковъ и принужденія себя къ добродѣтели, а умерщвленія своей воли и самолюбія, распятія плоти, страстей и пожеланій, погубленія самой души своей. Ибо наше паденіе, наша болѣзнь, наша смерть въ томъ и состояли, что мы вмѣсто блажой воли Божіей, предались своей волѣ—злой и мятежной; на мѣсто закона творческаго поставили въ душѣ и сердцѣ свое безумное я: изъ области духа ниспали подъ властьчество плоти и крови; забыли невидимое и вѣчное, и поработились видимому и тлѣнному; содѣвались врагами сами себѣ и начали жить такою жизнью, которая, въ сравненіи съ жизнью истинною, намъ подобающею, есть ложь и смерть. Кто понялъ, говорю, все это, для того сраженіе съ самимъ собою есть первый и послѣдній долгъ,

а умерщвление въ себѣ ветхаго, плотскаго, грѣховнаго человѣка— первая и посѣдніяя побѣда.

Наконецъ, ученіемъ о паденіи прародителей нашихъ проясняется для нась,—безъ того темное и непонятное, — нынѣшнее состояніе природы и вещей, нась окружающихъ. Ибо и въ природѣ видимой, также какъ въ родѣ человѣческомъ, богатство, величие, порядокъ и красота перемѣшаны всюду съ скудостію, непорядкомъ, безобразіемъ и страданіемъ. Съ одной стороны это великолѣпный чертогъ царскій; съ другой — это печальное помѣщеніе для преступниковъ, обширное кладбище для мертвевдовъ. Когда произошла сія неестественная двойственность? Кѣмъ возмущенъ прекрасный порядокъ тварей? Кто внесъ въ мирное царство природы вражду и смерть? Отвѣта на сіи вопросы нѣтъ въ природѣ; нѣтъ и у человѣка, если онъ не вѣдаетъ, какъ вся земля, по паденію владыки своего—человѣка, лишилась благословенія Божія; подверглась клятвѣ, и слѣд., потерѣ совершенствъ первобытныхъ.

Имѣя въ виду все это, пренебрите, братіе мои, чаще мыслио вашео къ первымъ временамъ міра, посѣщайте въ духѣ—рай сладости, становитесь у древа запрещеннаго, и говорите самимъ себѣ: вотъ гдѣ произошло злополучное паденіе! Вотъ откуда моя нечистота, бѣдность и смерть! Выshedъ же изъ Эдема, восходите всегда мысленно на Голгоѳу, становитесь у Креста Христова и говорите: а вотъ гдѣ совершилось наше возстаніе! Здѣсь я искупленъ отъ грѣха и смерти; здѣсь возвращенъ мнѣ рай! Такимъ образомъ горькій свитокъ бытія человѣческаго будетъ постепенно терять свою горесть отъ Креста Христова и, омытый слезами покаянія, орошенный кровью Искупителя, содѣвается наконецъ, подобно свитку Іезекиилеву (Іезек. 3, 3), яко медъ сладокъ во устахъ. Аминь.

О ГРѢХѢ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ.

Вкушая вкусихъ мало меду, и сеазъ
умираю (1 Цар. 14, 43)!

СЛОВО

О ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ.

акой, слушатели, врагъ у нась, самый первый и самый послѣдній, самый злобный и самый коварный?—Грѣхъ. Это врагъ самый первый: ибо кто лишилъ насъ образа Божія, изгналъ изъ рая сладости, поселилъ на сей землѣ бѣдствія и пѣчалей? Грѣхъ. Это врагъ самый послѣдній: ибо кто отлучить навсегда грѣшниковъ въ послѣдній день отъ лица Божія, покроетъ ихъ стыдомъ и проклятіемъ предъ всѣмъ міромъ, низринетъ невозвратно во адъ къ діаволу и аггрелому его на мученія вѣчныя? Грѣхъ. Это врагъ самый ужасный: ибо онъ губить нашу душу и тѣло, омрачаетъ умъ, порабощаетъ страстямъ волю, оскверняетъ сердце, подвергаетъ насъ болѣзнямъ, предаетъ смерти и тленію. Это врагъ самый коварный: ибо чего не употребляетъ грѣхъ къ пораженію и плену нашему? Употребляетъ и нашу силу и наше безсиліе, и наши страсти и самыя добродѣтели, употребляетъ даже благость Божію, даже безцѣнныя заслуги Иискупителя нашего, внушая грѣшнику, по надеждѣ на нихъ, безстрашіе и нераскаянность. По всему этому грѣхъ, какъ справедливо замѣтили св. отцы Церкви, ужаснѣе самого діавола: ибо и діавола изъ Ангела свѣтлопосинаго грѣхъ сдѣмалъ духомъ отверженнымъ.

Судя по такой жестокости и коварству врага нашего—грѣха, надлежало бы ожидать, что мы будемъ крайне осторожны противъ него, и постараемся братъ заранѣе всѣ мѣры противъ его нападеній и лукавства; что сраженіе со грѣхомъ во всѣхъ его видахъ суждается постояннымъ и главнѣйшимъ подвигомъ всей

нашей жизни; что для побѣды надъ грѣхомъ или по крайней мѣрѣ для избѣжанія пораженій отъ грѣха, мы будемъ употреблять всѣ способности и силы наши, всѣ средства и пособія и естественные и благодатныя; что въ случаѣ пораженія и ранъ, намъ причиненныхъ, немедленно будемъ возставать отъ паденій, вознаграждать потери, врачевать раны, избѣгать тѣхъ мѣстъ и случаевъ, кои были для насть опасны и гибельны; что все близко или отдаленно приводящее ко грѣху, сдѣлается для насть чуждымъ и отвратительнымъ; все, что защищаетъ или избавляетъ отъ грѣха, любезнымъ и драгоцѣннымъ. Но посмотрите на міръ и родъ человѣческій, посмотрите на другихъ и себя самихъ,—и увидите совершенно противное. Малая только, весьма малая часть людей ведеть ту святую брань со грѣхомъ и порокомъ, которую бы всѣмъ и каждому вести надлежало. Другие, если начинаютъ по временамъ сражаться съ общимъ врагомъ: то, во первыхъ, по временамъ, безъ надлежащаго постоянства и твердости; выходятъ притомъ на брань, не собравшись со всѣми силами, не обдумавъ плана дѣйствій, не сообразивъ цѣли и средствъ, безъ твердої рѣшиности побѣдить или умереть; посему и прекращаютъ ее при первомъ маломъ успѣхѣ или неуспѣхѣ, забывъ, что брань со грѣхомъ должно вести до конца жизни. Большая же часть людей и не думала никогда о томъ, что надобно сражаться со грѣхомъ; вмѣсто ненависти къ сему врагу и удаленія отъ него, сами ищутъ нападеній и плѣна, сами идутъ въ станъ вражій, предаютъ себя въ его волю и требуютъ постыдныхъ узъ и приказаний—со всею готовностю носить первыя и исполнять послѣднія.

Что причиною, что такой ужасный и непримиримый врагъ, какъ грѣхъ, находитъ себѣ въ насть такъ мало противоборства и такъ много послушанія и благопріятства? То ли, что намъ недостаетъ силы и средствъ къ сраженію съ нимъ? Нѣтъ, сего нельзя сказать: ибо хотя мы, по коварству сего же врага, лишились первобытныхъ силъ на доброе, коими снабжены были при сотвореніи насть, но все еще имѣемъ столько способности, что можемъ питать по крайней мѣрѣ постоянное отвращеніе ко грѣху и его ядовитымъ соблазнамъ. Съ другой стороны, каждому изъ насть святою вѣрою нашею даруются силы и средства новыя, не менышія тѣхъ, коими обладали мы нѣкогда. Что сихъ новыхъ средствъ и силъ достаточно для совершенной побѣды надъ грѣхомъ, — свидѣтель тому цѣлый многочисленный ликъ святыхъ Божиихъ, кои, бывъ во всемъ подобны намъ, обложенные

тою же бренною плотию, находясь среди тѣхъ же соблазновъ, сражаясь съ тѣми же напастями, терпя то же, и стократъ большее, не усомнились выйти на сраженіе со грѣхомъ, поражали его во всѣхъ его видахъ, остались наконецъ совершенными побѣдителями: и теперь, свободные отъ всякаго грѣха, исполненные всѣхъ совершенствъ, блаженствуютъ на небѣ, будучи готовы помочь намъ во всякомъ грѣховномъ обстояніи нашемъ. Итакъ, не безсиліе наше виною того, что ужасный врагъ нашъ — грѣхъ такъ ненаказанно господствуетъ надъ нами. Что же? между причинами сего печального явленія одна изъ самыхъ главныхъ — не вѣдѣніе,—то, что большая часть людей не знаетъ своего врага и его ужасныхъ свойствъ, не знаетъ до того, что почитаетъ его за своего друга. Повидимому странно не знать грѣха тѣмъ, кои грѣшатъ непрестанно; но въ самомъ дѣлѣ такъ. Увы, мы знаемъ, слишкомъ знаемъ грѣхъ, для того, чтобы грѣшить; но не знаемъ, какъ должно, грѣха для того, чтобы избѣгать его и ненавидѣть! То есть, мы знаемъ ту сторону грѣха, которую онъ самъ показываетъ намъ, дабы обольщать насъ, и не видимъ той стороны, которою онъ губить насъ и по сему самому старается всячески скрывать отъ насъ. Въ семъ случаѣ большая часть людей подобна младенцу, который, видѣвъ нѣсколько разъ разнообразныя движенія змѣи и красивый переливъ цвѣтовъ ея на солнцѣ, но не имѣя никакого понятія о ядѣ ея, началъ бы увѣрять, что онъ хорошо знаетъ, что такое змѣя. При такомъ полузнаніи младенецъ готовъ, пожалуй, увѣрять, что змѣя прекрасное животное и что ее стоитъ имѣть на своихъ рукахъ, у своего сердца. Большая часть грѣшниковъ совершенно подобны сему младенцу: иначе какъ изъяснить безумныя похвалы грѣху и порокамъ, слышимыя нерѣдко изъ устъ бѣдныхъ грѣшниковъ? Какъ понять, что многіе не только грѣшатъ непрестанно, но и хвалятся своими грѣхами? Утверждаютъ, что они дошли до ожесточеія нравственнаго и прямо ищутъ во грѣхѣ своей вѣчной погибели? Но этого бываетъ не видно въ сихъ несчастныхъ людяхъ; и они сами первые ужаснулись бы, еслибы кто началъ производить ихъ грѣховность изъ сего ужаснаго начала. Нѣтъ, они ищутъ во грѣхѣ не погибели себѣ, а блаженства; и думаютъ найти его въ немъ потому, что, подобно младенцу, видятъ только красивую пестроту змѣиной кожи, и не видятъ жала и яда змѣинаго. Если бы они увидѣли ясно послѣднее, поняли, какой ядъ скрывается въ сладости грѣховной, и убѣдились совершенно, что послѣдняя грѣха зрятъ прямо во дно адово; то первые,

можетъ быть, поспѣшиши бы навсегда разстаться со грѣхомъ, прокляли бы всѣ наслажденія его и рѣшились бы не рабствовать своимъ страстямъ, а сражаться съ ними на смерть.

При такомъ положеніи дѣла, очевидно, нѣтъ ничего нужнѣе, какъ распространять между людьми истинное понятіе о грѣхѣ и его ужасныхъ послѣствіяхъ. Всякъ, кто можетъ, долженъ дѣлать сіе, долженъ всяkimъ способомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, сообщать другимъ, что онъ знаетъ о ядѣ грѣховномъ, какое его дѣйствіе и какія противъ него надежные средства. Это обязанность каждого самая священная! — Ибо судите сами, не такъ ли именно поступаемъ всѣ мы, когда идемъ на насъ какая-либо ужасная язва: не разспрашиваемъ ли тогда другъ друга, не рассказываетъ ли каждый, что онъ знаетъ о язвѣ, на кого и когда она особенно нападаетъ, что ее привлекаетъ и что ей противно, чѣмъ можно предохранить себя или избавиться отъ нея? Но какая язва можетъ сравниться съ язвою грѣховною и ужасными опустошеніями, производимыми ею въ родѣ человѣческомъ? Посему нѣтъ долга въ отношеніи къ братіямъ нашимъ священнѣе того, какъ предостерегать ихъ отъ грѣха, и для сего вразумлять въ ужасное свойство его — убивать нашу душу и тѣло. Это самый полезный предметъ для собесѣданія наставниковъ съ учениками, родителей съ дѣтьми, домовладыкъ съ домочадцами, людей просвѣщенныхъ съ простолюдинами.

Но если на комъ всецѣло лежитъ священный долгъ обнажать порокъ отъ всѣхъ личинъ его и показывать всѣ его ужасныя послѣствія, то на пастыряхъ Церкви. По всей справедливости должно сказать, что въ семъ наипаче должно состоять попеченіе о душахъ, имъ вѣрѣнныхъ. Ибо всѣ истины спасенія, какъ ни благотворны онѣ, не произведутъ желаемаго дѣйствія надъ грѣшникомъ, доколѣ онъ не убѣдится и не возчувствуетъ, что состояніе грѣха, въ коемъ находится онъ, есть состояніе самое ужасное и погибельное.

Чувствуя сію истину, и мы, братіе, по долгу званія нашего, рѣшились въ наступающіе дни святаго поста, избрать постояннымъ предметомъ для собесѣданій нашихъ съ вами, грѣхъ и его ужасную ядовитость. Если бы слово наше не въ состояніи было возбудить чьего либо вниманія, то теперь самое время возбудить его. Ибо въ продолженіе поста каждому изъ насъ надобно приступать къ покаянію и исповѣди: это самыхъ невнимательныхъ заставляетъ размышлять о грѣхѣ. Итакъ, будемъ размышлять вмѣстѣ и вслухъ: противъ общаго врага нашего соеди-

нимся общими силами. Для сего, при помощи благодати Божией, разсмотримъ во первыхъ, что есть грѣхъ въ существѣ своемъ, откуда онъ и какіе его виды; во вторыхъ, изслѣдуемъ, чѣмъ грѣхъ соблазняетъ насть, и постараемся сорвать съ него всѣ обольстительныя личины; въ третьихъ, пройдемъ мыслю по путямъ беззаконія, и покажемъ, куда приводятъ они. Собесѣданіе о сихъ предметахъ можетъ послужить для всѣхъ насть вместо пріготовленія къ таинству покаянія и исповѣди. Аминь.

СЛОВО

О СУЩЕСТВЕ ГРѢХА, ОГО ВИДАХЪ, УСЛОВИЯХЪ

И РАЗЛИЧНЫХЪ ГРѢХОВНЫХЪ СОСТОЯНИЯХЪ.

Амѣревающіеся вступить въ сраженіе съ какимъ либо сильнымъ непріятелемъ стараются первѣе всего узнать предварительно свойства своего противника, составъ его полчища, силы и средства, коими онъ можетъ располагать: подобно сему и для нась, коимъ предлежитъ брань со грѣхомъ, нужно для успѣха въ своемъ дѣлѣ, предварительно узнать, въ чемъ состоить грѣхъ, гдѣ его начало, каковы свойства, въ какихъ выражается онъ видахъ, откуда беретъ силу, что ему благопріятствуетъ и что для него противно. Кто скажетъ намъ это? Скажетъ, во первыхъ, слово Божіе, въ коемъ грѣхъ изображается во многихъ мѣстахъ со всѣми ужасными его послѣствіями; скажетъ, во вторыхъ, исторія рода человѣческаго, исполненная примѣрами всякаго рода грѣховъ и преступленій человѣческихъ; скажетъ, наконецъ, самый ежедневный опытъ, и чуждый и свой собственный. Увы, для изображенія свойствъ грѣха нѣть нужды прибѣгать къ какимъ либо умозрѣніямъ и пособіямъ мудрости человѣческой; довольно посмотреть внимательно на людей, и заглянуть въ собственное сердце, коему, какъ справедливо замѣчено священнымъ бытописателемъ, отъ юности прилежитъ помышленіе на злое по вся дни!

На вопросъ: что есть грѣхъ? отвѣтствуетъ намъ Апостолъ, говоря, что *грѣхъ есть беззаконіе* (Іоан. 3, 4). И дѣйствительно, сущность всякаго грѣха состоить въ нарушеніи какого-либо закона, такъ что если бы не было закона, то не было бы и

грѣха. Послику же законъ самъ по себѣ есть не что иное, какъ выражение воли Божіей; то грѣхъ столь же справедливо называется преступлениемъ сей всесвятой воли. — При каждомъ грѣхѣ человѣкъ, всякий разъ, вмѣсто закона поставляетъ свой слѣпой произволъ, вмѣсто пресвятой воли Божіей—свою злую волю; а посему при всякомъ грѣхѣ человѣкъ становится противникомъ и врагомъ своему Создателю. Уже по сей одной чертѣ можетъ судить всякий—какъ преступенъ, опасенъ и зловреденъ грѣхъ: ибо малое ли дѣло стать твари противъ своего Творца?

Такъ какъ требованія закона вѣсъ состоять изъ двухъ вещей— первое, чтобы мы дѣлали и исполняли все благое и праведное; во вторыхъ, чтобы не дѣлали ничего худаго и несправедливаго: то грѣхъ, какъ нарушение закона, также состоить изъ двухъ главныхъ видовъ—во первыхъ изъ неисполненія того, что законъ повелѣваетъ дѣлать,—грѣховъ, такъ называемыхъ, опущенія; во вторыхъ изъ совершенія того, что законъ запрещаетъ дѣлать,—грѣховъ, такъ называемыхъ, нарушенія. Такъ напримѣръ: грѣшишь тотъ, кто отнимаетъ у ближняго, какимъ то ни было образомъ, его собственность; грѣшишь и тотъ, кто самую свою собственность не употребляетъ во благо ближняго, когда можетъ это сдѣлать: ибо законъ повелѣваетъ не только не обижать ближняго иначѣмъ, но и помогать ему всѣмъ. Подобнымъ образомъ грѣшишь не только тотъ, кто лжетъ и вводитъ другихъ въ заблужденіе, но и тотъ, кто, зная истину, не открываетъ ее и не выводитъ изъ заблужденія. — Это должно примѣтить особенно: ибо многие почитаютъ грѣхомъ для себя одно то, что сдѣлали они худаго и богоопротивнаго; а что не сдѣлано ими доброго и общѣ-полезнаго,—того нисколько не ставятъ себѣ въ преступленіе. Нѣтъ, и это грѣхъ, когда человѣкъ, могши сдѣлать что либо доброе, не дѣлаетъ того по своему нерадѣнію или малодушію. Всѣ таковые осуждаются съ работомъ, закопавшимъ свой талантъ въ землю. Но онъ не сдѣлалъ повидимому ничего худаго, представивши потомъ свой талантъ господину цѣльнымъ: но поелику не употребилъ его какъ должно, то и лишенъ всего, въ наказаніе за лѣнность.

Такъ какъ свободная дѣятельность человѣка выражаетъ себя тремя главными способами — мыслю и желаніемъ, словомъ и бесѣдою, и наконецъ самыми дѣйствіями; то и грѣхъ имѣеть три главные вида. Есть грѣхи мысленные — это всѣ нечистые помыслы и желанія, грѣховныя воображенія и воспоминанія. Питать въ умѣ и сердцѣ своею подобныя мысли и желанія,

значить грѣшить: ибо, кромѣ того, что отъ такихъ мыслей и желаній часто происходятъ худыя слова и дѣла, они сами по себѣ уже портятъ лушу и дѣлаютъ ее нечистою и богопротивною. Какъ опасна и зловредна сія внутренняя нечистота и грѣховность мыслей и чувствъ—разительно показываетъ примѣръ духовъ нечистыхъ, ибо у нихъ нѣть ни нашего слова, ни нашей тѣлесности: ихъ порча и развращеніе—все заключено въ ихъ духѣ; и однакоже какъ оно ужасно!

Втораго рода грѣхи состоятъ изъ худыхъ и гнильихъ словъ. Сюда относятся всѣ виды лжи и обмана словеснаго, всѣ роды божбы напрасной и клятвъ безразсудныхъ, всѣ пересуды и злорѣчія на счетъ ближняго, всѣ лжесвидѣтельства и клеветы, всѣ соблазнительныя шутки и срамословія. Сюда же должно отнести и грѣхи слова письменнаго, когда то, что грѣшно произносить устами, пишется на бумагѣ, и такимъ образомъ распространяется и стократъ болѣе дѣлаетъ соблазна и вреда, нежели произносимое устно. Къ сему же роду грѣховъ будутъ принадлежать и тѣ случаи, когда мы могли сказать что либо хорошее и полезное и не сказали, когда должны были защищать истину священную, или обнаружить ложь и клевету безчестную, и не сдѣлали того изъ расчетовъ самолюбія или своекорыстія.

Третій видъ грѣховъ состоить изъ самыхъ порочныхъ дѣйствій. Здѣсь, если начать цсчислять поименно, то недостанеть число и словъ.—Примѣтимъ только, что иные грѣхи прямо противъ Бога и вѣры въ Него, какъ-то: невѣrie, хула и отчаяніе; иные грѣхи устремлены противъ ближняго, напримѣръ: татьба, убійство; иные противъ самаго грѣшника, напримѣръ: сладо-страстіе, невоздержаніе и піянство.

Не всѣ грѣхи бываютъ, безъ сомнѣнія, въ каждомъ человѣкѣ; обыкновенно одна какая либо страсть беретъ верхъ надъ другими и, становясь господствующею, нерѣдко даже изгоняетъ другія страсти, съ ней несовмѣстныя, какъ напримѣръ: скупость изгоняетъ невоздержаніе; но въ сущности дѣла каждый грѣшникъ носитъ въ себѣ сѣмя всѣхъ пороковъ, подобно какъ праведникъ носитъ въ себѣ начало и сѣмя всѣхъ добродѣтелей. Тѣмъ паче нельзя быть съ однимъ какимъ либо грѣхомъ и порокомъ по произволу. Человѣкъ гордый, напримѣръ, бываетъ вмѣстѣ и завистливъ, и мстителенъ, и жестокъ; человѣкъ скупой—притѣснителенъ, лживъ и низокъ; плотоугодникъ—клятвопреступенъ, лицемѣренъ и расточителенъ.

Не всѣ грѣшники стоятъ также на одной степени развраще-

нія: въ грѣхѣ, какъ и въ добродѣтели, есть своя постепенность. Первая степень, когда человѣкъ начинаетъ предаваться по временамъ разнымъ порокамъ, или одному какому либо, безъ особенного расположения ко грѣху, не забывая по временамъ и покаяніе, хотя безъ особыхъ плодовъ его. Вторая степень—когда худыя дѣйствія обращаются въ навыкъ, порокъ или страсть; становятся постояннымъ началомъ дѣйствій и правиломъ для жизни, не заглушая однако же вовсе желанія исправиться и перестать грѣшить. Третья степень—когда развращеніе доходитъ до того, что грѣшникъ, совершенно ослѣпленный грѣхомъ, почитаетъ его для себя необходимостю, вовсе забываетъ законъ и страхъ Божій, грѣшить нераскаянно, съ намѣреніемъ всегда оставаться такимъ, какъ есть.

Состоянія грѣховныя также различны. Есть состояніе грѣховнаго невѣдѣнія, въ коемъ человѣкъ, слѣдуя влечению раслабленной природы и худымъ примѣрамъ, совершаетъ многіе грѣхи, не имѣя надлежащаго понятія о томъ, какъ совершающее имъ противно закону и природѣ. Въ такомъ состояніи находятся многие изъ бѣдныхъ язычниковъ, по недостатку истинной религіи. Есть состояніе беспечности духовной, въ коемъ находящіеся вовсе не думаютъ о томъ, что и какъ должно человѣку дѣлать, чего требуетъ законъ Божій и что воспрещаетъ, живутъ какъ случится, поступаютъ какъ случится. Примѣръ и обстоятельства, привычка и страсти суть для нихъ вмѣсто всѣхъ правиль и законовъ. Есть состояніе духовнаго лицемѣрія, когда человѣкъ ясно видѣть, чего требуетъ долгъ и совѣсть, и старается сохранить на себѣ всю личину честности, но втайне предается всему, къ чему влекутъ его страсти. Въ такомъ лицемѣріи обличаешь нѣкогда Господь фарисеевъ. Есть состояніе грѣховнаго ожесточенія, когда грѣшникъ выходитъ изъ свойственной грѣху боязни и скрытности, безчинствуетъ явно, упорно отвергаетъ всѣ вразумленія и хвалится своими преступленіями. Есть состояніе отчаянія, когда грѣшникъ, пробудившись отъ грѣха, чувствуетъ крайнее къ нему отвращеніе, но сообразивъ, что его грѣхъ неотпустителенъ, готовъ бываетъ на самыя отчаянныя поступки и противъ другихъ и противъ самого себя: примѣръ сего состоянія—несчастный предатель Христовъ.

Видите, сколько болѣзней и язвъ у души человѣческой! Видите, сколько узъ и оковъ у нашей бѣдной свободы и воли! Видите, сколько удицъ и петлей у врага нашего діавола! Посему-то св. Писаніе такъ часто совѣтуетъ намъ непрестанно трезвиться

духомъ и бодрствовать; посему-то люди опытные въ духовной жизни, не совѣтуютъ полагаться ни на какую свою добродѣтель и твердость; ибо, какъ показываютъ примѣры, можно съ самой высокой степени совершенства духовнаго вдругъ упасть и разбиться въ прахъ. Но да не унываетъ при семъ никто!—Велика сила грѣха, но стократъ больше сила благодати Божией. Многообразно полчище пороковъ, но еще многообразнѣе ликъ святыхъ добродѣтелей. Мы не одни—съ нами Искупитель нашъ, съ нами Духъ Святый и Всемогущій, съ нами Ангелы-хранители, съ нами всѣ святые Божіи, съ нами Церковь и ея таинства. Нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе; нѣтъ преступленія, коего не могла бы смыть съ души нашей всесвятая Кровь, пролитая за всѣхъ насъ на Голгоѳѣ. Всякій грѣшникъ, кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни были велики грѣхи его, если только восхощеть искренно и твердо, можетъ, при помощи благодати Божией, сдѣлаться паки чистымъ и праведнымъ и удостоиться царствія небеснаго: примѣръ тому покаявшійся на крестѣ разбойникъ. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, КАКЪ ПРОИЗОШЕЛ ГРѢХЪ ВЪ МІРѢ И ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ,

И КАКЪ ОНЪ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ КАЖДОМЪ ИЗЪ НАСЪ.

 Откуда грѣхъ въ мірѣ?—вопросъ самый близкій къ каждому грѣшнику; но для отвѣта на него надобно выйти мыслию за предѣлы всего видимаго; ибо грѣхъ произошелъ не въ нашемъ мірѣ. Благодареніе, тысяческратное благодареніе Господу, что не мы, человѣки, были первыми виновниками грѣха, возмутившаго безпредѣльное царство Божіе и внесшаго смерть и пагубу во вселенную!—Ибо хотя мы и заразились ужасною язвою грѣха; но поелику она пришла къ намъ отынаду, заразила притомъ насъ безъ полнаго нашего сознанія: то намъ еще осталась потому самому возможность быть уврачеванными отъ язвы грѣховной.

Гдѣ же, спросите, произошелъ грѣхъ?—Въ области духовъ—въ сердцѣ Люцифера. Онъ породилъ въ себѣ первый грѣхъ; онъ перелилъ сію язву сначала въ подобныхъ себѣ духовъ, а потомъ и въ сердце неосторожнаго прародителя нашего. Какъ начался и родился грѣхъ въ духѣ Ангела свѣтоноснаго,—не знаемъ: это тайна! — Руководясь истиннымъ понятіемъ о совершенствахъ Творца и природѣ существъ разумныхъ, мы можемъ только и должны утверждать, что первый грѣхъ произошелъ не отъ природы, а отъ свободы, и состоялъ въ злоупотребленіи разума и воли; а, послѣдую нѣкоторымъ указаніямъ слова Божія, доумѣваемъ, что первымъ злоупотребленіемъ разума и воли въ первомъ виновникѣ грѣха были самомнѣніе и гордость, желаніе независимости безграничной и стремленіе сдѣлаться подобнымъ Богу. Тоже св.

Писаніе, и уже положительно, открываетъ намъ, что сіи преступныя чувства въ Люциферѣ не остановились на одномъ внутреннемъ недовольствѣ и тайномъ враждованіи противъ Всевышняго, а дошли до явнаго возмущенія и безумнаго противоборства Его всемогущей волѣ. Такая дерзость и бунтъ не могли быть терпимы у престола Всемогущаго: —и гордый Деница сверженъ въ преисподнюю, въ самую низшую область мірозданія, гдѣ онъ действитель но образовалъ изъ себя съ клеветами своими собственное царство тьмы и ужаса, ненависти и отчаянія, смерти и разрушенія.

Чтобы умножить число темныхъ слугъ своихъ и сообщниковъ возмущенія, чтобы уязвить непрѣступнаго по существу своему Творца въ лицѣ видимаго представителя Его совершенствъ на землѣ, врагъ Божій рѣшился заразить грѣховною язвою и созданного по паденіи его человѣка. Извѣстно, какъ послѣдовала сія зараза.

Для человѣка, яко видимаго образа Бога навидимаго, яко будущаго намѣстника Его на землѣ и правителя всѣхъ низшихъ существъ, необходимо было испытаніе, или такой опытъ послушанія и любви къ Творцу и Благодѣтелю своему, въ коемъ испытуемый со всею свободою могъ бы показать, что онъ рѣшился единожды и навсегда подчинить свою волю пресвятой волѣ и закону Творца своего, дабы во всемъ действовать согласно Его премудрымъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Для сего опыта избрано было древо познанія добра и зла, съ запрещеніемъ вкушать отъ плодовъ его—подъ опасеніемъ смерти. Въ повиновеніи сей заповѣди заключалось все для человѣка—жизнь въ исполненіи ея, смерть въ нарушеніи: ибо чрезъ исполненіе онъ навсегда оставался едино съ Творцемъ, и потому способнымъ, къ чему предназначено Его благостию: чрезъ нарушеніе отдѣлялся отъ своего Творца, становился врагомъ Ему, и потому вовсе неспособнымъ къ своему мѣсту и предназначению. У сего-то таинственнаго древа явился искуситель въ льстивомъ образѣ змія, и коварнымъ обѣщаніемъ, что чрезъ вкушение плодовъ его человѣкъ не умретъ, какъ угрожалъ Господь, а сдѣлается подобнымъ Богу, увлекъ его въ преступленіе воли творческой.

Съ сей злополучной минуты вторгся и въ нашъ міръ грѣхъ со всѣми его ужасами. Разорвавъ преступленіемъ бѣженный союзъ съ Богомъ, несчастный прародитель нашъ лишился чрезъ то самое непосредственнаго, внутренняго сообщенія съ Источникомъ всѣхъ силъ и совершенствъ: умъ его померкъ, чувство

угасло, воля обомлѣла, мощь исчезла, все существо помертвѣло. Вмѣстѣ съ симъ потерялъ онъ способность къ высокому своему мѣсту и предназначению въ ряду существъ. А сдѣлавшись отпадшимъ отъ Бога и лишеннымъ первобытныхъ совершенствъ, первый человѣкъ не могъ уже не передать сего несчастнаго состоянія, то-есть падшей природы своей и всѣмъ своимъ потомкамъ. *И роди Адамъ сына по виду своему*, сказано въ бытописаніи, а уже не по образу Божію, какъ былъ созданъ вначалѣ самъ.

Здѣсь-то, въ семъ первобытномъ паденіи всего человѣчества, кроется первый, общій для всѣхъ людей источникъ наклонности ко злу. Этаисточникъ есть наша собственная, падшая, помраченная, растлѣнная грѣхомъ природа, которую каждый изъ насъ заемлетъ отъ своихъ прародителей. Тѣ, кои не признаютъ сего источника зла, явно идутъ вопреки всеобщаго опыта. Ибо откуда въ насъ столь ранній и рѣшительный перевѣсь чувственности надъ умомъ и совѣстю? Откуда такая сила надъ нами соблазновъ и такое слабое дѣйствіе на насъ примѣровъ добрыхъ? Откуда нечистыя и злыя движенія въ самыхъ младенцахъ? Не говоримъ уже о бренности всего существа нашего, которая видимо не первоначальнаго—божескаго происхожденія, а слѣдствіе какого-то ужаснаго переворота съ нашею природою.

Впрочемъ, тогъ составилъ бы себѣ неправильное понятіе о сей прирожденной всѣмъ намъ, порчѣ грѣховной, кто подумалъ бы, что вслѣдствіе ея человѣкъ долженъ теперь грѣшить необходимо. Нѣтъ, благодареніе Господу! сей ужасной необходимости нѣть ни для кого изъ сыновъ Адамовыхъ. — Вслѣдствіе первобытнаго паденія нашего, грѣхъ въ каждомъ изъ насъ имѣетъ теперь, такъ сказать, уже готовое для себя мѣсто, и намъ гораздо труднѣе исполнять волю Божію, нежели какъ было вначалѣ; а впрочемъ нѣть ни одного грѣха, котораго не можно было избѣжать, коль скоро есть на то твердая рѣшимость. Ибо, вслѣдствіе милосердаго о насть промышленія любви божественной, мы, противъ немощи и порчи естества нашего, имѣемъ теперь силу благодати, постоянно вспомоществующей намъ въ борьбѣ нашей съ наклонностю къ злу. Посему и иныи, какъ въ первые дни бытія человѣческаго, и въ каждомъ изъ насъ, какъ въ первыхъ прародителяхъ нашихъ, ряль грѣхопаденій начинается не отъ необходимости, а отъ произвола, и состоить въ злоупотребленіи разума и воли.

Какъ происходитъ въ насъ это новое, наше собственное па-

деніе? На сіе даетъ намъ отвѣтъ ап. Іаковъ. *Кийждо*, говоритъ онъ, *искушается*, отъ *своен похоти влеко.ль и прельща.ель*. *Таже похоть, зачениши, разжда.еть грѣхъ* (Іак: 1, 14. 15). Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ луша наша благодатию Божію не исправится и не освободится отъ наклонности къ злу, дотолѣ въ ней, какъ на худой почвѣ земли сорные травы, непрестанно возникаютъ разные грѣховные помыслы и желанія нечистыя. Сами по себѣ, они еще не составляютъ грѣха дѣятельного, а служать только признакомъ въ насъ грѣховнаго расположенія и, такъ сказать, материаломъ для беззаконія; появление ихъ въ умѣ и сердцѣ не нарушаетъ нашей свободы, а только влечетъ насъ, какъ выражается Апостоль, и прельщаетъ на грѣхъ. И колѣ скоро похоть грѣха не оплодотворяется свободою воли, то преступныя мысли и желанія остаются бесплодными, слабѣютъ въ душѣ, замираютъ и исчезаютъ. Въ противномъ случаѣ, если, вмѣстѣ съ пожеланіемъ, послѣдовало и несчастное соизволеніе на грѣхъ; если вмѣсто того, чтобы отвергнуть соблазнъ и искушеніе и подавить его разумомъ и совѣтно, мы пріемлемъ его въ обѣятія своихъ мыслей, соединяемъ съ нимъ нашу волю, предаемся тому, что внушаетъ вожделѣніе и страсть, и рѣшаемъся исполнить злое намѣреніе на самомъ дѣлѣ: въ то время—не прежде *разжда.ется*, какъ говоритъ Апостоль, грѣхъ. Раждается грѣхъ, хотя бы намъ почему либо и нельзя было совершить его на самомъ дѣлѣ: ибо грѣховная похоть, воспринятая свободою, усвоенная волею, пред назначенная къ осуществленію разсудкомъ, есть уже полное и самостоятельное дѣйствіе нашего духа и дѣйствіе преступное.

Такъ побужденіе ко злу въ видѣ похоти бываетъ и извнутрь—отъ растлѣннаго грѣхомъ сердца, но весьма часто происходитъ и со внѣ—отъ людей и вещей, насъ окружающихъ. Является какой либо соблазнъ, путемъ видѣнія или слуха входить въ нашу душу и начинаетъ влечь за собою волю и прельщаетъ сердце. Если человѣкъ, вооружившись страхомъ Божіимъ и чувствомъ долга, остается при семъ на сторонѣ совѣсти: то соблазнъ, проникши въ душу, теряетъ силу и наконецъ—исчезаетъ. Въ противномъ случаѣ, то есть, когда сей внѣшній соблазнъ усвояется сердцемъ, увлекаетъ за собою волю, обращается въ правило дѣйствій: мы падаемъ и грѣшимъ, если не внѣшно, то внутренно. Разительный примѣръ сего ниспаденія ко злу представляется наша прародительница въ раю. Вотъ, она стоитъ предъ древомъ познанія добра и зла и смотритъ на него, еще невинная; и змій

влечетъ ее къ плоду запрещенному и древо, — змій, льстивымъ обѣщаніемъ, что въ древѣ нѣтъ смерти, какъ говорилъ Господь, а напротивъ вѣдѣніе необыкновенное и независимость божеская, — древо, своими плодами и красотою. *И видѣ жена, яко добро древо въ сиѣдѣ, и яко угодно очила видѣти, и красно есть, еже разу пѣти.* Грѣховное пожеланіе уже родилось въ душѣ Евы, но могло быть отвергнуто и подавлено разсудкомъ и твердою волею. Прародительница рода человѣческаго могла сказать сама себѣ: слова змія искушительны; но слова Іора и Создателя стократъ вѣрнѣ и святѣ: видѣ древа и плодовъ его прекрасенъ; но законъ Божій еще вожделѣніе. Могла сказать такъ и пойти прочь. Такимъ образомъ и внутреннее и виѣшнее искушеніе осталось бы безплоднымъ и обратилось бы въ ничто; отринутое, побѣжденное, оно даже укрѣпило бы волю на превозможеніе новыхъ и большихъ искушений; но сердце несчастной праматери нашей не устояло при семъ въ добрѣ, увлеклось похотію,—и преступленіе совершилось. *И вземши жена яде, и даде мужу свое ему, и ядоста.* Подобно сему искушается и падаетъ каждый изъ насъ. Давидъ, напр., случайно, видѣть жену Урії, и воспламенившись страстью преступною, совершаетъ одно за другимъ два ужасныя преступленія. Іезавель видѣть виноградникъ Навуоея, рѣшается, во что бы то ни стало, имѣть его, и также достигаетъ своей щѣли преступленіемъ.

Наконецъ и посредственнымъ и непосредственнымъ поводомъ къ злу, во всѣхъ его видахъ, можетъ служить для насъ, подобно какъ служилъ для прародителей нашихъ, самъ первый виновникъ грѣха, исконный врагъ человѣчества, діаволъ. Ибо хотя человѣкоубійца сей связанъ узами всемогущества Божія, и ничего не можетъ противъ тѣхъ, кои пребываютъ подъ сѣнью благодати Христовой; но тѣ, кои своимъ невѣріемъ и нечестіемъ уклоняются изъ-подъ сего святаго покрова, отверзаютъ ему дверь въ свое сердце, на сихъ несчастныхъ людей духъ злобы получаетъ возможность дѣйствовать прямо и непосредственно, выдыхая въ нихъ отъ своей полноты зла хульныя мысли, зловредныя похоти и богопротивные замыслы. Ужасный примѣръ сего адскаго настія представляеть злополучный предатель Христовъ, о коемъ прямо сказано, что діаволъ вложилъ въ сердце его, да предастъ своего Учителя. Тоже слово Божіе ясно говоритъ, что діаволъ и донынѣ ходить, яко левъ, искій кого поглотити. Впрочемъ, и здѣсь мы возымѣли бы весьма неправильную мысль, если бы подумали, что онъ поглощаетъ, кого хочетъ: нѣтъ, онъ по-

глощається токмо тѣхъ, кои сами того хотятъ, кои небрегутъ о средствахъ избѣгать сего льва и его ужаснаго поглощенія. Доказательство сему тотъ же несчастный предатель. Мысль о преданіи была вложена въ душу его и принята ею: но божественный Учитель при всемъ томъ не оставлялъ никакихъ средствъ, что бы остановить его на пути предательства. Почему не оставлялъ? потому, безъ сомнѣнія, что Іуда могъ и принятую, и усвоенную мысль о предательствѣ удалить отъ себя, отвергнуть, и сдѣлаться паки тѣмъ, чѣмъ былъ вначалѣ, то есть вѣрнымъ ученикомъ и апостоломъ. Таке драгоцѣнная возможность — возвратиться къ своему долгу и совѣсти остается и у каждого грѣшника; и если онъ не найдетъ нѣкогда для себя извиненія и отвѣта на судѣ, то поэтому, что могъ, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, возникнуть отъ діавольскія сѣти, и — не воскотѣлъ того.

Таково, братіе мои, происхожденіе грѣха въ мірѣ, въ родѣ человѣческомъ и въ каждомъ изъ насъ! Грѣхъ, какъ вначалѣ произошелъ, такъ и нынѣ всегда происходит не отъ природы, а отъ злоупотребленія воли и свободы. Безъ свободы нѣтъ, и не можетъ быть никакого новаго грѣха. Посему-то всячески должно хранить и укрѣплять свободу духа; ибо она, какъ магнитъ, можетъ и возрастать въ силѣ и умаляться, смотря по тому, какъ упражняютъ ее. Въ чистыхъ Ангелахъ и праведникахъ совершенныхъ свобода воли, отъ непрестанного святаго упражненія въ добрѣ, дошла до того, что сдѣлалась вовсе непреклонною ко злу, неподвижно утвержденною въ добрѣ и законѣ: а въ духахъ отверженныхъ, отъ нераскаянности, гордости и непрестанныхъ ниспаденій во глубину грѣха, свобода воли пришла въ такое состояніе, что потеряла силу обратиться къ добру и сдѣлалась однимъ призракомъ истинной свободы. Подобно сему и въ грѣшникахъ, нерадящихъ о своемъ исправленіи, преданныхъ слѣпо страстямъ, свобода, отъ повторенія однихъ и тѣхъ же грѣховъ, умаляется наконецъ—до того, что они, предоставленные самимъ себѣ, безъ всемошной благодати Божіей, никогда не могли бы выйти изъ бездны грѣховной.

Памятуя сіи непреложныя истины, будемъ, братіе мои, держать какъ можно болѣе внутреннимъ произволомъ свободы нашей, не расточая безумно силу бессмертнаго духа нашего, по требованію страстей и прихотей. Когда же почувствуемъ въ себѣ утищербленіе нашей духовной свободы отъ грѣховъ нашихъ, то

поспѣшимъ восполнитьъ слабость воли нашей слезами истиннаго покаянія и благодатными таинствами св. Церкви, подобно какъ мореходцы немедленно спѣшать снова намагничивать свой компасъ, когда замѣтятъ, что онъ теряетъ силу направляться къ сѣверу. Аминь.

СЛОВО

О ТОМ, ЧТОЛІ ГРѢХІ СОБІДЗІАСТЬ ЧЕЛОВѢКІ,

И ПОЧЕМУ ТАКЪ МНОГО ГРѢШНИКОВЪ НЕРАСКАЯННЫХЪ, И ТАКЪ МАЛО ИСТИННО КАЮЩИХСЯ.

 разумъ, и опытъ, и слово Божіе увѣряють нась, братіе, что грѣхъ есть зло великое, и предаваться ему значить быть врагомъ самому себѣ. Между тѣмъ, что видимъ мы въ мірѣ? Что видимъ вокругъ насть и въ насть самихъ? Грѣхъ! Малая только часть избранныхъ Божіихъ, утвердившись на камени заповѣдей Господнихъ, оградившись страхомъ Божімъ и благодатію Христовою, блудетъ себя чистою отъ грѣха, постоянно сражается съ нимъ во всѣхъ его видахъ, и побѣждаетъ его и въ себѣ и въ другихъ. Гораздо большая часть, если и не оставляетъ совершенно пути правды и истины, то непрестанно уклоняется съ его на десно и шуе. Еще большая часть людей и не думаетъ о царскомъ пути правды и долга, спокойно позволяетъ себя влечь страстямъ по всѣмъ дебрямъ порока. Есть наконецъ и такіе, кои до того раздружились со всякою добродѣтлю, до того сроднились со всякимъ грѣхомъ, что, подобно духамъ отверженнымъ, готовы навсегда оставаться во грѣхѣ, готовы, если бы то было возможно, воцарить его надъ всѣмъ міромъ.

Есть, значитъ, въ грѣхѣ что либо особенно привлекательное, когда онъ можетъ такъ овладѣвать людьми, не смотря на всѣ предостереженія отъ него разума, опыта и закона Божія. Чго бы это было такое? Это, по замѣчанію Апостола, временнаго грѣха сладость (Евр. II, 25), и, можемъ прибавить мы, временная добродѣтели горечь. Человѣкъ созданъ для блаженства; и по при-

родѣ своей неудержимо и постоянно стремится къ нему. Поголику же въ настоящемъ состояніи нашемъ, порокъ бываетъ часто сладокъ, а добродѣтель напротивъ горька; то человѣкъ, жаждущій блаженства, потому самому и устремляется къ пороку —сладкому, и отвращается добродѣтели—горькой.

Но откуда сія, хотя временная, сладость порока, и эта, хотя временная, горечь добродѣтели? Ужели первый сладокъ, послѣдня горька по самому существу ихъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Грѣхъ по существу своему есть горечь адская; добродѣтель по самому существу своему есть сладость райская: но это по существу ихъ; для ощущенія сей горечи грѣха, сей сладости добродѣтели необходимъ вкусъ чистый и здравый; въ насть нѣтъ сего вкуса: посему добродѣтель кажется намъ иногда горькою, а порокъ сладкимъ, точно такъ, какъ это бываетъ въ отношеніи къ яствамъ, во время нѣкоторыхъ болѣзней.

Такое превращеніе вкуса душевного бываетъ не вдругъ. Въ юныхъ лѣтахъ, когда сей вкусъ обыкновенно бываетъ чище (совершенно чистаго вкуса къ добродѣтели и пороку мы, какъ существа падшія, неносимъ съ собою въ міръ сей), все добroe для насъ бываетъ гораздо пріятнѣе, и потому легче къ совершенію, и все порочное гораздо горче; и потому отвратительнѣе. Но съ продолженіемъ времени, когда чувственность наша беретъ верхъ надъ разумомъ, когда примѣры и обычаи заглушаютъ совѣсть, когда грѣхъ отъ повторенія обращается въ привычку, духовный вкусъ нашъ, портясь болѣе и болѣе, наконецъ совершенно превращается, такъ что добродѣтель становится для насъ горькою, а порокъ сладкимъ и пріятнымъ.—

Все сіе уже проясняетъ отчасти темное владычество грѣха надъ нами, но чтобы видѣть всѣ пріемы, коими уловляетъ онъ человѣка, всѣ узы и оковы, коими онъ удерживаетъ насъ въ своемъ плѣну, разсмотримъ дѣло подробнѣе.

Мы являемся на свѣтъ сей, какъ показываетъ опытъ, не съ первобытными совершенствами и невинностію, а съ составомъ души и тѣла поврежденнымъ, съ силами и способностями, не имѣющими между собою надлежащаго согласія, съ видимою наклонностію къ чувственному, и отвращеніемъ отъ закона и обязанностей нашихъ. Для исцѣленія насть отъ сей проказы, для исправленія всѣхъ членовъ природы нашей, для возвращенія намъ первобытной жизни, здравія и цѣлости, потребно продолжительное врачеваніе, чѣмъ и занимаются вѣра и добродѣтель, благодать и Евангеліе. Человѣкъ, предавшись въ руки искусному врачу,

по необходимости теряетъ большую часть своей свободы, долженъ и жить и действовать не какъ хочется, а какъ велять, долженъ терпѣть разныя лишенія, принимать много горькихъ капель, доколѣ не освободится отъ наклонности ко грѣху и чувственности. Все это тѣжело, иногда весьма болѣно для нашего плотскаго человѣка, для самаго воображенія, воли и свободы нашей. И вотъ является человѣку грѣхъ и говоритъ: къ чему всѣ сіи принужденія, всѣ эти лишенія? Что тебѣ мучить себя? Ты таковъ, какимъ долженъ быть; по крайней мѣрѣ совсѣмъ не такъ худъ, какъ изображаютъ тебя вѣра и религія. Живи какъ хочется: пользуйся всѣмъ, чѣмъ можно; лови радости и удовольствія, коихъ и безъ того не много. Бѣдный человѣкъ внемлетъ обаятельному голосу, сбрасываетъ съ себя всѣ пластиры и обязанія, кои возлагали на него вѣра и добродѣтель, и переходитъ на сторону порока, который предлагаетъ полную свободу, всѣ виды наслажденій и радостей земныхъ.

Во вторыхъ, вѣра и добродѣтель, подвергая человѣка, хотя для его же блага, разнымъ принужденіямъ и ограниченіямъ, требуя отъ него нерѣдко важныхъ жертвъ и усилий, награду за все это обѣщаютъ не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ, нерѣдко отдаленномъ; а полнаго плода и возмездія за всѣ труды и лишенія и не обѣщаютъ въ этомъ мірѣ, а велятъ ожидать его по смерти. Человѣкъ, озаренный свѣтомъ благодати и рѣшительно утвердившійся въ добрѣ, вполнѣ довольствуется симъ обѣщаніемъ: ибо видѣть ясно, что дѣло иначе и быть не можетъ; что доколѣ падшая природа его вся не обновится и не освятится благодатию, дотолѣ она не можетъ и вмѣстить полнаго блаженства; что самая жизнь настоящая, самая земля наша въ настоящемъ ихъ состояніи неспособны къ сему блаженству. Но человѣкъ, водящійся мудрованіемъ земнымъ, не отрѣшившійся чувственности, не можетъ возвыситься до сего святаго взора на вещи; онъ, не смотря на всѣ свои недостатки, на всю свою болѣзнь, хотѣлъ бы сдѣлаться блаженнымъ здѣсь, и какъ можно скорѣе. Грѣхъ пользуется всѣмъ симъ, и во первыхъ наводитъ сомнѣнія на будущія награды за добродѣтель, на самую жизнь будущую, что и не трудно дѣлать для него, ибо то и другое невидимо; во вторыхъ, преувеличиваетъ злонамѣренно жертвы, требуемыя закономъ и совѣстю, выставляя въ тоже время разнообразную картину своихъ удовольствій. Зачѣмъ, говоритъ онъ человѣку, опускать вѣрное — настоящее и гнаться за будущимъ, неизѣстнымъ и едва ли возможнымъ? Я не маню

тѣмъ, чего у меня нѣтъ: мои всѣ блага и радости на лицо. Они всѣ къ твоимъ услугамъ; только предайся мнѣ. Бѣдный грѣшникъ посмотритъ въ даль будущности, обѣщаемой за добродѣтель,—и своими близорукими очами не видѣть ничего, или весьма мало; посмотритъ на область грѣха, она кипитъ предъ нимъ угѣхами и наслажденіемъ; и вотъ,—онъ на сторонѣ грѣха, въ плену страстей!..

Опять могъ бы остановить при семъ бѣдного человѣка, показавъ ему, какъ многіе изъ грѣшниковъ, вместо всѣхъ сладостей грѣха, или за малыя капли ся, терпятъ и въ семъ мірѣ ужасныя бѣдствія: но грѣхъ имѣетъ искусно прикрывать въ себѣ эту мрачную и ужасающую сторону, представляя, что сіи бѣдствія произошли не отъ самаго грѣха и преступленія закона, а отъ недостатка при томъ благоразумія, или отъ особенного стечения обстоятельствъ. Все это бываетъ при грѣхѣ, говорить человѣку страсть, но всего этого можетъ и не быть: ты возьмешь противъ сего надлежащія мѣры, и на твою долю достанутся одни сладости и удовольствія.

Въ довершеніе сихъ обольщеній, грѣхъ имѣетъ удивительную способность разнообразить яловитую свою сладость, смотря по требованію. Можно сказать, что сладость грѣховная преображается по вкусу каждого грѣшника. Для людей грубыхъ и чувственныхъ у грѣха множество наслажденій, самыхъ плотскихъ и грубыхъ; для людей, живущихъ въ области вожделѣній душевныхъ, у грѣха есть не мало удовольствій невещественныхъ, напримѣръ, удовольствіе скучаго отъ одного взгляда на кучи золота. Для людей, действующихъ преимущественно умомъ и во-лею, у грѣха на готовѣ запасъ преступныхъ наслажденій умственныхъ, доставляемыхъ гордостю, презорствомъ, буйными замыслами, дерзкими поступками и проч. Даже для людей, знакомыхъ съ жизнью духа, съ подвигами добродѣтели, съ совершенствами христіанскими, у грѣха есть своя сладкая отрава: это тайное самоуслажденіе своими совершенствами и подвигами, съ забвеніемъ собственного ничтожества. Сею приманкою грѣхъ увлекаетъ душу въ свои сѣти, такъ сказать, подъ самымъ небомъ.

Самая сладость грѣха, въ чемъ бы она ни состояла, имѣетъ ужасныя свойства. Вкушаемая, она обезсиливаетъ человѣка во всемъ существѣ его, отнимаетъ у него часть внутренняго чувства и разумнаго самосознанія, непримѣтно погружаетъ такимъ образомъ сначала въ сонъ духовный, а потомъ въ душевное оудѣ-

пенѣніе и мертвенність. Обумерщвленный страстями грѣшникъ, видя не видѣть, слыша не слышить. Сколько разъ ни восходитъ надъ нимъ солнце благодати, сколько ни орошаются онъ струями слова Божія и христіанскихъ наставлений, сколько ни гремитъ надъ нимъ громъ самого гнѣва Божія: — все это для него какъ бы не существуетъ; потому что грѣхъ ослѣпилъ его умъ, заглушилъ его внутренній слухъ, подавилъ въ немъ совѣсть, обмертвилъ его духъ.

Будемъ ли живиться послѣ всего этого, что такъ мало людей, избѣгающихъ совершенно сѣтей грѣха, и такъ немного такихъ, кои, имѣвъ несчастіе увязнуть въ сихъ сѣтяхъ, расторгаютъ ихъ потомъ мужественно и исходятъ на свободу духа? Ахъ, еслибы не всемогущая сила благодати Божіей, не Ангелы-хранители наши, не матернее попеченіе и таинства Церкви; то всѣ мы, безъ сомнѣнія, и навсегда остались бы въ плѣну страстей, не имѣя и мысли о томъ, чтобы сражаться съ ними, и терпѣть разныя принужденія для возвращенія себѣ свободы духа и чистоты сердца!

Не будемъ же забывать сего, возлюбленные! Зная коварство врага нашего—грѣха, и то, чѣмъ онъ уловляетъ насть, противопоставимъ ему всегдашнюю бдительность, строгій разборъ и непреклонное отращеніе. Явится ли онъ предъ насть съ своею сладостію, — отринемъ ее съ ужасомъ подобно тому, какъ мы же отвергли бы ядъ, самый сладкій и вкусныій.—Будетъ ли грѣхъ прельщать насть утѣхами въ настоящемъ,—вспомнимъ, что сіи утѣхи привременны и скоро исчезающи, а скорби, за ними слѣдующія, всегдаши и вѣчны. Будетъ ли выставлять предъ нами трудность жизни добродѣтельной, великость жертвъ, требуемыхъ вѣрою и покаяніемъ,—скажемъ, что сія трудность также привременна и вмѣстѣ необходима и спасительна, что сіи жертвы вознаградятъ въ свое время сторицею и требуются отъ насть ради нашего же блага,—скажемъ такъ, и пребудемъ вѣрными закону, Богу и совѣсти. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ПАГУБНЫЯ ДѢЙСТВІЯ ГРѢХА ТАКИ БЫДЛЕНЫ,

ЧТО МЫ НЕ МОЖЕМЪ И ВИДЕТЬ ИХЪ ВО ВСЕЙ ГЛУБИНЪ И ОБШИРНОСТИ, НО ДОЛЖНЫ, ПО ВНУШЕНИЮ СЛОВА БОЖІЯ, РАЗУМА И ОПЫТА, ПРЕДПОЛАГАТЬ, ЧТО ОНИ УЖАСНО ГИБЕЛЬНЫ.

Одно изъ пагубныхъ свойствъ грѣха, какъ мы замѣтили прежде, состоить, въ томъ, что онъ открываетъ намъ только ту сторону свою, которая обольстительна для нашей чувственности, а сторону вредоносную и пагубную всегда скрываетъ и представляетъ вовсе несуществующею. Посему, желая произвести въ себѣ спасительный ужасъ и отвращеніе ко грѣху, намъ должно употребить все стараніе, чтобы извести наружу весь ядъ, скрывающійся въ сладости грѣховной, и показать его пагубныя дѣйствія. Это самое, при помощи благодати Божіей, и нацѣляемъ мы сдѣлать въ слѣдующихъ собесѣданіяхъ нашихъ. Теперь же почитаемъ за нужное разсмотрѣть предварительно—можемъ ли мы, въ настоящемъ состояніи нашемъ, видѣть всю пагубу, проистекающую отъ грѣха, и если не можемъ, то почему именно. Это необходимо для того, дабы кто либо не вообразилъ, что мы сказали о сей пагубѣ все, что сказать можно, и что болѣе ни видѣть, ни сказать ничего не остается. Нѣтъ, мы заранѣе отрекаемся отъ сего совершенства. Всю пагубу, отъ грѣха происходящую, не можетъ видѣть око ума человѣческаго. Почему? По той самой простой причинѣ, что мы не можемъ видѣть теперь состоянія рода человѣческаго ни прошедшаго—первобытнаго, ни будущаго—окончательнаго. Дабы знать, какими бѣдствіями разразился надъ человѣкомъ грѣхъ,

необходимо имѣть понятіе о томъ, въ чемъ состояло его перво-бытное совершенство: но мы всѣ приходимъ теперь на свѣтъ съ природою, лишенною первобытныхъ совершенствъ, съ порчею отъ грѣха въ лушѣ и тѣмѣ; никто изъ настѣ не видалъ первого человѣка въ состояніи невинности и бессмертія. Послѣ сего какъ намъ опредѣлить, что сдѣлалъ съ нами грѣхъ, чего именно лишилъ и чemu подвергъ? Съ другой стороны, послѣдствія грѣха должны обнаружиться не въ сей только жизни, а еще болѣе по смерти, въ вѣчности, которая также недоступна не только нашимъ чувствамъ, но даже и самымъ понятіямъ. Посему опять сами по себѣ мы не можемъ сказать, что сдѣлаетъ съ нами грѣхъ, до чего прострется пагуба и жестокость его надъ нами. Послѣ сего для наблюденія нашего за пагубными дѣйствіями грѣха надъ нами остается одинъ тѣсный кругъ нашего земнаго бытія. Здѣсь многія пагубныя дѣйствія грѣха тотчасъ видны каждому; а большая часть опять не видна для взора самаго дальновиднаго. Ибо грѣхъ, хотя есть ядъ силынѣйшій изъ всѣхъ ядовъ, но дѣйствіе свое оказываетъ, обыкновенно, не вдругъ, портить природу и жизнь нашу постепенно и непримѣтно: почему трудно указать съ ясностію, что именно худаго проистекло въ нашей жизни непосредственно отъ грѣха, и что отъ другихъ причинъ. Для означенія всѣхъ пагубныхъ дѣйствій грѣха на извѣстнаго человѣка, надобно бы знать всю его жизнь въ точности, взять, такъ сказать, всю сумму его пороковъ и всю сумму его страданій, и сличить одно съ другимъ: но это невозможно. Тѣмъ невозможнѣе сдѣлать сіе въ отношеніи къ цѣлому роду человѣческому. Посему-то въ извѣстномъ церковномъ пѣснопѣніи столь же справедливо, какъ и глубоко, вѣдѣніе всѣхъ нашихъ недуговъ грѣховныхъ усвояется одному Богу: *единъ вѣдѣй человѣческаго существа помощъ!* — Точно, единъ Богъ знаетъ и видитъ, что сдѣлалъ, дѣлаетъ и можетъ сдѣлать съ нами грѣхъ!

Такимъ образомъ, не смотря на весь опытъ и на всѣ познанія наши, мы оставались бы съ весьма поверхностными свѣдѣніями о томъ, какъ ужасенъ грѣхъ, и какое разрушеніе производить онъ въ природѣ нашей, если бы не пришелъ къ намъ въ семъ дѣлѣ на помощь одинъ великий свидѣтель, который былъ при началѣ нашего бытія и видѣлъ, что произвелъ грѣхъ надъ нашими прародителями, коему съ другой стороны извѣстно все, что послѣдуетъ съ нами за гробомъ, въ вѣчности, какъ разразится тамъ пагуба грѣха надъ тѣми, кои не успѣли освободиться отъ его лютой проказы. Этотъ свидѣтель всевѣдущій

есть божественное Откровение, предъ коимъ, какъ предъ очами самого Бога, открыта совершенно вся судьба наша во времени и въ вѣчности.

Что же говоритъ намъ сей неложный свидѣтель о слѣдствіяхъ грѣховъ нашихъ? — Ахъ, онъ открываетъ намъ такъ много, что если бы мы были внимательны къ его словамъ, то вся жизнь наша обратилась бы въ оплакиваніе того, чего мы лишились чрезъ грѣхъ, и въ избѣжаніе того, что намъ угрожаетъ за грѣхъ. — Ибо чего не лишилъ насъ грѣхъ, по свидѣтельству слова Божія? Лишилъ образа Божія, украшавшаго насъ въ состояніи невинности, и заключавшаго въ себѣ вмѣстѣ съ богоподобіемъ, основаніе и залогъ всѣхъ совершенствъ; лишилъ блаженнаго общенія съ Богомъ и міромъ ангельскимъ; лишилъ бессмертія и жизни въ раю; лишилъ господства надъ тварями и всею землею.

Вотъ наши лишенія! Кто, скажемъ съ Соломономъ, можетъ исчислить ихъ и взвѣсить (Еклез. 1, 1)?

Не меньшее зло угрожаетъ намъ отъ грѣха, по свидѣтельству того же слова Божія, и въ будущемъ, ибо угрожаетъ совершенное разобщеніе съ Богомъ и небомъ, совершенное лишеніе всѣхъ благъ небесныхъ; угрожаетъ всеконечная потеря всякой истинной жизни и радости; угрожаетъ ужасное, невольное, вѣчное пребываніе съ духами отверженными во адѣ, среди мученій некончаемыхъ. Что можетъ быть ужаснѣе сей участіи?

Отважимся ли подозрѣвать небеснаго свидѣтеля въ невѣрности и неточности его свидѣтельствъ о пагубныхъ дѣйствіяхъ грѣха? Но какая ему нужда вводить насъ въ заблужденіе? А съ другой стороны, свидѣтельство слова Божія въ семъ случаѣ разительно подтверждается свидѣтельствомъ всего первобытнаго человѣчества. Ибо, что говорятъ намъ всѣ самыя древнія преданія о нашемъ первобытномъ состояніи? Всѣ они, не смотря на разность народовъ и странъ свѣта, говорятъ одно—что первые люди наслаждались величайшими совершенствами и самымъ блаженнымъ состояніемъ, и что всѣ сіи совершенства и блаженство погибли отъ преступленія заповѣди Божіей; что всѣ бѣдствія, покрывающія лицо земли, покрыли ее именно съ того времени, какъ воцарился въ людяхъ грѣхъ.

Иначе и быть не могло, по самому обыкновенному и вмѣстѣ неизмѣнному порядку вещей. Каждое твореніе имѣетъ законъ своего бытія, начертанный для него Творцемъ премудрымъ и всемогущимъ. Уклоненіе отъ сего закона жизни и совершенства неминуемо портить и губить все уклоняющееся, какъ это

можно видѣть во всѣхъ царствахъ природы. Драгоценный камень, когда въ немъ отразился въ точности законъ его бытія, крѣпокъ, свѣтлъ, прозраченъ и многоцѣненъ, въ противномъ случаѣ безобразенъ, тусклъ, ломокъ и малоцѣненъ. Древо, соответствующее образцу своей породы, стройно, крѣпко, долговѣчно, плодоносно; а уклоняющееся отъ него—криво, безобразно, бесплодно и негодно къ употребленію. То же въ царствѣ животныхъ: неправильное и, можно сказать, беззаконное смѣшеніе породъ въ животныхъ, разлученныхъ отъ сожитія самою природою, если и даетъ бытіе, то существамъ уродливымъ, слабымъ, кои притомъ не могутъ продолжать своего рода.

Такъ отмѣщаетъ за себя всякое уклоненіе отъ законовъ бытія въ природѣ, насы окружающей! Тѣмъ разрушительнѣе это уклоненіе должно быть для человѣка; ибо глубина паденія и разрушенія, имъ произведенаго, всегда соотвѣтствуетъ высотѣ и огромности зданія: а человѣкъ есть владыка и вѣнецъ всего видимаго. Въ тваряхъ неразумныхъ грѣхъ не можетъ оказать во всей силѣ своего яда, ибо самое бытіе ихъ временно и преходяще; онъ только портить и разрушаетъ ихъ. А въ человѣкѣ, какъ существуетъ безсмертномъ, для него пища вѣчная, неистощимая. Здѣсь вселившись, грѣхъ можетъ жить всегда, вѣчно мучить и терзать, губить и разрушать безъ конца.

Какъ ни закрыто отъ насъ это будущее тиранство грѣха надъ существомъ человѣка по смерти, въ родѣ человѣческомъ всегда было глубокое предчувствіе того, и постоянное, всеобщее желаніе предупредить это тиранство. Ибо пересмотрите преданія всѣхъ народовъ, самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ грубыхъ: въ каждомъ изъ нихъ найдете вѣрованіе въ будущее ужасное состояніе грѣшниковъ по смерти. И что значатъ всѣ жертвы за грѣхи, приносимыя божеству въ разныхъ видахъ всѣми народами, какъ не покушеніе примириться съ небомъ, избавиться отъ грѣха и предупредить его ужасныя дѣйствія на человѣковъ за гробомъ, въ мірѣ будущемъ?—Не станемъ входить въ разсмотрѣніе дѣйствительности сихъ жертвъ (что могло примирить насъ съ небомъ и освободить отъ грѣха и проклятія, кроме единой божественной Жертвы, принесенной на крестѣ?): для насъ довольно видѣть, что родъ человѣческій, всегда и везде, признавалъ въ грѣхѣ зло для человѣка самое ужасное, коего разрушительныя слѣдствія простираются на цѣлую вѣчность.

Запасшись сими мыслями, обратимся теперь, въ слѣдую-

щихъ собесѣдованийхъ нашихъ къ разсмотрѣнію пагубныхъ дѣйствій грѣха, по отношенію ко всѣмъ силамъ и способностямъ человѣка, къ состоянію его настоящему— на земли, и будущему—по смерти. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ РАСПРОСТРАНЯЕТЪ ПО ВСЕДУ СУЩЕСТВУ ЧЕДОГИИ ТЪМЪ,

ПОРТИТЬ ЕГО УМЪ, БЕЗОБРАЗИТЬ И ОЯДОТВОРЕТЬ ПОЗНАНИЯ И
ПРЕДРАСПОЛАГАТЬ ГРѢШНИКА КЪ СУМАСШЕСТВЮ.

Пойдутъ яко сѣпи; зане Господеви
прегрѣшиша (София. 1, 17).

амое первое изъ обольщений, коими адскій змій увлекъ въ раю злополучную прародительницу нашу къ преступлению заповѣди Божіей, состояло, какъ известно, въ обѣщаніи ей, отъ вкушенія плода запрещеннаго, какого-то особенного вѣдѣнія, по-любнаго божескому: *въ онъже аще день снѣсте отъ него, говорилъ змій, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдящие доброе и лукавое.* Хотя горький опытъ прародителей долженствовалъ бы вразумить всѣхъ настъ не полагаться на сіе лукавое обѣщаніе, и почтать грѣхъ источникомъ не свѣта познаній, а тѣмы и заблужденій; но искуситель и врагъ человѣковъ имѣетъ столько безстыдства, что доселѣ не престаетъ употреблять тотъ же обманъ, увлекая ко грѣху, между прочимъ, призракомъ мудрости и вѣдѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на грѣшника изъ людей, такъ называемыхъ, образованныхъ; что вы замѣтите въ немъ? Первѣе всего умственную надменность и презорство: многіе изъ такихъ готовы сказать прямо, что они потому и позволяютъ себѣ, чего не позволяютъ другіе, что знаютъ болѣе другихъ. И какъ обыкновенно люди развратные смотрятъ на тѣхъ, кои всегда вѣрны закону и своему долгу? Какъ на людей ограниченныхъ,

неспособныхъ къ чему либо высшему и большему. — Подобное сему можете замѣтить въ грѣшникѣ и изъ самаго нисшаго класса людей, и онъ почитаетъ себя превыше толпы своихъ собратьй, готовъ при каждомъ случаѣ задавать имъ тонъ, быть вождемъ ихъ, какъ опытный и болѣе знающій. Что всего жалче,— хвастовство и наглость порока причиною того, что самые добрые люди привыкаютъ смотрѣть на людей развратныхъ, какъ на существа, хотя падшія, но обладающія особенною силою ума, и вслѣдствіе сего оказываются въ отношеніи къ нимъ, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, нѣкоторый родъ уступчивости и даже уваженія.

Не тѣмъ ли нужнѣе сорвать съ порока эту личину велемудрия и показать, что если есть какая тьма въ родѣ человѣческомъ, то она вся отъ грѣха и порока; что грѣхъ, гдѣ ни проявляется, вездѣ ведетъ за собою мракъ и слѣпоту; что онъ ослѣпляетъ и портитъ самыя великія способности, превращаетъ и губитъ самыя обширныя познанія, что неотъемлемое свойство его предрасполагать человѣка къ умственному помѣшательству?

Будемъ ли мы однако же оспаривать для сего у грѣшника всякое вѣданіе? Нѣтъ, мы усвоимъ ему оное, даже въ иѣкоемъ особенномъ родѣ, имѣя въ виду опытъ и примѣръ нашхъ злополучныхъ прародителей. У нихъ, по паденію, дѣйствительно отверзлись очи, какъ обѣщаѧ искуситель, но что увидѣли? Яко назибѣша.

Вотъ новое познаніе, произведенное грѣхомъ, и вмѣстѣ наказаніе за грѣхъ; ибо не знать своей наготы было одно изъ преимуществъ состоянія невинности. Отверзлись очи тѣлесныя, но въ тоже время видимо затмились очи духовныя: ибо отъ кого хотѣли укрыться прародители наши? Отъ Бога и Творца вездѣсущаго! Такъ мгновенно затмилась въ душѣ самая очевидная и непреложная истина вездѣсущія Божія! Подобное несчастное отверзеніе очей продолжается и доселе у грѣшника: послѣ каждого новаго преступленія онъ видитъ себя въ новомъ состояніи, познаетъ, чего не зналъ прежде:—и если сложить разные виды грѣховъ, всѣ опыты зла и паденій; то, пожалуй, составится родъ знаній, коихъ не имѣеть не только человѣкъ добродѣтельный, но и самый Ангель, подобно тому, какъ человѣкъ, небывавшій больнымъ, не можетъ знать опытно того, что производить въ человѣкѣ болѣзнь. Но, братіе мои, судите сами, что это за вѣданіе? Какъ оно жалко и отвратительно! и какъ стократъ лучше не знать того, что знаетъ на свою бѣду грѣшникъ! И однако же онъ изъ сего жалкаго вѣданія извлекаетъ нерѣдко способы казаться мудрѣе другихъ. — Присоедините къ

сему наглость порока, который, снимая съ человѣка самыя священные узы, первѣе всего дѣлаетъ необузданными его мысли и умъ;—и вы поймете, какъ грѣшникъ можетъ казаться знающѣе другихъ. Какъ первое свойство человѣка добродѣтельного держать себя въ прелѣлахъ вѣры и скромности,—почему онъ, не полагаясь на силы своего ума и проницательность, всегда готовъ сознать свое невѣдѣніе, остановиться—въ недоумѣніи, какъ ему дѣйствовать, тѣмъ паче не позволить себѣ дерзко судить о томъ, что выше его понятій: такъ первое свойство грѣшника — судить и рядить обо всемъ, всѣмъ быть недовольнымъ, всему предписывать законы, показывать себя всезнающимъ и ко всему способнымъ. Съ такимъ духомъ и безстыдствомъ, при нѣкоторой способности и познаніяхъ, удивительно ли прослыть иногда умникомъ?—Къ довершенію обаянія грѣховнаго, въ семъ отношеніи, люди лѣйтвительно даровитые,—частію по наклонности нашей поврежденной природы къ злу, частію по превратности воспитанія и самыхъ даже наукъ,—рѣдко не платятъ хотя на время, дани пороку, который, губя въ нихъ все лучшее,—самый умъ, извлекаетъ однако изъ ихъ дарованій ту для себя выгоду, что, опираясь на ихъ личность, выдаетъ мрачное знамя свое за хоругви мудрости. Эта, говорю, жалкая падкость людей даровитыхъ на грѣхъ даетъ пороку возможность носить личину вѣдѣнія и прельщать ею взоры людей, неумѣющихъ отличать дары Творца отъ ихъ злоупотребленія. На чьей сторонѣ видятъ нерѣдко людей, почитающихъ умными, о той сторонѣ и думаютъ, что она есть область свѣта и вѣдѣнія, не обращая вниманія на то, что сіи даровитые люди суть пришельцы въ ней и жалкие измѣнники своей родинѣ.

Видите, что мы не скрыли ничего, что въ грѣхѣ, какъ въ змїѣ, можетъ быть блещущаго; а въ тоже время видите сами, какъ ничтоженъ призракъ мудрости, коею обольщаетъ порокъ. Итакъ, довольно уступокъ: взглянемъ теперь въ лицѣ этому лукавому врагу, приблизимъ къ нему свѣтъ опыта, и посмотримъ, что съ нимъ будетъ!

Не подлежитъ, братіе мои, никакому сомнѣнію та нечальная истина, что родъ человѣческій покрытъ какою-то неестественною тьмою невѣдѣнія, и что всѣ усилия разогнать сію тьму остаются доселѣ безъ значительного успѣха. Что всего жалчае, — тьма сія не даетъ человѣку видѣть того, что для него особенно нужно видѣть ясно, даже—кто Творецъ и Владыка судьбы его? даже—откуда онъ самъ и для чего здѣсь на землѣ?

даже—что ему должно дѣлать, къ чему приготовлять себя, и что ожидаетъ его по смерти? Это предметы крайней важности для человѣка: и они-то покрыты великою тьмою. Самые образованные народы слѣпотствовали въ семъ отношеніи наихалчайшимъ образомъ. Мы удивляемся теперь просвѣщенію древнихъ грековъ и римлянъ: но спросите, кому покланялись они? истуканамъ. Что знали о происхожденіи и судьбѣ человѣка? ничего яснаго и рѣшительного. Лучшиe изъ людей старались освободить и себя и другихъ отъ этой тьмы; зажигали множество для сего свѣточей; производили иногда вокругъ себя иѣкое мерцаніе,—даже пожары; но мерцаніе исчезало, пожары угасали;—а мракъ и невѣдѣніе оставались.

Возможно ли, чтобы сія ужасная тьма была естественна человѣку, чтобы Творецъ премудрый, создавъ такое существо, какъ человѣкъ, не далъ ему ясно знать о Себѣ, не сказалъ прямо о его предназначеніи, и не указалъ, куда ему идти и какимъ путемъ?—Какой земной отецъ поступить такъ съ своимъ сыномъ,—пославъ въ путь дальний, не скажетъ, что дѣлать на пути и что за мѣсто, куда онъ посланъ? Но родъ человѣческій именно находится въ подобной тьмѣ. Если бы мы захотѣли быть несправедливыми въ отношеніи къ любви Отца небеснаго, и вздумали предполагать, что она поступила съ нами, какъ земные отцы поступаютъ иногда съ дѣтьми своими, тотчасъ по рожденіи сокрываясь отъ нихъ навсегда, и оставляя ихъ на произволъ случая; то насъ обличилъ бы взглядъ на всѣ прочія творенія, изъ коихъ каждое снабжено всѣмъ для него нужнымъ; обличилъ бы самый остатокъ свѣта и истины, прирожденныхъ душѣ нашей, который показываетъ, что мы были нѣкогда снабжены въ избыткѣ потребнымъ запасомъ вѣдѣнія, но не умѣли сохранить его въ цѣлости; обличилъ бы, наконецъ, голосъ всего первобытнаго человѣчества о томъ, что человѣкъ въ началѣ бытія своего былъ и ходилъ во свѣтѣ, но потерялъ его.

Кто же лишилъ насъ сего естественнаго, первобытнаго свѣта, и погрузилъ въ тьму, отъ кой, при всѣхъ усиліяхъ, доселѣ не можемъ избавиться? Никто и ничто, кромѣ грѣха. Въ состояніи невинности, какъ видимъ изъ бытописанія, праотецъ нашъ обладалъ способностію прорицать самое внутреннее свойство вещей; почему и нарекъ имена всѣмъ животнымъ по одному взгляду на нихъ,—такія имена, кои одобрены къ употребленію, за ихъ доброту, самимъ Богомъ: по паденіи тотъ же праотецъ вдругъ ослѣпъ до того, что вообразилъ себѣ возможность укрыться отъ

Бога вездѣсущаго въ сѣни древъ райскихъ. Остатки первобытнаго свѣта, доколѣ жили патріархи, спасали человѣчество отъ погруженія во тьму совершенную; но когда сей драгоценный запасъ преданій, сіе священное наслѣдіе рая истощилось, и человѣчество осталось съ своимъ ослѣпленнымъ отъ грѣха разумомъ, въ то время тьма невѣдѣнія обнаружилась во всей силѣ, и человѣкъ началъ говорить древу: *ты отецъ мой, калепію: ты мѧ родилъ еси.*

Къ большему несчастію нашему, грѣхъ не только лишилъ насъ первобытнаго свѣта божественнаго и отнялъ предметы вѣдѣнія, но и создалъ насъ неспособными видѣть ихъ; испортилъ наше зрееніе умственное до того, что теперь, если бы и показать человѣку сіи предметы, то онъ не увидѣлъ бы ихъ, какъ должно.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ умственные способности наши? Представляютъ не только слабость крайнюю, но и какое-то внутреннее разстройство, похожее на то, какъ если бы въ зрительной трубѣ передвинуты были съ належащаго места всѣ стекла. И вотъ изъясненіе, почему наука вѣдѣнія, при всѣхъ усилияхъ образовать умъ человѣка, достигаетъ весьма небольшихъ успѣховъ, а иногда вовсе ничего не производить. Это потому, что умъ нашъ поврежденъ грѣхомъ въ самомъ составѣ своемъ. Посему жалкое заблужденіе, когда мы думаемъ, что уму нашему, равно какъ и прочимъ способностямъ души, недостаетъ только одного приличнаго образованія и, такъ сказать, полировки. Нѣтъ, нынѣшнему уму человѣческому недостаетъ не одного праваго образа; въ немъ нѣтъ внутренней цѣлости и здравія, недостаетъ, слѣдовательно, того, чего никакая наука дать не можетъ. Посему-то слово Божіе, приемля на свои руки просвѣщеніе человѣка, идетъ къ сей цѣли не путемъ только сообщенія ему познаній, хотя могло бы вдругъ открыть ему ихъ множество, а первѣе всего путемъ врачеванія, и предаетъ его для сего въ руки не земнымъ образователямъ и наставникамъ, а небесному, всемогущему Врачу умовъ и сердецъ—Духу Святому, да отверзетъ очи сердца, да сниметъ съ нихъ наслѣдственное бѣльмо, да помажетъ ихъ таинственнымъ колющіемъ, да исцѣлитъ ихъ и возоздастъ. И тѣ, надѣ коими совершена сія священномагистерская операція, у коихъ благодатию Божію отверзлись очи ума и сердца, тѣ, безъ всякой науки, познаютъ и видятъ то, чего не доставляетъ никакое земное образованіе.

Судя по сему, что грѣхъ лишилъ уже насъ первобытнаго свѣта и вѣдѣнія и сдѣлалъ то, что мы приходимъ въ

міръ сеи слѣпими духомъ, ему, казалось бы, уже нечего было дѣлать въ частности надъ умомъ бѣдныхъ грѣшниковъ. Но свойство ослѣплять никогда не можетъ оставить его. Съ другой стороны, у человѣка все еще есть остатокъ свѣта естественнаго; а у христіанина, кромѣ того, не мало свѣта откровенаго: посему грѣхъ и теперь, при каждомъ появлениѣ своемъ въ человѣкѣ, ведетъ за собою для него новую тьму, въ добавокъ къ общей природной. Посмотримъ, какъ сія тьма овладѣваетъ грѣшникомъ.

Первое и неизбѣжное дѣйствіе порока въ человѣкѣ [то, что онъ отвращаетъ лицо и все существо человѣка отъ неба къ земѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ первое и неизбѣжное слѣдствіе порока то, что духовное Солнце — Богъ престаетъ освѣщать душу грѣшника. Надъ его душею потому тотчасъ начинаетъ распространяться внутренній мракъ, не могуцій быть разгнаннымъ никакимъ свѣтомъ земнымъ, и дающій по временамъ сть силою себя чувствовать и самому бѣдному грѣшнику и другимъ. Самый образованій изъ грѣшниковъ въ минуту самосознанія ощущаетъ, а иногда и со вздохомъ говоритъ, что у него въ душѣ темно!.. Почему темно, когда она, повидимому, наполнена всякаго рода познаніями? Потому, что въ ней нѣтъ свѣта Божія; а свѣта Божія нѣтъ потому, что она отвратилась отъ лица Божія. Это состояніе внутренняго омраченія отъ грѣха видимо бываетъ и для другихъ. Надъ многоуучеными, но порочными людьми постоянно виситъ что-то мрачное; они задумчивы, ихъ взоръ бѣгль и мутенъ; въ нихъ нѣтъ душевной ясности; ихъ движенія беспокойны, предпріятія нерѣшительны; самыя радости мрачны и пусты; они подобны человѣку, идущему въ потьмахъ, ощупью. Надъ человѣкомъ добродѣтельнымъ напротивъ, хотя бы онъ не былъ знакомъ ни съ какимъ образованіемъ, всегда носится нѣкій свѣтъ, мирно почіюющій въ его душѣ, свѣтящій въ его чистомъ и свѣтломъ взорѣ, отсвѣчивающій нерѣдко на его лицѣ, озаряющій всѣ пути его и дающій ему удобность быть въ дѣйствіяхъ своихъ твердымъ, правильнымъ и спокойнымъ. Это свѣтъ лица Божія, къ коему постоянно обращена душа чистая.

При сокрытиї чувственнаго солнца, дѣлаются по крайней мѣрѣ видимы на небѣ другія свѣтила; при закрытиї въ душѣ Солнца духовнаго — Бога — напротивъ. — Здѣсь во всей силѣ исполняется то, что, по свидѣтельству слова Божія, должно произойти при кончинѣ міра: не только солнце померкаетъ, но и луна не даетъ свѣта, и звѣзды спадаютъ съ небесе. Эта луна — наша со-

вѣсть: неозаремая въ грѣшникѣ свѣтомъ лица Божія, она са-
ма не даетъ достаточнаго свѣта, чтобы освѣщать пути его жиз-
ни. Звѣзды эти суть—высокія и святые истины, кои для руко-
водства нашего водружены рукою Творца на тверди духа человѣ-
ческаго. Таковы понятія о Богѣ и Его святомъ законѣ, нашемъ
вѣчномъ предназначеніи и воздаяніи за гробомъ. Сіи звѣзды путе-
водныя покрываются мракомъ въ душѣ грѣшника и становятся
непримѣтными. И вотъ гдѣ изѣясненіе того несчастнаго, но
обыкновеннаго явленія, что люди повидимому самые образован-
ные, но порочные, не только хладны къ симъ истинамъ, но да-
же рѣшаются идти противъ нихъ. Это приписываютъ нерѣдко
злонамѣренности; между тѣмъ большею частію это естественное
слѣдствіе грѣховной жизни: порокъ простеръ покровъ на сіи
звѣзды, скрылъ ихъ отъ умственнаго взора грѣшника; и онъ,
не видя ихъ въ душѣ своей, потому самому готовъ утверждать
съ упорствомъ, что ихъ нѣтъ вовсе въ душѣ человѣческой. По-
сему, когда срѣтите, братіе, такого жалкаго умника, который
осмѣливается глумиться надъ священными истинами, то не
вступайте съ нимъ въ споръ; вы не можете симъ разогнать въ
душѣ его тьмы адской: а если возможно, возьмите его за руку
и скажите съ сожалѣніемъ: «ахъ, любезный братъ, какъ дошелъ
ты до такого ужаснаго ослѣпленія? Да возсіяеть надъ тобою
свѣтъ Христовъ!» Скажите такъ, и помолитесь за него съ усер-
діемъ къ Тому, который единъ можетъ извести его изъ тьмы
въ чудный свѣтъ свой.

Лишившись благоценнаго настія силы Божіей, вышедъ изъ-
подъ управлія совѣсти, разсудокъ въ душѣ грѣшника стано-
вится жалкимъ рабомъ господствующей страсти, которая для
большаго порабощенія избодаетъ ему очи, чтобы онъ не видѣлъ
истины, доказывалъ и утверждалъ не то, что слѣдуетъ по вѣч-
нымъ законамъ правды и долга, а что повелять гордость жи-
тейская, корысть и плотоугодіе. Посему-то нѣтъ такой лжи и
нелѣпости, которую порабощенный страстью разсудокъ не го-
товъ былъ бы утверждать со всѣмъ усиліемъ и ревностію; и
нѣтъ такой истины, которой онъ не усомнился бы чернить и
опровергать, коль скоро она не по его выгодамъ.—Отъ частаго
упражненія своихъ умственныхъ способностей въ семъ жакомъ
превращеніи истины, грѣшникъ видимо тупѣетъ и наконецъ тѣ-
ряетъ чувство и вкусъ истины до того, что не умѣетъ отличать
ее отъ лжи, и принимаетъ за истинное одно то, что ему нужно
по его видамъ. И это отношеніе къ низшимъ, такъ сказать,

матеріальными и житейскими истинами; а въ отношеніи къ высшимъ, священнымъ, у закоренѣлаго грѣшника бываетъ не только отвращеніе, но и явная ненависть, такъ что ему крайне пріятно подвергать ихъ сомнѣнію, осмѣшивать тѣхъ, кои свято ихъ держатся, говорить и писать противъ всего святаго. Въ семъ случаѣ бываетъ съ людьми развратными то же, что съ людьми страждущими болѣзнью глазъ: свѣтъ имъ несносенъ, особенно солнечный, они съ удовольствіемъ предпочтутъ ему свѣтъ гнилого дерева, который болѣе по ихъ глазамъ, нежели солнце.

Что дѣлается съ познаніями грѣшника, если онъ имѣеть ихъ? Порокъ, кромѣ того, что всегда значительно сокращаетъ кругъ ихъ, всегда же отъемлетъ у нихъ глубину, силу, стройность и жизнь. Во всѣхъ предметахъ знанія нашего есть сторона священная, коею оно обращено къ Виновнику всяческихъ. Сія святая и возвышенная сторона для порочного и вольномысленного человѣка не существуетъ. Оттого всѣ изображенія предметовъ, дѣлаемыя писателями безнравственными, всегда отзываются пустотою внутреннею и мертвостію; ибо міръ безбожный есть бездушный трупъ, по коему разбросаны цвѣты.

Какое употребленіе дѣлаетъ порочный человѣкъ изъ познаній своихъ и способностей? Самое жалкое и ужасное. Все пересуждать, опровергать, извращать есть его неизбѣжное свойство. Оттого нѣтъ опаснѣе для общества людей, какъ образованныхъ науками, но преданныхъ страстямъ; оттого умноженіе ложнаго безнравственного просвѣщенія всегда влечетъ за собою разстройство семействъ и погибель цѣлихъ государствъ.

Какой, наконецъ, бываетъ исходъ умственнаго омраченія, производимаго порокомъ и страстями? — Видимое разстройство всѣхъ познавательныхъ способностей, ослабленіе внутренняго самосознанія и духовной личности, наконецъ явное помѣшательство ума. Да удаляется отъ насъ мысль судить и осуждать тѣхъ несчастныхъ братій нашихъ, кои находятся въ семъ послѣднемъ состояніи! Но какъ не возвѣстить того, что такъ громко проповѣдуется самыми служителями нашего тѣлеснаго здравія, то есть, что помѣшательство ума первоначальнымъ и главнымъ источникомъ своимъ почти всегда имѣеть грѣховное состояніе души? что оно вообще направляется въ видахъ своихъ по видамъ страстей человѣческихъ, что самая сущность его состоитъ не въ иномъ чёмъ, какъ въ затмѣніи понятій о Богѣ и потерѣ нравственного чувства? Основываясь на показаніяхъ самой врачебной науки, мы имѣемъ все право утверждать, что человѣкъ

развратный, если бы жизнь его продолжилась на земль долго, чего однако почти никогда не бываетъ, то онъ неминуемо склонилъ бы наконецъ съ ума. Ужасный примѣръ сего мы видимъ на духахъ отверженыхъ. Что они, при всѣхъ великихъ способностяхъ ихъ, какъ не существа помѣшавшіяся въ умѣ на гордости и ненависти къ своему Создателю?—И вотъ изъясненіе, какъ они не могутъ понять, напримѣръ, невозможности сражаться твари съ своимъ Творцемъ, какъ могутъ отваживаться идти противъ Всемогущаго. Это сущее безуміе, но для нихъ кажется мудростью; потому что они вѣнчъ себѣ, находятся въ состояніи изступленія, погубили свой умъ и чистое сознаніе самихъ себя.

Къ вамъ теперь да обратится слово наше, кои занимаетесь науками и съ такимъ усердіемъ посвящаете наше богослуженіе и собесѣданія. Образованіе ума и умноженіе всякаго рода познаній составляетъ теперь главный предметъ дѣятельности вашей. Пребудьте же увѣрены, что истина и добродѣтель едино въ Богѣ, яко источникъ всякой истины и добродѣтели; едино въ природѣ, какъ произведеніи премудрости и святой воли Божіей; едино должны быть и въ человѣкѣ, яко образѣ Божіемъ и маломъ мірѣ. Можно насильственно отѣлить на время лучъ истины отъ луча добродѣтели въ душѣ человѣка: но тогда сей лучъ, подобно раздвоенному лучу солнечному, теряетъ свою силу, престаетъ согрѣвать и животворить. Чистота совѣсти и нравовъ озарить немерцающимъ свѣтомъ не только всѣ стези вашей жизни, но и всю область вашихъ познаній; ибо вы будете постоянно находиться во свѣтѣ лица Божія. Вмѣстѣ съ симъ въ душѣ вашей откроется неизсказаемый источникъ мыслей свѣтоносныхъ и чувствъ высокихъ. Грѣхъ, напротивъ, омрачитъ, оядетворить и изгубить всѣ ваши способности и умственныя пріобрѣтенія, подточить въ самомъ корнѣ прекрасный цвѣтъ познаній. Итакъ прилежно затыкайте слухъ отъ всѣхъ обаяній вольномыслия; постоянно закрывайте взоръ отъ всѣхъ прелестей порока, памятя изреченіе древняго мудреца, что въ злочудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣль грѣху (Прем. Сол. 1, 4). Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ, ОБЩЕСТВО ЧУДОВИЩУ ВОЛЬНОСТЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ,

ЛИШАЕТЪ ЕГО ИСТИННОЙ СВОБОДЫ И ПОВЕРГАЕТЪ ВЪ СОСТОЯНИЕ
МУЧИТЕЛЬНАГО РАБСТВА.

Всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха
(Іоанн. 8, 34).

 сли смотрѣть на поверхность грѣха и на первые шаги грѣшника, то въ грѣхѣ представляется не рабство, а вольность и независимость. Ибо, въ чемъ состоитъ грѣхъ? Въ томъ, чтобы не слушать велѣній самого Бога, идти противъ законовъ своего Творца, быть самому для себя началомъ и концемъ дѣйствій, кумиромъ и чтилицемъ. Грѣшникъ свободно позволяетъ себѣ то, о чёмъ добродѣтельный человѣкъ и помыслить не смѣетъ; наслаждается такими вещами, кои неизвѣстны и какъ бы не существуютъ для послѣдняго; становится, повидимому, превыше всего.—Сие-то, конечно, разумѣль искуситель эдемскій, когда говорилъ нашей праматери: *будете яко Боги*. Симъ-то, безъ сомнѣнія, увлеченъ и онъ самъ, несчастный, когда рѣшился развить знамя возмущенія противъ Всемогущаго. Къ сему же, явно или тайно, но неизбѣжно, стремится и каждый грѣшникъ. Дайте волю его необузданымъ желаніямъ, доставьте ему средства къ выполнению безумныхъ замысловъ, отнимите съ пути его всѣ преграды; и вы увидите, что онъ не удовлетворится ничѣмъ, пойдетъ въ гордыни своей и алчности къ наслажденіямъ, все далѣе и далѣе, возмечтаетъ быть подобенъ *Вышнему*, скажетъ прямо съ Фараономъ: *кто есть Богъ, да послушао его?*—

И не видѣли ль времена недавнія ужаснаго примѣра, какъ цѣлый народъ, славившійся образованіемъ, но потерявшій чистоту нравовъ, дерзнулъ, въ лицѣ обуявшихъ отъ гордости и порока, представителей своихъ, отвергнуть всякое вѣрованіе, запретить всѣ виды богослуженія, провозгласить божествомъ разумъ человѣческій и воздать ему поклоненіе, подобающее единому Богу!— Такъ, повидимому, грѣшникъ гордъ и далекъ отъ всякаго униженія и рабства! И однокоже ничто такъ не близко къ нему, какъ униженіе! Кто унижаетъ и порабощаетъ его? Тотъ же самыи грѣхъ, который прельщаетъ вольностю и независимостю. *Всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха.*

Какимъ образомъ проходитъ это?—Самымъ неизбѣжнымъ. Истинная свобода человѣка состоить въ томъ, чтобы свободнымъ образомъ соединиться съ высочайшею, божественною свободою, отъ коей она проистекла, усвоить себѣ ея святой образъ дѣйствій, и такимъ образомъ облечься ея всемогуществомъ. Грѣхъ расторгаетъ сей блаженный союзъ, ставитъ свободу человѣческую въ противоположность свободѣ божественной и ея всемогуществу: посему лишаетъ свободу человѣка единственного источника силы и могущества существеннаго, непреходящаго.— Съ свободою человѣческою должно, въ семъ случаѣ, происходить то же, что бываетъ съ вѣтвию, отторженою отъ дерева: обѣ должны вянуть, истощаться и умереть. Если грѣшникъ до времени не чувствуетъ сего, то потому, что въ немъ, по расторженію блаженного союза съ Богомъ, остается на время часть произвола нравственнаго; подобно какъ въ отторженной отъ дерева вѣтви остается на время нѣкоторая жизненность, и она нѣсколько часовъ можетъ удерживать свою зелень, листья и цветы. Но воцарившійся въ душѣ грѣхъ вскорѣ требуетъ въ жертву себѣ и этотъ малый остатокъ произвола духовнаго; и бѣдному плѣннику его ничего не останется, кромѣ рабства. Ибо почему грѣшникъ отторгъ свою свободу отъ воли Божіей и закона? Потому, что ему показалось что либо лучше воли Божіей и закона. Что бы ни было это мнимо лучшее—честь ли, стяженія ли, удоволѣствія ли чувственныхъ, все это, будь самое ничтожное, становится для человѣка кумиромъ всевластнымъ. Что прежде онъ долженъ былъ лѣтать для Бога, по требованію закона и совѣсти, то теперь долженъ лѣтать для своего кумира, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ, по требованію своей страсти къ нему. Сначала и здѣсь остается призракъ свободы, такъ что грѣшникъ чувствуетъ себя въ состояніи бросить и разбить свой кумиръ; но потомъ

наступаетъ стъ часу тягчайшее рабство, такъ что грѣшникъ невольно дѣлаеть все то, чего ни потребуетъ его идолъ грѣховный. Въ семъ случаѣ плѣнникъ грѣха подобенъ человѣку, сходящему съ высокой и крутой горы: сначала горизонтъ обширный, множество видовъ предъ глазами, стезей подъ стопами, но чѣмъ далѣе и ниже, тѣмъ горизонтъ уже, видовъ и слѣдовъ менѣе; наконецъ остается одна стезя, ведущая или паче влекущая въ пропасть.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, долго ли грѣхъ удостоиваетъ плѣнниковъ своихъ хотя той жалкой чести, чтобы держать ихъ въ непосредственной зависимости отъ себя, съ правомъ блуждать по всѣмъ стропотнымъ распутіямъ беззаконія? — Не далѣе того, какъ усмотрится (а это бываетъ весьма скоро) удѣльная способность каждого плѣнника къ извѣстной работѣ грѣховной. Послѣ сего грѣхъ тотчасъ распредѣляетъ плѣнниковъ своихъ между своими жестокими приставниками: одного отдаетъ въ рабство плоти и чувственныхъ удовольствій; другаго заставляетъ работать любостяжанію и скупости; третьему велитъ быть въ услугахъ честолюбія и гордости житейской. Преданный однѣй страсти грѣшникъ не имѣеть иногда и столько свободы, чтобы перейти на служеніе къ другой: не смѣетъ и не можетъ перемѣнить даже своихъ узъ; такъ, напримѣръ, плотоугодникъ бываетъ часто глухъ ко внушеніямъ честолюбія, скупецъ не можетъ терпѣть чувственныхъ удовольствій и проч.

Что дѣлаеть съ бѣднымъ грѣшникомъ и его свободою страсть господствующая? То, что дѣлается у дикихъ варваровъ съ ихъ плѣнниками: чтобы они не могли убѣжать, имъ выкальваются глаза и подрѣзываются въ ногахъ жилы. Такъ и страсть избодаетъ у грѣшника очи: всѣ видятъ ничтожность его кумира, опасность его положенія, неминуемыя слѣдствія разврата; одинъ грѣшникъ слѣпъ; ему кажется нерѣдко, что онъ живеть и ведеть себя какъ нельзя лучше. Страсть варварски поргитъ у грѣшника ноги: все понуждаетъ его иногда сойти съ пути беззаконія; онъ самъ чувствуетъ благопріятную минуту бѣжать изъ оковъ; и однако же не можетъ двинуться съ мѣста, или сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, падаетъ, и, попавши съ снова въ плѣнъ къ своему владыкѣ, подвергается тягчайшимъ узамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ грѣшникъ работаетъ, подобно безсмысленному животному, въ угожденіе грѣховной страсти, доколѣ она молчитъ и какъ бы не существуетъ, даетъ ему свободу потрясать и звенѣть своимъ цѣпями, представлять изъ себя чело-

вѣка съ сердцемъ независимымъ. Но едва открывается въ бѣдномъ грѣшникѣ намѣреніе разорвать свои узы и выйти на свободу луха, тогда обнаруживается вся лютость страсти; самые малые благіе помыслы воспрещаются и преслѣдуются съ ожесточеніемъ. Если грѣшникъ, несмотря на тяжесть грѣховной привычки, не оставляетъ желанія освободиться отъ ней: то начинается брань внутренняя, самая ужасная, которая при неравнствѣ силъ духовныхъ, остающихся въ грѣшникѣ, съ силою страсти возросшей въ исполина, всегда бы оканчивалась неизбѣжно побѣдою грѣха надъ плѣнникомъ своимъ, если бы къ послѣднему не приходила на помощь благодать Божія. Но и содѣйствіе всемогущей благодати остается нерѣдко безъ успѣха; потому что самъ человѣкъ не даетъ ей всего пространства въ сердцѣ своемъ.

Никогда не забыть мнѣ, братіе, одного печального случая, поразившаго меня на всю жизнь, при коемъ во всей силѣ обнаружилось то, о чёмъ мы разсуждаемъ теперь. Мнѣ случилось постыдить человѣка, имѣвшаго несчастіе заразиться—страстію нездерянія, но не потерявшаго чувства отвращенія ко грѣху, одареннаго отличными способностями и познаніями, даже любовію ко всему добруму. Это было въ минуты борьбы его съ страстію. Боже мой, что увидѣлъ я! — Увидѣлъ бѣдную душу, опутанную съ ногъ до главы узами страсти; увидѣлъ ангела падшаго, желающаго возстать отъ паденія и не могущаго свергнуть съ себя тяжести грѣховной; увидѣлъ въявѣ борьбу неба съ адомъ. Чего не дѣлалъ несчастныій? Потоки слезъ текли изъ очей его и омывали самую одежду; то становился онъ на колѣни предъ святою иконою и поднималъ очи къ небу; то билъ самъ себя въ грудь и рвалъ на головѣ волосы; то обращался за помощью ко всѣмъ святымъ Угодникамъ, и отдавалъ себя имъ въ покровительство, какъ утопающій; то проклиналъ день рожденія и призывалъ смерть; то подозрѣвалъ въ себѣ присутствіе злого духа и дерзалъ на хулу противъ Прорицанія.

И чѣмъ оканчивалась сія ужасная борьба? Большею частію побѣдою страсти надъ духомъ и совѣстію. Да поможетъ тебѣ, возлюбленный собратъ, въ мучительномъ подвигѣ твоемъ, всемогущая благодать Божія, и да изведетъ тебя на желанную тобою широту и свободу духа! — Если я дерзнулъ извести сутьбу твою предъ моихъ слушателей, то потому, что ты самъ не скрывалъ своего бѣдственнаго состоянія и собственнымъ примѣромъ убѣждалъ блюстись узъ грѣховныхъ.

Когда въ продолженіе немногихъ лѣтъ, братіе мои, грѣхъ такъ можетъ обуять самыхъ лучшихъ изъ людей, задушить нравственную силу воли въ тѣхъ, кои одарены множествомъ средствъ питать, поддерживать и врачевать ее,—то что могъ бы произвести грѣхъ надъ свободою человѣка, если бы послѣднему дано было здѣсь жить и работать грѣху въ продолженіе многихъ вѣковъ?—Ужасный примѣръ сего представляютъ духи отверженные. Почему благость Божія, простертая ко всѣмъ грѣшникамъ, для нихъ какъ бы не существуетъ? потому, что они не хотятъ участвовать въ помилованіи. Почему не хотятъ? потому что не могутъ. Почему не могутъ? потому что грѣхъ задушилъ въ нихъ свободу духовную: они ожесточились во злѣ до того, что возвратъ назадъ содѣлся для нихъ нравственно-невозможнымъ.

Если отъ такой участіи, отъ такого жестокаго рабства грѣху не спаслися ангелы падшіе, то спасемся ли, братіе, мы, если предадимся нераскаянно грѣху?—Итакъ, будемъ прилежно блести свободу нашего духа и воли, дабы, разъ потерявъ ее, не искасть потомъ напрасно всю вѣчность. Не будемъ скучать принужденiemъ, необходимымъ для добродѣтели: это принужденіе на время, доколѣ не выпрявятся вывихнутые отъ паденія члены существа нашего: тогда хожденіе во всѣхъ путяхъ закона содѣляется для насъ естественнымъ и легкимъ; тогда стократъ пріятнѣе будетъ повиноваться пресвятой волѣ Творца, нежелиноситься въ вихрѣ страстей и грѣховныхъ удовольствій; а наконецъ, при помощи благодати Божіей, достигнемъ, по примѣру небожителей, и того, что уклоненіе отъ закона Божія содѣляется для насъ совершенно невозможнымъ,—еже буди со всѣми нами! Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО РАДОСТИ ГРѢХОВНЫЯ ПРИВРЕДЛЕНЫ,

ЧТО ГРѢХЪ НАПРОТИВЪ ОТЬЕМЛЕТЬ У ЧЕЛОВЪКА ВСЪ ИСТИННЫЯ И ЧИСТЫЯ НАСЛАЖДЕНИЯ И СЛУЖИТЬ ИСТОЧНИКОМЪ БЕЗЧИСЛЕННЫХЪ СКОРЕЙ И БѢДСТВІЙ.

Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголеть Господь (Иса. 48, 22).

 за чѣмъ же бѣдный грѣшникъ стремглавъ бѣжитъ въ пропасть грѣха, какъ не за радостю и утѣхами? Послушайте міролюбцевъ—они и нынѣ говорять то же, что твердили во времена Соломона: *приидите, насладитесь настоящихъ благъ; ни единъ отъ насъ лишенъ да будетъ наслажденія: вездѣ оставилъ знаніе веселія; яко сія есть часть наша и жребій сей* (Прем. Сол. 2, б. 9). Если бы не радость и веселіе, то міръ и грѣхъ давно потеряли бы всѣхъ своихъ поклонниковъ. Что же значитъ слово Пророка, отъемлющее радость у нечестивыхъ?

То, что нечестивый только гоняется за радостю, а въ самомъ дѣлѣ не достигаетъ ее,—то, что мнимыя радости грѣховныя пусты, привременны и ничтожны, и что грѣхъ, увлекая призракомъ чувственного веселія, въ то же время отъемлетъ у человѣка радость истинную, и дѣлаетъ сердце его неспособнымъ къ блаженству; то, наконецъ, что вмѣстѣ съ развратомъ души и сердца открывается для человѣка неизсякаемый источникъ огорченій и бѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, какъ бы грѣшникъ могъ имѣть тѣ божественные и неизглаголанные радости, кои происходятъ отъ

Духа Святаго, и коихъ одну каплю не можетъ замѣнить цѣлое море мірскихъ наслажденій? Сіи святыя радости и утѣхи, составляющія верхъ земнаго и залогъ небеснаго блаженства душъ чистыхъ и святыхъ, для грѣшника совершенно потеряны: ибо грѣхъ разорвалъ блаженный союзъ, существующій быть между Богомъ и душою, сотворенною для блаженства въ Богѣ. Между ними, въ грѣховномъ состояніи, нѣтъ другаго отношенія, кромѣ неизбѣжнаго—твари неблагодарной къ Творцу Всемогущему, преступника къ Судіѣ и Владыкѣ. Мысль о семъ отношеніи, какъ грѣшникъ обыкновенно ни сilitся заглушать ее, сильно пробуждается по временамъ и всегда исполняетъ его тайнымъ страхомъ и печалию.

Лишивъ человѣка радостей божественныхъ, грѣхъ не даетъ уму наслажденія и чистыми радостями человѣческими. Первая изъ нихъ есть радость благой совѣсти; и ея-то первый лишается грѣшникъ. Вмѣсто внутреннаго мира, душевнаго наслажденія и святаго ободренія отъ совѣсти, въ глубинѣ души его таится скука, недовольство и тяжѣсть. Справедливо, что совѣсть въ грѣшникѣ съ умноженіемъ беззаконій, съ возрастомъ его въ злѣ и нечестіи, сама слабѣеть; но все никогда не можетъ умолкнуть совершенно; даже когда молчитъ, то глухое, но тѣмъ не менѣе ощутительное чувство, какъ нѣкая глухая рана, тяготить и тревожить. Отсюда-то почти всегдашній оттѣнокъ смущенія и недовольства на лицѣ міролюбца; отсюда глубокіе вздохи среди самыхъ шумныхъ увеселеній; отсюда жалобы и ропотъ на свою жизнь, когда, повидимому, ничего недостаетъ къ ея блаженству; отсюда тайное завидованіе состоянію людей бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ; отсюда наконецъ мгновенные переходы нѣкоторыхъ міролюбцевъ къ покаянію, такъ что они, внезапно бросивъ все, убѣгаютъ навсегда отъ міра въ пустыни.

И другихъ высшихъ и чистыхъ радостей человѣческихъ грѣшникъ не можетъ имѣть, доколѣ остается въ области беззаконія. Такъ, всѣ возвышенныя радости духа ему неизвѣстны: недовѣдомо ему услажденіе отъ молитвенного собесѣданія съ Богомъ, недовѣдома сладость упованія жизни вѣчной, или страданія за правду, неизвѣстно духовное веселіе отъ присутствія въ храмѣ, отъ чтенія слова Божія, отъ принятія таинствъ христіанскихъ, неизвѣстна святая теплота сердца отъ общенія съ братіями во Христѣ и дѣлъ милосердія; неизвѣстенъ даже свѣтлый и утѣшительный взглядъ на природу, какъ на дѣло рукъ Божіихъ, на

откровеніе славы и премудрости Божественной. — Все это для грѣшника потеряно, и не только потеряно, а обращается въ источникъ скуки, въ тяжесть душевную, такъ что это самое, напримѣръ, чтеніе слова Божія, или присутствіе во храмѣ, ему можно назначить въ наказаніе. Грѣхъ до того превращаетъ сердце человѣка, что все, отзывающееся вѣрою и добродѣтелю, ему противно и отвратительно.

Обратимся ли за симъ къ другимъ радостямъ душевнымъ, коими пользовались и дорожили даже лучшіе изъ язычниковъ, — и ихъ не найдемъ у грѣшника. Такъ, удовольствій проистекающихъ отъ самопознанія и самоусовершенствованія нравственнаго, у грѣшника нѣтъ; его стихія — жить въ самозабвеніи и нерадѣть о себѣ. Радости отъ совершенного, безкорыстнаго дружества у грѣшника нѣтъ; ибо какое дружество у того, кто дышетъ самолюбіемъ? Радости чистой семейной жизни у грѣшника нѣтъ; онъ, большею частію, или убѣгаеть семейнаго состоянія, какъ узъ, или бываетъ самымъ худымъ отцемъ семейства, самымъ непокорнымъ сыномъ, самымъ холоднымъ и неприступнымъ родственникомъ.

Всѣ сіи радости такъ недосягаемы для грѣха, что онъ не можетъ даже обѣщать ихъ своимъ любимцамъ; и не обѣщаетъ: что же дѣлаетъ? Старается представить ихъ или невозможными, или нестоющими труда, и въ замѣнѣ сего выставляетъ единственно важными тѣ, кои въ состояніи доставить имъ. Что же онъ можетъ доставить? То, что происходитъ отъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, то, что когда-то захотѣлъ испытать во всей силѣ еще Соломонъ, но не смотря на то, что у царя было множество средствъ продолжать и разнообразить чувственныя удовольствія, принужденъ былъ сознаться, что все имъ испытанное есть *суета суетъ*, и производить не услажденіе, а истощеніе и *крушение духа* (Еккл. 1, 22, п).

Пойдемъ однakoже мыслю за грѣшникомъ, хотя по главнымъ путямъ его радостей, и посмотримъ, изъ чего состоять онѣ. Вотъ онъ влечется по стогнамъ на великколѣпной колесницѣ и радуется: чему? что его прислуha одѣта въ золото, что безсловесныя, его везущія, самой лучшей породы и высокой цѣнны, что предъ нимъ невольно разступаются толпы народа, что онъ можетъ съ гордостію взирать на все встрѣчающееся, безъ затрудненія преноситься, большею частію безъ всякой причины, изъ одного края въ другой, являться тамъ, быть здѣсь, то видѣть, отъ того уйти, много начать, ничего не окончить, вездѣ оставить слѣды своего

величанія и своеї пустоты. Это ли радость и веселіе? — Вотъ другой грѣшникъ: онъ сидитъ въ завѣтной храминѣ и считаєтъ сребреники, смотрить на кучи бездушнаго металла и раздается: чему? что у него *стяжанія на лѣта долгага*, что онъ можетъ, если захочетъ, купить имѣніе, построить домъ, завести у себя то или другое. Но захочетъ ли? Нѣтъ, его удовольствіе считать и хранить, а не употреблять; онъ не господинъ, а рабъ своихъ сокровищъ; чтобы увеличивать ихъ, онъ обращается ко всѣмъ средствамъ, отказываетъ самому себѣ даже въ необходимомъ, среди богатства терпить нищету, мучится и страдаетъ, доколѣ смерть не исторгнѣсть изъ рукъ его всего, что имѣлъ, и на что истратилъ безумно всю жизнь. Это ли радость и блаженство? — Вотъ еще грѣшникъ: онъ идетъ противоположнымъ путемъ, и все обращается въ свое удовольствіе; домъ его преукрашенъ и отверстъ для всѣхъ міролюбцевъ; трапеза преисполнена снѣдями, вокругъ его пѣніе и лики: но состояніе его уже истощено, а здоровье еще прежде истощилось отъ невоздержанія; онъ самъ чувствуетъ, что въ чашѣ земныхъ наслажденій остается для него мало капель, и сilitся заглушить сіе чувство новыми видами невоздержанія. Это ли радость?

Но мы взяли грѣшниковъ со всѣми удобствами ко грѣху, а много ли таковыхъ? Большая часть находится въ жалкой необходимости алкать непрестанно грѣховныхъ наслажденій, и не имѣеть возможности удовлетворить нечистымъ пожеланіямъ. Что же дѣлаетъ сія жалкая толпа? — Бросается на всякаго рода наслажденія, предается всѣмъ видамъ порока, только бы не пропасть, такъ сказать, съ голода душевнаго. — Вообще съ людьми, предавшимися порочной жизни, происходитъ тоже, что бываетъ съ человѣкомъ отъ укушенія тарантуломъ. О таковыхъ говорятъ, что они тотчасъ чувствуютъ непреодолимое побужденіе къ тѣлесному движенію, начинаютъ скакать и кружиться, такъ что, смотря на нихъ, можно подумать, якобы они находятся въ состояніи необыкновенного веселія; между тѣмъ они страдаютъ ужаснымъ образомъ, и нерѣдко умираютъ среди этой жалкой пляски. — Таково положеніе грѣшника: укушенный грѣхомъ, проникнутый его ядомъ зміннымъ, онъ получаетъ непреодолимую наклонность къ разсѣянію и утѣхамъ чувственнымъ, непрестанно движется по направленію господствующей страсти, скачетъ отъ наслажденія къ наслажденію, представляетъ лицо человѣка упенаго счастіемъ; а между тѣмъ внутри мучится и страдаетъ.

Скоро начинаетъ страдать и со внѣ: ибо одна изъ первыхъ принадлежностей грѣха и страстей—необузданность въ наслажденіяхъ; а при семъ быстро истощаются силы тѣла и духа. Съ другой стороны, изъ самыхъ грѣховныхъ удовольствій неминуемо возникаетъ множество огорченій и досадъ; широкій путь грѣха, казавшійся покрытымъ одними цветами, дѣлается частью отъ часу тѣснѣе и неудобнѣе; цветы исчезаютъ, уступая мѣсто тернамъ, и грѣшиникъ видитъ себя наконецъ въ безднѣ, ископанной для него собственными грѣхами. Въ самомъ дѣлѣ, много ли изъ міролюбцевъ и долго ли наслаждаются даже здоровьемъ, симъ необходимымъ условіемъ счастія земнаго, за коимъ они гоняются? Большая часть умираетъ преждевременно; и если не внезапно, то послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Если нѣкоторые и достигаютъ преклонныхъ лѣтъ, то не потому, что предавались пороку, а потому что не предавались ему всецѣло, что не забывали правила воздержанія, то есть не оставляли во все добродѣтели. Остатокъ добра спасаетъ ихъ отъ разрушительной силы грѣха. За то сей грѣхъ въ такомъ случаѣ находитъ большую частію другое средство братъ жестокую дань за немногія капли минутной радости. Невоздержаніе и расточительность, столь неразлучныя съ порокомъ, въ непродолжительномъ времени истощеваются у грѣшиника средства къ удовлетворенію своихъ преступныхъ желаній. Изъ роскошнаго богача онъ нерѣдко дѣлается нищимъ, надъ коимъ со всею точностию повторяется Евангельская исторія блуднаго сына; кто располагалъ прежде миллионами для удовлетворенія своихъ прихотей, принужденъ бываетъ прилѣпиться къ какому либо жителю страны, и почитать за милость, когда ему позволяютъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба. И сколько такихъ несчастныхъ! А если къ нищетѣ присоединится еще болѣзнь, какъ это нерѣдко бываетъ: тогда міролюбецъ вживѣ начинаетъ терпѣть то, чѣмъ слово Божіе угрожаетъ нераскаяннымъ грѣшиникамъ за гробомъ. Въ такихъ случаяхъ, если не приспѣеть на помощь особенная благодать Божія, рѣдко не доходитъ до отчаянія и самоубійства.

Судите послѣ сего сами, братіе, справедливо ли говоритьъ слово Божіе, что нѣсть радоватися нечестивымъ! Истинно, нѣтъ грѣшиника, который бы по окончанію своего грѣховнаго поприща, не сказалъ съ Іонаѳаномъ: *вкушай вкусихъ мало меду, и се азъ умираю* (Цар. 14, 43).

Страдаютъ и праведники: само слово Божіе, отъемлющее рѣшительно истинную радость у нечестивыхъ, говоритъ, что *многи*

скорби праведнымъ. Но какого рода эти скорби? Онѣ всѣ похожи на благотворныя горькія лѣкарства, кои пріемлетъ больной, по предписанію искуснаго врача, для исцѣленія себя отъ смертоносной болѣзни; горечь ихъ постоянно сопровождается сладкимъ чувствомъ выздоровленія; со дnia на день они чувствуютъ себя лучше и крѣпче въ душѣ своей и совѣсти, а это вознаграждаетъ для нихъ всѣ прискорбія. Къ людямъ добродѣтельнымъ со всю вѣрностію можно отнести то, что замѣтилъ надъ собою св. Павелъ: *яко скорбяще, присно же радующеся* (2 Кор. 6, 10); о людяхъ же грѣшныхъ со всею силою должно сказать противное: всегда, повидимому, радующеся, присно же скорбяще. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ГРЕХЪ ЕСТЬ ГЛАВА И ПЕРВОНАЧАЛЬНОК ПРИЧИНОК

ВСЕХЪ БОЛЕЗНЕЙ ЧЕЛОВѢКА И ЕГО СМЕРТНОСТИ.

Образы грѣха смерть (Рим. 6, 23).

акъ бы много уменьшилось грѣха въ мірѣ, если бы сіи слова Апостола Христова нашли себѣ полную вѣру у каждого изъ насть! Ибо чего наиболѣе страшимся мы? — смерти. При всей привязанности человѣка къ чему либо, скажите, что въ этомъ самомъ, къ чему онъ такъ привязанъ, заключается его смерть; и онъ тотчасъ оставитъ любимую вѣшь, постарается удалить ее отъ себя и уничтожить. Посему, еслибы мы былиувѣрены, что въ грѣхѣ смерть, то страхъ смерти обратился бы въ страхъ ко грѣху; и мы, при всей наклонности грѣшить, убѣгали бы грѣха такъже, какъ убѣгаємъ теперь смерти. Но, къ несчастію нашему, мы не видимъ связи грѣха съ смертію; думаемъ, что можно грѣшить и не умереть, какъ равно надобно умереть когда либо, хотя бы и не грѣшили. Такой образъ мыслей погубилъ насъ еще въ раю: ибо прародительница наша не прежде рѣшилась простираетъ руку къ плоду запрещенному, какъ лукавый змій увѣрилъ ее, что отъ вкушения его смерти не послѣдуетъ: *не сметтію умрете!* Сей же образъ мыслей губить насъ и теперь. Откуда онъ? — Повидимому изъ опыта.

Мы не видимъ на опыте, чтобы за грѣхомъ слѣдовала смерть; равно не видимъ, чтобы безъ грѣха не слѣдовало современемъ смерти же. Грѣшники продолжаютъ жить, иногда и долго; добродѣтельные, напротивъ, продолжаютъ умирать, — иногда и преждевременно. Послѣ сего лукавая и наклонная ко грѣху природа

наша тотчасъ приходитъ къ мысли, что между грѣхомъ и смертю нѣтъ необходимой связи: а если когда и бываетъ, то развѣ слабая и отдаленная. Такимъ образомъ самыя ясныя свидѣтельства Пророковъ и Апостоловъ о томъ, что болѣзни и смерть суть плодъ грѣха, остаются надъ нами безъ всякаго дѣйствія.

Надобно посему сорвать и сюю личину съ грѣха, и показать его непосредственное сродство съ болѣзнями и смертю, дабы такимъ образомъ страхъ смерти обратился въ спасительный страхъ грѣха, который есть единственный ея первоначальный родитель.

Что мы сдѣлаемъ для сего? Внукнемъ, во первыхъ, въ то самое, чѣмъ наиболѣе въ семъ случаѣ обольщается бѣдный грѣшникъ, то есть, въ мнимую возможность грѣшить и оставаться въ живыхъ.—Слѣдовательно, говоритъ грѣхъ, меня напрасно обвиняютъ въ смерти; я не убиваю, какъ показываетъ опытъ, никого.—Такъ, будемъ отвѣтывать мы, ты, изгадіе діавола, не убиваешь, повидимому, никого, потому что ты уже давно убилъ на самомъ дѣлѣ всѣхъ, такъ что теперь некого болѣе убивать. Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, какими рождаются мы на свѣтѣ? Всѣ рождаются, какъ учитъ Писаніе, уже умерщвленными грѣхомъ. Ни въ комъ изъ насъ нѣтъ той святой и блаженной жизни, коею наслаждался человѣкъ вначалѣ и какая прилична всѣмъ намъ, яко созданнымъ по образу Бога вселагаго и вселаженнаго. Жизнь сія потеряна въ раю вмѣстѣ съ невинностю. Настоящая же жизнь наша есть только одинъ жалкій ея остатокъ, есть не столько жизнь, сколько постоянное, постепенное умирание. Если бы намъ дано было хотя на одинъ день пожить оною первобытною блаженною жизнью, коею жили до паденія наши прародители, тогда бы мы увидѣли вполнѣ, можно ли грѣшить и не умереть; ибо со грѣхомъ тотчасъ бы лишились оной жизни и подверглись смерти. Послѣ сего, не большая милость грѣха, что онъ, отнявъ однажды и навсегда у насть въ раю истинную жизнь, не отъемлетъ теперь у насть вдругъ всего остатка ея.

Впрочемъ, откуда и сія милость? Отъ природной ли снисходительности грѣха къ своей жертвѣ? Нисколько, а отъ того, что губительная сила грѣха обуздана теперь нивидимыми узами милосердія божественнаго. Если бы грѣху попущено было, слѣдя своей природѣ, обнаруживать наѧ человѣкомъ всю смертоносную силу свою; то грѣшникъ и теперь вдругъ поражался бы за каждый грѣхъ, какъ громомъ, смертю. Но въ такомъ случаѣ не было бы мѣста покаянію; грѣшникъ погибалъ бы безвозвратно,

какъ погибли духи падшіе, убитые грѣхомъ вдругъ на всю вѣчность. Посему милосердіе Божіе, нашедъ въ безднахъ премудрости своей средство искупить родъ человѣческій отъ грѣховъ, и слѣд. смерти, изобрѣло вмѣстѣ съ симъ способъ, не отнимая у грѣха смертоносной силы, прюстановить ея дѣйствіе, разсрочить, такъ сказать, принадлежащій грѣху оброкъ смерти, дабы мы платя его не вдругъ, и наученные тяжестю сего оброка, обратились всѣмъ существомъ своимъ къ добродѣтели и жизни вѣчной, отъ нея естественно проистекающей, а между тѣмъ, пользуясь остаткомъ жизни, имѣли время показать искренность своего обращенія и изцѣлиться, благодатию Божію, отъ язвъ грѣховныхъ.

По силѣ сего-то премилосерднаго Промысла о насть, праотцы нации и по паденіи своемъ жили вѣкъ рая остаткомъ райской жизни еще нѣсколько сотъ лѣтъ, хотя истинную первобытную жизнь потеряли тотчась по вкушеніи отъ плода запрещеннаго, какъ то показываетъ ощущеніе ими недовѣдомой прежде того наготы, страхъ отъ присутствія Божія и покушеніе скрыться въ тѣни древъ райскихъ. Подобно сему и мы, потомки ихъ, не смотря на увеличеніе, съ продолженіемъ времени, грѣховъ въ родѣ человѣческомъ и происходящее оттуда увеличеніе владычества смерти, продолжаемъ жить остаткомъ той же первобытной жизни еще по нѣсколькоу десятковъ лѣтъ. Это не грѣха снисхожденіе, а слѣдствіе милосердія Божія. Посему вмѣсто того, чтобы обольщаться сею мнимою снисходительностію и безсиліемъ грѣха убивать насть, мы должны дорожить каждою минутою отсрочки и стараться врачевать себя отъ яда грѣховнаго, пока онъ не содѣлался неисцѣльнымъ.

Ибо, посмотрите, какъ грѣхъ и теперь самъ по себѣ, гдѣ можно, сразу добиваетъ безжалостно въ человѣкѣ весь остатокъ жизни временной. Такъ напр., не умираютъ ли и нынѣ въ одну минуту отъ сильного гнѣва? Даже нѣкоторыя невинныя чувства, коль скоро выходятъ за предѣлы и слѣд. принимаютъ видъ и свойство грѣха, дѣлаются смертоносными, напр. чрезмѣрная радость и смѣхъ! Здѣсь опять смерть и грѣхъ вмѣстѣ,—и какой грѣхъ? можно сказать только тѣнь его, но и та убиваетъ.

Случаевъ столь разительныхъ не много; но будемъ ли жалѣть, что ихъ не много? Ибо, что было бы съ нами, если бы ихъ было много? Это—дѣйствіе, какъ замѣтили мы, милосердія Божія, оставляющаго мѣсто покаянію для грѣшника. Впрочемъ, если другое грѣхи и не умерщвляютъ насъ каждый разъ, по-

добно гиѣву, ю смерти, то всегда отъемлють часть нашей жизни, такъ что если бы при концѣ ея свести вѣрный и точный счетъ; то оказалось бы, вся она разобрана по частямъ грѣхами и страстями: то погибло отъ любострастія, другое отъ зависти, иное отъ высокомѣрія, это отъ скучности, и т. д.

Въ семъ отношеніи опять при всей тьмѣ и беспорядкѣ, производимыхъ грѣхами въ существѣ нашемъ, видны неизгладимые слѣды премудрого и милосерднаго распоряженія о насъ, клонящагося всецѣло къ нашему вразумленію. Но присмотритесь къ жизни человѣческой пристальнѣе, и вы увидите, что въ слѣдѣ за нѣкоторыми грѣхами пущены прямо, со всею силою, болѣзни, имъ свойственныя, дабы страхъ недуга и страданій умѣрялъ, если не истреблялъ, наклонность къ симъ грѣхамъ; а отъ нѣкоторыхъ грѣховъ болѣзни и разрушение тѣлесное отдалены на значительное разстояніе, дабы не связать совершенно нашей свободы и не отнять чрезъ то всей цѣнѣы у нашей добродѣтели. И съ какими грѣхами пущены обѣ руку болѣзни? Съ тѣми именно, кѣкоимъ особенно наклонна чувственная природа наша, — съ грѣхами сладострастія и похоти.—Кто не содрогнется, смотря на ужасное извращеніе благолѣпія тѣлеснаго, производимаго сими грѣхами! Кто не возблагоговѣетъ въ семъ случаѣ предъ тайнымъ и вмѣстѣ очевиднымъ распоряженіемъ правосудія небеснаго!—

Впрочемъ и всѣ другіе грѣхи, какъ ни удалены отъ чувственности, никогда не теряютъ своего природнаго свойства — губить здоровье и сокращать жизнь человѣка. Что невещественнѣе зависти? Страсть сія вся состоить изъ внутренней душевной скорби о благѣ ближняго. Но поелику сія скорбь есть грѣхъ, то посмотрите, что она дѣлаетъ изъ человѣка завистливаго? — свинцоваго истукана! Эта блѣдность всего лица, эта сокращенность всѣхъ чертъ его, этотъ могильный оттѣнокъ очей и устъ, что другое показываетъ, какъ не то, что сія страсть превращаетъ весь порядокъ силь тѣлесныхъ, что кровь устремлена противоположнѣо отъ окружности къ средоточію, что она скопилась у сердца и давитъ его, какъ камень гробовый. Возьмемъ другой порокъ — уныніе. Что, повидимому, чище его и невиннѣе? Унылый никого не обижаетъ: но поелику это порокъ, — состояніе неестественное природѣ человѣческой, то въ тоже время, какъ уныніе овладѣваетъ душою, весь тѣлесный составъ человѣка подвергается страданію. Унылый видимо сохнетъ, таетъ, теряетъ ко всему охоту и способность и клонится ко гробу. Такъ грѣхъ

на всѣхъ ступеняхъ своихъ ведетъ за собою неминуемо слабость силь, болѣзни и смерть!

Къ усилению сихъ опытныхъ и общепонятныхъ замѣчаній и истинъ, мы могли бы привести изъ лѣтописей науки врачебной множество случаевъ, подтверждающихъ тоже самое, и еще большее; могли бы показать, какъ скопище болѣзней вообще направляется не только въ слѣдъ, но и по виду 'полчища пороковъ (почему и самая наука врачеванія тѣлеснаго не только въ общемъ основаніи, но и въ частныхъ чертахъ сходится съ наукой врачеванія духовнаго); могли бы выставить на видъ, какъ не только каждое отдѣленіе грѣховъ, но и каждый грѣхъ имѣеть собственную, ему принадлежащую болѣзнь; какъ страсти и пороки внѣдряются недуги на цѣлые вѣки въ цѣлые фамиліи; какъ въ цѣлыхъ народахъ народные пороки и болѣзни нравственныя образуютъ народные недуги, имъ соотвѣтствующіе; какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ господствующая страсть извѣстнымъ частямъ тѣла сообщаетъ даже свой видъ; напр. отъ сильного сребролюбія самое сердце сребролюбца принимаетъ видъ, похожій на металъ. Но подобныя разсужденія заставили бы насъ выйти изъ предѣловъ простаго пастырскаго собесѣданія. Предоставимъ сей полезный трудъ любителямъ науки, которая никогда не достигнетъ такъ близко своей цѣли и не окажеть такой услуги человѣчеству, какъ обративъ познанія и открытія свои на вразумленіе человѣка въ ядотворность для него грѣха и въ благотворность вліянія на все существо его—добродѣтели.

Обратимся къ рѣшенію другаго сомнѣнія. Мы видѣли, почему не умираютъ тотчасъ, какъ бы слѣдовало, грѣшники: — потому что мы всѣ уже умерли еще въ раю для первобытной истинной человѣческой жизни; потому что милосердіе Божіе особыніемъ распоряженіемъ защитило въ насъ нѣкій остатокъ сей жизни, дабы дать всѣмъ намъ мѣсто и время для покаянія. Посмотримъ теперь, почему умираютъ и праведники, тогда какъ имъ надлежало бы вовсе, повидимому, быть свободными отъ смерти, коль скоро она есть плодъ грѣха. Ибо и это — смерть праведниковъ также можетъ смущать и вселять мысль, яко бы смерть не отъ грѣха, а есть природный удѣлъ тѣла человѣческаго.

Не поступимъ несправедливо, если скажемъ, что и въ праведникахъ смерть есть слѣдствіе грѣха. Ибо гдѣ найти праведника совершенно безгрѣшнаго?—Таковъ былъ только одинъ праведникъ въ родѣ человѣческомъ, Тотъ, который совершенно умертвилъ своею смертю, Господь и Спаситель нашъ,

Іисусъ Христосъ. Всѣ прочно праведники, какъ бы ни были совершенны, причастны грѣху, а потому и смерти, какъ слѣдствію грѣха. Такъ заставляютъ мыслить и говорить насть самые праведники: ибо всѣ они признавали себя людьми грѣшными. А, впрочемъ, еслибы и нашелся на землѣ, между людьми, праведникъ совершенный, то наградою ли бы для него было теперь не подлежать смерти? Напротивъ, свобода отъ смерти тѣлесной была бы наградою тогда, если бы праведники жили на землѣ тою совершенною жизнью, которою жилъ первый человѣкъ въ раю; потеря такой жизни точно составила бы лишеніе и наказаніе. Но теперь и праведники, вслѣдствіе первобытнаго испаденія рода человѣческаго въ бездину грѣха и тѣлѣнія, не имѣютъ жизни Эдемской, живутъ, по отношенію къ тѣлесному бытію, подобно всѣмъ прочимъ людямъ, только единымъ остаткомъ сей жизни. Остаться навсегда въ семъ положеніи было бы не наградою, а наказаніемъ. Посему въ праведникахъ надобно дивиться не тому, что они умираютъ наконецъ подобно всѣмъ людямъ, а болѣе тому, что они не умираютъ скорѣе другихъ. Ибо чрезъ смерть они разрѣшаются навсегда отъ узъ бренности тѣлесной, которая имъ, яко воскресшимъ уже въ духѣ, яко начавшимъ жить новою небесною жизнью, неприлична. Что, говоря такимъ образомъ, мы утверждаемъ самую сущую истину, доказательствомъ тому чувства, слова и поступки людей праведныхъ. Посмотрите, напримѣръ, чего наиболѣе желаетъ апостолъ Павелъ? Онъ желаетъ *разрѣшистися*, то есть быть освобожденнымъ отъ узъ плоти, и со Христомъ быти (Фил. 1, 23). Почему желаетъ сего? Потому, какъ говоритъ онъ, что это гораздо лучше для него, нежели остаться на землѣ. Почему же не разрѣшается и продолжаетъ оставаться въ живыхъ? Потому только, что это нужнѣе и полезнѣе для учениковъ его, для Церкви Христовой. Значитъ, если онъ продолжалъ жить, то это было для него не благомъ какимъ либо, а лишеніемъ, не наградою, а подвигомъ и жертвою для спасенія своихъ ближнихъ.

Съ какой стороны такимъ образомъ ни смотрѣть на смерть, она во всѣхъ отношеніяхъ оказывается слѣдствіемъ грѣха. Престанемъ же, возлюбленные, обольщаться грѣхомъ. Мы всѣ крайне боимся смерти; начнемъ лучше бояться грѣха; ибо что въ смерти есть страшнаго, все это отъ грѣха. Безъ грѣха — смерть вожделѣнна; ибо она уничтожаетъ всѣ слѣдствія нашихъ душевныхъ нечистотъ и возвращаетъ намъ жизнь первобытную. Когда древній человѣкоубийца начнетъ обольщать насъ (ибо онъ и теперь

продолжаетъ дѣлать тоже, что дѣлали въ раю) и говорить: *не смертію умрете*,—скажемъ ему такъ: что пользы, что теперь мы, по слѣдъ нашего новаго паденія, не лишимся остатка этой бѣдной жизни тѣлесной, когда, по злобѣ и лукавству твоему, мы лишились навсегда блаженной жизни эдемской? Если теперь не умремъ до времени, то это не твоя милость (ты убилъ бы насть и теперь, какъ погубилъ нашихъ прародителей), а слѣдствіе милосердія божественнаго, драгоценный плодъ искупленія насть отъ грѣха и смерти Крестомъ Спасителя нашего. Довольно для тебя, человѣкоубийца, что ты лишилъ всѣхъ насть, чрезъ грѣхъ и преслушаніе, жизни эдемской: остатокъ настоящей жизни мы употребимъ на то, на что онъ данъ намъ милосердіемъ Господа нашего, на очищеніе и уврачеваніе себя чрезъ покаяніе и вѣру отъ всѣхъ грѣховъ, на пораженіе всѣхъ страстей и соблазновъ, на всеконечное удаленіе себя не только отъ дѣлъ, но и отъ помысловъ неправыхъ, на сокрушеніе, благодатию Божіею, самой главы твоей зміиной. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ НЕМИНУЕМО ПОДВЕРГАЕТЬ ЧЕЛОВѢКА

ЛУЧШІЕ ДІЛЫ РАДІЧОСТІ ДІАВОЛА.

Творай грѣхъ отъ діавола есть: яко
исперва діаволь согрѣшаєтъ.

(1 Іоан. 3, 8).

ыть отъ діавола, состоять въ тѣсной связи съ нимъ, врагомъ Бога и человѣковъ, подлежать его адскому вліянію,—это такое злополучное состояніе, о коемъ нельзѧ и помыслить безъ трепета.—Но грѣшникъ, какъ учитъ слово Божіе, неминуемо находится въ семъ злополучномъ состояніи: *творяй грѣхъ отъ діавола есть!*—Почему такъ? потому, отвѣтствуетъ Апостолъ, *яко исперва діаволь согрѣшаєтъ*, то есть, потому что первоначальный источникъ всякаго грѣха въ мірѣ, какъ мы видѣли въ прежнихъ собесѣданіяхъ нашихъ, находится въ діаволѣ: онъ первый отступилъ отъ закона и воли Божіей и внесъ грѣхъ во вселенную; онъ перелилъ изъ себя ядъ грѣха въ лушу неосторожныхъ прародителей нашихъ, и въ лицѣ ихъ заразилъ беззаконіемъ весь родъ человѣческій; онъ же и теперь употребляетъ всѣ средства къ тому, чтобы сей ядъ грѣха, уничтожаемый благодатію искупленія, оставался во всей силѣ въ душѣ каждого человѣка и производилъ надъ нимъ все пагубное дѣйствіе свое. Какъ всякое добро отъ Бога и есть собственность Божія, такъ что когда обращаешься къ добру, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаешься къ Богу, его Источнику и Владыкѣ: такъ всякое зло и грѣхъ отъ діавола, и составляетъ его несчастную собственность, такъ что, обращаясь къ грѣху, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаемся всѣмъ существомъ своимъ къ самому источнику грѣха

—діаволу, и подпадаємъ его темному вліянію. *Творяй грѣхъ отъ діавола есть: яко исперна діаволь согрѣшаєтъ.*

Во вторыхъ, грѣхъ предаетъ человѣка во власть діавола тѣмъ, что настраиваетъ существо его діавольски. Какъ человѣкъ добродѣтельный посредствомъ благой жизни воспріемлетъ на себя всѣ черты образа Божія, содѣлывается богоподобнымъ, вслѣдствіе сего привлекаетъ къ себѣ благодать Божію и становится обителю Духа Святаго: такъ грѣшникъ нераскаянный, посредствомъ нечистой жизни и злыихъ нравовъ, пріемлетъ на себя образъ діавольскій, становится подобнымъ ему въ ненависти къ истинѣ и добродѣтели, привлекаетъ къ себѣ нечистыми похотями злыихъ духовъ и обращается въ жилище для нихъ.—

Велика ли зависимость бѣднаго грѣшника отъ діавола? Судите сами по тѣмъ выраженіямъ, кои употребляется для означенія сей зависимости слово Божіе. И во первыхъ, оно называетъ грѣшника сыномъ діавола въ смыслѣ подобномъ тому, какъ праведникъ называется сыномъ Божиимъ. *Вы, говорить самъ Спаситель нераскаяннымъ іudeямъ, вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хощете творити* (Іоан. 8, 44). Можетъ ли быть глубже и существеннѣе связи сына съ отцемъ? такова же и связь грѣшника съ діаволомъ. Сынъ получаетъ отъ отца самое бытіе свое: и грѣшникъ обязанъ, какъ грѣшникъ, грѣховнымъ бытіемъ своимъ діаволу. Отъ отца большею частію переходятъ на сына всѣ природныя качества: и грѣшнику сообщаются постепенно всѣ качества злого духа. Отъ отцевъ дѣти получають воспитаніе: и духъ тьмы не дремлетъ въ усовершеніи грѣшниковъ на всякое зло. Но многіе изъ отцевъ земныхъ не умѣютъ удержать дѣтей своихъ въ должностной зависимости: а отецъ тьмы во всей силѣ знаетъ, какъ воспитывать чадъ своихъ, чтобы они во всемъ походили на него и никогда не выступали изъ богоопротивной его воли.

Далѣе, св. апостолъ Павелъ называетъ грѣшника *живо уловленнымъ отъ діавола въ свою его волю, и заповѣдуєтъ вѣрюющимъ молить о таковомъ, еда како дастъ елу Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнетъ отъ діавольскія сѣти* (2 Тим. 2, 25. 26). Опять сравненіе весьма сильное: ибо каково птицѣ, попавшейся въ сѣти? Она вся въ рукахъ ловца: такъ и грѣшникъ находится во власти діавола. Но птица, попавши въ сѣть, видить обыкновенно свою бѣду, начинаетъ тотчасъ биться и сilitся прорвать сѣть; а бѣдный грѣшникъ рѣдко примѣчаетъ свой несчастный плѣнъ, радуется сѣти соблазна, которою пой-

манъ; даже, когда она сама прорывается, то старается укрепить ее и снова самъ налагаетъ на себя.

Еще самъ Спаситель, при одномъ случаѣ, замѣтилъ іудеямъ, что грѣшникъ по причинѣ нераскаянности своей, до того подвергается вліянію злого духа, что сей послѣдній обпаетъ въ немъ, какъ въ своемъ домѣ; и не только самъ обитаетъ, но и приводитъ за собою для обитанія иныхъ лютѣйшихъ духовъ (Матѳ. 12, 43—45). Теперь представьте, чего не можетъ сдѣлать хозяинъ съ своимъ домомъ? Все что угодно: хочетъ — передѣлаетъ, хочетъ — разломаетъ, хочетъ — сожжетъ: такъ поступаетъ и діаволъ съ душою грѣшною, съ ея мыслями, чувствами и дѣйствіями, поколику попущаетъ ему то сила Божія, его связующая.

Довольно и сихъ трехъ свидѣтельствъ, чтобы видѣть и понять, въ какой ужасной зависимости отъ діавола находится душа грѣшная.

Почему же,—вопросятъ при семъ,—грѣшникъ, находясь въ такомъ ужасномъ плѣну, не чувствуетъ своего несчастія: ибо если бы чувствовалъ, то не замедлилъ бы освободиться отъ него, имѣя на то всю возможность?—Но, братіе мои, какъ бы бѣдный грѣшникъ чувствовалъ этотъ плѣнъ, когда не можетъ? И какъ бы онъ могъ, когда собственная душа его настроена грѣхомъ поддіавольски? Чтобы чувствовать присутствіе въ себѣ духа тьмы, надобно самому быть свѣтлымъ; а грѣшникъ—самъ тьма. На чистомъ, бѣломъ платѣ и малое пятно тотчасъ примѣтно; а платье черное не даетъ замѣтить на себѣ самыхъ большихъ пятенъ. Въ душѣ свѣтлой и чистой одна какая либо мысль, брошенная отъ діавола, тотчасъ производитъ смущеніе, тяжесть и боль сердечную; а въ душѣ грѣшника—темной и оскверненной, и самое присутствіе его непримѣтно. Такой непримѣтности помогаетъ самъ духъ злобы всѣми силами: ибо что ему за выгода быть прѣимѣтнымъ?—давать ощущать себя прямо? Это значило бы заставить бѣжать отъ себя. И вотъ онъ, тирански властвуя надъ грѣшникомъ, въ то же время старается держать его въ томъ обольщеніи, яко бы онъ дѣйствуетъ самъ по себѣ, и во всемъ совершенно свободенъ. Для большаго успѣха въ семъ, духъ злобы нерѣдко внушаетъ грѣшнику невѣріе въ самое бытіе злыхъ духовъ; заставляетъ отрицать свидѣтельства о томъ самого слова Божія, смыкаясь надъ тѣми, кои утверждаютъ противное. Это одна изъ самыхъ любимыхъ козней духа злобы, которую онъ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ употребляетъ особенно въ наши времена, наклонныя къ сомнѣніямъ и невѣрію. Мало сего: врагъ

Бога и человѣковъ, для упроченія своего владычества надъ бѣзъ-
нымъ грѣшникомъ, по свидѣтельству Апостола, рѣшается иногда
на самое отважное средство, а именно забываетъ какъ бы свою
злую природу, прiemлетъ на себя видъ *Ангела светла* (2 Кор.
11, 14), внушая самыя благія, повидимому, мысли, понуждая къ
совершенію нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлъ, вводя въ разумѣніе раз-
личныхъ истинъ и тайнъ, и все это для того, чтобы, усыпивъ
человѣка лжеупованіемъ на свою мнимую доброту, спасти въ
немъ для себя какую либо господствующую страсть, которая
одна въ состояніи погубить грѣшника.

Какъ однако же ни старается духъ злобы скрыть присут-
ствіе свое въ человѣкѣ грѣшнику, не можетъ достигнуть сего
всегда и вполнѣ; ибо завѣса природы человѣческой, при всей
грубости и земляности плоти, въ самомъ очерненномъ ея видѣ
—все еще слишкомъ прозрачна для тьмы адской. Сила зла, обы-
кновенно кроющаяся въ глубинѣ луши, такъ иногда быстро вы-
ступаетъ наружу въ грѣшнику; образъ діавола такъ рѣзко про-
грядываетъ изъ-подъ благовидной личины, которую обыкновенно
стараются носить міролюбцы, что всѣ, смотря на такого человѣ-
ка, не знаютъ, что думать о немъ; самые ближніе и родствен-
ники готовы бѣжать отъ него и съ ужасомъ говорятъ: въ немъ
злой духъ! это не человѣкъ, а діаволь!—Самъ несчастный грѣш-
никъ, не смотря на привычку ко всему злому и діавольскому,
по временамъ чувствуетъ, что онъ находится какъ бы въ безднѣ
и въ какихъ-то цѣпяхъ, что внутрь его есть еще кто-то сто-
кратъ злѣе и чернѣе его, что онъ состоить подъ вліяніемъ не-
видимой и богоопротивной силы. Отсюда тяжkie и ужасающіе
вздохи и выраженія у грѣшниковъ: я человѣкъ погибшій!—Меня
влечетъ на грѣхъ нечистая сила!—За мною ходитъ злой духъ!—
Лучше бы мнѣ не родиться!

Чѣмъ обыкновенно обнаруживается власть діавола надъ грѣш-
никомъ? Тѣмъ, что онъ постепенно погашаетъ и задушаетъ въ
немъ все доброе, начиная отъ первыхъ понятій ума о Богѣ и за-
конѣ, до послѣднихъ угрызеній совѣсти; тѣмъ, что онъ посте-
пенно переливаетъ изъ себя въ грѣшника все злое и богоопротив-
ное, начиная съ нечистыхъ мыслей и желаній до самыхъ ужас-
ныхъ преступленій. Переходя отъ одного грѣха къ другому, изъ
разврата въ развратъ, отъ нечувствія и ожесточенія къ большему
нечувствію и окамененію, грѣшникъ наконецъ созрѣваетъ въ злѣ
до того, что чувствуетъ прямое и постоянное отвращеніе ко вся-
кому добрю, явно презираетъ все святое, глумится безумно на дѣ-

собственою душею и совѣстію, готовъ на открытую брань съ самимъ Творцемъ. Да же не можетъ вести человѣка самъ діаволь!

Не трудно провидѣть, какой долженъ быть конецъ сего ужаснаго союза грѣшника съ духомъ тьмы:—большею частію смерть преждевременная, нерѣдко самоубійство. Ибо какъ ни пріятно духу злобы продолжать господствовать надъ грѣшникомъ въ сей жизни, какъ ни выгодно ему усовершать своего плѣнника болѣе и болѣе во злѣ и распространять чрезъ него на другихъ соблазнъ и ядъ грѣха: но всѣ радости о семъ возмущаются опасеніемъ, что грѣшникъ, доколѣ живъ, чрезъ покаяніе, при помощи всемогущей благодати Божіей, можетъ разорвать всѣ узы страстей, уврачевать Кровию Искупителя всѣ язвы души своей, обратиться къ закону и долгу, и такимъ образомъ ускользнуть навсегда изъ челюстей ада. Посему врагъ спасенія изыскиваетъ всѣ способы сократить путь къ аду для грѣшника и пресечь какъ можно скорѣе его жизнь, къ чему грѣшникъ однимъ неподдержаніемъ представляетъ ему множеству случаевъ. Верхъ торжества діавольскаго бываетъ, когда искуситель расположить самого грѣшника поднять на себя руки, и такимъ образомъ прямо предать себя алу. Для достиженія сего духъ тьмы, какъ показываетъ опытъ, рѣшается даже на несвойственныя, повидимому, для него мѣры, пробуждаетъ въ грѣшнике давно уснувшую совѣсть, заставляетъ ее вспіять и терзать его душу, помогаетъ ей представлять всю неумытность суда Божія, всю неизвинительность содѣянныхъ грѣховъ, всю невозможность истиннаго обращенія и помилованія, дабы чрезъ все это, повергнувъ грѣшника въ конечное отчаяніе, отважить его на самовольное прекращеніе своего земнаго бытія. Такъ именно поступиль діаволъ съ злополучнымъ предателемъ Христовымъ!

Знаемъ, братіе мои, что говоря предъ вами такимъ образомъ, мы заранѣе подвергаемъ себя нареканію отъ стихійной мудрости.—Но что намъ, и сей мудрости?—Погибавшій во грѣхѣ міръ спасенъ не мудростю человѣческою, а буйствомъ проповѣди крестной, которая впрочемъ только для погибающихъ городство есть, спасаемыи же сила Божія (1 Кор. 1, 18). Если бы впрочемъ сія мудрость, хотя на время, престала быть стихійною, и взошла сама, хотя изъ любопытства, на свойственную духу человѣческому высоту зреїнія: то, можетъ быть, сама увидѣла бы живыхъ дѣятелей тамъ, гдѣ теперь находять одну мертвую плоть. И говоря прямо, кому бы, какъ не сей лжеименной мудрости, надлежало вѣдать со всею точностью происхожденіе изъ

ада всего зла, подъ тяжестю коего стенаеть родъ человѣческій? Ибо св. Писаніе ее самую, безъ сомнѣнія, по ея происхожденію и свойствамъ, называетъ бѣсовскою (Іак. 3, 15). Что мѣшаетъ совопросникамъ вѣка сего, вѣрующимъ токмо въ одни свои чувства, явиться для наблюденія къ подножію нетлѣнныхъ тѣлесъ св. Угодниковъ Божіихъ? Тамъ собственными очами увидѣли бы они, какъ силы ада, срѣтившись лицемъ къ лицу съ силами неба, не могутъ вынести присутствія послѣднихъ и обнаруживають себя самимъ очевиднымъ и жалкимъ образомъ; какъ признаются въ своей злой природѣ, въ своей нечистотѣ и винѣ, подобно мучимымъ преступникамъ; какъ смиренno обѣщаются сдѣлать то, чего требуютъ отъ нихъ во имя Распятаго, и какъ, гонимые силою креста, убѣгаютъ и исчезаютъ безвозвратно. Если бы сей опытъ показался почему либо неудобоисполнимымъ, пусть обратятся отъ служителей алтаря хотя къ служителямъ нашего здравія тѣлеснаго:—и тѣ изъ нихъ, кои не дѣлали изъ своей поченной науки бездушного ремесла, кои не проходили безъ вниманія поучительныхъ явлений въ природѣ человѣческой, среди ея болѣзней состояній, скажутъ необинуясь, что въ ряду болѣзней человѣческихъ есть ужасный видъ недуговъ тѣлеснодуховныхъ, кои ничѣмъ нельзя изъяснить удовлетворительно, кромѣ присутствія въ человѣкѣ злого духа.

А мы, братіе мои, изъ всего сказанного нами извлечемъ, въ простотѣ вѣры, спасительный урокъ—хранить себя благодатію Божію отъ грѣха между прочимъ и потому, что онъ неминуемо предаетъ человѣка во владычество діавола, который, по слову Писанія, яко левъ рыкая ходить, искій кого поглотити (І Пет. 5, 8). Ибо если худо быть въ устахъ льва, то стократъ хуже быть въ устахъ діавола,—отъ чего да сохранить насть всѣхъ Господь своею всемошною благодатію! Аминь.

СЛОВО

О ДУТОЙ КОПЧИИ, О ЖИДАЮЩЕЙ ГРѢШНОСТИ.

Смерть грѣшниковъ люта (Псал. 33, 22)!

 Оль скоро неизбѣжно для каждого человѣка — оставить этотъ міръ и перейти въ другой, высшій; то для каждого должно быть крайне желательно, чтобы сей переходъ въ другой міръ, называемый смертію, совершился какъ можно мирнѣе и безболѣзненнѣе. Тихая и непостыдная кончина есть такое благо, для достиженія коего можно отказаться отъ многихъ удовольствій въ жизни уже потому, что это будетъ благо послѣднее въ жизни,—въ тѣ минуты, когда всего нужнѣе миръ и отрада. Но тотъ, кто работаетъ грѣху и служитъ страстямъ, долженъ знать заранѣе, что если онъ не исправится, то сіе благо для него потеряно; что подъ конецъ жизни, при разлукѣ души съ тѣломъ, его ожидаетъ не покой и услажденіе, а скорбь и мука. Смерть грѣшниковъ люта, говорить слово Божіе.

Отъ чего зависитъ это? Не удивительно, если и отъ особенного предраспоряженія правды Божіей, которая, предоставивъ грѣшнику полную свободу — ходить въ продолженіе жизни по стропотнымъ путямъ нечестія и соблазна, береть въ свое непосредственное завѣданіе конецъ ея и, по всемогуществу своему, всегда устрояетъ его такъ, что за жизнью нечистою и беззаконною слѣдуетъ лютая и мучительная кончина. Ибо ужели къ дѣйствію Провидчнія божественнаго не отнести непосредственаго управления и тѣмъ событиями нашей жизни, кои не зависятъ отъ нашего произвола, каковы суть начало и конецъ жизни.

ни? Съ другой стороны, кто не согласится съ древнимъ мудрецомъ, что удобно есть предъ Богомъ въ день сперти воздати человѣку по дѣламъ его (Сир. II, 26)?

Впрочемъ, братіе мои, жизнь, проводимая во грѣхѣ и нечестіи, по самому существу своему такова, что за нею, какъ удары молніи и грома за тучею, не можетъ не слѣдовать кончина лютая и болѣзnenная. Почему? Потому во-первыхъ, что невоздержаніе и необузданность нрава и привычекъ въ людяхъ, волнуемыхъ страстями, по самому обыкновенному порядку вещей, весьма часто подвергаютъ ихъ опасностямъ и бѣдственнымъ приключenіямъ, вслѣдствіе коихъ они или умираютъ преждевременно наглымъ и ужаснымъ образомъ, или, лишенные силъ и здоровья, приковываются надолго къ одру болѣзней и сходятъ во гробъ послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Въ семъ отношеніи, порокъ и развратъ свирѣпѣ самой войны, такъ что никакое орудіе непріятельское не можетъ сравниться съ ихъ ядовитымъ жаломъ.

При недостаткѣ подобныхъ смертоносныхъ приключеній, порокъ предуготовляетъ грѣшнику подъ конецъ жизни горькую чашу страданій тѣмъ, что заранѣе разстроиваетъ его тѣло и содѣлываетъ его сѣдалищемъ болѣзней мучительныхъ. Спросите, если угодно, о семъ врачей, и они представятъ вамъ на сie множество разительныхъ примѣровъ. Вообще предсмертные недуги людей добродѣтельныхъ и порочныхъ имѣютъ весьма различный характеръ: въ первыхъ они подобны сильнымъ, но попутнымъ вѣтрамъ, при коихъ душа умирающая, расправивъ вѣтра, быстро, но безъ шума и потрясеній, уносится изъ пристани; а въ послѣднихъ, то есть грѣшникахъ, предсмертная болѣзнь являются на подобіе осеннихъ бурь, кои все крушатъ, срываютъ насильственно корабль съ якоря и уносятъ въ волнующуюся пучину, на явную погибель.

И съ чего дѣйствительно, какъ не съ опыта взято обыкновеніе—кончину людей праведныхъ называть успеніемъ или преставленіемъ, а о великихъ грѣшникахъ говорить, что они не умираютъ, а извергаютъ душу свою? Тѣ, кои удостоились когда либо присутствовать при кончинѣ людей праведныхъ, не могли не замѣтить, что они дѣйствительно не умираютъ, а какъ бы засыпаютъ, или отходятъ съ миромъ куда-то отъ насъ. Съ грѣшниками, напротивъ, при кончинѣ ихъ происходитъ подобное тому, что бываетъ съ несчастнымъ младенцемъ, когда онъ отъ какого либо потрясенія неестественно извергается изъ утробы матерней.

И что удивительного, если разлучение души съ тѣломъ въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ столь различнымъ образомъ? Въ человѣкѣ истинно добродѣтельномъ, еще въ продолженіе жизни, можно сказать, уже совершается разлученіе души съ тѣломъ, такъ что чѣмъ болѣе онъ живеть на землѣ, тѣмъ болѣе отрѣшается отъ своего тѣла, возносится духомъ въ горняя, приближается къ миру ангельскому, преставляется на небо. Въ такомъ случаѣ для Ангела смерти нѣтъ нужды ни въ какомъ усиленіи дѣйствованіи; иногда довольно о,нога легкаго, такъ сказать, дуновенія, дабы прервать тонкую нить, сопрягавшую бессмертное съ смертнымъ. Не то въ грѣшникѣ: здѣсь душа бессмертная такъ опутана узами чувственности, небесное такъ перемѣшано съ земнымъ и плотскимъ, что самая смерть не можетъ врагъ разорвать всѣхъ узъ, отѣлить безъ замедленія нетленное отъ того, что должно сдѣлаться добычею могилы и тленія. Отсюда страданія и муки въ умирающемъ.

Но сіи страданія тѣла были бы еще не такъ страшны, если бы въ самой душѣ была хотя капля покоя. Мы видимъ на мученикахъ Христовыхъ, какъ самыя ужасныя мученія теряли свою лютость и силу оттого, что мучимые проникнуты были духомъ вѣры, вознесены благодатию превыше земли и своего тѣла. Въ умирающемъ грѣшникѣ, напротивъ, вмѣсто вѣры и упованія, господствуетъ обыкновенно страхъ и отчаяніе. Ибо люди нечестивые большею частию умираютъ, не приготовившись къ смерти, даже вовсе не думавъ прежде о своемъ концѣ: посему бываютъ подобны человѣку, который, идя по льду, вдругъ обрушился въ бездину. Куда не обращается такой человѣкъ, къ чему не простираетъ руки, къ кому не вопіеть о помощи? Тоже и съ грѣшникомъ; онъ чувствуетъ наконецъ, что обрушился въ бездину; употребляетъ всѣ средства, чтобы прогнать болѣзнь, отдалить свой конецъ; и когда видитъ, что все остается безъ успѣха, то поражается ужасомъ, предается малодушію и отчаянію.

И какъ не ужасаться и не трепетать! Посмотрѣть ли умирающій грѣшникъ вспять на свою жизнь,—встрѣчаетъ необразимый рядъ преступленій, изъ коихъ одно отвратительнѣе другаго. Обратить ли взоръ на окружающее и настоящее,—видѣть, что все теперь и на всегда оставляетъ его, что предъ нимъ одинъ гробъ и могила. Прострѣть ли мысль впередъ,—тамъ еще мрачнѣе и ужаснѣе. Надобно идти въ страну недовѣдомую, гдѣ живеть одна истина и правда, коихъ въ немъ нѣтъ. Надобно явиться предъ Судію, который облечень всевѣдѣніемъ и всемо-

гуществомъ. Прежде си мысли, если когда приходили, то не оказывали дѣйствія, были тотчасъ прогонямы разсѣяніемъ, подавляемы забавами, обращались даже въ предметъ глумленія безумнаго. Теперь не то—на прагѣ жизни нельзя не видѣть всей пустоты и ничтожности благъ земныхъ и удовольствій плотскихъ; на прагѣ вѣчности не возможно не предчувствовать суда и возлажія, коими угрожаютъ вѣра и совѣсть. И у грѣшника, какъ у прародителей въ раю, открываются предъ смертю очи: но что видятъ? Ангела смерти надъ главою своею, видятъ вѣчность съ ея непреложнымъ мздовоздаяніемъ, видятъ невозможность ни остановить суда надъ собою, ни избѣгнуть его. Такое соединеніе страданій тѣлесныхъ съ душевными рѣдко не повергаетъ умирающаго грѣшника въ совершенное отчаяніе.

Благость Божія спасительная, неоставляющая человѣка до самыхъ послѣднихъ предѣловъ его бытія земнаго, готова и въ семъ случаѣ постыдить грѣшника, и болѣшею частію является у одра его съ знаменіемъ искупленія, и съ чашею завѣта. Но, увы, сие утѣшительное явленіе рѣдко успокаиваетъ, а болѣшею частію смущаетъ и пугаетъ грѣшника среди его предсмертныхъ страданій. Почему? Потому что душа, окаменѣвшая въ злѣ, неспособна бываетъ воспринимать въ себя каплей елея духовнаго. Въ самомъ дѣлѣ, много ли людей, кои, проведши всю жизнь въ грѣхахъ, могли бы въ послѣднія минуты вдругъ обратиться совершенно и раскрыть всю душу и сердце свое для благодати покаянія, подобно покаявшемуся на крестѣ разбойнику? Ахъ, многие и на одрѣ смертномъ остаются подобными другому разбойнику, который и на крестѣ продолжалъ свое ожесточеніе грѣховное. Посему святыя и утѣшительныя таинства Церкви, если и совершаются надъ умирающими міролюбцами, то болѣшею частію не доставляютъ имъ ни отрады, ни успокоенія душевнаго.

Чтобы имѣть, сколько возможно, полное понятіе о лютой кончинѣ, ожидающей грѣшника, не забудемъ, братіе мои, и тѣхъ ужасныхъ видѣній, коими окружено бываетъ иногда ихъ одръ смертный. Если бы кто захотѣлъ приписать ихъ и одному воображенію, то и въ такомъ случаѣ си видѣнія не потеряютъ своего ужаса и мучительности для умирающаго, а явно останутся слѣдствіемъ нечистой жизни и совѣсти, равно какъ и наказаніемъ за нихъ. Но, кто въ состояніи отвергнуть и лѣтчиательность сихъ адскихъ страшилицъ? Что удивительнаго, если предъ кончиною, когда завѣса, сокрывающая міръ невидимый, приподнимается уже рукою смерти, грѣшникъ видитъ то, что

незримо для всѣхъ прочихъ, окружающихъ одръ его?— И что предстанетъ въ сиу минуты грѣшнику изъ міра духовнаго, кроме духовъ злобы, коимъ подражаль онъ своею злобою и лукавствомъ, съ коими давно вошелъ въ невидимое, но тѣмъ не менѣе тѣсное содружество своею нечестотою, и кои теперь уже видимо являются для принятія земнаго клеврета своего во все гдашнее сообщество свое,— во тьму кромѣшнюю? — Если душа Лазаря, по свидѣтельству слова Божія, была иссома на лоно Авраама Ангелами, то и душѣ грѣшной при исходѣ изъ міра сего, подобаетъ имѣть сопровожденіе, ею заслуженное.

Не устрашать, яко дѣтей, хотимъ мы васъ, братіе, сими напоминаніями, а остановить вниманіе ваше на предметѣ, достойномъ размышенія. Страшенъ часъ разлуки души съ тѣломъ! Грозны послѣднія минуты жизни! Посему св. Церковь въ каждомъ молитвословіи заставляетъ насть умолять Владыку живота и смерти о кончинѣ мирной и непостыдной. Но вотще будетъ сія молитва, если жизнь наша исполнена неправды и беззаконій. Ибо какъ праведникъ, по слову Божію, *аще постигнетъ скопчатися, въ покон будеть; такъ сперть грѣшниковъ, по свидѣтельству того же слова, всегда была и будетъ люта и мучительна.* Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ЗА ГРЕХИИ ПОСЛѢДУЕТЪ ВЪДЕЧКА ДѢДЪ ЧЕЛОВѢКА

ВЪЧНОЕ МУЧЕНИЕ ВО АДЪ ВМѢСТЬ СЪ ДУХАМИ ОТВЕРЖЕННЫМИ.

Идите отъ Мене проклятию во огнь вѣчный, уготованный діаволу и агеламъ его (Мат. 25, 41)!

 отъ послѣдняя награда за грѣхъ, послѣдній вѣнецъ діавольскій! Промучившись въ разныхъ выдахъ отъ грѣха всю земную жизнь, прострадавъ отъ него по смерти до кончины міра, бѣдный грѣшникъ долженъ услышать наконецъ на всемирномъ судѣ новый ужасный приговоръ, и отойти во огнь вѣчный, уготованный діаволу и агеламъ его. Долженъ отойти! Ибо надобно же когда либо добру взять во всей силѣ верхъ надъ зломъ; не вѣчно продолжаться борьбѣ неба съ адомъ; а при окончательномъ торжествѣ царства свѣта и любви надъ царствомъ тьмы и злобы, что можетъ ожидать грѣшника, кроме совершенного отлученія отъ Бога, коего закону онъ всегда противился, кроме совершенного сближенія съ духами отверженными, коихъ внушеніямъ онъ всегда слѣдовалъ, кроме совершенного низпаденія въ бездну лишеній и страданій, кои неминуемо влечетъ за собою развратъ и беззаконіе?

Чтобы предотвратить для настъ, въ семъ отношеніи, всякое самообольщеніе, слово Божіе со всею ясностію, на многихъ мѣстахъ, предваряетъ настъ о сей ужасной участі, ожидающей грѣшниковъ послѣ суда всемирнаго, такъ что между всѣми догматами

вѣры нашей иѣтъ болѣе яснаго, какъ догматъ • будущемъ вѣчномъ мученіи грѣшныхъ во адѣ.

Что это за мученіе и въ чёмъ состоить оно? — Чтобы приблизить предметъ сей къ нашему разумѣнію, св. Писаніе употребляеть для изображенія мученія во адѣ разныя подобія, замѣствуя ихъ отъ того, что въ нашемъ нынѣшнемъ мірѣ есть ужаснаго и мучительнаго. И во-первыхъ, оно представляеть состояніе мучимыхъ во адѣ подъ видомъ тьмы, самой непроницаемой, или *кромѣшией*, давая симъ знать, что во адѣ нисколько неѣтъ свѣта, столь необходимаго для жизни, столь отраднаго для всего живущаго. Во-вторыхъ, Писаніе изображаетъ состояніе грѣшника во адѣ подъ видомъ непрестаннаго терзанія червями: и *червь ихъ не умираетъ* (Мар. 9, 48), показуя симъ, что мученія адскія всегда будутъ возобновляемы съ новою силою и состоять въ непрестанномъ мучительномъ терзаніи грѣшника. Но всегда болѣе и чаще адскія мученія изображаются въ словѣ Божіемъ подъ видомъ пребыванія во огнѣ, или *озерѣ огненному* (Апок. 20, 14), такъ что адъ и огонь вѣчный на языкѣ Писанія суть слова почти равнозначащія. Конечно, это будетъ не нынѣшній огонь; ибо нынѣшній огонь самъ, можно сказать, сгорѣть въ послѣдній день міра, когда, по свидѣтельству св. Писанія, самыя наши *стихіи сжигаемы разорятся* (2 Пет. 3, 10). Но мы явно погрѣшили бы противъ истиннаго разумѣнія словъ Писанія, если бы вздумали заключать изъ сего, что этотъ адскій огонь, будучи тонѣе и духовнѣе нашего огня, потому самому будетъ слабѣе и сноснѣе: напротивъ, по самой своей тонкости и духовности онъ долженъ быть стократъ яростнѣе и мучительнѣе, такъ что св. отцы нисколько не преувеличиваютъ лѣла, когда говорятъ, что нашъ нынѣшній огонь столь же слабъ въ сравненіи съ будущимъ адскимъ, какъ огонь на картигѣ слабъ въ сравненіи съ огнемъ дѣйствительнымъ.

И сей-то пламень, уготованный вначалѣ одному дьяволу и агеламъ его, содѣлается наконецъ вѣчнымъ наслѣдіемъ твоимъ, душа грѣшная! — Будешь ли сомнѣваться въ дѣйствительности сей угрозы? Пожалуй, сомнѣвайся: мы не можемъ теперь показать тебѣ тьмы кромѣши и геенны. Но и врачъ, который говоритъ больному, что если онъ не воздержится отъ того или другаго, то умретъ скоро, также не можетъ показать ему его смерти: однако же смерть приходитъ, когда не слушаютъ предостереженій и совѣтовъ врача. Кто же лучше можетъ знать наше будущее—врачи земные, или небесны? Но Врачъ небес-

ный ясно, какъ мы видѣли, говорить и предваряетъ, что, въ случаѣ нераскаянности нашей, часъ ожидаетъ геенна огненная. Благоразумно ли не вѣрить словамъ и предостереженію Того, Кто для оправданія словъ своихъ можетъ, если бы то нужно было, сотворить новую геенну?

Но, увы, погибающій во грѣхѣ собрать, геенны и ада не нужно творить вновь: они уже давно произведены грѣхомъ и заключаются въ немъ, какъ древо въ сѣмени. Присмотрись самъ со вниманіемъ къ лицу врага и друга твоего, и ты увидишь, что онъ весь огненного свойства, что всѣ явленія грѣха сопровождаются уже и здѣсь пламенемъ адскимъ, что онъ дѣлаетъ жгущимъ и мучительнымъ даже то, что должно бы радовать человѣка и услаждать.

Въ самомъ дѣлѣ, что, по самой природѣ, отраднѣе свѣта совѣсти?—Но приходитъ грѣхъ, изсушаетъ душу человѣка зноемъ страстей, дѣлаетъ изъ него сухое храстіе,— и свѣтъ сей обращается въ огонь; совѣсть начинаетъ жечь и мучить душу! До чего жечь? До того, что въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе сего, происходитъ иногда смертельное воспаленіе.

Если за симъ обратить вниманіе на существо страстей—сихъ наперснице грѣха, кои его именемъ владѣютъ и управляютъ душами грѣшными; то окажется, что онѣ всѣ суть свойства огненного. Мы невольно сознаемъ это, когда говоримъ, напр.: огонь страстей, пламень честолюбія! Огонь сей теперь связанъ многими узами, посему и не такъ примѣтенъ обыкновенно: посмотрите однако же, какъ онъ выступаетъ извнутри человѣка, волнуется, багровитъ лицо, приводить въ клокотаніе всю кровь въ минуты, напр., сильнаго гнѣва! Въ это время огонь сей такъ бываетъ яростенъ и силенъ, что иные не могутъ его перенестъ, и внезапно умираютъ, какъ отъ удара молнии. Пламень другихъ страстей менѣе яростенъ, всегда однако же проникаетъ и съ продолженіемъ времени растлѣваетъ весь составъ человѣка. И какъ видимо это, напр., на человѣкѣ любострастномъ, завистливомъ, или скупомъ!

Внутренний составъ тѣла нашего, коему особенно угрожаетъ будущее мученіе во адѣ, также представляеть въ себѣ не только способность къ воспламененію, но и неистощимый запасъ огня. Это видимо на тѣлѣ каждого человѣка и въ состояніи здравомъ; ибо изъ каждой части тѣла посредствомъ извѣстныхъ искусственныхъ пріемовъ, а иногда и безъ всякаго искусства, можно извлекать множество искръ. Но во время болѣзней это тайное сродство тѣла нашего съ огнемъ обнаруживается еще болѣе.

Ибо какая болѣзнь не обнаруживается жаромъ? Нѣкоторыя явно состоятъ изъ какого-то мучительного горѣнія всего тѣла, или болѣвыхъ частей его. Отсюда взяты самыя наименованія сихъ болѣзней, напр. огневицы или антонова огня. Кромѣ сихъ повсемѣтныхъ явлений, изъ нѣкоторыхъ, хотя рѣдкихъ, случаевъ видно, что въ тѣлѣ человѣческомъ есть способность воспламеняться какимъ-то особеннымъ огнемъ, коему въ нашемъ мірѣ нѣть подобнаго въ силѣ и разрушительности, и который видимо напоминаетъ собою огнь адскій. Это случай такъ называемаго самовозгорѣнія, когда живой и даже не больной, но разстроенный въ тѣлесныхъ силахъ человѣкъ, вдругъ возгорается видимо и пожирается пламенемъ до того, что въ самое короткое время,—иногда въ нѣсколько минутъ,—отъ человѣка не остается ничего, кромѣ нѣсколькихъ горстей пепла. Что это, какъ не задатокъ огня адскаго!—Теперешнее бренное тѣло, воспламенившись такимъ образомъ, тлѣтъ и исчезаетъ: но будущее тѣло—бессмертное, воспламенившись, не можетъ исчезнуть, будетъ горѣть вѣчно. И вотъ геенна домашняя, самодѣльная и вмѣстѣ неугасаемая!

Хотя ничего, повидимому, нельзя придать къ ужасу и мучительности такого состоянія; но грѣхъ не уловятворится и симъ мученiemъ. Обративъ грѣшниковъ въ существа самогорящія, онъ же собственно произведетъ для нихъ и огненный міръ, или какъ называется св. Писаніе, езеро огненное, дабы каковы обитатели, таково же было, такъ сказать, и помѣщеніе. Ибо нужно ли, братіе мои, чтобы всемогущество Божіе, само и положительно, творило эту огненную пропасть адскую? Эта бездна сама собою можетъ возникнуть наконецъ изъ грѣха. Какимъ образомъ? Внемлите и познайте ужасное свойство грѣха. Нѣть никакого сомнѣнія, что человѣкъ беззаконіями своими портить и оядотворяетъ не только свое тѣло, но всѣ вещи, коими злоупотребляетъ, самыя стихіи его окружающія. Порча сія большою частию непримѣтна, но иногда такъ дѣлается ощутительна, что заражаетъ самый воздухъ, коимъ онъ дышалъ, отъ чего происходятъ повальныя болѣзни и заразы. Теперь представьте всю порчу стихій, произведенную грѣхами всѣхъ людей; сложите ее съ тою порчею и ядомъ, коими заражаютъ природу видимую духи отверженные; вообразите за симъ, что въ послѣдній день міра и обновленія всѣхъ вещей, испорченная и оядотворенная грѣхами часть силъ природы отдѣлится отъ новаго, чистаго и свѣтлаго міра Божія: какое изъ сего составится скопище яда и тлѣнія!—Какой океанъ огня и пламени!—И вотъ стихія, въ кoей

будутъ обитать духи и души отверженные! Ибо вокругъ кого же сосредоточиться ей, какъ не вокругъ тѣхъ, кои своими грѣхами произвели ее?

Не безъ особеннаго намѣренія входимъ мы, братіе, предъ вами въ подобныя объясненія: намъ желательно представить для вѣры нѣкую опору въ самомъ опытѣ, и отнять у невѣрія и вольнодумства предлогъ утверждать, что слово Божіе предлагаетъ намъ касательно будущаго состоянія нашего одни таинства и непостижимости для разума. Нѣтъ, если предлагаемое кажется превышающимъ разумъ, то потому, что разумъ находится теперь во всѣхъ нась въ состояніи дѣтскомъ. Еслибы онъ возросъ и возмужалъ въ разумѣніи существа человѣческаго и міра, нась окружавшаго, то самъ бы увидѣлъ внутренно истину того, что открываетъ намъ вѣра и Евангелие. Для сего, говорю, мы вошли въ нѣкоторыя, не такъ обыкновенныя, изъясненія, и для того, чтобы устранить мрачную и ложную мысль, якобы Творецъ самъ непосредственно будетъ мучить тварь своимъ всемогуществомъ. Нѣтъ, любовь вѣчная не мучитъ и не можетъ мучить никого. Мучить и терзаетъ здѣсь на землѣ, и тамъ — во дѣ грѣхъ. Богъ не сотворилъ ни смерти, ни ада; ихъ произвѣлъ грѣхъ.

Да обратится же на сего врага все отвращеніе и вся ненависть наша! Да не обрѣтетъ онъ себѣ ни малѣйшаго мѣста не только въ нравахъ и дѣяніяхъ, въ самыхъ мысляхъ и словахъ нашихъ! При первомъ появлениі грѣха въ себѣ, въ какомъ бы то видѣ ни было, да спѣшимъ изгнать и подавлять его совершенно! Средствъ къ сему, какъ увидимъ въ слѣдующихъ собесѣданіяхъ нашихъ, столько запасено для каждого изъ нась, благодатию Божіею, что кто погибнетъ отъ грѣха (а погибнетъ непремѣнно, если не исправится), тотъ долженъ винить въ своей погибели только себя самого. Аминь.

БЕСЪДЫ
НА
СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ
о
СМЕРТИ.

СЛОВО

О СЛУЖБЕ РОДИТЕЛЯ*).

збравъ предметомъ своимъ смерть, намъ хотѣлось бы, братіе мои, сего послѣдняго врага нашего, какъ называется смерть въ словѣ Божіемъ, изобразить предъ вами такъ, чтобы ветхій и плотскій человѣкъ нашъ пораженъ былъ при семъ всѣмъ ужасомъ, могущимъ произойти въ немъ отъ гроба и тлѣнія, и чтобы въ тоже время человѣкъ новый въ нась и духовный, живущій вѣрою и упованіемъ, могъ поднять при семъ главу и найти для себя утѣшеніе въ томъ самомъ, чего такъ трепещутъ плоть и кровь. То есть, мы желали бы, чтобы въ нась отъ размышенія и собесѣданія о смерти остались на всю жизнь два чувства: чувство спасительного страха, который бы служилъ намъ въ ограду отъ прелестей и соблазновъ мірскихъ, щитомъ противъ собственныхъ страстей и похотей, и чувство упованія христіанскаго, которое возносило бы нась надъ тѣми, недостойными христіанина, малодушiemъ и отчаяніемъ, съ коими срѣтаютъ смерть чада вѣка сего, служители грѣха и плоти.

Что же намъ сдѣлать для достиженія сей сугубой цѣли? Повести ли васъ тотчасъ въ Эдемъ, къ запрещенному древу, изъ коего произникла для нась смерть, гдѣ въ первый разъ прогремѣло для нась грозное слово суда и казни: земля еси и въ землю обратишися? Или возвести васъ на Голгоѳу и поставить у подножія Креста Христова, гдѣ смерть наша попрана смертию Сына

*) Бесѣда о смерти печатаны съ рукописи.

Божія, и гдѣ во всей силѣ начало сбываться утѣшительное воззаніе Пророка: *гдѣ ти, сперте, жало, гдѣ ти, аде, побѣда* (Ос. 13, 14; 1 Кор. 15, 55)? Выйти ли тотчасъ съ вами на кладбище къ усопшимъ братіямъ нашимъ и молитъ ихъ, да повѣдаютъ намъ тайну смерти, да вразумятъ, что ожидаетъ каждого изъ насъ въ часъ скончанія нашего? Или низойти прямо къ собственному послѣднему одру нашему и показать, какъ Ангелъ смерти приближится и къ намъ, какъ душа наша должна будетъ разлучиться отъ тѣла, и мы пойдемъ въ ту страну, изъ коей нѣтъ возврата? Не будетъ излишне,—если мы сдѣлаемъ все сіе и осмотримъ врага нашего со всѣхъ сторонъ, дабы видѣть всю силу и все безсиліе его.

Благодареніе Богу, что мы можемъ теперь видѣть смерть во всѣхъ входахъ и исходахъ ея. Бѣднымъ язычникамъ, неимущимъ откровенія небеснаго, оставалось токмо трепетать предъ смертію; ибо самые мудрѣйшиe изъ нихъ, булучи предоставлены собственному разуму, который ничего не видитъ далѣе чувствъ, ничего не могли сказать о томъ, откуда смерть и что ожидаетъ человѣка по ту сторону гроба. Но христіанинъ съ Евангеліемъ въ рукахъ смѣло идетъ на кладбище: для него нѣтъ тамъ мрака непроницаемаго; онъ ясно видитъ не только начало, но и конецъ смерти.

Пользуясь симъ свѣтомъ небеснымъ, углубимся въ происхожденіе и сущность смерти, разсмотримъ, что ей предшествуетъ и что за нею послѣдуетъ, вникнемъ въ причины, отчего смерть бываетъ лютая и какъ можно содѣлать ее тихою и безболезненною, а въ заключеніе обратимъ вниманіе на собственную кончину, насы ожидавшую, и научимся срѣтить смерть похристіански. Все сіе будетъ предметомъ послѣдующихъ собесѣданій нашихъ. А на сей разъ ограничимся общимъ обозрѣніемъ смерти и ея владычества надъ родомъ человѣческимъ.

Если бы кто либо изъ небожителей никогда не бывавшихъ на землѣ, нами обитаемой явился на ней и обратилъ вниманіе на нашъ родъ человѣческій: то что бы, вы думаете, наиболѣе могло поразить его взоръ? Мнѣ кажется, что его всего скорѣе удивила бы и поразила наша ужасная смертность. Въ лицѣ человѣка онъ тотчасъ узналъ бы владыку земли, коему все подчинено и волею или неволею служить; а въ смерти онъ тотчасъ увидѣлъ бы лютаго врага и тирана, коему этотъ владыка земли отданъ въ жертву на ряду съ послѣдними изъ безсловесныхъ. И долго ли бы надлежало ожидать ему, дабы сдѣлать это по-

слѣднее заключеніе о настѣ? Ни единой даже секунды. Ибо на землѣ, нами обитаемой,—узнайте и ужаснитесь!—не проходитъ ни единой секунды безъ того, чтобы не умеръ кто-либо; такъ что если бы считать непрерывно и по порядку рядъ смертей человѣческихъ, то сей счетъ могъ бы служить вмѣсто самыихъ вѣрныхъ часовъ для измѣренія нашего земного времени. Такъ брененъ и мимоходящъ образъ бытія нашего заѣсь! Почти четвертая часть людей для того токмо, повидимому, и рождается, чтобы умереть, не оставивъ слѣда бытія своего, кромѣ только развѣ въ растерзанномъ скорбю сердцѣ родителей; для многихъ минута рожденія служитъ вмѣстѣ и минутою скончанія, многіе умираютъ не выходя на свѣтъ, имѣя гробомъ утробу материню. Изъ остающихся жить едва третья часть достигаетъ юношества и едва половина переходитъ за средину жизни; а доживающихъ до послѣднихъ предѣловъ жизни (и велики ли они?—70, 80 лѣтъ!) такъ мало, какъ классовъ, кои ускользнули изъ-подъ серпа жателя. Никто не свободенъ отъ смерти. Войдите въ полуразвалившуюся хижину, увидите гробъ, на горахъ—смерть, въ долинахъ—смерть, на моряхъ и рѣкахъ—смерть. Всему есть сроки и время: смерти — нѣтъ. Она мимоходитъ старца и похищаетъ юношу; оставляетъ младенца и беретъ мать, его питавшую; этотъ употребляеть всѣ средства, чтобы избавиться отъ неважной, повидимому, болѣзни, и умираеть отъ нея; а тотъ дѣлаеть, повидимому, все, чтобы разстроить свое здоровье и сократить дни, и живеть. Мудрецъ умираеть, не совершивъ своихъ открытій, надъ коими трудился цѣлый вѣкъ; полководецъ умираеть въ навечеріи битвы, которая должна бы решить судьбу его отечества; возвращающійся изъ пути дальняго, сынъ умираеть за часъ пути отъ крова отеческаго; невѣста или женихъ умираеть, возвратившись токмо или и невозвратившись изъ-подъ вѣнца брачнаго. Смерти нѣтъ дѣла ни до чего нашего человѣческаго: это скелетъ безъ сердца и души, съ одною косою и серпомъ. Большею частию она любитъ предпосылать себѣ, какъ вѣстника и предтечу, различные недуги и болѣзни: иногда какъ бы любясь страданіями своей жертвы, замедляетъ приходъ и ударъ свой; но она же любить поражать и внезапно, какъ тать ночной. Сколько людей не встало отъ ложа ночнаго, легши на него съ замыслами на многіе годы! Сколько уснуло послѣднимъ сномъ за трапезою! Сколько не возвратилось въ домъ, выshedъ на нѣсколько минутъ! Тщетно наука здравія истощаетъ все искусство и всѣ усилія: сила смерти все также, также свирѣпость и внезап-

ность. Врачи, какъ бы въ отмщениѣ за покушеніе на невозможное, менѣе всѣхъ пользуются долговѣчіемъ. Сама религія не спасаетъ отъ смерти. Вотъ человѣкъ, который всю жизнь посвятилъ Богу, вѣрѣ, добродѣтели и человѣчеству. Всѣ желали какъ милости отъ неба продолженія дней его. Но смерть не внимаетъ ничему, — и праведникъ лежитъ бездыханенъ.

Взирая на все сіе, кто вмѣстѣ съ св. пѣснопѣцемъ не восклиknетъ отъ всей скорбной души: что сіе еже о насъ бысть таинство? *Како предахомся тѣнію? Како сопрягохомся смерти?*

Вопроſъ горький, неизбѣжный, но кто изъ людей въ состояніи самъ собою разрѣшить его? Нѣтъ гласа и отвѣта изъ могилы; *нѣсть познанъ возвративый изъ ада.*

Удивительно ли поſему, если и мудрѣйше повидимому изъ людей, оставленные бѣдному водительству собственнаго разума и имѣвшіе при томъ несчастіе потерять чистоту души и совѣсти, приходили къ ужасной мысли, что *какъ самослучайно рождены естьмы и потомъ будемъ, яко же небывше.*

Познаемъ же преимущество нашего состоянія въ вѣрѣ христіанской и возблагодаримъ Господа, что Онъ, безъ всякихъ заслугъ нашихъ, судилъ намъ узрѣть жизнь въ нѣдрахъ Церкви. Теперь отрокъ и младенецъ болѣе знаютъ о цѣли бытія человѣческаго и жизни нашей за гробомъ, нежели знали о томъ всѣ мудрецы и философы языческие. Съ Голгоѳы отъ креста и гроба Господня все видно и все ясно. Теперь мы знаемъ не только начало, но и конецъ, можно сказать, смерть самой смерти, какъ то окажется въ слѣдующихъ собесѣданіяхъ нашихъ. Аминь.

СЛОВО

И ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ.

Какъ ни поверхностно обозрѣвали мы въ прошедшій разъ владычество смерти надъ родомъ человѣческимъ, но и при семъ не могли не видѣть, какъ это владычество разрушительно и ужасно,—ужасно уже неизбѣжностію своею для всякаго; ибо *кто есть человѣкъ, иже поживеть и не узрить смерти* (Исал. 88, 49)? Ужасно неизвѣстностію часа смертного; ибо кто можетъ знать и сказать, что онъ умретъ не прежде, какъ тогда-то? Ужасно предшествующими обыкновенно всякой смерти страданіями тѣлесными и душевными; ужасно даже отсутствіемъ всякихъ страданій, когда смерть постигаетъ человѣка внезапно и нечаянно.

Хотите ли взглянуть еще вмѣстѣ съ нами на послѣдствія смерти надъ человѣкомъ, дабы болѣе и прочнѣе пробудить въ себѣ спасительный страхъ смерти, столь нужный и благопотребный для нась въ дѣлѣ нашего покаянія и спасенія?—Если такъ, то да будетъ извѣстно вамъ, что послѣдствія смерти— во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно важны и рѣшительны, словомъ сказать, таковы, что кто разъ вникнетъ въ нихъ и выразумѣть вполнѣ ихъ силу и значеніе, у того никогда они не могутъ выйти изъ головы и мысли.

Мы даже не разумѣемъ при семъ тѣхъ послѣдствій, коимъ подлежитъ человѣкъ умершій въ другомъ мірѣ, куда онъ приходитъ отъ нась, и коихъ мы, при всей важности ихъ, не можемъ видѣть, а только можемъ и должны предполагать. Разсмо-

тремъ одни тѣ послѣдствія, кои касаются нашего міра, и кои потому предъ нашими очами и нашимъ судомъ.

Эти послѣдствія, говорю, чрезвычайно важны, неотразимы и рѣшительно непреложны!

И во первыхъ, въ самомъ существѣ человѣка. До смерти,— какъ бы онъ ни страдалъ, въ какомъ бы ни находился истощеніи и безобразіи, хотя бы былъ подобенъ Іову на гноящемъ,—онъ все еще человѣкъ, существо живое, чувствующее и разумное; приходитъ смерть—и этотъ человѣкъ, хотя бы за минуту до того былъ крѣпокъ и цвѣтущъ здравіемъ, становится бездушнымъ, у котораго остается все, что было прежде, но безъ всякаго дѣйствія: очи не видятъ, ухо не слышитъ, уста сокнуты, руки и ноги, самое сердце недвижимы. И этотъ тѣлесный остатокъ человѣка вскорѣ теряетъ свой видъ болѣе и болѣе, и начинаетъ разлагаться на части, послѣ чего отъ человѣка остается, и то не навсегда, только нѣсколько голыхъ костей, нѣсколько горстей праха. Можно судить по сему, какая ужасная перемѣна должна происходить съ человѣкомъ послѣ его смерти! Тутъ происходитъ болѣе, гораздо болѣе того, какъ если бы человѣкъ какимъ либо чудомъ восхищенъ былъ съ нашей земли и преставленъ въ какой либо изъ небесныхъ шаровъ; ибо, при всей разности образа существованія тамъ отъ нашего земнаго, преставленный туда все еще оставался бы съ своею тѣлесностію и срѣтиль бы себя среди вещественныхъ стихій, подобныхъ сколько нибудь здѣшнимъ. Въ смерти, напротивъ, оставляетъ человѣка все тѣлесное: онъ остается и дѣлается однимъ духомъ, не имущимъ вовсе плоти и крови; вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ существенно измѣниться весь образъ бытія человѣческаго и всѣхъ его отношеній къ подобнымъ себѣ и ко всему міру.

Доколѣ человѣкъ въ тѣлѣ и живъ, дотолѣ онъ занимается чувственнымъ и тѣлеснымъ; тѣлесное и видимое доставляетъ ему способы къ поддержанію своего бытія и къ занятію самыхъ душевныхъ способностей; съ смертію этотъ союзъ съ видимымъ и чувственнымъ прекращается навсегда. Безъ тѣла человѣку нѣсколько уже не нужно того, надъ пріобрѣтеніемъ чего онъ такъ долженъ былъ прежде трудиться и въ чемъ полагалъ свое блаженство. Съ другой стороны, и чѣмъ занята была здѣсь душа его, какъ бы ни казалось то привычнымъ, любезнымъ, необходимо-димымъ, все это должно оставить и навсегда, ибо безъ тѣла и чувствъ нѣть уже средства и возможности заниматься, чѣмъ занимался прежде. Такимъ образомъ у служителя алтаря нѣть бо-

лье ни алтаря, ни храма; у любителя наукъ и знаній нѣтъ болѣе ни звѣзда на небѣ для наблюденія, ни травъ и животныхъ на землѣ для разсмотрѣнія; у ората — полей для воздѣланія, у дѣющаго куплю—предметовъ торговли. Для умершаго нужна уже новая пища, новый кругъ занятій, сообразные его новому образу бытія въ другомъ мірѣ.

Говорить ли послѣ сего, что смерть прекращаетъ навсегда всякую дѣятельность человѣка, наѣдъ чѣмъ бы ни застала его въ приходѣ своемъ къ нему.

Вы трудились надъ какимъ либо великимъ и общеполезнымъ дѣломъ, не много времени уже требовалось для окончанія его, безъ васъ даже, можетъ быть, никто не въ состояніи кончить его: смерти нѣтъ дѣла до сего; она приводитъ съ собою конецъ самому вашему бытію земному, и недовершенное вами остается для васъ такимъ навсегда. Успѣли вы распорядиться вашимъ имуществомъ и объявить послѣднюю вашу волю — хорошо; не успѣли,—оно пойдетъ, безъ вашей воли, куда бы вы вовсе, можетъ быть, не хотѣли. Вамъ крайне желалось бы перемѣнить что либо изъ вашихъ прежнихъ дѣйствій, напримѣръ примириться по-христіански съ такимъ и такимъ недругомъ, вознаградить кого либо изъ обиженныхъ вами, оставить кому либо знакъ своей любви и уваженія; если этого не сдѣлано до смерти, то никогда уже не будетъ сдѣлано. Смерть единожды и навсегда полагаетъ конецъ нашей дѣятельности, въ чемъ бы она ни состояла и чего бы ни требовала.

Если бы можно было умершимъ по крайней мѣрѣ передавать какимъ либо образомъ въ нашъ міръ свои желанія! Многіе, если не всѣ, изъ сродниковъ и близкихъ нашихъ почли бы за долгъ для себя привести ихъ въ исполненіе; но сіе невозможно! Лишившись своего тѣла, человѣкъ вмѣстѣ съ нимъ теряетъ всѣ средства къ сообщенію съ симъ міромъ и съ оставшимися въ немъ, кои, съ своей стороны, будучи облечены тѣлесностію, не въ состояніи проникать въ область духовъ, гдѣ находятся умершіе. Посему, какъ бы васъ ни продолжали любить здѣсь, какъ бы ни желали вамъ всякаго блага за гробомъ, никто не въ состояніи знать и исполнить вашу волю, ни вы передать ее имъ. О васъ будутъ жалѣть и плакать, о васъ будутъ молиться и во имя ваше благотворить, къ чему такъ располагаетъ всѣхъ чадъ своихъ св. Церковь; но сообщенія съ вами ни у кого не будетъ. Всѣ намѣренія, желанія, нужды ваши погребены будутъ навсегда съ вами, и ихъ никто не узнаетъ на земли, развѣ самъ Го-

сподѣ благоволитъ открыть о томъ кому либо особыеннымъ обра-
зомъ, что, какъ видимъ изъ св. исторіи, бываетъ крайне рѣдко.

Помыслите, братіе мои, о всемъ этомъ и ужаснитесь! По-
мыслите и извлеките изъ сего сами правила для своего поведе-
нія и жизни. Они кратки и просты, но столь же полезны и не-
обходимы для каждого.

Если тѣло наше должно оставить насть въ смерти и обратить-
ся въ прахъ, что, можетъ быть, уже весьма близко къ намъ:
то благоразумно ли заботиться непрестанно объ одномъ тѣлѣ и
оставлять безъ вниманія состояніе нашей души, съ коею мы
останемся на всю вѣчность?—

Если міръ, насть окружающій и насть всецѣло занимающій,
долженъ въ смерти исчезнуть для насть навсегда; то благоразум-
но ли ограничивать имъ всю дѣятельность нашего духа, привя-
зываешься къ нему всѣми силами сердца, и не готовить себя къ
дѣятельности высшаго рода, которая срѣтитъ насть за гробомъ,
запасать благовременно то, что тамъ будетъ нужно?—

Если дѣятельность наша въ семъ мірѣ совершенно прекра-
щается съ смертю, и какъ не возможно по смерти не только со-
вершить или докончить что либо изъ дѣлъ нашихъ, даже знать
здѣсь кому либо о нашихъ желаніяхъ; то не должно ли стараться
каждому дѣлать, что необходимо, заблаговременно, не ожи-
дая часа смертного, который можетъ постигнуть внезапно? Здѣсь
можно повторить слова Спасителя: *еже твориши, твори скоро:*
тирися съ соперникомъ твоимъ, то есть, съ правосудіемъ
Божімъ и совѣстю твою, *дондеже еси на пути.* Уговаривай
свѣтильникъ и елей добрыхъ дѣлъ, доколѣ не наступила полночь,
не пришелъ внезапно женихъ и не затворились предъ тобою дре-
ри чертога. Аминь.

СЛОВО О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ.

 то такое смерть? Что происходит съ человѣкомъ въ то время, когда умираеть онъ? Какъ разрѣшается душа человѣка отъ тѣла?

Кто намъ скажеть это? Могли бы сказать отцы и братія наши, кои прешли уже мрачнымъ путемъ смерти на онь-полъ бытія: но они безмолвны!—не потому, конечно, чтобы не хотѣли подѣлиться съ нами своею тайною, а потому, что у нихъ для насъ нѣтъ языка, коимъ можно бы заговорить съ нами, а у насъ для нихъ нѣтъ уха, коимъ можно бы выслушать сказанное, потому что они теперь духъ безплотный, а мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ плоть бездушная.

Остается посему обратиться къ свидѣтельству собственныхъ чувствъ. Какъ оно ни слабо и неполно въ отношеніи къ смерти, но можетъ сообщить намъ нѣчто; потому что смерть отчасти видима; иначе мы не могли бы и знать, что такой-то человѣкъ дѣйствительно умеръ. Что же по наблюденію нашихъ чувствъ происходит съ человѣкомъ во время смерти? Закрываются глаза, престаетъ въ человѣкѣ всякое движеніе, теряется самосознаніе? Но это бываетъ и при каждомъ снѣ человѣка. Прекращается дыханіе, останавливается сердце и кровь, исчезаетъ теплота въ тѣлѣ? Но это замѣчается и въ глубокихъ обморокахъ. Чѣмъ же смерть отлична отъ глубокаго сна и обморока? Тѣмъ, что отъ сна пробуждаются, отъ самого обморока, какъ бы онъ ни былъ глубокъ, приходить въ чувство, а отъ смерти—никогда. Значить, въ смерти происходитъ съ человѣкомъ нѣчто сторично большее, нежели во время сна, большее—нежели въ большомъ обморокѣ. Что же именно? То, что въ тѣлѣ человѣка въ часть смерти ис-

чезаетъ самое первое и послѣднее начало жизни, и оно, сдѣлавшись чрезъ то совершенно неспособнымъ къ обитанію въ немъ души, оставляется ею навсегда. Разлука души съ тѣломъ составляетъ посему послѣднюю степень и сущность смерти. Доколѣ душа не разлучилась отъ тѣла, дотолѣ какъ-бы ни страдалъ человѣкъ, какому бы ни подлежалъ бѣдствію, онъ можетъ быть возванъ къ жизни; но когда душа оставила тѣло, то хотя бы оно само по себѣ и не было много разстроено, все кончено, всякое усиленіе и помощь искусства напрасны, умерший человѣкъ можетъ ожить только силой Того, Кто единъ силенъ сопрячь паки душу съ тѣломъ, дѣйствіемъ всемогущества.

Какимъ образомъ происходитъ самое разлученіе души отъ тѣла? Сего не могутъ сказать ни чувства, ни самый разсудокъ нашъ. Не могутъ сказать чувства, ибо душа сама по себѣ не видима и въ продолженіе жизни: какъ же бы они увидѣли, какъ она выходитъ изъ тѣла. Не можетъ сказать и самый разсудокъ: ибо соединеніе души съ тѣломъ есть тайна для него. Если бы онъ зналъ сию тайну, то зналъ бы и то, какъ разрѣшается душа отъ тѣла.

Какъ же безъ сего узнать, что душа оставила тѣло и человѣкъ умеръ дѣйствительно, а не кажется только таковымъ?— По дѣйствіямъ, кои влекутъ за собою разлука тѣла съ душою. Оставленное душою, оно теряетъ всякую жизненность и предается тленію. Разрушеніе дома показываетъ, что уже жилища въ немъ нѣтъ.

Вся ли тѣлесность спадаетъ съ души во время смерти? Не уносить ли она съ собою изъ нашего міра какого либо тончайшаго покрова вещественнаго? Можетъ быть. Ибо собственно безтѣлесенъ единъ Богъ, какъ духъ чистѣйшій и всесовершеннѣйшій. Самые Ангелы, явившись въ нашъ міръ, являются въ образахъ тѣлесныхъ. А душу нашу мы не умѣемъ и представить себѣ иначе, какъ въ тѣлесномъ очертаніи. Если и уносить, то развѣ такой, который тонкостію своею превосходитъ все видимое: ибо мы его не видимъ. Но потому что не видимъ, не можемъ отрицать сего; ибо мы и вокругъ себя не видимъ много такихъ вещей, кои принадлежатъ еще, и притомъ постоянно, къ нашему міру и суть вещественны; но по тонкости своей не видимы для нашего глаза.

Откуда душа въ смерти возьметъ нужное для себя (если дѣйствительно нужно?) облаченіе? Изъ того же тѣла, оставленного. Ибо въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ и во всѣхъ тѣлахъ, есть много

удобо или неудобо-разрушимаго; есть нѣчто такое, что разрушается на части и исчезаетъ; и всегда есть нѣчто совершенно неразрушимое, которое не подлежитъ никакому тлѣнію. Сие-то не разрушимое въ нашемъ тѣлѣ можетъ оставаться при душѣ и по смерти, составлять ея одѣяніе и замѣнять до нѣкоторой степени недостатокъ тѣла до будущаго воскресенія. Оно-то, можетъ быть, должно служить основаніемъ и какъ бы зародышемъ тому будущему тѣлу, въ которое душа облечется въ день все-мірного воскресенія. Кто хочетъ углубиться въ сей важный предметъ, тотъ пусть прочитаетъ пятую главу во 2-мъ посланіи св. Павла къ Коринтянамъ.

Итакъ въ смерти находятся двѣ какъ-бы стороны: одна,—обращенная къ нашему миру и потому нами видимая; другая,—обращенная къ миру духовному и потому нами не видимая. Мы, можно сказать, видимъ начало смерти, а средина и конецъ ея должны быть видимы для тѣхъ, кои смотрятъ оттуда. — Человѣка умирающаго можно уподобить человѣку, который бы изъ той комнаты, въ коей мы находимся, уходилъ отъ насъ сквозь стѣну. Какъ онъ подойдетъ къ стѣнѣ, мы увидимъ, но какъ выйдетъ изъ нея на другую сторону, сего мы не можемъ видѣть по причинѣ самой стѣны, сквозь которую онъ проходитъ.

Поелику смерть имѣетъ такимъ образомъ двѣ стороны, чувственную и сверхъ-чувственную; то у явленія сего безъ сомнѣнія и два рода зрителей. Отсюда на умирающаго смотримъ мы, а оттуда смотрятъ духи и души безплотныя. Ибо, быть не можетъ, чтобы человѣкъ, вступая въ новый міръ, не обрѣталь кого либо у прага его, для своего руководства. Здѣсь первѣе всего душа отшедшаго видитъ своего Ангела-Хранителя и своего ангела искусителя. Ибо гдѣ же и быть имъ, какъ не при развязкѣ дѣла, коимъ каждый изъ нихъ занятъ былъ столько времени?—Тутъ, безъ сомнѣнія, срѣтаютъ душу Ангелы и души праведныхъ, если она того достойна, и тутъ же окружаютъ ее духи злобы, если она въ продолженіе жизни имѣла несчастіе слѣдовать ихъ внушеніямъ, набраться ихъ духа и настроиться по ихъ нраву и образу.

Но мы еще возвратимся къ сему предмету. Теперь посмотримъ паки вообще на смерть.

Изъ всѣхъ явленій въ жизни человѣка это самое поразительное и важное. Равносильно ему, и то не во всѣхъ отношеніяхъ, только рожденіе человѣка. Тутъ человѣкъ начинаетъ жить, и начинаетъ постепенно: юные годы проходятъ прежде, нежели онъ совершенно воче-

ловѣчится. Въ смерти, особенно въ нѣкоторыхъ смертяхъ, конецъ вдругъ: нѣтъ продолженія, нѣтъ иногда и предваренія. Если представить, какъ тѣсно соединены въ продолженіе жизни душа съ тѣломъ, такъ какъ извѣстно, что составляютъ одно нераздѣльное цѣлое; то въ чась смерти это цѣлое раздвоется совершенно и навсегда: человѣкъ изъ существа чувственного становится духомъ безплотнымъ. Тутъ посему происходитъ гораздо болѣе, нежели при рожденіи; ибо хотя младенецъ, находясь въ утробѣ матернѣй,—жилъ не такъ, какъ живемъ мы, но все же жилъ нашею чувственою жизнью и, выходя на свѣтъ, перемѣнилъ токмо образъ жизни: въ смерти—болѣе: тутъ всякий чувственныи родъ жизни оставляетъ человѣка вмѣстѣ съ тѣломъ, и онъ долженъ уже жить однимъ духомъ, на подобіе того, какъ живутъ Ангелы. Много было бы перемѣнъ съ человѣкомъ, если бы его восхитить отъ земли и представить жить на какую либо изъ звѣздъ, или на солнце: но смерть дѣлаетъ болѣе; ибо и на звѣздахъ и на солнцѣ, хотя въ другомъ видѣ, но тѣже стихіи, что и у настѣ; а смерть разобщаетъ человѣка со всѣми нашими стихіями, ставить его выше всего чувственного.

Уже одно это дѣлаетъ смерть крайне важною для человѣка, и кто имѣеть разумъ и любовь къ самому себѣ, тотъ не можетъ во всю жизнь не думать ни о чёмъ столько, какъ о своей смерти, и ни къ чemu такъ не готовиться, какъ къ ней.

(Не кончено.)

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ.

акъ ни слабо и кратко изобразили мы въ прошедшемъ*) собесѣданіи владычество смерти надъ родомъ человѣческимъ, но изъ сего краткаго изображенія можно видѣть и убѣдиться, что смерть есть ужасное зло для человѣка, въ сравненіи съ коимъ всѣ прочія бѣдствія не такъ велики и гибельны. Всѣ чувствуютъ это, посему такъ ничего не страшатся, какъ смерти. Соглашаются переносить самыя величайшія лишенія и скорби, только бы остататься въ живыхъ. Наказаніе смертю есть верхъ наказаній человѣческихъ, и опредѣляется токмо за самыя великія и нетерпимыя преступленія.

Если же смерть есть такое ужасное зло для человѣка, а между тѣмъ ей подлежать неизбѣжно всѣ и каждый: то какъ бы разуму и любомудрію человѣческому не обратить на нее вниманія. не изслѣдовать откуда это зло, нѣтъ ли средство избѣжать его или отнять у него силу. Но пересмотрите всѣ произведенія такъ называемой философіи человѣческой, вы найдете тамъ размышленія о всѣхъ предметахъ, а о смерти ни слова или весьма мало, какъ бы о такомъ предметѣ, коимъ не стоитъ много заниматься.

Что значитъ это? Развѣ мудрецъ менѣе страдаетъ отъ смерти и гроба, нежели всѣ прочіе? Нѣтъ, если кому, то ему именно

*) Просимъ читателей имѣть въ виду что *бесѣды о смерти* печатаются въ настоящемъ изданіи въ первый разъ съ рукописей, не приведенныхъ въ окончательный видъ и полный составъ самимъ проповѣдникомъ; поэтому и самыя поученія представляютъ собою какъ бы *отрывки* и размѣщаются въ приблизительномъ только порядке.

Редак.

она противна и горька, ибо не даетъ ему времени на обрѣтеніе истины, коей посвящаетъ всю свою жизнь. Откуда же это молчаніе о смерти философовъ? Отъ того, что разумъ человѣческій ничего не можетъ сказать о ней твердаго и рѣшительнаго, отъ того, что во тьмѣ гроба и могилы теряется и угасаетъ весь свѣтъ его. Для насъ, кои пользуемся откровеніемъ свыше, это молчаніе—не великая потеря: но, вообразите положеніе рода человѣческаго, когда не было откровенія, когда всѣ и каждый предоставлены были, какъ въ жизни, такъ и въ смерти, самимъ себѣ, своему уму и чувству.

Нельзя безъ глубокой жалости читать жизнь древнихъ философовъ и другихъ самыхъ лучшихъ людей древности. Что касается до жизни человѣческой, они еще могли, посредствомъ своихъ познаній, кое-какъ справляться съ нею, предписывать ей правила, указывать цѣль, услаждать горести; но при гробѣ терялся весь ихъ разумъ; они не знали, что сказать себѣ и другимъ, и вообще какъ въ мысляхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ своихъ представляли изъ себя самое жалкое зрелище.

Не таково, благодареніе Господу, наше положеніе, у коихъ въ рукахъ слово Божіе и откровеніе небесное. *(Не кончено).*

СЛОВО

О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ.

 овольно обозрѣвали мы тѣлесную область смерти со мнѣ, видѣли ея обширность и чрезвычайныя послѣдствія для человѣка его смерти; время теперь подойти ближе къ нашему одру смертному, посмотрѣть пристальнѣе въ лицѣ смерти, дабы узнать, — сколько можно, — что же такое смерть? —

Казалось бы, что болѣе надлежало знать людямъ, какъ этотъ предметъ, встрѣчая такъ часто умирающихъ и умершихъ?

Подивитесь же, братіе мои! Всѣ мудрецы и естествоиспытатели не могутъ сказать опредѣлительно, въ чемъ существо смерти, не могутъ нерѣдко сказать даже того, послѣдовала ли смерть такого-то человѣка дѣйствительно. Оттуда именно столько предосторожностей, принимаемыхъ самимъ закономъ и правительствами, противъ того, чтобы не быть сочтенъ за умершаго кто-либо такой, который еще не умеръ, и не быть бы посему погребенъ за-живо.

Отъ чего такая неизвѣстность? Отъ того, что есть состояніе человѣка, похожее на смерть и однако же не составляющее смерти. Таковы именно продолжительные и сильные обмороки. Тутъ представляются всѣ признаки смерти: не видно бываетъ не только движенія, ни теплоты жизненной, нѣтъ самаго даже легкаго дыханія; человѣкъ представляется трупомъ бездушнымъ, и это продолжается не нѣсколько часовъ, а цѣлые дни, иногда даютъ себя ощущать при семъ даже признаки тлѣнія, — что особенно почитается за рѣшительное доказательство смерти; — и однако же человѣкъ, почитаемый за умершаго, не умеръ, а живъ, можетъ

возвратиться еще къ жизни и здравію и продолжать бытіе свое на землѣ не на краткое время.

Такова заквѣса, простертая рукою самого Промысла Божія надъ концемъ жизни человѣческой! —

Кто можетъ приподнять ее отчасти? — Всего бы ближе ожидать сего отъ тѣхъ, кои прошли уже вратами смерти, отъ толикаго числа усопшихъ братій нашихъ. Но, доколѣ они были еще предъ сими вратами, дотолѣ, безъ сомнѣнія, сами не знали, что ихъ срѣтитъ тамъ, а когда прошли ихъ, и сіи врата затворились за ними, для нихъ нѣтъ возможности оглянуться назадъ и сказать намъ, что было съ ними, когда они проходили ихъ.

Еще болѣе можно бы ожидать разъясненія для настѣ великой тайны смерти отъ тѣхъ, коимъ дано было, оставивъ эту жизнь, перейти обѣ онъ-полъ бытія земнаго, и потомъ возвратиться назадъ къ намъ, въ этотъ міръ, то есть отъ людей, воскрешенныхъ изъ мертвыхъ. Не много таковыхъ было во всей исторіи человѣчества; и однако же были таковые, именно тѣ, кои, напримѣръ, воскрешены были изъ мертвыхъ Спасителемъ нашимъ, какъ напримѣръ праведный Лазарь. Безъ сомнѣнія, современники таковыхъ людей, по самому любопытству, не преминули узнать отъ нихъ, что происходит съ человѣкомъ во время его смерти. Но если и узнали что либо, то, такъ устроившу Промыслу Божію, до настѣничто почти не дошло изъ этихъ свѣдѣній! А всего вѣроятнѣе, — такъ мнится мнѣ, — что эти воскрешенные никому не раскрывали тайну смерти, хотя и извѣдали ее на самихъ себѣ. Почему не раскрывали? Потому, что имъ не дано было раскрыть ее; или даже и потому, что не могли сдѣлать сего. Ибо для предметовъ высшихъ и сверхъестественныхъ на земномъ языкѣ нашемъ нѣтъ даже словъ къ изъясненію. Въ томъ и другомъ смыслѣ — свидѣтель намъ апостоль Павелъ, который былъ восхищенъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, до третьяго небесе, видѣль и слышалъ тамъ множество вещей и глаголовъ: но какихъ? — о нихъ же, какъ самъ выражается, *нелѣть есть глаголати человѣку*. Изъ послѣдней священной исторіи христіанства мы имѣемъ не болѣе, впрочемъ, двухъ-трехъ сказаній людей, возвратившихся къ намъ изъ области смерти: но сіи сказанія касаются болѣе того, что умершіе видѣли и встрѣчали за предѣлами гроба, въ другой жизни, а не то, что испытали они въ минуту самой смерти; посему и не представляютъ прямаго отвѣта на вопросъ нашъ: что такое смерть. —

Что же послѣ сего сказать намъ о ней? — Скажемъ первѣе всего то, что смерть есть тайна, и тайна великая и неисповѣдимая! Такъ угодно было самому Промыслу Божію, и безъ сомнѣнія, по причинамъ, самымъ достаточнымъ, для цѣлей, самыхъ благотворныхъ.

Въ чемъ состоятъ эти причины? По всей вѣроятности, въ томъ, что таковъ самый именно предметъ. Чтобы пояснить намъ смерть, для сего требовалось разъяснить отношенія двухъ міровъ — нашего чувственного и духовнаго, времени и вѣчности: достало ли бы у насть даже понятій и словъ на это? — Не даромъ, когда наше человѣческое любомудріе подходитъ къ этому предмету; то, при всей охотѣ своей къ многословію, невольно нѣмѣеть и не знаетъ что сказать. Ужели Откровенію надлежало изобрѣтать для сего новый особенный языкъ и учить насть оному? —

И для чего бы это оно сдѣлало, хотя бы то и было для него возможно? — Разъясненіе тайны смерти скорѣе бы послужило намъ во вредъ, нежели въ пользу: удовлетворивъ одному любопытству, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ тѣмъ лишило бы смерть благотворнаго дѣйствія на нашу нравственность. Тогда бы мы приближались къ смерти, какъ къ какому либо темному проходу сквозь горы и лѣса, коихъ мы знаемъ входы и исходы: величественный и священный мракъ смерти потерялъ бы для насть свой спасительный страхъ и величіе.

Но, какъ же, мыслить кто либо, и оставить насть было въ совершенномъ невѣдѣніи о такомъ предметѣ, каковъ конецъ нашей жизни? —

Благодареніе Богу, мы и не оставлены въ семъ невѣдѣніш. Слово Божіе сказало намъ все, что нужно для насть знать касательно сего предмета, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ собесѣданіи нашемъ.

Теперь же извлечемъ изъ самой таинственности нашей смерти урокъ, для насть полезный. Намъ предстоитъ такое великое и таинственное событие, какова смерть: сколь же неразумны тѣ изъ насть, кои живутъ вовсе не помышляя о томъ, что ожидаетъ ихъ на концѣ жизни! Этотъ всеобщій упрекъ я обратилъ бы особенно къ тѣмъ изъ насть, кои во всѣхъ занятіяхъ своихъ являются особенно любознашемъ и любопытствомъ, каковы особенно люди, посвятившіе себя наукамъ. Кто бы ты ни былъ, возлюбленный братъ, изъ таковыхъ, вотъ тебѣ предметъ для размышленія: собственная смерть твоя! — Аминь.

СЛОВО

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СМЕРТИ.

 Откуда смерть въ людяхъ? Вопросъ чрезвычайно важный не только по предмету своему, какова смерть, но и по своимъ послѣдствіямъ въ отношеніи ко всей нашей жизни. Ибо, если я, умираю потому, что такова именно была всегда и есть природа человѣческая, то мнѣ, оставивъ дальнѣйшую заботу о состояніи по смерти, остается токмо покориться необходимости и заплатить дань природѣ. А если, напротивъ, смерть не есть слѣдствіе непреложного устройства моей природы, а дѣйствіе какой либо особенной причины, испортившей мою природу; то мнѣ нельзя не подумать прилежно о томъ, нѣть ли средства, если не уклониться отъ смерти, то по крайней мѣрѣ переиначить ея свойство для меня, защитить себя отъ ея разрушительныхъ послѣдствій, обезвредить себя, такъ сказать, отъ ея ядовитой силы.

Имѣя въ виду это, спросимъ еще: откуда смерть въ людяхъ?

Два противоположные отвѣта имѣемъ мы подъ руками на сей важный, какъ мы видѣли, вопросъ.

Въ одномъ отвѣтѣ утверждается, что смерть есть слѣдствіе самой природы нашей, именно бренности нашего тѣлеснаго состава. Въ другомъ отвѣтѣ утверждается, что смерть не есть принадлежность нашей природы, а какъ зло случайное, вторгшееся въ природу нашу чрезъ грѣхъ и преступленіе закона Божія.

Кто утверждаетъ первое, то есть, что смерть намъ естественна и неизбѣжна по самой нашей природѣ?

Такъ утверждали весь міръ языческій со всѣми его мудрецами и философами, до явленія въ міръ христіанства. Такъ, сверхъ ожиданія, утверждали и утверждаются иѣкоторые и изъ

самыхъ христіанъ. Это, сами не думая о томъ, нѣкоторымъ образомъ подтверждаемъ мы сами, когда, желая сказать, что такой-то умеръ, говоримъ вмѣсто того, что такой-то заплатилъ долгъ или дань природѣ — выражение языческое, перешедшее, къ сожалѣнію, и въ христіанство.

Кто учитъ, что смерть не есть дань природѣ, а грѣху, что она въ нашу бессмертную природу вторглась случайно — посредствомъ отпаденія нашего отъ Источника жизни — Бога, чрезъ нарушеніе Его животворной заповѣди?

Этому постоянно учить слово Божіе; это внушиали всѣ Пророки и всѣ Апостолы; это самое провозвѣщалъ Спаситель нашъ, и за Нимъ тоже всегда принималось и нынѣ пріемлется Церковью Христовою.

Вопрошать, какое изъ сихъ двухъ учений истинное, значило бы оскорблять достоинство христіанской вѣры и чувство каждого истиннаго христіанина.

Но, поелику, какъ мы видѣли, были и есть въ самомъ христіанствѣ люди, кои, послѣдуя язычникамъ, думаютъ, что смерть есть слѣдствіе самой природы нашей, поелику св. Церковь въ день Православія находитъ нужнымъ торжественно поражать отлученіемъ сіе заблужденіе: то мы сдѣлаемъ, не чуждое нашей обязанности, дѣло, если, въ огражденіе слабости, покажемъ неизвѣстность сего заблужденія.

На чёмъ стоитъ оно и на что опирается?

На то, что смерть есть явленіе всеобщее и всегдашнее: такъ было отъ вѣка, что природа наша, то есть, составъ тѣлесный такъ брененъ и ломокъ, что по времени непремѣнно ветшаетъ, и трудно представить, какъ бы съ этимъ нынѣшнимъ тѣломъ мы могли жить вѣчно.

Все это совершенная правда; но кто же и утверждаетъ, что намъ принадлежало бессмертіе съ этимъ — смертнымъ тѣломъ? — Слово Божіе, приписывающее нашей природѣ бессмертіе, яснѣе всѣхъ мудрецовъ видитъ бренность нынѣшняго нашего тѣла и неспособность его къ тому; почему и называется прямо тѣломъ смерти. Если потому усвояется въ немъ бессмертіе, то не нынѣшней нашей, падшей и грѣховной, природѣ, а первобытной, какою она, вышедъ изъ рукъ творческихъ, была въ состояніи невинности. Тогда было совсѣмъ другое не только съ нашею душою и тѣломъ, но и со всѣми вещами въ мірѣ.

Намъ трудно представить это первобытное состояніе нашего бессмертія, потому что мы не видали его и не видимъ теперь

ничего подобного ни въ себѣ, ни въ другихъ. Но это — не причина отвергать его существованіе, когда есть крайне важныя причины предполагать и допустить его.

Какія это причины?

Во первыхъ, голосъ самой природы нашей, которая, среди великихъ несчастий, отвращается отъ смерти, какъ отъ совершенно ей противнаго.

Кто бы ты ни былъ и какъ бы ни затмѣвали въ твоемъ умѣ ложныя мнѣнія и мудрствованія здравое понятіе о вещахъ, — стань у гроба напр., юноши, который вчера еще былъ полонъ жизнью и крѣпостію, а теперь лежитъ предъ тобою бездыханенъ и обезображенъ смертію. Посмотри въ лицѣ умершаго и скажи, можешь ли ты утверждать, не запинаясь, чтобы это ужасное явленіе было дѣломъ природы? Дѣло природы? Отъ чего же прі семъ содрогается вся собственная твоя природа: сжимается сердце, щѣпнѣвъ чувство, мятется умъ, не знаютъ что сказать уста? Если это природа, то я не знаю, какъ назвать ее, въ какомъ враждебномъ отношеніи представить къ бѣдному роду человѣческому, чѣмъ изъяснить ея свирѣпость надъ нами? Въ такомъ случаѣ одно изъясненіе: принять, что надъ міромъ, въ томъ числѣ и надъ людьми, господствуетъ какое либо темное и злое начало, которое увеселяется разрушениемъ, услаждается слезами и мученіемъ своихъ тварей.

А въ мірѣ, а надъ нами, какъ показываетъ все другое, — владычествуетъ Промыслъ Божій. Ты самъ признаешь это. Если признаешь воистину и имѣешь правильное понятіе о Богѣ и Его совершенствахъ, то суди самъ: могла ли смерть произойти отъ Бога и быть дѣломъ рукъ Его? — Это все равно, какъ если бы свѣтъ произвелъ изъ себя тьму, сладость источила горечь. И почему бы такъ было? Развѣ у Всемогущаго могло не доставать средствъ, чтобы, создавъ человѣка, не отдавать его въ жертву смерти? — И для чего бы такъ было? — Кто отдается на смерть по суду человѣческому? Самые тяжкие преступники. Гдѣ же было бы правосудие Божественное, если бы смерть была удѣломъ человѣка невиннаго, каковымъ онъ вышелъ изъ рукъ творческихъ?

И пусть бы смерть не сопровождалась по крайней мѣрѣ страданіями! Но посмотрите на большую часть умирающихъ: это ли дѣло природы и рукъ Божиихъ? — Нѣтъ, или смерть не естественна человѣку, и есть, какъ учить св. Писаніе, существо не природы и Творца, а плодъ поврежденія и грѣха, — или Творецъ не благъ и не правосуденъ.

Посему тѣ, кои легкомысленно думаютъ, что смерть есть ни что иное, какъ дань природѣ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ уже иначе думать о Богѣ и Его совершенствахъ, или, точнѣе сказать, отвергать большую часть сихъ совершенствъ, какъ, къ сожалѣнію, и бываетъ со многими изъ нихъ. Мы же возьмемъ изъ сего нашего собесѣданія тотъ урокъ, чтобы не употреблять легкомысленно языческаго выраженія о смерти, что она есть дань природѣ; нѣтъ, эта дань не природѣ, а грѣху, или, пожалуй, и природѣ, но не первобытной, чистой и невинной,—какою вышла она изъ рукъ Божиихъ,—а природѣ падшей, какою сдѣлала ее грѣхъ и дьяволъ, какъ увидимъ въ слѣдующемъ нашемъ собесѣданіи. Аминь.

СЛОВО

О ПРОИЗХОЖДЕНИИ СМЕРТИ.

ъ прошедшемъ собесѣданіи пашемъ мы видѣли, даже при слабомъ мерцаніи слабаго ума человѣческаго, что смерть не есть и не можетъ быть принадлежностю самой природы нашей и произведеніемъ нашего Творца, и что думать такимъ образомъ, какъ, къ сожалѣнію, думаютъ нѣкоторые, значило бы оскорблять величие Божіе, и особенно Его несомнѣнную, бесконечную благость, даже Его правосудіе. Послѣ сего представляется неизбѣжный вопросъ: откуда же смерть, и какъ она вошла къ намъ въ природу нашу и во весь родъ человѣческій?—

Собственная природа наша не даетъ на это отвѣта; не отвѣчаютъ и лѣтописи, ни самыя преданія рода человѣческаго.

Но даетъ отвѣтъ Откровеніе Божественное, такой отвѣтъ, который невольно принимаетъ здравый разумъ человѣческій, незаряженный мудрованіемъ и предразсудками.

Изложимъ сей отвѣтъ во всей простотѣ, какъ подобаетъ важности подобнаго предмета.

Смерти не было и не могло быть во вселенной, какъ произведеніи Существа всесовершенного, въ царствѣ Божіемъ. Она есть произведеніе не Творца, а самыхъ тварей, слѣдствіе злоупотребленія ихъ свободы и дѣятельности. Тутъ весьма понятно для каждого, что существа разумносвободныя могли употребить и произволъ, и волю, и силы свои, какъ восхотѣли—на добро или на зло: могли устремиться по пути правды и жизни вѣчной, или, устремившись по противоположному пути зла и неправды, пойти вопреки законовъ своего Творца, отдѣлиться отъ Него, единственнаго Источника жизни и благобытія, и въ семъ отдаленіи

отъ Него и противоположности Ему, необходимо срѣтиться съ падениемъ, превращенiemъ своихъ силъ, истощенiemъ и наконецъ смертию.

Гдѣ и какъ произошло это ужасное разлученіе существъ разумно-свободныхъ съ Источникомъ жизни и бессмертія,—съ Богомъ?—

Слово Божіе сказываетъ намъ, — и кто бы могъ сказать это намъ безъ него? — что такое ужасное превращеніе послѣдовало не на землѣ, а на небѣ; послѣдовало, по всей вѣроятности, еще до сотворенія земли нашей и рода человѣческаго.

Первый мертвецъ былъ не на земли, въ Эдемѣ, какъ мы обыкновенно представляемъ, а на небѣ, у самаго престола Божія, и былъ не человѣкъ, а Ангель, даже сдавали не первый изъ Архангеловъ. Онъ былъ ближайшимъ зрителемъ совершенствъ Божіихъ, первымъ приемникомъ свѣта несозданнаго, и слѣдовательно блаженнѣйшимъ изъ существъ сотворенныхъ.

Что могло недоставать къ совершенству его, къ упроченію за нимъ сего совершенства на всю вѣчность, кромѣ благодарнаго повиновенія и любви къ своему преблагому Создателю?— Но сего-то именно и недостало! Какъ и почему недостало? Это тайна, для насъ неизслѣдимая! Но сей свѣтоносный Архангель не устоялъ въ своемъ чинѣ, не удовлетворился своимъ достоинствомъ и блаженствомъ, возсталъ противъ своего Творца и Благодѣтеля, возмнилъ безумно, что не только можетъ обойтись безъ Его благоволенія, но и открыто вступить съ Нимъ въ борьбу.

Произошла брань — твари съ Творцемъ: Архангель съ клеветами своими (ибо безуміе его раздѣлило съ нимъ и другіе Ангелы) не устоялъ противъ Всемогущаго; и съ неба низринутъ въ преисподнюю!...

Вотъ первый мертвецъ и первое кладбище въ мірѣ! — Не имѣя, какъ духи, нашего тѣла, возмутившіеся Ангелы не могли имѣть нашей смерти; но вмѣстѣ съ возмущеніемъ своимъ, съ отлученіемъ чрезъ грѣхъ отъ Бога, они тотчасъ потеряли жизнь и блаженство, соудѣлились мертвыми для жизни въ Богѣ, потеряли силу и блаженство. Какъ духи нетлѣнныя, они не могли потерять вовсе бытія, не могли разрѣшиться на части и искатьъ какъ тѣеть наше тѣло: но подверглись стократъ большей смерти—вѣчному и невозвратному отлученію отъ Бога —единственнаго Источника всякой истинной жизни.

Можете представить, какой ужасный беспорядокъ долженъ былъ произойти во всемъ сотворенномъ мірѣ отъ этого ужаснаго превращенія безплотныхъ духовъ, отъ этой смерти Архангеловъ.

и Ангеловъ!... Тутъ можно было ожидать разрушенія всей вселенной!... Можно было ожидать, что само творчество Божественное откажется болѣе творить и производить новые роды существъ разумно-свободныхъ.

Но здѣсь-то и открылась преизбыточествующая бездна премудрости и силы Божией. Явился новый міръ—нашъ, и среди его человѣкъ.... Онъ также, какъ увидимъ, не устоитъ въ данномъ ему совершенствѣ, подвергнется въ свою чреду смерти, но какъ бы именно для того, чтобы на немъ открылось, что для всемогущества и благости Божией нѣтъ предѣловъ, какъ мечталъ безумно первый падшій Архангель. — Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, КАКЪ ПРОИЗОШЛА СМЕРТЬ ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

ы видѣли, какъ смерть открылась въ первый разъ въ мірѣ, открылась вопреки намѣренію и волѣ Творца; видѣли, какъ произвѣлъ ее въ себѣ падшій Архангель и сообщилъ другимъ Ангеламъ. Теперь прибавимъ только одно, что эта первая смерть въ мірѣ ангельскомъ была самая ужасная; ибо она тотчасъ сдѣлалась смертію и вѣчною, отъ коей нѣтъ воскресенія.

Какъ ни ужасна была эта смерть, на насть она не имѣла никакого вліянія, ибо насть, рода человѣческаго, даже нашей земли и неба, тогда, по всей вѣроятности, еще не существовало.

Между тѣмъ, для показанія безпредѣльности своего могущества и благости, Творцу благоугодно было произвести нашъ міръ видимый, чувственныи и тѣлесный. Во главу его произведено и поставлено такое существо, которое совокупляло въ себѣ и духъ и тѣло. То былъ первый человѣкъ, наши прародители. По лушъ своей и по внутренности своего существа это были ангелы; но сіи ангелы облечены были тѣлесностію, и въ семъ отношеніи походили на прочія тѣлесныя существа нашей земли.

Тѣло ихъ своимъ видомъ, частями, дѣйствіями, безъ сомнѣнія, походило на наше тѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло великое число совершенствъ, коихъ нѣтъ въ нынѣшнемъ нашемъ тѣлѣ. А главное—оно было бессмертно, не въ томъ смыслѣ, чтобы не могло умереть, какъ напр. душа, а въ томъ, что заключало въ себѣ возможность и способность не умирать, жить вѣчно, чего нѣтъ уже въ нынѣшнемъ нашемъ тѣлѣ.

Таковая драгоценная способность зависѣла отъ разныхъ при-

чинъ, а первѣе всего отъ того, что невинный человѣкъ былъ образъ Божій, былъ пріискренно соединенъ съ своимъ первообразомъ. Вѣчнай жизнь изъ существа Божія прямо струилась въ существо человѣка, наполня душу его, а чрезъ нее и самое тѣло мощью и нетлѣніемъ. Вмѣстѣ съ симъ, или точнѣе сказать, по тому самому, тѣлесная природа первыхъ человѣковъ была превыше нынѣшняго господства надъ нею стихій, по коему дѣйствуютъ на нее столько началъ разрушительныхъ. Въ природѣ, окружавшей человѣка, ничто не вредило его здравію и силамъ, а напротивъ все стремилось къ поддержанію его, еслибы въ томъ была нужда. Я говорю: еслибы; ибо тѣлесность человѣка чистая, проникнутая силою Богоподобія душевнаго, вмѣсто того, чтобы имѣть нужду въ поддержаніи своей силы, могла сама быть источникомъ подкрѣпленія и оживленія для окружающихъ ее тварей, низшихъ ея.

По всему этому первый человѣкъ, не смотря на то, что въ составѣ существа его входило тѣло чувственное, обладалъ способностію не умирать, а жить вѣчно.

Но онъ могъ и умереть. Путь къ этому несчастію былъ одинъ—отдѣленіе отъ Бога, Источника жизни, причемъ неминуемо человѣкъ предоставляемъ самому себѣ, и не имѣя въ самомъ себѣ источника живота, долженствовалъ подвергнуться безсилію и разрушенню всего того, что въ немъ было разрушимаго, то есть, всей его тѣлесности. А къ разлученію съ Богомъ путь для человѣка также былъ одинъ—уклоненіе отъ воли Божіей, грѣхъ.

Для того, чтобы не впасть въ грѣхъ и противленіе волѣ Божіей, и чрезъ то не потерять бессмертія, человѣкъ снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ до полноты и избытка.

Но въ немъ была свобода, даръ высокій, необходимый для существа разумно-нравственнаго, но вмѣстѣ и крайне опасный; ибо по силѣ этой свободы и человѣкъ, какъ прежде Архангель на небѣ, могъ изъ себя сдѣлать что угодно, могъ остаться въ соединеніи съ Источникомъ жизни — Творцемъ своимъ, могъ и удалиться отъ Него, къ величайшему своему вреду и пагубѣ.

Чтобы помочь человѣку скорѣе обнаружить свою свободу и волю и чрезъ употребленіе ихъ на доброе утвердиться въ лобрѣ, отеческій Промыслъ Божій далъ человѣку въ испытаніе положительную заповѣдь о невкушеніи отъ плодовъ одного изъ древъ райскихъ. Симъ всѣ случай къ паденію сводились въ одинъ случай, всѣ возможныя искушенія невиннаго человѣка на зло

(которыя, какъ увидимъ сейчасъ, предстояли ему) сокращались въ одно, самое невеликое искушеніе, которое преодолѣть было весьма не трудно.

Чтобы еще болѣе оградить человѣка отъ злоупотребленія своею свободою и отъ всѣхъ противныхъ внушеній, всеблагій Творецъ указалъ даже на пагубныя послѣдствія нарушенія заповѣди, данной человѣку, и объявилъ прямо, что непосредственнымъ слѣдствіемъ того будетъ смерть. *Въ отъже аще день сиѣстѣ отъ него (отъ плодовъ запрещеннаго дерева), смертію умрете* (Быт. 2, 17), то есть, по силѣ сего выраженія на священномъ языкѣ, умрете неминуемо, ужасно, подвергнетесь бѣдствію величайшему.

Такимъ образомъ мы всевозможнo ограждены были со всѣхъ сторонъ отъ опасности. Поелику намъ необходимо было показать свою свободу, рѣшилъ самимъ, яко существамъ разумнымъ, свою участъ, избрать, такъ сказать, себѣ образъ бытія или въ соединеніи съ Богомъ, по намѣренію и плану, или по своему мудрованію и прихоти, то для насъ нарочно изобрѣтенъ къ тому самый простой и легкій случай. Но вмѣстѣ съ тѣмъ взяты всѣ мѣры, чтобы этотъ роковый опытъ быль съ нашей стороны удаченъ и счастливъ.

Вообразимъ теперь положеніе нашихъ прародителей въ Эдемѣ, даже поставимъ себя тамъ вмѣстѣ съ ними—мысленно: вотъ предъ нами дерево запрещенное съ его плодами, а надъ нимъ заповѣдь Божія съ угрозою смерти.

Не должно ли сказать о семъ положеніи того, что Пророкъ говорилъ потомъ отъ лица Божія народу Израильскому: *се дахъ предъ лицемъ твоимъ жизнъ и смерть* (Второз. 30, 19; см. стихи 15—18), избирая, то есть, самъ любое!

Дѣйствительно, въ Эдемѣ была предъ лицемъ нашимъ не токмо жизнь, ибо мы ею пользовались, а самое бессмертіе и смерть.

Кто бы могъ ожидать, что мы будемъ такъ не разумны, такъ, можно сказать, враждебно иенавистны къ самимъ себѣ, что отвергнемъ и бессмертіе и жизнь, а изберемъ произвольно—смерть?—

Но такъ именно случилось, какъ увидимъ въ слѣдующемъ собесѣданіи *).

*) Между рукописями покойнаго преосвященнаго не оказалось обѣщаннаго зѣть собесѣданія.

Теперь же еще скажемъ нѣсколько словъ въ поясненіе нашего элемскаго бессмертія.

Нѣкоторыхъ, какъ мы замѣтили прежде, смущаетъ недоумѣніе, какъ бы тѣло человѣческое могло быть не смертнымъ?—А почему бы, спросимъ, оно—безъ грѣха—могло быть смертнымъ? Откуда бы возникла въ немъ смерть? Отъ Бога? Но Онъ наполнилъ всего человѣка даже своею жизнью, которая съ усовершенствованіемъ человѣка проникала бы его до обоженія, какъ въ тѣлесной природѣ Спасителя нашего. Изъ міра внѣшняго? Но въ немъ не было нынѣшней смерти и тленія. Изъ самаго человѣка? Но въ немъ, доколѣ онъ не палъ въ грѣхъ, была единая жизнь. Если солнце и луна доселѣ живы, то почему бы не быть живу человѣку. —

Всѣ недоумѣнія отъ того, что мы составляемъ въ семъ случаѣ свои сужденія, по тѣлу нашему настоящему: но это тѣло не первобытное. Судимъ такъ стократъ неправильнѣе, какъ если бы кто судилъ о драгоценной царской порfirѣ, когда она обратилась въ руbiще.

Вспомнимъ при семъ слова ап. Павла: есть тѣло душевное и есть тѣло духовное (1 Кор. 15, 44). Первобытное тѣло должно быть близко къ послѣднему, если еще и не было духовнымъ, а въ духовномъ нечemu тлѣть и разлагаться на части.

Неужели человѣку, подумаетъ еще кто либо, не предстояло никакого измѣненія, неужели онъ долженъ быть оставаться на землѣ вѣчно? Такимъ образомъ совершенно не достало бы на землѣ места для обитанія рода человѣческаго.

Можетъ быть, и предстояла нѣкая перемѣна бытія, нѣкій восходъ въ горняя: но развѣ путь къ этому одна нынѣшняя смерть? Посмотрите на Еноха и Иллю, безъ смерти взимаемыхъ изъ нашего міра! Посмотрите на возлюбленнаго Спасителя нашего, возносящагося съ Елеона на небо!—Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ГРѢХЪ ПОРОДИЛЪ СМЕРТЬ.

Мы видѣли, что смерть есть наказаніе за грѣхъ, что она произошла не изъ устройства природы нашей, а изъ плода запрещеннаго, или, что тоже, изъ нарушенія заповѣди Божией. Но здѣсь тотчасъ срѣтаетъ наскъ новый и важный вопросъ: какимъ образомъ грѣхъ породилъ смерть: самъ ли изъ себя, какъ изъ ядовитаго сѣмени выходитъ ядовитое дерево, или заставивъ правосудіе Божіе навести на насъ смерть со внѣ? Ибо наказанія вообще бывають двоякаго рода: одинъ проистекаютъ изъ существа самыхъ преступленій и слѣдуютъ за ними, какъ тѣнь за вещью; другія налагаются извнѣ, правосудіемъ Божескимъ или человѣческимъ. Такъ напр. мученія совѣсти естественно слѣдуютъ за всѣми грѣхами, равно какъ и нѣкоторыя болѣзни прямо проистекаютъ изъ нѣкоторыхъ пороковъ. Это наказанія за грѣхъ, такъ называемыя, естественные. Но бываютъ наказанія за грѣхъ совнѣ, какъ напр. потопъ: его навела за грѣхъ на весь родъ человѣческій всемогущая сила Божія.

Какимъ же образомъ, повторяемъ, грѣхъ родилъ смерть—самъ изъ себя, или заставивъ правосудіе Божіе навести на человѣка смерть совнѣ?

Нисколько не сомнѣваемся, братіе мои, утверждать предъ вами первое и сказать, что и въ семъ отношеніи, Богъ, какъ говоритъ писаніе, *смерти не сотвори*, а она вышла сама собою изъ грѣха. Ибо мы не видимъ изъ священной исторіи, что по паденіи человѣка слѣдано было какое либо особенное распоряженіе къ тому, чтобы онъ былъ пораженъ смертю. Напротивъ,

все дѣйствіе Правосудія Божія состояло только въ томъ, что онъ былъ предоставленъ самому себѣ, или точнѣе сказать разрушительной силѣ грѣха, въ него воцарившагося. Правда, Моисей сказываетъ, что прародитель нашъ былъ удаленъ изъ рая именно потому, дабы не вкусили онъ плода дерева жизни и не остался живъ во вѣкъ, но это было только лишеніе ихъ чрезвычайного средства къ поддержанію въ себѣ нескончаемой жизни, а не прямая причина ихъ смертности. Причина сія скрывалась въ нихъ самихъ—въ грѣхѣ, ихъ заразившемъ собою. Такъ какъ бы кто лишился болѣнаго лекарства, могущаго предовратить на время смерть, то нельзя было бы сказать, что смерть произошла отъ недостатка лекарствъ. Она произошла отъ болѣзни, а лекарства могли бы только замедлить ее.

(*Не кончено*).

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО СУДИЛЪ ИСУСЪ ХРИСТОСЪ О СМЕРТИ.

если съ чѣмъ, то съ смертю, по видимому, никогда не было никакой перемѣны: она всегда одна и также.

Какъ умеръ первый человѣкъ, такъ умретъ и послѣдній.

Между тѣмъ съ смертю произошла перемѣна великая, такъ что она теперь совсѣмъ не то, чѣмъ быть долженствовала и чѣмъ была бы, если бы не пришелъ Тотъ, Кто смертю своею, какъ воспѣваетъ Церковь, попралъ смерть.

Въ чёмъ же перемѣнилась смерть? Въ томъ, что она есть теперь разлученіе души отъ тѣла не вѣчное, а временное; въ томъ, что всѣ умершіе по прошествіи извѣстнаго времени должны выйти нѣкогда изъ гробовъ и паки облечься тѣломъ уже бессмертнымъ; въ томъ, что сама смерть нѣкогда упразднится.

Перемѣна, какъ сами видите, великая. Ея не было бы, если бы смерть осталась такою, какова она по своей природѣ. Тогда человѣкъ остался бы таковыимъ вѣчно: тогда тѣло, разлучившись отъ души, никогда уже не соединилось бы съ нею.

Кто же произвелъ эту *великую* перемѣну съ смертю? Божественный Испкупитель нашъ Иисусъ Христосъ. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что самъ претерпѣлъ за насть смерть. *Смертю смерть поправъ*, воспѣваетъ св. Церковь.

Какимъ образомъ смерть Христова перемѣнила нашу смерть?
(Не окончено).

СЛОВО ОБ УЧАСТИ СМЕРТИ.

 оселъ мы обозрѣвали область смерти въ ея прошедшемъ и настоящемъ: посмотримъ теперь на нее въ ея будущемъ, ибо и это можемъ мы сдѣлать съ сего священнаго мѣста. Разумъ человѣческій ничего не можетъ сказать объ участіи самой смерти; а слово Божіе можетъ, и говорить.

Что говорить? Внемлите, въ назиданіе и утѣшеніе ваше.

Владычество смерти, хотя уже и побѣжденної и связанной и предназначенной къ уничтоженію, должно продолжаться до конца міра надъ родомъ человѣческимъ, для его же, какъ мы видѣли, блага и вразумленія. Посему, безразсуденъ быль бы изъ людей тотъ, кто покушался бы какимъ бы то ни было образомъ избѣжать смерти на землѣ: это не возможно! Всѣ и каждый должны пройти путемъ гроба и тлѣнія въ персти земной. Можемъ только и должны всѣ достичь кончины мирной, непостыдной и даже безболѣзненной, какъ о томъ молитъ за насъ ежедневно сама св. Церковь.

Но предъ концемъ міра со смертію произойдетъ, по свидѣтельству слова Божія, великая и необыкновенная перемѣна, состоящая въ томъ, что тѣ, коихъ кончина міра застанетъ въ живыхъ (а таковыхъ должно быть великое множество), уже не умрутъ, подобно всѣмъ прежнимъ людямъ, а вместо смерти претерпятъ иное особенного рода измѣненіе, которое должно произвести надъ ними тоже, что производила надъ другими смерть, только другимъ образомъ; то есть вслѣдствіе сего чудеснаго измѣненія, имѣющаго, по увѣренію св. Павла, совершившись *въ мгновеніи ока*, самымъ кратчайшимъ образомъ, — все смертное

въ нихъ будетъ пожерто животомъ, и они явятся вмѣстѣ со всѣми воскресшими изъ мертвыхъ въ новомъ тѣлѣ, неподлежащемъ уже тѣлѣнію, но бессмертномъ и вѣчномъ. *Вси бо, пишетъ Апостолъ, не успѣхъ, то есть, не умремъ, всиже измѣнимся* (предъ концемъ міра): *вскорѣ во мгновеніи ока* (1 Кор. 15, 51—55).

Таковое чудесное измѣненіе и преложеніе временной жизни на вѣчную безъ настоящаго нашего умирания и разрѣшенія души отъ тѣла, очевидно, будетъ не естественнымъ дѣйствіемъ силъ природы, а слѣдствіемъ всемогущаго гласа Божія, хотя и силы природы, предъ концемъ міра, должны прийти въ особенное движение и могутъ производить посему явленія необыкновенныя.

Послѣ воскресенія мертвыхъ, послѣ обновленія всего міра, послѣ суда послѣдняго и рѣшенія на немъ участіи всѣхъ и всего на всю вѣчность, для смерти нынѣшней, очевидно, не останется никакого мѣста; почему и сказано въ откровеніи Іоанновомъ, что *смерти не будетъ къ тому, и въ другомъ мѣстѣ: смерть и адъ будутъ ввержены въ езеро огненное* (Апок. 20, 14. 21, 4).

Такимъ бы образомъ должно было совершенно окончиться ужасное владычество смерти, и исчезнуть самые послѣдніе слѣды ея. Но, увы, она не исчезнетъ совершенно и тогда! Останется, увы, останется навсегда одинъ видъ ея, видъ новый, который обнаружитъ себя именно тогда, какъ настоящая смерть прекратится. Священное писаніе называетъ это смертію второю. Въ чемъ будетъ состоять она? Въ томъ, что нѣкоторые изъ воскресшихъ людей окажутся неимущими въ себѣ жизни Божіей, духа Христова, ни даже начатка того и другаго, окажутся вслѣдствіе грѣховъ и совершенной нераскаянности въ нихъ всецѣло проникнутыми духомъ злобы адской, вообразившими въ себѣ образъ врага Божія, діавола. Надъ таковыми-то несчастными возгospодствуетъ смерть вторая, и они, подобно праведнымъ, будутъ облечены въ тѣла нетлѣнныя, и на нихъ прежняя нынѣшняя смерть не будетъ имѣть никакого дѣйствія; но, не имѣя способности къ жизни въ Богѣ, ко пребыванію въ обителяхъ Отца небеснаго, они будутъ удалены въ адъ, къ духамъ отверженнымъ на всю вѣчность. Такое бессмертіе будетъ стократъ хуже смерти: ибо вѣчность ихъ будетъ самая злополучная.

Очевидно, кто виновенъ будетъ въ этой ужасной второй смер-

ти: сами грѣшники. Освободиться отъ нея уже не будетъ возможности. Ибо тогда все кончено, и нѣтъ возврата.

Сеѧ-то смерти должно бояться паче всего, а не нашей тѣлесной, за коей должно слѣдоватъ воскресеніе. Аминь.

МЫСЛИ

О Б У З Г Д О Р Т | И*).

I.

1. Если человѣкъ не бессмертенъ, то на театрѣ міра нѣтъ постояннаго зрителя. Кто же оцѣнить достоинство того, что на немъ происходит? Надобно кому нибудь быть на землѣ бессмертнымъ.

2. Истина бессмертія не противорѣчитъ ни одной истинѣ: многія, напротивъ, связаны съ нею неразрывно, стоять и падаютъ вмѣстѣ съ нею. Весь порядокъ нравственныи таковъ именно: нѣтъ бессмертія, нѣтъ и его.

3. Можетъ ли быть человѣкъ честенъ и добръ, безъ бессмертія?—Можетъ-по причинѣ доброты природной, привычки, недостатковъ искушенія сильного и проч. Но обязанъ ли быть?—Очевидно, нѣтъ. Ибо, чтобы быть добрымъ положительно, въ нашемъ мірѣ надобно жертвовать многимъ, иногда даже жизнью. Что же можетъ наградить его за жизнь, если нѣтъ бессмертія? — Тогда законъ самосохраненія есть высшій изъ всѣхъ законовъ.

4. Коль скоро есть Богъ, то трудно не быть бессмертію души. Посему-то отвергающіе послѣднее отвергаютъ и первое.

* Изъ этихъ отрывочныхъ, иногда недоказанныхъ мыслей современемъ составился бы рядъ поучительныхъ словъ о бессмертіи. Замѣтно уже и начало этого дѣла. Въ одномъ мѣстѣ, между предлагаемыми здѣсь мыслями, при вопросѣ «отъ чего именно усиливается въ человѣкѣ арагоцѣнное чувство своего бессмертія, и отъ чего ослабѣваетъ?»—Читаемъ: «отвѣтъ хотя краткій, на сей важный вопросъ не будетъ чуждъ и настоящихъ свѣтлыхъ дней, и, можетъ быть, душевнаго состояніи нѣкоторыхъ изъ слушателей.» Осталось также и начало слова въ недѣлю св. Пасхи;

5. Главное дѣло въ томъ: есть ли чему не разрушиться съ смертю, и пережить разрушение тѣла? А это зависить отъ того, отлична ли душа отъ тѣла? Два ли въ насъ разныя начала жизни, и такъ ли отличны, что одно духовное, можетъ быть безъ другаго, тѣлеснаго?

Есть. Доказательство—жизнь; тутъ начала эти доходятъ даже до борьбы, — одно можетъ жертвовать другимъ, и осуждать его на смерть.

Въ смерти — физика уже разрушается, а душа уѣла. Не отъ разности ли это?

6. Мы не можемъ представить душу материально: не можемъ представить, какъ она можетъ разрушаться, тлѣть. Мысль нетлѣнна, а душа есть мысль; желаніе нетлѣнно, а душа есть желаніе; воля нетлѣнна, а душа есть воля; вообще, сознаніе нетлѣнно, а душа есть сознаніе. Все, что мы можемъ представить въ семъ отношеніи, состоить въ томъ, что сознаніе можетъ померкнуть, престать, какъ бываетъ во снѣ. Но самый же сонъ, показываа возможность прекратиться сознанію, обнаруживаетъ, что, прекращаясь, оно чрезъ то не теряется; пробуждаясь, мы всегда находимъ его опять нерушимымъ.

7. Въ тѣлѣ ли условіе сознанія? — Теперь — въ извѣстномъ состояніи тѣла: но всегда ли такъ? Не можетъ ли быть сознанія безъ тѣла? Что теперь не бываетъ, — не доказательство невозможности: ибо теперь душа въ связи съ тѣломъ. Но такъ ли безъ тѣла — по смерти?

8. И если бы нужна была вообще тѣлесность для сознанія, то не остается ли его и въ смерти, сколько нужно? Вся ли тѣлесность исчезнетъ? Нѣтъ ли чего нерушимаго? — Очень можетъ быть. Что оно невидимо, — это не доказательство, что его нѣтъ. Тонкое въ вещественномъ невидимо. Мало ли чего въ воздухѣ, что обыкновенно невидимо, а подъ стекломъ увеличительнымъ видимо.

II.

Истина безсмертія есть болѣе предметъ вѣры, нежели исти-

вотъ оно: «отчего некоторые люди страдаютъ сомнѣніями о безсмертіи души своей? — Очевидно, потому что въ нихъ нѣтъ чувства безсмертія. А почему нѣтъ сего чувства? Казалось бы, что человѣку, яко предназначенному къ безсмертію, надоно имѣть сіе чувство; а имѣя сіе чувство, нельзя было бы и подлеять сомнѣніямъ: значить, они его потеряли, и значитъ — сіе драгоценное чувство можетъ теряться? — Да, можетъ теряться, равно какъ можетъ и усиливаться.

на бытія Божія. Послѣдняя подлежитъ съ нѣкоторой стороны да-
же чувствамъ (*псевдомая Божія*, говоритъ Апостолъ, *творенъи
помнилияма видима суть*), а первая всецѣло превыше чувствъ.
Отчего такъ?—По естественному ли устройству вещей, или вслѣд-
ствіе какого либо превращенія ихъ порядка?—Слово Божіе откры-
ваетъ намъ, что истинна бессмертія затемнилась случайно, по при-
чинѣ паденія человѣческаго. До паденія, бессмертіе было пред-
метомъ не вѣры, а чувства; человѣкъ не чаялъ сего, какъ нынѣ,
а обладалъ имъ — подобно тому, какъ будетъ обладать по вос-
кресеніи; тогда смерти вовсе не было, не только въ человѣкѣ,
но, конечно, и во всемъ мірѣ: тогда не было вѣка настоящаго и
грядущаго, въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ, хотя за настоящимъ и
слѣдовало будущее; посему истинна бессмертія тогда, если су-
дить по нынѣшнему, была яснѣ и ощутительнѣ самой истины
бытія Божія: ибо Бога не всегда видѣлъ человѣкъ очами, а себя
и въ себѣ жизнь вѣчную всегда ощущалъ всѣми своими чув-
ствами.

Но пришелъ грѣхъ, и все превратилъ!—Онъ ввелъ смерть
въ твореніе, онъ лишилъ человѣка бессмертія. Какъ лишилъ?
Совершенно ли? — Слово Божіе сего не опредѣляетъ. Но, пое-
лику оно будущую жизнь и воскресеніе приписывается дѣйствію
заслугъ Христовыхъ,—значитъ, безъ нихъ всего этого не было
бы; значитъ, что же? Что человѣкъ оставался бы въ узахъ смер-
ти—по тѣлу ли одному, или по душѣ? То есть, уничтожился
бы совершенно? — Кажется, послѣднее. Но можно утвердить и
первое. Послѣднее привыкли утверждать болѣе по школьному
понятію о духовности, и, слѣдовательно, неразрушимости души
человѣческой, вслѣдствіе коеи она якобы не могла умереть, то
есть уничтожиться, независимо отъ вліянія на сіе заслугъ Хри-
стовыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если душа по натурѣ бессмертна,
то грѣхъ не могъ убить ее, или, говоря точнѣе, уничтожить:
онъ могъ только отнять у нея тѣло и блаженство.

Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, полезны заслуги Христовы?—
Очевидно, не тѣмъ уже, чтобы спасти душу человѣческую отъ
уничтоженія; а тѣмъ, что онѣ паки возвращаютъ ей тѣло, те-
ряемое чрезъ смерть, и блаженство. Безъ Христа, человѣкъ, нис-
ходя въ гробъ, уже никогда не вышелъ бы изъ него. Гдѣ же
бы были, и что бы съ ними было?—Былъ бы, очевидно, въ мі-
рѣ не нашемъ, а другомъ; терпѣніи бы отъ неполноты своего
бытія и грѣховности,—и, можетъ быть, что далѣе, то съ ними
было бы хуже.

Теперь другое: смерть тѣла остается, но уже какъ временное, преходящее бѣство,—притомъ такое, которое, вслѣдствіе особеннаго распоряженія, обращается во благо человѣку, служа къ очищению его существа отъ всего, что произошло въ немъ зловреднаго отъ грѣха.

Но, вслѣдствіе сего новаго беспорядка и вмѣстѣ порядка вещей,—беспорядка, поколику онъ произошелъ отъ нась, порядка, поелику выправленъ и благоустроенъ свыше,—бытие человѣка распалось, пошло по эпохамъ,—потому сдѣлалось непохоже само на себя: вмѣсто одного человѣка, явилось три — человѣкъ живущій, человѣкъ умершій, человѣкъ воскресшій. Каждое изъ этихъ отдѣльныхъ бытій отгорожено одно отъ другаго перегородкою темною, непроницаемою. Человѣкъ живущій не видитъ человѣка умершаго, человѣкъ умершій—живущаго и воскресшаго. Вотъ основаніе и неизбѣжность вѣры; вотъ какъ истина безсмертія ог҃ивалась облакомъ; вотъ какъ составилось: *чаю воскресенія летьвихъ и жизни будущаго вѣка.*

Отсюда ясно, что не природное устройство вещей, и, следовательно, не Богъ виною того, что мы теперь не видимъ жизни вѣчной, и должны вѣровать въ безсмертіе. Богъ въ началѣ не только не скрылъ его, а даровалъ на самомъ дѣлѣ. Но человѣкъ, потерявъ его, необходимо пересталъ видѣть потерянное, и долженъ искать.

Но всемогущество Божіе, можетъ быть, могло бы помочь намъ и приблизить къ нашему разумѣнію. Почему оно не дѣлаетъ сего?

III.

Вѣра въ безсмертие въ родѣ человѣческомъ.

Вѣра въ безсмертіе и жизнь души за гробомъ была у людей всегда и вездѣ. Не было и нѣтъ народа, который бы вѣрилъ въ уничтоженіе по смерти; то, что нынѣ приводитъ въ невѣріе, всегда было предъ глазами людей, и, однакоже, не помѣшало имъ вѣрить въ безсмертіе. Это тѣмъ удивительнѣе, что простой человѣкъ, каковыми были люди въ глубокой древности, водится (болѣе) чувствами, нежели соображеніемъ. Возраженія противъ безсмертія всѣ, такъ сказать, чувственны, являются на полѣ опыта; подпоры безсмертія сверхчувственны: и, однакожъ, въ семъ отношеніи, чувственный человѣкъ, движимый чѣмъ-то особенно, умѣль въ семъ случаѣ вознестись надъ чувствами, и вопреки тому, что видѣлъ, твердо и постоянно вѣрилъ въ то, что

невинство, что выше чувствъ. Какъ это могло быть? — Или въ природѣ человѣческой есть побужденія вѣрить въ другую жизнь, или эта вѣра получена свыше. Безъ сомнѣнія, она шла по преданію. А преданіе какъ началось? — Или съ опыта — явленій мертваго, или съ откровенія свыше. Какъ именно? — Изъ древнихъ сказаний видно, что вѣра въ бессмертіе соединялась постоянно съ вѣрою въ явленія умершихъ, — ихъ душъ или тѣней. Сказанія о семъ безчисленны. Откуда они? Не было ли тогда действительно больше явленій изъ другого міра? — Есть причины думать, что два міра, нынѣ такъ другъ отъ друга разлученные, прежде были ближе одинъ къ другому, — посему и явленія умершихъ чаще...

IV.

Происхожденіе человѣка.

Происхожденіе человѣка нѣкоторымъ представляется действіемъ материальнымъ; какъ будто весь человѣкъ происходитъ отъ тѣла отца и матери. — Нѣтъ! отецъ и мать здѣсь въ отношеніи къ человѣку тоже, что сѣятель и земля въ отношеніи къ сѣмени, которое повергается осенью въ землю, а весною выходитъ изъ земли, и является колосомъ или деревомъ. Въ чреслахъ отца сѣя человѣка готово: кто уготовилъ его! — Очевидно, не самъ человѣкъ: ибо, хотя бы онъ хотѣлъ, не можетъ сдѣлать сего; мать, подобно землѣ, только пріемлетъ сѣя, но не даетъ ему бытія, а только развиваетъ его, — не по волѣ своей, когда хочетъ или не хочетъ, а когда такъ угодно Богу. Такимъ образомъ, отецъ и мать служатъ оба только поводомъ къ происхожденію человѣка, а отнюдь не производятъ его. Это два снаряда, кои обрабатываютъ третіе, — данное, пріготовленное. Тутъ действуетъ сила Божія, непостижимая, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Происхожденіе человѣка — тайна, подобная происхожденію всего міра. Изъ ней ничего нельзя извлечь ни pro, ни contra духовности и бессмертія души. Ибо не можемъ сказать строго, какъ образуется и тѣло: удивительно ли, что не можемъ объяснить, какъ происходитъ душа? Очевидно только, что душа является въ тѣлѣ, когда оно уже получило полноту своего состава, и является какъ бы въ сонномъ состояніи, и потомъ пробуждается постепенно къ сознанію и действию; ясно только, что эта душа прибываетъ не по частямъ, прикладываясь одно къ другому, а развивается изъ какого-то юного центра, въ коемъ вся была завита.

V.

Откуда сомнѣніе въ безсмертіи.

У каждого сомнѣвающагося оно рождается особеннымъ, ему свойственнымъ образомъ, въ коемъ онъ часто не можетъ дать отчета. Большею частю бываетъ такъ, что онъ не вѣрить, такъ что когда онъ начинаетъ размышлять то, уже придумывается только причины на продолженіе невѣрія. Слѣдовательно, не вѣріе заражается, безъ сознанія человѣка. Какъ? — Изъ разныхъ источниковъ: изъ чувственности, изъ худой жизни, изъ чтенія или обращенія съ людьми невѣрующими и проч. и проч.

Между тѣмъ, нельзя отрицать, что невѣріе можетъ указать, въ опору себѣ и въ извиненіе, на нѣкоторыя явленія въ жизни человѣческой, и преимущественно на смерть.

Въ смерти человѣкъ весь исчезаетъ для насъ: тѣло еще-таки остается на нѣкоторое время, а души нѣтъ тотчасъ въ тѣлѣ; иначе мы и не хоронили бы тѣла въ землю. Душа по смерти невидима, не даетъ знать о своемъ существованіи ничѣмъ; слѣдовательно, ея нѣтъ.

Аргументъ — весьма сильный, повидимому; и однакоже, въ устахъ, отрицающихъ безсмертіе, онъ фальшивъ.

Душа невидима; она не даетъ знать о своемъ бытіи; слѣдовательно, ея нѣтъ. Не слѣдуетъ: въ заключеніи больше, нежели въ посылкѣ. Чтобы увѣриться въ семъ, стоитъ только вникнуть —на чёмъ основано это заключеніе. На томъ предположеніи, что чего не видно, и что не даетъ о себѣ знать, того нѣтъ, то не существуетъ! Можете ли вы принять это положеніе? — Очевидно, не можете. Ибо есть вещи, кои невидимы, не даютъ о себѣ знать, и, однакоже, существуютъ: иначе существовало бы только то, что видимо и даетъ знать о себѣ: нелѣпость! Душа можетъ быть невидима, можетъ не давать о себѣ знать, и, однакоже, можетъ существовать, —какъ уѣхавшій на кораблѣ, куда либо, когда онъ къ вамъ не пишетъ. Доколѣ вы не получили извѣстія, что онъ умеръ, вы, и не видя его, и не получая отъ него никакого извѣстія, думаете, что онъ живъ и что ему мѣшаетъ что либо дать вамъ знать о себѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаете и объ умершихъ, коихъ уѣхало много, и ни одинъ не пишетъ —не даетъ о себѣ знать. Да этого, во-первыхъ, нельзя сказать: есть явленія умершихъ, или ихъ дѣйствія, кои не подлежатъ

сомнѣнію, хотя они рѣдки. Во-вторыхъ, очевидна причина, по кой они не даютъ о себѣ знать: у нихъ нѣтъ органа тѣлеснаго, чрезъ который могли бы сообщаться съ нами; и эта причина дѣйствуетъ у всѣхъ ихъ равно. Разбейте инструментъ у самого лучшаго артиста, и не дайте ему другаго: онъ не заиграетъ предъ вами, хотя онъ живъ и цѣль, со всею способностью къ игрѣ. Въ сонномъ (человѣкѣ) душа жива и цѣла; онъ лежитъ предъ вами; вы кладете на него руку: однокоже, онъ не даетъ вамъ знать о себѣ, хотя, можетъ быть, въ эту самую минуту видить васъ во снѣ, и бесѣдуешь съ вами.

Какъ люди дѣлятся по отношенію къ доглату о бессмертіи.

Жизнь по смерти для нѣкоторыхъ есть предметъ невѣрія, для нѣкоторыхъ—сомнѣнія, для нѣкоторыхъ — разумнаго убѣжденія, для нѣкоторыхъ — чувства, для нѣкоторыхъ — вѣры, для нѣкоторыхъ—опыта.

Съ невѣріемъ въ бессмертіе совмѣстна ли вѣра въ Бога?

Въ понятіи можно отѣлять эти двѣ вещи, и, уничтожая первую, выхитрить существованіе для послѣдней, хотя оно, по необходимости, будетъ гораздо болѣе, нежели въ содружествѣ съ первою. Но на дѣлѣ и опытѣ трудно найти человѣка, который бы твердо и съ сознаніемъ вѣрилъ въ Бога, не вѣруя въ бессмертіе. Сколько знаемъ, всѣ вѣривши въ Бога вѣрили и въ бессмертіе; а невѣривши въ бессмертіе не вѣрили и въ Бога, или имѣли о Немъ понятіе самое темное и болѣе.

При невѣріи въ бессмертіе, можетъ ли стоять добродѣтель?

Честность гражданская до извѣстной степени можетъ: потому что ей въ опору остается страхъ наказанія и удовольствіе естественное отъ добра. Но послѣднее слабо, первое не обнимаетъ всѣ случаи.

Бываютъ случаи, что надобно избирать одно изъ двухъ,—сохранить правду, или жизнь. Что заставитъ человѣка предпочесть правду жизни, если нѣтъ бессмертія?—Любовь къ правдѣ? Нелюбовь къ жизни?—Откуда возьмется первая? Изъ сильного развитія чувства правды,—вообще, развитія души?—Но какъ она развивается, не вспомоществуемая надеждою жизни вѣчной? — Въ такомъ разѣ, на человѣкѣ будетъ даже обязанность предпочесть

жизнь правдѣ; даже по любви къ правдѣ: ибо, сохранивъ жизнь измѣною правдѣ, онъ еще много разъ будетъ имѣть случаи дѣлать правду и помогать другимъ дѣлать ее, или препятствовать нарушать ее; а пожертвовавъ правдѣ жизни, онъ лишится навсегда и жизни и правды.

* * *

Если нѣтъ безсмертія, то смерть наша есть вещь естественная. Почему же мы отъ неї такъ отвращаемся? Отъ вещей естественныхъ мы не отвращаемся: отъ пищи, отъ сна, отъ дыханія, отъ различныхъ видовъ дѣятельности. Отвращаемся только отъ неестественного: отъ голода, отъ болѣзней, отъ жестокости, пьянства и проч. Значить, и смерть принадлежитъ, поелику мы отвращаемся отъ неї, къ вещамъ неестественнымъ. Природѣ нашей слѣдовало быть безъ неї.

* * *

Богъ безсмертенъ. Одинъ ли?—Не можетъ быть, чтобы въ мірѣ не было существъ безсмертныхъ.

Богъ праведенъ,— и даль намъ стремленіе къ праведности. Но праведность въ этомъ мірѣ требуетъ иногда жертву себѣ жизни. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, опора для неї, если нѣтъ безсмертія? Въ такомъ случаѣ, человѣкъ, умирающій за правду, былъ бы,—дерзнемъ сказать,—праведнѣе самого Бога.

Богъ истиненъ, — Онъ не вложилъ бы въ нашу душу жажду жизни вѣчной, если бы послѣдней не было, и смертію все оканчивалось.

* * *

Изъ образованныхъ людей немногіе увѣрены въ безсмертіи: большая часть въ сомнѣніи о томъ; иные вовсе не вѣрятъ, даже явно показываютъ свое невѣріе.

Какъ бы образованнымъ людямъ, — подумаетъ кто либо, — не быть увѣреннымъ въ безсмертіи, если бы можно было увѣриться?

Увы,—не хотѣлось бы намъ говорить противъ людей образованныхъ, и винить ихъ въ чемъ либо,—тѣмъ паче въ настоящемъ случаѣ. Но мы увѣрены, что многимъ изъ нихъ самихъ пріятно будетъ узнать и признать свою вину.

1) Не должны ли сознать образованные, что въ нихъ менѣе дѣйствуетъ чистая природа человѣческая, что голосъ ся не такъ слышимъ, что ихъ какъ жизнь, такъ и чувства и мысли заклю-

чаютъ въ себѣ много искусственного, не чисто человѣческаго,— что они, въ семъ отношеніи, уступаютъ людямъ необразованнымъ, но сохранившимъ свою природу? Но увѣренность въ безсмертіи выходитъ изъ природы, изъ внутренняго чувства, изъ совѣсти. Удивительно ли, послѣ сего, что голосъ безсмертія менѣе слышенъ людямъ образованнымъ?

2) Многіе ли изъ людей образованныхъ серьозно размышляли о истинѣ безсмертія?—Рѣдкіе. А истина безсмертія, коли скоро приводится къ допросу ума, требуетъ въ жизни многихъ справокъ, изслѣдованій, соображеній. Послѣ сего, нечего дивиться, что люди образованные страдаютъ невѣріемъ въ жизнь будущую.

3) Спросите у сомнѣвающихся: убѣждены ли они въ невѣріи своемъ? По справкѣ окажется, что убѣжденія нѣтъ, потому что и изслѣдованія не было,— и что невѣріе есть слѣдствіе лѣнности умственной, подражанія, худой совѣсти, нечистой жизни.

4) Большей части людей образованныхъ выгоднѣе не вѣрить, нежели вѣрить въ безсмертіе.

VI.

Есть ли въ человѣкѣ чувство своего безсмертія? — Должно быть. Какъ существо, предназначеннное къ безсмертію, человѣкъ по этому самому не можетъ не имѣть предчувствія о томъ; и дѣйствительно, нѣтъ человѣка, который, въ извѣстныя минуты жизни, не ощущалъ въ себѣ того, что превыше смерти. Во всѣхъ ли равно это чувство?—Нѣтъ: въ иныхъ очень сильно, въ иныхъ такъ слабо, что почти его нѣтъ. Отъ чего зависитъ эта разность? Отъ природы, или воли самого человѣка? — Чувство безсмертія, какъ и всѣ прочія чувства въ нашей душѣ, можетъ усиливаться и ослабѣвать. Когда прилагаются стараніе, то оно усиливается; когда небрегутъ о томъ,—тѣмъ паче когда дѣйствуютъ противными образомъ, то оно ослабѣваетъ.

Отъ чего же именно усиливается это драгоценное чувство и отъ чего ослабѣваетъ?— Отвѣтъ, хотя краткій, на сей важный вопросъ не будетъ чуждъ ни настоящихъ свѣтлыхъ, дней ни, можетъ быть, душевнаго состоянія нѣкоторыхъ изъ слушателей.

Въ настоящемъ состояніи человѣка, въ составѣ его очевидно два начала: одно—бесмертное, которое не исчезаетъ въ смерти, другое—смертное, которое продолжается только до гроба, и тамъ разлагается и исчезаетъ. Каждое изъ сихъ началъ производить въ человѣкѣ сродное себѣ чувство: начало бесмертное производить чувство бесмертія, начало смертное производить чувство

смертности. Оба начала эти, бессмертное и смертное, такъ тѣсно сочетаны, что составляютъ теперь одно цѣлое: посему-то и чувство бессмертія съ чувствомъ смертности сливается въ одно неопределѣленное чувство. Такая неопределѣленность чувствъ не долго можетъ продолжаться: съ продолженiemъ времени, когда человѣкъ начинаетъ дѣйствовать самостоительно, одно какое либо чувство беретъ верхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ другое слабѣетъ и умалится. Если беретъ верхъ чувство бессмертія, то чувство смертности слабѣетъ; если, напротивъ, усиливается чувство смертности, то чувство бессмертія дѣлается слабѣе. Зависитъ же это отъ того, чѣмъ наиболѣе человѣкъ начинаетъ жить и дѣйствовать. Если онъ живетъ болѣе тѣмъ, что есть въ немъ истинно бессмертнаго—духомъ, совѣстю, закономъ: то усиливается чувство бессмертія. А если предается сильно тому, что въ немъ есть смертнаго,—плоти и крови: то усиливается чувство смертности. И съ чѣмъ наиболѣе онъ живетъ, то наиболѣе и чувствуетъ, тѣмъ наиболѣе и проницается, отъ того заимствуетъ силу и чувство.

И вотъ причина, почему въ міролюбцахъ сильно чувство смертности, и они боятся смерти, а въ людяхъ добродѣтельныхъ сильно чувство бессмертія, и они смотрятъ на гробъ, какъ другие смотрятъ на свое ночное ложе.

VII—X.

Возраженія и решеніе возраженій.

1) Человѣка невидно до рожденія, и мы говоримъ, что онъ не существовалъ. Его невидно по смерти: зачѣмъ же мы будемъ говорить, что онъ существуетъ? Случай равны, — равное должно быть и заключеніе.

2) Въ смерти условія существованія, намъ извѣстныя, прекращаются: слѣдовательно, прекращается и бытіе, *cessante causa, cessat effectus*.

3) Если бы человѣкъ существовалъ по смерти, то онъ далъ бы знать какъ либо о своемъ существованіи; но этого нѣтъ; слѣдовательно....

4) Если бы была жизнь за гробомъ, то отчего бы такъ прятать и скрывать ее? Невидно цѣли въ скрытности.

5) Животныя явно суть подобіе человѣка, и нѣкоторыя очень близки къ нему: но мы о всѣхъ ихъ утверждаемъ, что они не-

бесмертны. Зачѣмъ же исключеніе въ пользу одного человѣка? Это несправедливость, эгоизмъ человѣческій.

6) Въ человѣкѣ нѣтъ желанія бесмертія: есть только охота пожить подолѣе. Но, долго живши, онъ наскучилъ бы жить; вѣчность для него невыносима. Если въ насть теперь не является этой скучи отъ бытія, то причиною сего сонъ; въ немъ мы кончаемъ бытіе, и опять принимаемъ; безъ него, не смотря на краткость жизни, мы наскучили бы ею.

7) Если бы человѣку суждено было жить всегда, то зачѣмъ и къ чему смерть? Она была бы не въ порядкѣ вещей. Какъ конецъ бытія, смерть умѣстна; а иначе—абсурдъ.

8) Доказательство отъ духовности души ничего недоказываетъ въ пользу бесмертія, ибо мы не знаемъ природы души. Слова: духъ, матерія, суть чисто относительны и условны: мы не знаемъ природы ни того, ни другаго; слѣдовательно, и не можемъ брать изъ нея твердыхъ заключеній.

9) Ученіе о небесмертіи человѣка можетъ имѣть практическія полезныя стороны: заставить дорожить жизнью, нетерпѣть притѣсненій и самовластія, стремиться къ равенству и безобидному раздѣлу благъ жизни и проч. и проч.

10) Человѣку, большею частію, лучше быть добродѣтельнымъ, нежели порочнымъ,—хотя бы онъ не былъ бесмертнымъ.

11) Лучшіе изъ язычниковъ—Сократъ, Платонъ, Цицеронъ—не были твердо увѣрены въ бесмертіи; изъявляли болѣе желанія и догадки, нежели убѣжденіе и увѣренность въ семъ.

12) Усилиться ученію о бесмертіи помогли нужды и беспорядки этого міра. Будучи недовольны настоящимъ, естественно обращаются къ будущему. Чего сильно желають, то кажется существующимъ.

Вотъ все, что можно возразить противъ бесмертія *), Нѣкоторыя возраженія особенно могутъ смущать. Но на сторонѣ

*) На л. VII нѣкоторыя изъ этихъ возраженій предложены въ другомъ видѣ,—именно:

Человѣка не было, можетъ по этому и не быть: ибо онъ, явно, существование случайное,—безъ него міръ существовалъ и можетъ существовать.

Въ рожденіи, явно,—возникновеніе новое; почему не быть въ смерти уничтоженію?

Физическія явленія при смерти заставляютъ ли предполагать жизнь?—Нисколько. Напротивъ, они повелѣваютъ считать ее оконченою. По смерти, ни малѣйшаго слѣда бытія умершаго.

истины есть довольно средствъ къ уничтоженію всѣхъ сихъ возраженій.

Что имѣю начало, то будетъ имѣть и конецъ. Такъ обыкновенно говорятъ: но почему такъ говорятъ? Всѣ причины сводятся къ тому, что на опыте такъ бываетъ: имѣвшее начало—потомъ имѣеть и конецъ. Дѣйствительно, опытъ вокругъ насть представляется, большою частію, это явленіе. Большею частію,—но не всегда. Земля, явно, имѣла начало, но будетъ ли имѣть конецъ?—этого опыта не говорить никакъ. Небо имѣло начало, но будетъ ли имѣть конецъ?—этого опыта не показываетъ. Вообще міръ имѣлъ начало; но послѣдуетъ ли конецъ?—этого по опыту нельзя сказать. Такимъ образомъ, самый опытъ, откуда добыто извѣстное правило, что имѣющее начало имѣеть и конецъ, подтверждаетъ его только по частямъ, а не вообще. Вообще говоря, опытъ показываетъ, что многое, имѣющее начало, не имѣеть конца.

Если за симъ отъ опыта взойти къ умозрѣнію, то окажется совершенно противное. Надобно сказать, что все, возьмѣвшее начало, вѣчно, поколику не должно имѣть конца. Почему?—Потому что конецъ противоположенъ началу, такъ же какъ,—холодъ жару, какъ тьма свѣту. Какъ одно выйдетъ изъ другаго?—это не возможно. Тутъ, вообще, тотъ же законъ, по коему физики утверждаютъ, что тѣлу, коему сообщено движеніе, вѣчно должно двигаться въ ту сторону, куда двинуто, доколѣ не встрѣтитъ препятствія. *).

Если бы человѣкъ созданъ былъ для земли, и не продолжалъ жить за гробомъ, то онъ въ правѣ жаловаться, что не попеклись хорошо помѣстить его. Зачѣмъ ему тогда было давать такія желанія и мысли! Зачѣмъ не дать то, что нужно для удобства земной жизни? Теперь онъ можетъ переносить сіи неудобства благодушно, въ чаяніи вѣчной жизни; а колѣ скоро вознагражденія нѣтъ, то онъ въ правѣ роптать и обвинять. Скажутъ: ему все дано, что нужно. Нѣтъ, очевидно, недостаетъ многаго.

Царство животныхъ, явно, во многомъ сходно съ человѣкомъ: жизнь, движеніе произвольное, искусство, смыслъ, чувство, усердіе, злость,ѣрность, страсти. Мы все царство животныхъ обрекаемъ смерти; а себя однихъ исключаемъ! Резонно ли это? не явный ли эгоизмъ? Если же добиваться права на бессмертие,—то всему семейству, а не Ивану только съ Петромъ.

*) На этомъ же листкѣ, отдельно, записано: «Воскресеніе Лазаря.—Паденіе Петра.»

Безсмертіе никто не можетъ сдѣлать очевиднымъ, — правда: но кто можетъ очевиднымъ сдѣлать и небезсмертіе? — Доказательства материалистовъ нерѣшительны; все сводится къ тому, что тѣло умершаго истлеваетъ, и мы перестаемъ видѣть его. Для насть его болѣе нѣтъ: но есть ли оно само для себя,—этого мы не можемъ отвергать рѣшительно, уже потому, что не можемъ видѣть, какъ душа уничтожается. Скажутъ: есть причина подозрѣвать, что нѣтъ, коль скоро не видимъ. Такъ; но есть причина подозрѣвать, что есть. Какая причина? — Не только нравственная,—даже материальная: наприм., присутствіе поиной души предъ самою смертию, когда тѣло уже, можно сказать, полуразрушилось.

Я не былъ и не существовалъ, — а, очевидно, началъ быть, существую, *cogito, ergo sum*. Была какая-то сила, которая воззвала меня отъ небытія къ бытію, и которая потомъ содержить меня доселъ въ бытіи.

Поелику я прежде не былъ, то могу и опять не быть: но поелику не былъ, и стала быть, то по опыту уже заключаю, что могу опять прійти въ небытіе и снова быть возвзванъ — тою же силою—къ бытію. Это чистая и прямая логика.

Какъ же нѣкоторые думаютъ, что я, если потерялъ бытіе,—наприм., въ смерти, то уже потерять его навсегда и не возвратно? — Тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ логики... Кто бы Онъ ни былъ, но возвзвавши меня изъ совершенного небытія, то есть, когда я вовсе не существовалъ,—какимъ образомъ не въ состояніи возвзвать меня изъ временнаго небытія, въ которое, положимъ, приведетъ меня смерть? Но и это—чистое предположеніе. Сроднѣе, по мнѣ, думать, что, разъ получивши бытіе, должно уже существовать,—въ такомъ или другомъ видѣ,—вѣчно.

XI—XII.

Гдѣ говорится о безсмертії?

У Даленбурга—въ «Богъ въ натурѣ». Том. 3, ст. 3п — 23. Разсужденіе не сильное и не глубокое, но не худое.

«Легче быть безбожникомъ, нежели сомнѣваться въ безсмертіи.»

2) Въ статьѣ о сумасшедшихъ—Низара, сказано, въ примѣніи, что сумасшедше предъ своею смертию приходятъ въ здравый разсудокъ и умираютъ съ сознаніемъ. Почему такъ, гг. физіологи?

3) Лафатера «Ansichten in die Ewigkeit.»

4) Екклезіаста глав. III, 19—22.

У Массильона проповѣдь о достовѣрности будущей жизни—
внѣтвратная, но внутрь дѣла не проникаетъ, безъ философіи.

Въ Апостольскихъ постановленіяхъ.

Recognitiones Clementis начинаются прекраснымъ разсужденіемъ о безсмертіи.

У Ефрема Сирина (въ «Христіанскомъ чтеніи») есть проповѣдь противъ невѣрующихъ въ воскресеніе.

Отрывокъ въ рѣчи профессора Филомафитскаго,—въ Московскому университетѣ, на актѣ, 1844.

N.B. Удивительно было бы, если бы натура производила только такія временные разумныя существа, какъ люди. Это значило бы, что материальная часть въ ней сильнѣе и продолжительнѣе; гора, напримѣръ, стоитъ цѣлые тысячиелѣтія, рѣка течетъ тоже и проч.; а разумные зрители входили бы и выходили, —перемѣнялись, какъ въ театрѣ. Въ театрѣ это неизбѣжно и хорошо, а въ природѣ показывало бы слабость и бренность руки производящей.

ЗАМѢТКИ*).

I.

 уша наша окована со всѣхъ сторонъ воображеніемъ: образъ за образомъ. Эти образы составляютъ изъ себя міръ воображенія. Міръ этотъ крайне много значитъ для души. Слѣпой напримѣръ въ немъ только и живетъ. Мертвый **) имъ, можетъ быть, только и ограниченъ. Слѣдовательно какъ важно наполнять душу воображеніями чистыми. Это все равно какъ бы кто созидалъ для себя домъ, готовилъ кушанье, шилъ платье, собирая библіотеку: очевидно, всякий старается, если можно, устроить всѣ эти вещи какъ можно лучше.

Думаемъ ли мы объ этомъ?... И какъ жалко не думать объ этомъ! Кто день провелъ въ сценахъ ужасныхъ, отвратительныхъ, тому какіе чудовищные видятся сны! Кто жизнь провелъ въ этихъ сценахъ,—тому что будетъ видѣться по смерти?

Но вотъ еще замѣчаніе: нѣкоторые образы до того овладѣваютъ душою, что занимаютъ ее всю—въ нихъ сосредоточивается для души цѣлый міръ и цѣлая (вся) жизнь. На такіе образы крайне нужно обращать вниманіе. Бѣда связаться такимъ образомъ съ образомъ худымъ.

*) Преосв. Иннокентій имѣлъ обыкновеніе—читая или размышляя—набрасывать летучія замѣтки на листахъ, полистахъ и четвертинкахъ бумаги. Умѣя цѣнить все, что какимъ-либо образомъ выходило изъ-подъ пера или хотя изъ усть такого архипастыря, лица приближенныя къ нему не теряли случая списывать для себя эти замѣтки. Такъ у одного изъ келейныхъ іеромонаховъ покойнаго владыки составилась цѣлая тетрадь «Замѣтокъ».

**) Т. е. душа умершаго человѣка.

Такія *praeominantes ideae* лишаютъ душу самостоятельности болѣе или менѣе. «Я самъ не свой», — говорятъ въ такомъ случаѣ. Этого мало: образъ можетъ отнять всю самостоятельность, вывести человѣка изъ себя, лишить его сознанія. Сколько помѣшанныхъ помѣшалось именно такимъ образомъ!

II этого мало. Лишивъ самостоятельности, образъ можетъ вообразиться въ человѣкѣ, заставить его принять свою личность. Помѣшанный, вообразивъ себя собакою, лаетъ, кусается, мяучить и проч.

Предѣль ли здѣсь метаморфозу? Очевидно нѣтъ: онъ можетъ идти далѣе. До чего? Въ Сарданапалѣ—до оскотненія.

Но здѣсь тѣло, грубость, все еще мѣшаетъ душѣ преобразиться такимъ несчастнымъ образомъ: а по смерти? Тутъ душа бѣдная, воспріявъ всю гибкость, текучесть свою, можетъ всецѣло вылиться въ образъ, ею овладѣвшій.

Стоитъ подумать о семъ!

II.

Магнитезерь приходитъ въ особенное соотношеніе съ душою магнитизируемаго и командуетъ ею. Послѣдняя теряетъ самостоятельность и живетъ магнитезеромъ. Съ человѣкомъ ли только у человѣка можетъ быть такое сообщеніе? Не можетъ ли быть и съ духами добрыми и злыми? Добрые, конечно, не злоупотреблять этимъ, и какъ это противно порядку вещей, то можетъ быть и не пользуются этою возможностію. А злые? На что они не могутъ покуситься? А между тѣмъ, очевидно, какъ бѣдной душѣ надобно быть осторожной—чтобы не подпасть вліянію духа тьмы!

III.

Я сравниваю природу, въ отношеніи къ познанію, съ высо-кою горою. Кои живутъ у подошвы ея,—тѣ, кромѣ того, что могутъ наслаждаться величественнымъ видомъ горы (хотя таковыя рѣдко способны къ тому), пользуются еще всѣми жите-скими выгодами мѣстоположенія: тутъ пристани, рыболовья, пастбища и проч. Ученые восходятъ выше до средины горы: тутъ прелестные виды, но все еще удобность жизни. Горе тѣмъ, кои, не удовлетворяясь срединными познаніями, взошли на верхъ горы, или—по крайней мѣрѣ—подошли къ ея вершинѣ, то есть, вступили въ область метафизики. Тутъ все сухо, голо или покрыто льдомъ. Съ горы чувственной можно воротиться назадъ;

съ высоты метафизической, если на нее сдѣланъ дѣйствительный восходъ, иѣтъ возврата.

IV.

Правда Божія въ природѣ видимой.

Апостолъ замѣчаетъ, что невидимыя совершенства Божіи, обнаруживаясь въ твореніи, становятся видимыми до того, что внимательный зритель можетъ видѣть въ природѣ самую присущую силу творческую и Божество. О нѣкоторыхъ совершенствахъ Божіихъ это такъ ясно, что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; наприм. всемогущество, премудрость, благость видны въ природѣ на каждомъ шагу. Но нѣкоторыя совершенства составляютъ въ семъ отношеніи какъ бы исключение. Такова особенно правда Божія. Кто думаетъ видѣть ее въ твореніи, вѣнѣ себя? И однако же она, будучи однимъ изъ основныхъ совершенствъ Божественныхъ, должна по сему самому отражаться въ природѣ видимой, не менѣе другихъ совершенствъ. Почему же не замѣчаются ея? или не столько какъ другія совершенства? Уже потому, что человѣку грѣшнику замѣчаніе сего совершенства не такъ пріятно, какъ другихъ, наприм. благости и премудрости; а извѣстно, что менѣе любимое, менѣе и замѣчается. Притомъ для открытия правды потребенъ взглядъ—такъ сказать—праведный; а въ немъ то же не большой избытокъ у людей грѣшныхъ. Наконецъ и въ самой природѣ правда Божія открывается менѣе, нежели другія совершенства, потому что воспящается милосердіемъ. Открываясь во всей силѣ, она устремлялась бы всего болѣе противъ человѣка,—а онъ подъ кровомъ милосердія. Посему обнаруженіе правды пріостановлено до великаго дня суда, и правды, и воздаянія.

Однако же открывается!

V.

Человѣка можно буквально кормить секретами. Знающій секретъ уже почитаетъ себя выше другихъ, и готовъ лишиться многаго. Поэтому должностъ секретаря по секретной части пріятнѣе другихъностей. Ничѣмъ вы такъ не привяжете человѣка къ себѣ, какъ допустивъ его въ свой секретъ.

VI.

Самое большое несчастіе Наполеона, во время послѣдней его

кампанії, мнѣ кажется, состоить въ томъ, что ему было хорошо, лучше, нежели каждому изъ его арміи, въ физическомъ отношеніи. Потерпи онъ день-два то, что терпить бѣдный солдатъ, или будь покрѣпче раненъ, и пострадай отъ раны хотя недѣлю,— не бось, миръ быль бы заключенъ тотчасъ, и всѣ честолюбивые помыслы ушли бы какъ мыши въ нору, при появлениіи кота. Великое дѣло—нужда физическая!

VII.

Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яждъ воздаде ми?

Ко всякому ли идетъ вопросъ сей? Ко всякому, и самому—повидимому—несчастному. Ибо, если есть какія несчастія, то онъ не отъ Господа, а или отъ самого человѣка, или отъ людей другихъ. Притомъ, несчастія, какія есть или бывають, касаются только поверхности бытія нашего и суть нѣчто преходящее; а фондъ—то, что отъ Господа—всегда благо и хорошо. Душа всякая одарена образомъ Божіумъ; искуплена всякая кровію Сына Божія; освящена всякая благодатію Св. Духа; предназначена всякая къ вѣчному блаженству; поставлена среди міра Божія.

Но если и самый послѣдній бѣднякъ въ мірѣ долженъ говорить такимъ образомъ, то что сказать о васъ, богатыхъ счастливцахъ міра? Изъ васъ каждый, и вставая и ложась, долженъ говорить: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?*

И что же въ самомъ дѣлѣ можно воздать Ему? Благихъ нашихъ Онъ не требуетъ. Чего же хощетъ? Сердца твоего: *Сыне, дааждь Ми сердце твое.* У тебя все—Мое, но сердце—твое. У насъ могу имъ располагать. Если въ самомъ дѣлѣ хочешь возблагодарить Меня, то дай Мне сердце. Такимъ образомъ мы составимъ одно. А то, что дано тебѣ, получить чрезъ сіе правильное употребленіе.

VIII.

Полянухъ Бога и — возвеселихся (Псал. 76).

Одно воспоминаніе о Богѣ наполняетъ душу отрадою и веселіемъ. Ибо съ именемъ Божімъ соединено все, что только можно представить великаго, премудраго, благаго и любвеобильнаго. Отрадно вспоминать среди горя обѣ отцѣ, о наставникѣ мудромъ, о дручаѣ неизмѣнномъ, о покровителѣ могущественномъ, о врачуѣ искусномъ: Богъ есть и Отецъ, и Наставникъ, Другъ, и Покровитель, и Врачъ такой, предъ Коимъ всѣ земные и наставники, и отцы, и врачи малы и слабы.

Но чтобы одно воспоминаніе о Богѣ уже веселило насъ, — надобно, чтобы у насъ была связь съ Богомъ; надобно, чтобы мы были—Его, и Онъ—нашъ. Чужое не веселить. Тѣмъ паче не веселить чужое противное. Посему на человѣка нечестиваго воспоминаніе о Богѣ производить другое дѣйствіе: *помянухъ Бога, и убоихся*. Ибо съ именемъ Бога соединяется понятіе Обличителя, Суди, Наказателя.

Какое горькое состояніе, что мысль о Богѣ производить уныніе и страхъ! Не все ли это равно, какъ и лучъ свѣта леденить? Такъ грѣхъ превращаетъ порядокъ вешней!

Бѣжимъ сего состоянія. Будемъ и среди грѣховъ не терять духа покаянія,—и тогда всякая мысль о Богѣ будетъ сопровождаться радостю духовною. *Помянухъ Бога и возвеселихся!* Ибо съ именемъ Бога пробуждается мысль объ Отцѣ, пріемлющемъ кающихся съ распостертыми объятіями.

IX.

Седмерицею днемъ хвалихъ Тя о судьбахъ правды твоей!

Вотъ каковы судьбы Божіи предъ очами людей, умѣющихъ смотрѣть на нихъ! Таковы, что за нихъ надобно прославлять премудрость Божію не разъ, не два, а седмижды на день! А у насъ бываетъ иногда то, что мы седмерицею днемъ бываемъ готовы роптать о судьбахъ той же правды Божіей. Откуда эта жалкая разность? Оттого, что мы не умѣемъ смотрѣть на сіи судьбы. Пусть будетъ самая величественная картина, но если вы не найдете истинной точки зрѣнія,—она вамъ покажется самою обыкновенною; а если это картина перспективная, — то потеряете всю щѣнку. Судьбы Божіи суть именно картины послѣдняго рода: онѣ требуютъ, что бы мы стояли въ извѣстномъ разстояніи: а мы становимся или слишкомъ близко, или слишкомъ далеко, —то все относя къ себѣ и ничего къ другимъ,—то все относя къ другимъ и ничего или слишкомъ мало къ себѣ. — Будемъ смотрѣть на судьбы Божіи очами вѣры и преданности, очами смиренія и любви, и—можетъ быть—и намъ будетъ тоже, что съ Давидомъ—мы будемъ хвалить Господа.

X.

Въ скорби распредстанилъ мя еси.

А скорбь, — говорятъ психологи, — скимаетъ сорас. Да, Иннокентій. Сочиненія. VII.

скорбъ сжимаетъ чувственность, сжимаетъ самолюбіе; духъ же и совѣсть распространяетъ, освобождаетъ, изводить на безпрѣдѣльность. Въ скорби распространилъ мя еси. Въ счастіи, по видимому, человѣкъ великъ,—ибо надменъ собою, презорливъ, гордъ; а въ самомъ дѣлѣ — малъ, ибо ограниченъ собою, удаленъ отъ всего истинно-великаго. Въ несчастіи же человѣкъ, по видимому, малъ; но если онъ растворяеть несчастіе вѣрою, — то, среди сей внѣшней малости, онъ внутрь себя бываетъ гораздо болыше. Не въ скорби ли человѣкъ устремляется мыслю къ Богу, къ концу своей жизни, всего міра? А это, очевидно, великое пространство. Не въ скорби ли человѣкъ холоденъ ко всему міру, отдѣляется отъ него, становится внѣ времени и пространства? И это также видимое распространеніе. Не въ скорби ли человѣкъ способенъ рѣшиться на самые трудные подвиги, лишенія, пожертвованія? А это что другое, какъ не слѣдствія распространенія? Вообще въ скорби и несчастіи съ духомъ нашимъ бываетъ то, что съ веществами, когда ихъ кладутъ въ огонь: они ширѣютъ,мягчаютъ, расплавляются и испаряются. Если душа добрая,—то съ нею бываетъ тоже, что съ благовоннымъ веществомъ: воня смиренія, преданности несется далеко. А если душа нечистая, злая, безвѣрная,—то отъ нея, какъ отъ зловоннаго вещества, несется ропотъ хулы, ожесточеніе и гнѣвъ.

XI.

Вѣра безъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 20).

А дѣла безъ вѣры? И дѣла безъ вѣры мертвы: это не добродѣтели, а можно сказать — струпъ добродѣтелей, или, если не нравится это сравненіе, это — видъ, картина добродѣтелей, а не самая добродѣтель. Ибо откуда взяли бы дѣла жизнь, если не отъ вѣры? Отъ наклонности къ добрю? Она въ насы мала и слаба, сама требуетъ оживленія. Отъ соображеній разсудка и внушеній ума? Они во-первыхъ холодны и коль скоро сами не проникнуты чувствомъ добра, не утверждены на глубшемъ основаніи, — то слабы, —притомъ перекрещаются въ дѣйствіи внушеніями страсти, самолюбія, расчетами *) и пр. Отъ примѣра другихъ людей? Но много ли примѣровъ добра чистаго, дѣйствій святыхъ? Отъ хвалы и одобренія человѣческаго? Этогъ вѣтеръ

*) Пропущено слово по неразборчивости.

перемѣнчивъ и непостояненъ. Онъ иногда рветъ паруса порывами, а иногда вѣтъ въ противную сторону; иногда нельзя узнать по немъ — куда вѣтеръ.

Посему и дѣла безъ вѣры мертвы.

XII.

Въ прелудости ходите ко вѣшнимъ (Кол. 4, 5).

Такой совѣтъ давалъ нѣкогда ап. Павелъ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ Колоссамъ. Подъ вѣшили разумѣются у него не-христіане, іудеи и язычники. Со всѣми ими Апостолъ велить ходить христіанамъ въ прелудости, то есть—съ особеною осторожностью, благоразуміемъ, приличіемъ. Кто вспомнитъ — въ какомъ положеніи находились тогда христіане между невѣрующими, въ рукахъ коихъ была вся сила и все могущество земное и кои притомъ смотрѣли на христіанъ, какъ на враговъ своей вѣры и нравовъ, — тотъ пойметъ всю нужду апостольскаго совѣта.

Времена гоненій давно прошли; но потерялъ ли употребленіе сей благій совѣтъ? Нѣтъ, истинный христіанинъ всегда странникъ и пришелецъ въ мірѣ. Между царствомъ Христа и духомъ міра, между чадами Божіими и сынами вѣка сего нѣтъ и не будетъ никогда мира. Посему вы, кои рѣшились носить не одно имя христіанъ, а и стяжать вещь, пріобрѣсть ту драгоцѣнную жемчужину, для стяженія коей надобно продать и.и презрѣть все,—не забывайте совѣта апостольскаго ходить въ прелудости ко вѣшнимъ — къ тѣмъ ложнымъ христіанамъ, кои, довольствуясь однимъ празднымъ именемъ христіанъ, никаколько не думаютъ о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ принадлежать Христу, — и.и, что еще хуже, отвергшись внутреннихъ силъ благочестія, стараются удержать на себѣ его внѣшній образъ. Ходите въ прелудости, не принимая на себя чуждаго образа, не представляясь тѣмъ, чѣмъ вы не есть, — это не ваша мудрость,—а не выставляя всѣмъ и каждому свой образъ, не обнаруживая безвременно — что въ васъ сокрывается. Если для васъ не дорого собственное спокойствіе, которое могутъ нарушить люди плотскіе, по неспособности оцѣнить васъ,—то подорожите честію вѣры и Евангелия, которая можетъ страдать отъ превратныхъ толковъ о васъ. Что пользы, что вы будете разсыпать драгоцѣнный бисеръ предъ тѣми, у коихъ нѣтъ для него глазъ и рукъ? Они потопчутъ его ногами, обра-

тятся на васъ же, — не для того, чтобы благодарить, а чтобы растворгнуть васъ.

XIII.

Аще кто не хощетъ дѣлать, ниже да ястъ (2 Сол. 3, 10).

Такъ говоритьъ государственное хозяйство; такъ учить и слово Божіе. Если набожность служила иногда покровомъ для тунеядства,—то эта набожность ложная, отвергаемая вѣрою христіанскою. Истинно набожный трудолюбивъ. Онъ почитается за грѣхъ жить трудомъ другаго, когда можетъ самъ снискивать себѣ пропитаніе. Примѣръ—всѣ самые великие подвижники, даже тѣ, кои, бывъ призваны къ совершенію великихъ дѣлъ или преданы жизни созерцательной, не имѣютъ, по видимому, времени трудиться трудомъ тѣлеснымъ. На комъ лежаю болѣе подвиговъ, какъ на апостолѣ Павлѣ?—Попеченіе, говоритъ онъ, о всѣхъ Церквахъ. Но, посмотрите, откуда онъ береть себѣ пропитаніе. Ему ли, апостолу языкковъ, всей вселенной, не могла доставить вселенная наущнаго хлѣба? Но онъ не єсть чужаго хлѣба: *ниже туне хлѣбъ ядохомъ, но въ трудахъ и подвигахъ, иощь и день дѣлающе, да не отягчимъ никогоже изъ васъ.* И, что особенно надобно примѣтить, забота о собственномъ пропитаніи не мѣшаетъ у него никако его главному дѣлу, проповѣди вселенной, апостольству; напротивъ, обращается въ содѣйствіе тому. Ибо онъ употребляетъ для сего ночи, то есть, то время, когда свободенъ отъ дѣлъ апостольства. А во-вторыхъ, независимость экономическая дѣлаетъ его гораздо свободнѣе въ дѣйствованіи апостольскомъ: онъ никому ничѣмъ не долженъ, — посему дѣйствуетъ съ равною властію на всѣхъ. Его безкорыстіе отворяетъ ему двери вездѣ, — и слово Божіе, сѣвое руками чистыми, *растеть и славится.*

Великие подвижники временъ древнихъ показали—какъ трудъ можетъ быть сочетанъ съ жизнью созерцательною и служить для ней на пользу вѣчную. Кто доставлялъ пропитаніе Евпіміямъ, Феодосіямъ, Саввамъ, коихъ обители превосходили города множествомъ братіи и помѣщались среди многихъ песковъ сирійскихъ?—Императоры, префекты? Нѣтъ, собственные руки, тѣ руки, кои непрестанно воздѣяны были къ небу. Совершивъ молитву, столѣтній старецъ сидѣтъ у порога келліи и падѣтъ кошицу; въ извѣстный день недѣли братъ несетъ соѣдненное въ Александрію или Антиохію и приноситъ хлѣба и сочива на сѣв-

дующую седмицу. Такъ питались тѣ, *ихъже не бѣ достоинъ весь міръ*. Такой родъ жизни нисколько не вредитъ созерцанію. Послѣ тѣлеснаго труда, духъ тѣмъ охотнѣе паритъ туда, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія. Напротивъ, праздность тотчасъ ослабляла и наконецъ убивала духъ подвижничества. Посему великие изъ подвижниковъ *ничѣмъ лучше не считали начать свою покаянную молитву, какъ прошенiemъ: духа праздности не даждь ми.*

XIV.

Доброхотство даинія любить Богъ.

За что любить? Ужели за даиніе? Такъ любить могутъ только люди, бѣдные, своеокорыстные,—а не Тотъ, Кто самъ даетъ всѣмъ жизнь, дыханіе и вся. Господь любить доброхотнаго дателя не за то, что онъ датель, а за то, что датель доброхотный.

Что такое доброхотство?

То, когда даютъ не только съ доброю щѣлию, но и отъ доброй воли, отъ души, полною рукою, —когда даютъ, не озираясь десять разъ на то, что остается у себя, не увлекаясь разсчетами, не заставляя себя просить долго, не показывая при даиніи вида скучки и отвращенія,—когда даютъ и находятъ удовольствіе въ томъ, что даютъ,—обнаруживаются это всѣмъ — чѣмъ могутъ; когда даютъ больше, нежели сколько можно было предполагать. Скажите: можно ли не любить такой души? — особенно, когда вспомнишь при семъ о дателѣ недоброхотномъ, у котораго и малое даиніе надобно испрашивать большими просьбами; который даетъ, но съ трудомъ, показывая, что онъ чрезъ даиніе ли шается какъ бы нѣкой части самого себя, — даетъ, и въ тоже время наказываетъ за то, ты отъ него получишь. Въ послѣднемъ случаѣ явно видна душа черствая, сокрущая сама въ себѣ, опутанная со всѣхъ сторонъ разсчетами, не способная раскрываться для сообщеній — и потому для принятія даровъ свыше отъ Того, Который приемлетъ только для того, чтобы воздать сторицею. — Доброхотное даиніе напротивъ предполагаетъ въ дателѣ душу чувствительную, сердце нѣжное и открытое для всего лобраго, а потому и способную для вмѣщенія даровъ благодатныхъ. Можно ли не любить такую душу и такое сердце?

XV.

Гневъ въ иrosti Его, и животъ въ волѣ Его.

Такова самая ярость небесная! Въ ней самой, въ выраженіи

ея—гнѣвъ; но въ волѣ, въ намѣреніи—жизнь! Это начало жизни, нетерпящее начала смерти, и потому тревожащееся, чтобы повергнуть его и уничтожить.

У людей—напротивъ! Тутъ нерѣдко бываетъ въ выраженіи и обхожденіи—любовь, а въ волѣ и намѣреніи—смерть.

Посему-то нѣкто изъ испытавшихъ небесную ярость и земную пріязнь говоритъ: да впаду лучше въ руки Божіи, нежели въ руки человѣческія; яко же бо величие Его, тако и милость Его!

XVI.

Вѣмъ избыточествовати, вѣмъ и лишатися.

Вотъ истинная мѣра совершенства и умѣренности! Умѣть лишаться значитъ не мало. Но сколь многіе, умѣя лишаться, не умѣютъ избыточествовать. А умѣть избыточествовать также нужно, какъ и умѣть лишаться. Ибо человѣкъ идетъ къ тому состоянію, что надобно будетъ только умѣть избыточествовать, а лишеній никакихъ уже не будетъ.

Какъ пріобрѣтается это великое вѣдѣніе избыточествовать? Безстрастіемъ. А безстрастіе? Самоотверженіемъ. А самоотверженіе? Умѣніемъ линяться. Послѣднее есть условіе и приготовленіе къ первому, хотя не всегда даетъ его, подобно тому, какъ цвѣтъ не всегда даетъ плодъ.

Умѣніе избыточествовать, подобно умѣнію лишаться, имѣеть свой корень, простираетъ свои вѣтви, цвѣтетъ и плодоноситъ въ душѣ. Но, въ высшей степени, самое бренное тѣло, качествуясь по душѣ, пріобрѣтаетъ умѣніе не только лишаться, но и избыточествовать. Величайшіе подвижники могли безъ всякаго вреда употреблять, когда хотѣли, всѣ роды снѣдей. Что это—какъ не вѣдѣніе избыточествовать въ самомъ дѣлѣ?

XVII.

Чадо Тимоѳео, трезвися о всемъ (2 Тим. 4, 5).

О всемъ, а не обѣ единомъ. У насъ трезвость, обыкновенно, сводится на воздержаніе отъ охмѣляющихъ напитковъ,— много, если и отъ излишнихъ яствъ; но у истиннаго христіанина должно быть не такъ.

Онъ трезвится во всемъ! обѣ излишнемъ употребленіи питья и яствъ нечего было и напоминать тѣмъ, кои, по апостолу, *умѣщвали тѣло свое, распинали плоть съ ея страстями и похотями;* а между тѣмъ св. подвижники любили говорить и пи-

сать о трезвости: есть цѣлые главы, даже книги, надписанныя: о трезвениіи духовномъ, о трезвениіи ума и проч.

Что это за трезвніе?

Душа, подобно тѣлу, имѣетъ своего рода питія и яства, при употребленіи коихъ потребна умѣренность; иначе можно упитьсѧ или пресытиться, и чрезъ то подвергнуться духовной болѣзни,—садѣваться, подобно нетрезвому, неспособному къ дѣйствованію правильнымъ образомъ,—допустить или произвести беспорядокъ, подать соблазнъ, впасть даже въ какое-либо преступление. Нуженъ примѣръ въ поясненіе дѣла? Посмотрите на упившагося ревностию *не по разуму*: онъ готовъ убивать за вѣру,—за то, что другие не такъ думаютъ, какъ онъ,—и, убивая, будетъ думать, что онъ приноситъ службу Богу.

XVIII.

Какъ хорошо, что нашъ Творецъ есть существо безпредѣльное, всесовершенное, такое, что у Него бездна всего не только для Него самого, но и для насъ! Теперь мы, какъ дѣти величайшаго богача, всего можемъ надѣяться и не боимся никакого стѣсненія въ своемъ бытіи. А что было бы дѣлать, если бы Творецъ нашъ былъ не такъ великъ, если бы мы могли видѣть предѣлы Его силъ и совершенствъ? Мы были бы похожи на крестьянинъ съ большими способностями у мелкаго помѣщика. Душа рвалась бы къ небу, а настъ заставили бы сидѣть весь вѣкъ въ передней или ходить за свиньями. Итакъ, слава Тебѣ Господи, и за Твою безпредѣльность!

XIX.

Какимъ образомъ произошли громады камней? Одни отвѣчаютъ—посредствомъ огня, другие—посредствомъ воды, трети—ни то ни се, или—и то и се. Все это кажется не такъ. Зачѣмъ заставлять огонь и воду производить камни, когда мы видимъ по опыту, что отъ нихъ камни распадаются и пропадаютъ?

Спрашиваю: въ человѣческомъ тѣлѣ есть ли камни? Не только есть, но и растутъ, наприм. кости. По какой системѣ? Нептунической? волканической? Нѣтъ, а по силѣ организма. Почему же не произойти и не происходить такимъ образомъ всему каменному и въ землѣ?

XX.

Состарѣніе въ тѣлѣ человѣческомъ обнаруживается между прочимъ оскудѣніемъ влаги: оттого старики и особенно старицы

бываются сгорблены и кожа покрыта морщинами. Не то же ли происходит съ землею? Воды во многихъ рѣкахъ видимо оскудѣли, а протоки и источники одинъ за другимъ вовсе изсыхаютъ. Въ замѣнъ сего умножается число бугровъ, логовинъ и неровностей.

XXI.

Подозрѣніе въ дѣлахъ житейскихъ простирающееся гораздо дальше достовѣрности, не всегда бываетъ вѣрно, но во многихъ случаяхъ оправдывается; почему не быть мѣсту подозрѣніямъ и въ области философіи? И то, что мы называемъ умозрѣніями, не суть ли большею частію чистыя подозрѣнія? Посему не худо бы заняться приложеніемъ правилъ обыкновенного, если угодно —юридического, подозрѣнія къ предметамъ метафизическими.

XXII.

Творецъ отдалъ нѣчто твари единожды и на всегда—невозвратно; это остается у твари. Когда она идетъ противъ Творца, этимъ она—такъ сказать—пробавляется и въ удаленіи отъ Него. Но Творецъ не все далъ, что нужно для блаженства; многое онъ предоставилъ непосредственному дѣйствію своему на тварь, что должно служить въ видѣ дара награды за вѣрность. Этого тварь непокорная не имѣетъ, а безъ этого не можетъ быть блаженною.

XXIII.

Можно ли видѣть ушами? Отчасти можно. Когда вы слышите извѣстный шумъ, то догадываетесь — какую форму имѣеть шумящее тѣло. Можно ли слышать глазами? Отчасти можно. Когда вы видите издали сильно вертящееся тѣло, то по фигурѣ его догадываетесь—какого рода шумъ долженъ отъ него происходить.

XXIV.

Преобразованія въ учрежденіяхъ политическихъ подобны плоду въ утробѣ матери: онѣ имѣютъ свое время зачатія, возрастанія и наконецъ рожденія. Революціи подобны выкидыванію младенцевъ: рѣдко выкинутое дитя остается живымъ. Слѣдовательно, надобно ждать всегда времени разрѣшенія? Да. Впрочемъ и естественные роды требуютъ иногда хирургической помощи.

XXV.

Между людьми есть не малое число людей, страждущихъ уныиемъ. Нѣтъ ли и между злыми духами духовъ сего рода? Между людьми есть съумасшедшие. Нѣтъ ли съумасшедшихъ и между бѣсами? Въ извѣстномъ смыслѣ, они и всѣ суть съумасшедшие, подобно какъ есть съумасшедшій всякий грѣшникъ. Но, кромѣ сего, нѣтъ ли такихъ духовъ, кои подобно съумасшедшемъ людямъ, потеряли свое сознаніе? Какъ ужасно должно быть съумасшествіе въ духѣ!

XXVI.

Понятія чѣмъ ниже и индивидуальнѣе, — тѣмъ богаче частными признаками, тѣмъ болѣе имѣютъ свою собственную физиономію, свой родъ жизни; а чѣмъ выше и общѣе, — тѣмъ бѣднѣе признаками и, разширяясь, можно сказать, пустѣютъ. Не то же ли и съ людьми? Съ возвышеніемъ по званію, человѣкъ дѣлается тоже пространнѣе, ему подчиняется многое, — но за то характеромъ, душою, чувствомъ, личностю пустѣеть. На языкѣ у него формулы болѣе общія; поступки его тянутся столбовою дорогою, въ шестерку; чувства сердца непрестанно подавляются отношеніями, приличіями, наконецъ избыткомъ.

XXVII.

У нѣкоторыхъ растеній прежде появляются плоды, а потомъ листья; не такъ ли бываетъ и съ нѣкоторыми людьми? Самыя лучшія, общеполезныя произведенія ихъ суть первыя; въ послѣдствіи, они производятъ одни листья, которые прикрываютъ ихъ наготу, но не могутъ питать другихъ. Между тѣмъ какъ у большей части людей бываютъ прежде листья, потомъ — цветы, а потомъ уже плоды, т. е. произведенія, годныя къ употребленію.

XXVIII.

Дѣтскій возрастъ самый невинный и самый смѣшливый. Значитъ, смѣхъ не всегда предполагаетъ злость. Бойтесь не столько тамъ, гдѣ надъ вами смѣются, сколько тамъ, гдѣ о васъ, по видимому, плачутъ. Самый злой человѣкъ въ минуты смѣха бываетъ добрѣе и не такъ опасенъ.

XXIX.

Для чего человѣкъ существуетъ? Если по дѣйствіямъ машины можно судить о намѣреніи художника, ее произведшаго; то,

къ сожалѣнію, должно сказать, что человѣкъ существуетъ, чтобы грѣшить: ибо человѣкъ, взятый въ сложности всѣхъ людей, ничего столько не дѣлаетъ, какъ грѣшить. Таковъ человѣкъ! Но онъ не машина; поэтому не должно прилагать къ нему закона о машинахъ и ихъ отношенія къ художникамъ. Или, если угодно удержать сравненіе, человѣкъ—машина, но испорченная. Часы испорченные врутъ и показываютъ не тотъ часъ; но какъ глупо было бы заключать изъ сего, что они сдѣланы художникомъ для того, чтобы врать и обманывать! О назначеніи, слѣдовательно, человѣка должно судить не по дѣйствіямъ его, а по его составу; а составъ человѣческій говорить о цѣли его совсѣмъ другое—что онъ созданъ для добродѣтели.

XXX.

Говорятъ, что лекарства самыя дѣйствительныя тѣ, по приемѣ коихъ болѣзнь ожесточается нѣсколько, чтобы потомъ ослабѣть и пройти. Можетъ быть, лекарства, дѣйствующія подобнымъ образомъ и пользуютъ; только я не думаю, чтобы онѣ были самыя лучшія для болѣзни, отъ коеи даются. Признакъ прямаго, дѣйствительнаго врачевства долженъ быть тотъ, что оно тотчасъ утишаетъ боль, производить облегченіе, оживляетъ больнаго и радуетъ; такъ точно и дѣйствуютъ нѣкоторыя лекарства; такъ должно дѣйствовать имъ и всѣмъ. Противное не естественно, хотя и можетъ быть иногда полезно. Подтвержденіе этого замѣчанія мы можемъ находить въ инстинктѣ. Извѣстно, что инстинктъ есть голосъ натуры; извѣстно также, что больные по инстинкту иногда сильно желають чего-нибудь, и удовлетвореніе (благоразумное) ихъ желанію служить имъ вмѣсто самого лучшаго лекарства. Спрашивается: какъ дѣйствуютъ эти лекарства? Производятъ отягченіе болѣзни? Нѣтъ, а тотчасъ сопровождаются сномъ и облегчаютъ. Вотъ норма къ оцѣнкѣ лекарствъ.

XXXI.

Греческая Церковь представляеть, въ сравненіи съ другими Церквами, нѣкоторую запоздалость, или какъ бы нѣкоторое полуумертвеніе, — неизбѣжное слѣдствіе ея внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ Церквами въ семъ отношеніи происходитъ тоже, что съ странами: которыя лежать подъ южнымъ солнцемъ, тамъ давно весна,—въ иныхъ уже лѣто; между тѣмъ какъ на сѣверѣ еще все цѣпенѣетъ отъ холода. За то сѣверъ любуется весною,

когда на югѣ близка осень. Въ самомъ дѣлѣ, не похожи ли некоторые Западныя Церкви уже на садъ осенній, съ коего собраны плоды, и у коего нѣтъ уже и достаточной тѣни отъ листьевъ деревеныхъ? А Греческая Церковь явно приготовляется стряхнуть съ себя иней и снѣгъ, и начать цвѣсти весеннимъ цвѣтомъ. Всего вѣроятнѣе, что Западнымъ Церквамъ, во вермѧ ихъ зимы, придется брать плоды свѣжіе отъ лѣта Греческой церкви.

XXXII.

Нельзя отрицать, что въ Церкви западной болѣе вигѣшняго единства, нежели въ восточной. Послѣдняя, особенно въ некоторые вѣка, представляеть *типъга disjuncta*. Но вотъ что удивительно, что, при такомъ сосредоточеніи Церкви западной, она не спаслась отъ раздробленія; между тѣмъ какъ восточная Церковь, несмотря на внѣшнюю разрозненность свою, осталась при древнемъ единствѣ и избѣгла раздробленій. Что раздробило Западъ? То, что тамъ слишкомъ участвовала сила центростремительная: сжимаемость усиленная раздробляетъ тѣло. Что удержало отъ разрозненія Востокъ? То, что въ немъ слабо дѣйствовали силы центробѣжныя. Почему слабо? Уже потому, кромѣ другихъ причинъ, что въ немъ мало было дѣйствія силы центростремительной. Кромѣ сего, счастіе всегда разъединяетъ людей, а несчастіе сближаетъ и связуетъ: Западъ былъ счастливъ и не тужилъ въ мирѣ съ самимъ собою; Востокъ страдалъ и искалъ единства.

XXXIII.

По плоти разждаются мертвые; не разждаются ли и по духу мертвые, т. е. не бываетъ ли и духовныхъ родинъ такъ несчастныхъ, какъ и плотскихъ? Минѣ кажется—бываетъ.

XXXIV.

Что есть наигорчайшаго въ бѣдности? Между прочимъ то, что она дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ.

XXXV.

Если на судѣ Божіемъ будуть испытаны не только дѣла, но и самыя слова и мысли худыя; то тѣмъ паче не будутъ забыты слова и мысли добрыя. Значить, не мало значить то, чтобы при недостаткѣ добрыхъ дѣлъ, какъ можно болѣе думать о добромъ. Трудно ли это?...

XXXVI.

Возстануть лжехристи, и дадять знаменія велия и чудеса, яко прельстити, аще возможно, и избранныя (Мате. 24, 24). Сила сихъ словъ та: много знаменій и число чудесъ будетъ велико, что по всѣмъ правиламъ разсудка надобно повѣрить имъ, прельститься ими. Почему же избранные не прельстятся? Потому что они слѣдуютъ не одному разсудку: у нихъ есть нѣчто вышее разсудка. Что такое? Совѣсть, чувство внутреннее и истинно-духовное—Духъ Святый. Бѣда безъ разсудка, бѣда и съ разсудкомъ. Одинъ развѣ данъ худой вождь? А сколько людей, кои кромѣ своего разсудка не хотятъ и слышать о другомъ вождѣ! Оттого-то какъ мало надобно и знаменій, чтобы прельстить ихъ, повести за собою, не смотря на разсудокъ ихъ, какъ пѣнныхъ, хоть на край свѣта!

XXXVII.

Какое нающутительнѣйшее нынѣ доказательство свободы человѣка? Его противоборство закону и совѣсти. Тутъ всякий невольно ощущаетъ въ себѣ дѣйственность *) и вмѣстѣ возможность поступать такъ и иначе. Несчастное доказательство, несчастная свобода, несчастный человѣкъ!

XXXVIII.

Неизбѣжимая невыгода людей, состоящихъ на вершинѣ общественныхъ должностей, есть одиночество: все ниже ихъ и далеко отъ нихъ. Вокругъ ихъ только барьеры и разные истуканчики—слуги и льстецы. На нихъ—первые лучи солнца; на нихъ первыхъ—градъ, снѣгъ и даже молния.

XXXIX.

Отъ чего не раскаянъ діаволь? Отъ того, что онъ не знаетъ болѣзни и смерти. Почему не знаетъ? Потому что у него нѣть тѣла. Боль даетъ знать скорѣе, вѣрнѣе и сильнѣе всего, что значить грѣхъ.

XL.

Говорятъ, что мы о собственномъ образѣ бытія Божія вовсе не знаемъ ничего. Нѣть,—такъ нельзя говорить,—знаемъ нѣчто.

*) По всей вѣроятности описка — вмѣсто двойственности.

Напр. мы знаемъ и увѣрены, что Богъ знаетъ все будущее. Но это черта, явно, не нашего образа бытія, а божественнаго. Еще другое отношение: въ насъ, или лучше сказать—во всѣхъ разумныхъ тваряхъ есть двойственность закона съ волею. Чувствуешь, что въ тебѣ есть законъ не отъ тебя, а для тебя,—что онъ выше тебя и есть нѣчто тебя превосходящее, отъ тебя независимое. Въ Богѣ эта двойственность быть не можетъ: тамъ воля есть сама себѣ законъ. *Посему stat pro ratione voluntas* въ отношении къ Богу есть чистая истина. Это худо только въ отношении къ тварямъ.

XL.I.

Въ нѣкоторыя минуты чувствуешь, что ты существенно состояшь изъ головы и сердца, что въ этихъ однихъ мѣстахъ есть нѣчто такое, безъ чего ты быть не можешь.

XL.II.

Изгнаніе Златоуста есть примѣръ разительный столкновенія ревности пастырской съ духомъ міра.

XL.III.

Тѣ, кои не допускаютъ паденія духовъ, человѣка.... *), всей твари, непремѣнно должны допустить два начала—добroe и злое. Ибо въ мірѣ ясно видны двѣ струи—свѣтлая и мрачная, и обѣ параллельны, сколько можетъ завидѣть ихъ глазъ нашъ.

XL.IV.

Какой лучшій образъ представлениія Бога?— Какъ высочайше свободного. Въ свободу надобно сводить окончательно всѣ дѣйствія Божественныхъ, самый умъ, самыя идеи. Такъ и поступаетъ свящ. писаніе. О, какъ оно глубже и премудрѣе нашихъ теорій и системъ!

XL.V.

По учению рационалистовъ, христіанская религія есть религія самая лучшая къ укрѣплению человѣка въ добродѣтели, къ вождешевленію его вѣры упованіемъ. По моему, они или лгутъ, обманываютъ, или сами не понимаютъ того, что говорятъ. Какое укрѣпленіе вѣрованіемъ если Христосъ умеръ и не воскресъ? Какая подpora вѣры, если жизнь такого святѣйша-

*) Пропускъ въ рукописи.

го Лица, какъ Сынъ Марию, окончилась такъ, какъ она оканчивается по мнѣнию іудеевъ? Въ такомъ случаѣ исторія Пророка Назаретскаго есть новое неразрѣшенное возраженіе противъ міроправленія Божественнаго.

Неологи утверждаютъ, что Христосъ возвращенъ къ жизни попечениемъ друзей Его,—и въ этомъ самомъ, что Онъ, будучи распятъ, могъ не умереть, возвратиться опять къ жизни,—находя знаменіе Промыслы о Немъ, знакъ любви къ Нему Божіей. Великій знакъ любви—не умереть, претерпѣвши всѣ мученія смерти! Скорѣе, это знакъ любви дружеской. Важная награда за такой подвигъ—остаться въ живыхъ съ тѣмъ, чтобы потомъ прожить еще 20 и 30 лѣтъ во мракѣ дѣлателя, какъ то предполагается о И. Христѣ неологами!... Нѣтъ, господа, этимъ вы немногихъ захотите говорить истину Каїфамъ и Пилатамъ.

Мученики умирали не за обмершаго и ожившаго Христа....*)
Изчезнетъ все достоинство, вся угѣшительность вѣры христіанской.

XLVI.

Одна изъ величайшихъ тайнъ всемогущества Божія, или другимъ языкомъ—творческая сила природы проявляется въ образѣ происхожденія на свѣтѣ тварей: посему естествоиспытателямъ всего болѣе надобно обращать на это вниманіе. Образы рожденія различны; но смерть для всѣхъ одинакова.

XLVII.

Въ болѣзни обнаруживаются сочувствія членовъ тѣхъ, кои состоятъ въ особенной связи дружества или противоположности. Тоже бываетъ въ несчастіи: тутъ видно — кто истинный пріятель, и кто врагъ.

XLVIII.

Рѣка все живое поглощаетъ, а коль скоро поглощенное ею умираетъ, то извергаетъ на поверхность и выбрасываетъ на берегъ. Не такъ ли поступаетъ и рѣка времени со многими великими людьми? Доколѣ они живы,—она влечетъ ихъ въ глубину неизвѣстности, пренебреженія, а по смерти представляетъ взору всѣхъ и каждого.

*) Въ рукописи написано всплошь, но тутъ очевидно пропускъ.

XLIX.

Когда у солнца повороть на зиму,—тогда у насть наступаетъ больше жара; а когда поворотъ на лѣто,—сильные, большіе наступаютъ морозы. Не такъ ли и съ судьбою человѣка? Не тогда ли начинается противный поворотъ, когда человѣкъ находится среди высшаго или счастія или несчастія?

L.

Человѣкъ самый обыкновенный любить, чтобы вѣрили ему на слово, и обижается знакомъ недовѣрія, не охотно опирается на доказательства, хотя не имѣеть въ нихъ недостатка. Какъ же Творцу не требовать вѣры отъ своей твари? Какъ не обижаться, когда не хотятъ... *) сдѣлать ни одного шагу, не высмотрѣвъ прежде—куда ведетъ, и что тамъ будетъ... **)? Право, мы себя трактуемъ какъ боговъ, а Бога какъ нашего какого-либо должника или непріятеля. Отцу и матери вѣрять, друзьямъ и товарищамъ вѣрять, великому ***) не безчестному человѣку вѣрять, а Богу не хотять вѣрить и требуютъ доказательствъ!

LI.

Спрашиваютъ: какъ Робеспьеръ, не имѣя отличныхъ талантовъ, взошелъ на самый верхъ Франціи, въ самое бурное время ея? Отвѣтъ на сіе—въ той же бурѣ, которая бушевала надъ Франціей, и въ томъ, что Робеспьеръ былъ легче всѣхъ другихъ,—почему вихрь и поднялъ его выше всѣхъ. Въ чемъ эта легкость? Въ томъ, что онъ не имѣлъ никакихъ привязанностей, былъ самоотверженъ, честенъ, не подкупенъ, фанатически стремился къ одному же и тому же... Еще: давленія во время землетрясенія, нерѣдко поднимаютъ, съ поверхности, даже со дна моря, горы къ облакамъ, и такимъ образомъ—что было внизу, оказывается выше всего, напр. раковины. Тоже и съ Робеспьеромъ и ему подобными. Волканъ революціи поднялъ надъ всѣми—почему—ихъ именно? Потому что они находились надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, которое взорвалъ вихрь, то есть, своимъ об-

*) Въ рукописи написано: «не хотить Нимъ и по гласу сдѣлать... очевидная неправильность. Не должно ли исправить: не хотить предъ Нимъ иногда?...»

**); Опять написано: «будеть — собственно мизами» (?) Не должно ли читать: *собственныли глазами*

***) Конечно — опуска, вмѣсто: *всякому*.

разомъ? мыслей и внѣшнимъ положеніемъ были у самаго сердца революціи.

LII.

Есть внезапная смерть тѣлесная. Есть внезапная смерть духовная, наприм. паденіе денности.

LIII.

Болѣзнь самая смертельная можетъ случиться толчкомъ, чрезъ одно прикосновеніе. А здоровье Самое слабое не сообщается ниже посредствомъ многихъ и сильныхъ ударовъ. Что значитъ это? Или смерть важнѣе жизни? Не можетъ быть. Если такъ бываетъ, то потому, что жизнь, какъ прахъ, ослабѣла. А когда она выше,—то ложе, однимъ прикосновеніемъ, мгновенно слѣдуетъ смерти отраженіе, убываетъ зараза, возвращаетъ здоровье и жизнь *). Примѣръ—прикосновенія Спасителя.

LIV.

Какъ ни величественъ сводъ небесный, но коль скоро внимательно посмотришь на него, то тотчасъ чувствуешь, что (это) одна изнанка, а лицо—*тамъ!*

LV.

Есть ли въ звѣздномъ небѣ какое либо правильное расположение? Въ общай сложности, по видимому, нѣтъ. Все размѣстилось какъ будто послѣ какого-либо сотрясенія сильнаго: тамъ сгустилося, инѣѣ правильною фигурою, инѣѣ какъ попало. Между тѣмъ совершенно-правильныя геометрическія фигуры въ размѣщеріи нѣкоторыхъ звѣздъ показываютъ, что при размѣщеніи былъ не только смыслъ, но и умъ геометрическій. Этотъ отрывокъ порядка наводить на мысль о порядкѣ въ цѣломъ. Есть онъ и теперь, или былъ? Можно утверждать то и другое. Въ первомъ случаѣ надобно говорить, что съ нашей точки зрѣнія не видно цѣлаго, а потому не видно и порядка. Въ послѣднемъ случаѣ,—основываясь на томъ, что видѣли на дѣлѣ, какъ оно есть.

*) Такимъ написано; но тутъ списано, по всей вѣроятности, неправиль хотя смыслъ понятенъ.

LVI.

Грѣхъ беретъ человѣка или силою, не давая ему опомниться, какъ гнѣвъ,—или хитростью, какъ прочіе пороки.

LVII.

Можно ли возвратить невинность тѣлесную? Нельзя. А невинность духовную и нравственную? Должно быть, также нельзя. А говорятъ, можно! Такъ ли, и почему такъ, если такъ?

LVIII.

Бога боюся, и—никого не боюся. Бога не боюся, и — всего и всѣхъ боюся.

LIX.

Богъ сотворилъ міръ—по какому образу? У Бога нѣтъ другаго образа, кромѣ собственнаго. Если такъ, то міръ сотворенъ по образу Божію; слѣдовательно долженъ отражать въ себѣ всю Троицу. И точно, *in toto mundo lucet trinitas*, какъ сказаль еще древнѣйшій языческій философъ. Какая Троица? Та самая, коей учитъ христіанство. Вездѣ видно отчество; вездѣ слышно слово; все дышетъ духомъ, и вездѣ вѣетъ духъ.

LX.

Богъ говоритъ: *смертию умреши*, діаволь—противное. Богу не вѣрить, а діаволу вѣрить, повѣрить въ раю, вѣрить и теперь—это абсурдъ. Но таковъ грѣхъ, онъ всегда есть родъ помѣшательства.

LXI.

Въ мірѣ діавольскомъ нѣтъ смерти, — но лучше ли? Тамъ нѣтъ и покаянія.

LXII.

Разбойнику на крестѣ кающемся сказано: *днесъ со Мною будеши въ раю*. Однакоже, послѣ такого успокоительного изреченія, ему перебиты голени. Знакъ, что наказанія не отпускаются и послѣ прощенія. Почему? По ихъ, вѣроятно, нравственной нуждѣ для наказуемаго.

LXIII.

Крайность въ порокѣ можетъ быть полезна для добродѣтели: тутъ видна становится вся неестественность порока, и онъ дѣлается тяжелымъ для души и невыносимымъ. Если когда, то въ минуту крайности грѣха можетъ быть поворотъ назадъ — въ область добродѣтели.

LXIV.

Есть внутри насъ законъ нравственный и свободы; следовательно, есть внѣ насъ Богъ и бессмертие. Это сущность метафизики и нравственности.

LXV.

Грамматика, особенно глаголъ, могутъ быть рассматриваемы какъ вывѣска свободы и духовности души. Можетъ ли вѣщество сказать: ступай, дѣтай то или то! — Сослагательное наклоненіе все дышетъ умомъ и свободою. Прошедшее и будущее времена — знакъ современности души, то, что она не заключена въ настоящемъ.

LXVI.

Тогда не постыжуся, всегда призѣти ми на вся заповѣди Твоя
(Псал. 118, 6).

Подлинно, человѣкъ тогда только можетъ быть пріятень Богу, когда онъ добродѣтеленъ истиинно, а истиинно добродѣтеленъ онъ тогда, когда добродѣтеленъ весь, всегда и во всемъ.

Но когда же будетъ это вожделѣнное *тогда?* Гдѣ взять такой добродѣтели? — Хорошо, по крайней мѣрѣ, если человѣкъ хотя *призираетъ на вся заповѣди*, чувствуетъ себя обязаннымъ ковсякому благому дѣлу, прилагаетъ стараніе быть непорочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, не почитаетъ для себя позволеннымъ ничего, противнаго закону: хорошо и это! А прочее, многое еще, очень многое — содѣлаетъ самъ Господь и Его благодать всемощная — для тѣхъ, которые *призираютъ*? неуклонно смотрять на *всѣ заповѣди* Его.

LXVII.

Окованные сердцемъ въ мудрости (Псал. 89, 12).

Быть окованнымъ въ мудрости, по видимому, очень хорошо: оправа прекрасная! Но быть окованнымъ сердцемъ — это ужасно

съ первого взгляда. И однако же есть люди—окованные сердцемъ въ мудрости! Кто это? Тѣ, кои, погнавшись за мудростю и познаніями, потеряли изъ виду любовь: кои холоднымъ познаніямъ, сухимъ теоріямъ, отвлеченнымъ словопреніямъ дали охладить свое чувство, изсушить свое сердце. Посмотрите на иного мудреца!... У него бездна познаній; онъ весь въ соображеніяхъ; что шагъ, то цѣль и планъ. А сердце! бѣдное сердце заключено въ этой мудрости, какъ въ темницѣ; кругомъ оковано разсчетами, не смѣетъ пошевелиться для милости и состраданія.

Такая окованность сердца есть почти неизбѣжная доля мудрствующихъ по стихіямъ міра, ибо земная мудрость, по природѣ—желѣзного (силиерического) свойства. Мудрость небесная, на-противъ, даетъ движение и пространство сердцу; потому что она по природѣ своей исполнена *милости и плодовъ благихъ* (Іак. 3, 17).

LXVIII.

*Въ сердцѣ моемъ скрыхъ слова Твоя, яко да не согрешу Тебѣ
(Псал. п8, и).*

Вотъ куда надобно класть библію тому, кто, при помощи ея, хочетъ избавиться отъ проклятой привычки грѣшить! На какомъ бы почетномъ мѣстѣ она ни была постановлена, все стоитъ еще не на своемъ мѣстѣ, покуда не будетъ скрыта въ сердцѣ. Эту истину надобно замѣтить особенно тѣмъ, кои любятъ библію въ богатыхъ оправахъ, за золотыми рамами.

Какъ скрывать библію въ сердцѣ? — Прилежнымъ чтенiemъ ея, прилежнымъ размышеніемъ о ней и ея содержаніи, прилежнымъ наконецъ выполнениемъ того, что въ ней написано.

LXIX.

Расточи гордыя мыслію сердца ихъ (Лук. 1, 51).

Вотъ средство у премудрости Божіей къ наказанію гордыихъ! Для сего не нужно никакихъ усилий, никакихъ особенныхъ мѣръ: довольно одной мысли—ихъ же собственного сердца. *Расточи мыслію сердца ихъ.* Какъ мысль расточаетъ гордыихъ? Весьма естественно и вмѣстѣ необходимо. У смиренного сердца какъ глубокій кладезь, въ коемъ вода стоить тихо, зыблась отъ вѣяния благодати Божіей, отражая въ себѣ полный ликъ духовнаго солнца, и источая изъ себя токи благихъ мыслей и дѣлъ. А у

гордаго сердце какъ гордый кипучій родникъ, который, падая съ утеса на утесь, разлетается непрестанно въ брызгахъ. Разлетаясь сами, мысли гордыхъ расточаютъ ихъ самихъ. Увлекаясь то тѣмъ, то другимъ высокомѣрнымъ замысломъ, гордый непрестанно, такъ сказать, раздробляется на части, расточаетъ напрасно свои силы, способности и самое время. Покушаясь на многое, превыше силъ, онъ нерѣдко падаетъ и разбивается. Еще сильнѣе действуетъ сей законъ расточенія въ приложениіи ко многимъ гордымъ. Имъ никакъ нельзя ужиться вмѣстѣ. Мысли сердца ихъ идутъ на перекорь одна другой, и заставляютъ ихъ не терпѣть другъ друга. *Расточи гордыя мыслію сердца ихъ.*

LXX.

И молиша Его много, да не послеть ихъ въѣ страны. Бѣ же ту при горѣ стадо свиное веліе пасомо: молиша Его вси бѣси, глаголюще: посли ны во свинія, да въ ия видѣль (Марк. 5, 10—12).

Какая ужасно-жалкая молитва! Просить, какъ особенной милости—позвolenія войти на пребываніе во стадо свиней: можетъ ли быть участъ презрѣннѣ? И кто просить такой жалкой милости? Безплотные духи, кои обитали нѣкогда на небѣ, обладали величайшою силою и властію, выну блаженствовали во свѣтѣ лица Божія.

Вотъ что значитъ грѣхъ! Ибо грѣхъ свергнулъ сатану и ангеловъ его съ неба; грѣхъ сдѣлалъ ихъ столь несчастными, что позволеніе войти въ стадо свиней составляетъ для нихъ великую милость.

Въ одномъ ли мірѣ духовъ грѣхъ производить такое ужасное превращеніе? Нѣтъ;—ведѣ, гдѣ только можетъ появиться хотя тѣнь грѣха. Съ намѣреніемъ говоримъ: тѣнь грѣха. Въ мірѣ вещественномъ, среди твореній неразумныхъ, нѣтъ грѣха въ собственномъ его видѣ, поелику нѣтъ и свободы: но и здѣсь можетъ быть тѣнь грѣха,—уклоненіе отъ лучшихъ законовъ бытія къ менѣе совершеннымъ. Ибо каждая тварь можетъ со всею точностію слѣдовать образцовой формѣ своей породы, можетъ и уклоняться отъ нея, не достигать, такъ сказать, своего предназначенія вполнѣ. Это самое мы называемъ тѣнью грѣха.

Что же производить сія тѣни?

Всегда сопровождается несовершенствомъ, безобразіемъ, слабостію, бренностию. Возьмите кристаллы съ неправильными гра-

нями, съ незаконнымъ, такъ сказать, изломомъ: въ немъ нѣть надлежащей чистоты и блеска; онъ ломокъ и малоцѣненъ. Посмотрите на растеніе, уклоняющееся отъ образца своей породы: оно малоросло, криво, безобразно; менѣе приноситъ плодовъ, живетъ не такъ долго. Обратите вниманіе на животныхъ, произшедшихъ отъ неестественнаго смѣшения породъ: они бывають также малорослы, слабы и неспособны къ продолженію своего рода.

Производя такимъ образомъ безобразіе и разрушеніе на обоихъ концахъ мірозданія,—въ мірѣ духовъ и въ мірѣ вещественномъ, грѣхъ съ особеною свирѣпостію обнаруживаетъ ядовитую силу свою въ средоточіи творенія, гдѣ стоитъ человѣкъ. Какъ существо, связующее между собою видимое и тѣлесное съ невидимымъ и духовнымъ, какъ сокращеніе всего сотвореннаго, человѣкъ по тому самому способенъ и къ самому высшему блаженству и къ самому большому несчастію. Посему грѣхъ никого такъ не губить, какъ человѣка. И въ мірѣ вещественномъ, и въ мірѣ духовномъ грѣхъ произвелъ смерть; но въ первомъ одну тѣлесную, въ послѣднемъ одну духовную: въ человѣкѣ грѣхъ произвелъ смерть сугубую, тѣлесную и духовную. Въ самомъ адѣ будетъ едва ли не отраднѣе злому духу, нежели нераскаянному грѣшнику: ибо духъ будетъ мучиться однимъ духомъ, а грѣшный человѣкъ—духомъ и тѣломъ.

Итакъ, человѣкъ, бойся болѣе всего грѣха: это первый и послѣдній врагъ твой!

LXXI.

Отчасти разумѣваемъ (1 Кор. 13, 9.)

Такъ уже 18 вѣковъ провозглашаетъ вѣра, а бѣдный разумъ доселѣ не слышитъ сего, и нерѣдко кричитъ, что вѣра несовмѣстна съ разумомъ. Нѣть, вѣра *разумѣваетъ* такъ же, какъ и разумъ, разумѣваетъ еще лучше разума то, что разумѣваетъ, только разумѣваетъ *отчасти*. А разумъ, который все берется разумѣть и истолковать,—развѣ все и совершенно разумѣеть? Кругъ познаній, какъ и шаръ земной, не имѣеть ли своихъ, недоступныхъ изслѣдованию—полюсовъ? На самой срединѣ познаній, какъ подъ экваторомъ, нѣтъ ли земель, куда еще не ступила нога ни одного мыслителя?—*отчасти*—есть удѣль всѣхъ нашихъ познаній, удѣль неизбѣжный не только для земнаго бытія, а, по всей вѣроятности, и для вѣчнаго. Всевѣдущъ единъ Богъ.

Напротивъ, если сравнить — отчасти разумѣваель вѣры съ отчасти—разумѣваель разума; то послѣднее во многихъ отношеніяхъ окажется тѣснѣе и бѣднѣе перваго. Для совершеннаго убѣжденія въ семъ, стоить только взять одно простое оглавленіе предметовъ, входящихъ въ составъ вѣроученія христіанскаго, и предметовъ, надъ коими трудится философія: сличивъ одно съ другимъ, вы увидите, что кругъ вѣроученія гораздо обширнѣе круга философіи, что первое обнимаетъ много такого, весьма важнаго, сторонъ бытія человѣка и вещей, до коихъ философія не доходитъ и дойти не можетъ.

LXXII.

Аще земная рекохъ ватъ, и не вѣруете: како, аще реку ватъ небесная, увѣруете? (Іоан. 3, 12.)

Значить, небесное очень, очень не похоже на земное! Не похоже до того, что хотя бы оно было открыто, и притомъ такимъ пренебеснымъ лицемъ, каковъ былъ Иисусъ Христосъ: и тогда бы не нашло себѣ вѣры между нами!...

Отъ чего такъ? — отъ крайней отдаленности предметовъ небесныхъ отъ всего земнаго. Астрономія сказываетъ намъ, что и вещественное небо, хотя оно подлежитъ даже чувственному взору нашему, устроено однако же по другимъ законамъ, нежели какіе въ силѣ, большею частію, у насъ, на землѣ: кольми паче должно быть многое и многое инаково, нежели у насъ, на нѣбѣ духовномъ.

Вообщѣ, чѣмъ выше образъ бытія, тѣмъ онъ противоположнѣе образу бытія самому низшему: это мы видимъ на всей лѣстницѣ существъ, кои подъ нами. Но нашъ настоящій образъ бытія въ отношеніи къ миру духовному, явно, есть первая ступень. Удивительно ли же, если онъ не только отмѣненъ, даже противоположенъ образу бытія небеснаго?

А находясь въ состояніи противоположности небесному, удивительно ли, если мы не можемъ понимать послѣдняго?

И вотъ, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ, почему св. писаніе такъ немного говорить намъ о тайнахъ вѣка грядущаго, о состояніи нашемъ по смерти.

Какъ говорить о томъ, для чего въ нашемъ умѣ нѣть понять, а въ нашемъ языкѣ— словъ? Опытъ св. Павла, который былъ восхищенъ въ рай, прекрасно поясняетъ сю важную истину. Въ раю Апостолъ видѣлъ и слышалъ многое, чего никакъ

нельзя видѣть и слышать на землѣ. Нѣкое понятіе о видѣнномъ и слышанномъ осталось въ немъ и по возвращеніи на землю. Но что же? Онъ не находилъ на языкѣ человѣческомъ словъ къ пересказанію того, что видѣлъ и слышалъ. Даже не могъ навѣрное сказать (ибо не зналъ навѣрное): въ тѣлѣ ли онъ былъ тогда, какъ находился въ раю, или внѣ тѣла? Такъ все видѣнное и слышанное имъ на небѣ было не похоже на все наше земное!— Такъ самое состояніе его въ это время было отмѣнно отъ всѣхъ нашихъ и обыкновенныхъ, и самыхъ необыкновенныхъ, состояній!

Что изъ сего? То во-первыхъ, что бы несудить о небесномъ по земному. Большей части того что мы заѣсь дивимъ, слышимъ, чѣмъ занимаемся, — тамъ вовсе не мѣсто; а напротивъ тамъ именно мѣсто тому *яже око не видѣ, ухо не слыша, и яже на сердце человѣку не взыдоша.*

Во-вторыхъ, не будемъ скучать тѣмъ, что не открыты намъ подробности будущаго нашего состоянія за гробомъ. Напротивъ, это должно радовать и утѣшать насть; потому что такъ поступлено именно по причинѣ величія сего состоянія и крайней возвышенности его предъ состояніемъ нашимъ настоящимъ.

Въ-третьихъ, не будемъ прильпляться много къ настоящему нашему земному образу бытія; потому что онъ не только данъ на время, и притомъ весьма краткое, но и во многомъ противоположенъ нашему образу бытія будущему, такъ что прильпившійся къ нему, по тому самому не скоро и не удобно можетъ сродниться съ образомъ бытія высшимъ. Напротивъ, будемъ, по возможности, заранѣе отрѣшаться отъ всѣхъ земныхъ и плотскихъ связей, и возноситься къ образу бытія высшаго, коего главныя черты указаны намъ въ словѣ Божіемъ, и коего образецъ оставили намъ въ себѣ св. Божіи человѣки. Сего требуетъ собственное вѣчное благо наше.

LXXIII.

Отметаясь Сына, ни Отца и пати; а исповѣдуя Сына и Отца и пати (Иоан. 2, 23).

Нѣкоторые (и мало ли такихъ?), отметаясь Сына, думаютъ однако же имѣть Отца: нѣкоторые лаже (такъ по крайней мѣрѣ говорятъ они) для того и отмечаются Сына, чтобы имѣть Отца. Да вѣдаютъ же таковые всѣ, что это не возможно, рѣшительно не возможно: *отметаясь Сына, потому самому—ни Отца и пати!...*

Хочется знать: почему такъ? Потому, что—*никто же знаетъ Отца, токмо Сынъ, и ему же аще волить Сынъ открыти:* но какъ Онъ откроетъ Отца тому, кто отмечается Его самого?... Потому, что *никто же можетъ прійти ко Отцу, токмо Сыномъ;* но какъ Сынъ поведетъ чрезъ Себя къ Отцу, когда убѣгаютъ отъ Него самого?... Потому наконецъ, что *Сынъ и Отецъ суть едино!*

Какъ же послѣ сего жалка участъ тѣхъ, кои всю жизнь проводятъ надъ тѣмъ, чтобы познать Отца безъ Сына!... И не подобно ли это тому, какъ если бы кто усиливался познать солнце безъ лучей его,—громъ безъ звука, имъ производимаго,—вѣтеръ —безъ движенія воздуха?

LXXIV.

Всегда радуйтесь (1 Сол. 5, 16).

Значитъ, оптимизмъ, или—что «все къ лучшему», не мечта. Иначе, какъ бы можно было всегда радоваться? Радость есть чувство не произвольное: когда человѣку хорошо, — то онъ, и безъ позволенія, самодоволень и веселъ; а когда кому худо, то, сколько бы ни приглашали его радоваться, не зарадуешься.

И дѣйствительно, св. Павелъ, прежде нежели сказалъ: *всегда радуйтесь*, давно уже изрекъ, что *вѣрючи въ Бога вся споспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8, 28). Послѣ сего очень понятно, какъ можно всегда радоваться; даже непонятно, какъ бы послѣ сего можно было не всегда радоваться: ибо если вѣрющимъ все споспѣшствуетъ во благое; а благое, по самому существу своему, таковокаго, что вся и всегда можетъ радовать: то въ такомъ случаѣ печалиться, особенно безотрадно, свойственно только тому, кто не вѣруетъ въ Бога. Но жалателю знать, на чёмъ опираясь, проповѣдуютъ оптимизмъ тѣ, кои проповѣдуютъ его безъ вѣры въ Бога и Ходатая Бога и человѣковъ, безъ Коего вѣра въ Бога не столько радуетъ, сколько страшить человѣка-грѣшника? Въ такомъ случаѣ, скорѣе надобно сказать наоборотъ, вмѣсто: *всегда радуйтесь—всегда скорбите!* Ибо посмотрите на себя и вокругъ себя безпристрастно: много ли причинъ ко всегдашней радости? Соломонъ умѣль находить источники радости; онъ особенно трудился надъ открытиемъ и умножениемъ ихъ: что же? На днѣ всякой радости онъ находилъ —*суету и крушеніе духа!*... Безъ Бога и Единороднаго Сына Его, Спасителя человѣковъ, нѣтъ радости для человѣковъ. *Всегда ра-*

доваться можетъ и долженъ только одинъ истинныи христіа-
нинъ.

LXXV.

Велика вещь человѣкъ (Прем. 20, 6).

Такъ велика, что самъ великій Цѣнитель и Судія всяческихъ ставилъ ее выше всѣхъ вещей въ мірѣ. Кая польза человѣку, говоритъ Онъ, аще пріобрѣшетъ міръ весь, душу же свою от-
щепить?

Велика вещь человѣкъ, потому что сія вещь произошла отъ Величайшаго, въ слѣдствіе великаго Совѣта, и стоила не мало. *И рече Богъ: сотвориши человѣка* (Быт. 1, 26). *И созда Богъ человѣка, перстъ вземъ отъ земли, и вдуни въ лице его дыханіе жизни* (Быт. 2, 7).

Велика вещь человѣкъ, потому что сія вещь имѣеть величайшее значение и чрезвычайно много заключаетъ въ себѣ. *И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27).

Велика вещь человѣкъ, потому что предназначена для великихъ цѣлей. *И благослови Богъ (человѣка), глаголи: раститесь, и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею* (Быт. 1, 28). *И взя Богъ человѣка, егоже созда, и введе его въ рай сла-
дости, дѣлами его и хранити* (Быт. 2, 15).

Велика вещь человѣкъ, потому что и паденіе этой вещи превратило и опрокинуло за собою все. *Вѣлы, яко вся тварь совоз-
дыкаетъ и сблѣзнуеть съ нами даже донынѣ. Суетѣ бо тварь
повинуся не волею, но за повинувшаго ю (человѣка)* (Рим. 8, 20—22).

А какъ щѣнится сія великая вещь у самихъ человѣковъ?
Чему не подчиняется? На что не мѣняется?

Человѣкъ подобенъ сыну и наслѣднику великаго царя, который, находясь съ малолѣтства въ изгнаніи, забылъ о своемъ великому происхожденіи и столько же великому предназначеннію. Посему первый и послѣдній урокъ человѣку долженъ быть: *познай самаго себя!*

LXXVI.

*Открый очи мои, и разумѣю чудеса отъ закона Твоего
(Псал. 118, 18).*

Какія очи? Безъ сомнѣнія, не чувственныя, а духовныя: —

очи ума, и еще болѣе—очки *сердца*, просвѣщенія коихъ свѣтомъ благодати такъ уседно желалъ нѣкогда апостолъ Павелъ своимъ возлюбленнымъ ученикамъ Ефесскимъ (Еф. 1, 18). Въ естественномъ падшемъ состояніи человѣка, очи сіи закрыты, какъ у слѣпорожденныхъ, а ими-ти одними и можно видѣть чудеса закона Божія. Чудеса, а не смыслъ обыкновенный закона: послѣдній видимъ и очами разума естественного. Но законъ Божій имѣетъ не только смыслъ, подобно законамъ человѣческимъ, но и чудеса, какъ произведеніе премудрости Божественной. Въ семъ отношеніи откровеніе Божіе подобно видимой природѣ: порядокъ, величие, красота видны въ ней и для слабаго глаза; но чтобы видѣть внутренній составъ вселенной, для сего потребно прозрѣніе по рѣ поверхность вещей,—глазъ особенный.

Обыкновеннымъ вѣдѣніемъ закона св. Давидъ давно обладалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что въ законѣ Божіемъ скрывается стократъ болѣе, нежели онъ видитъ, и что для уразумѣнія послѣдняго тѣхъ очей, коими онъ видѣлъ, не достаточно, — и вотъ онъ молитъ Самого Законодателя, открыть ему очи, дабы видѣть уже не смыслъ, а самыя чудеса закона Божія, то, что въ немъ есть превосходящаго нашъ разумъ. Не слѣдствіемъ ли открытия сихъ очей въ Давидѣ былъ Псаломъ (118), гдѣ такъ разительно и подробно описываются совершенства закона Божія? — А можетъ быть слѣдствіемъ сего былъ не Псаломъ, а безмолвіе: предъ чудесами не разговоришь...

LXXVII.

Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю (Иоан. 5, 17).

Какъ же сказано у Моисея: *и почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори?*—Ужели шестидневное твореніе было не полное, такъ что, послѣ нѣкотораго успокоенія, опять надлежало приниматься за дѣло и продолжать его или до-канчивать?

Нѣтъ, тогда было сдѣлано все, что нужно, и все сдѣланное было весьма хорошо, какъ показываетъ отзывъ о дѣлѣ самого великаго Дѣмателя;— посему и покой Божій быть всецѣлый и продолжался бы всегда, если бы не открылось нужды въ новомъ твореніи. Кто открылъ сию нужду? Ты, человѣкъ. Какъ?—Твоимъ паденіемъ и превращеніемъ чрезъ него всѣхъ вещей.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты палъ съ высоты богоподобія и убился до смерти, Отецъ и Сынъ доселѣ снова дѣлаютъ, и будутъ дѣлать дотолѣ, пока ты не воскреснешь и не возстанешь, не

начнешь жить всею полнотою первобытной жизни, не станешь наки на свое място, и чрезъ тебя не возстановятся и не возглавятся и всѣ прочія твари. Дѣланіе въ то время, когда бы прележало только покоиться, само по себѣ есть состояніе не вожделѣнное: но человѣкъ, нарушивъ покой Божій и заставивъ любовь Творца своего снова дѣйствовать и, такъ сказать, трудиться, не только не облегчаетъ собою этого труда, но всемѣрно отягачаетъ, ожесточаетъ, преогорчаетъ его, такъ что само долготерпѣніе Божіе принуждено иногда бываетъ жаловаться на труду, даемый Ему человѣкамъ (Исаі. 7, 13).

Теперь, если есть гдѣ-либо нѣкое място успокоенія для творческой дѣятельности; то — въ душахъ людей праведныхъ. *Ту покой Мой*, говоритъ самъ Богъ; здѣсъ все сима. Въ семъ-то разумѣ и св. Церковь, устами священнослужителей своихъ, возглашаетъ *единъ свѧтъ и во свѧтыхъ почиваїй!* Выраженіе глубокое и премного-знаменательное! Если же во всемъ мірѣ теперь одинъ только ты, человѣкъ, можешь доставлять успокоеніе Творцу своему: то познай свое преимущество и не упускай драгоцѣннаго случая послужить нынѣ своему Господу, дабы имѣть участіе и въ той Субботѣ божественной, которая послѣдуетъ за новымъ твореніемъ.

LXXVIII.

Аще исповѣдаєшъ грѣхи наши, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ насъ грѣхи наши, и очиститъ насъ отъ всякихъ неправды
(Іоан. 1, 9).

Какая необыкновенная логика! Вѣренъ и праведенъ: потому и оставить намъ всѣ грѣхи, кои скоро мы исповѣдаемся въ нихъ и признаемъ себя виновными! Но такъ дѣйствовать принципиально одному милосердію; а правды неотъемлемое свойство — судить, осуждать виновныхъ и наказывать. Какимъ же образомъ тутъ божественная правда забыла, такъ сказать, свою природу и обратилась въ милосердіе? Слѣдующимъ: Сынъ Божій, Существо чистѣйшее и всесовершеннѣйшее, по любви къ падшему роду человѣческому, принялъ на Себя всѣ грѣхи человѣковъ, и страданіями и смертю свою удовлетворилъ за нихъ правосудію божественному во всей полнотѣ и си.иѣ, на томъ условіи, чтобы тѣ, кои обращаются отъ пути злого и неправды своихъ, и будутъ просить помилованія во имя Его, всегда и невозбранно по-

лучали оное. Премилосердый завѣтъ сей въ пользу падшаго человѣчества и всѣхъ грѣшниковъ принятъ и утвержденъ на всю вѣчность самою правдою Божиєю. Послѣ сего, каждый разъ, когда грѣшникъ раскаевается и просить помилованія, не только милосердіе Божіе, всегда и безъ тога стоявшее за несчастныхъ грѣшниковъ, но самая правда божественная, по самой природѣ своей стоявшая нѣкогда противъ насъ, требуетъ, чтобы грѣшнику подаваемо было прощеніе. Иначе, со стороны самого Судіи небеснаго не было бы соблюдено вѣрности тому завѣту и договору, который принятъ, одобренъ и утвержденъ Имъ самимъ; иначе правосудіе божественное престало бѣ бытъ правосуднымъ... Итакъ вотъ откуда эта необыкновенная логика! Съ Голгоѳы!...

LXXIX.

Упованіемъ спасохомлся (Рим. 8, 24).

Точно упованіемъ; ибо чѣмъ — другимъ? Наше прошедшее ужасно мрачно! Наше настоящее удивительно худо и бѣдно! Посему если есть спасеніе, то въ будущемъ: но, кто поручится и за будущее? Если судить по прошедшему и настоящему, — то скорѣе надобно отчаяваться и за будущее: потому что будущее есть слѣдствіе прошедшаго и настоящаго. — Только во свѣтѣ откровенія можетъ представляться свѣтлымъ и отраднымъ само будущее,—и представляется!

Не можетъ бытъ ничего величественнѣе тѣхъ видовъ, въ коихъ божественное откровеніе изображаетъ наше будущее; тутъ многое выходитъ за предѣлы не только нашего опыта, даже понятія: якѣ око не видѣ, якѣ ухо не слыша, якѣ на сердце человѣку не взыдоша, то, по свидѣтельству слова Божія, уготова Господь любящимъ Его.

LXXX.

Во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщатися и алката, и избыточествовати и лишатися (Филип. 4, 12).

Вотъ истинная мѣра полнаго совершенства! Для сего на�бно умѣть не только избыточествовать, но и лишаться, — не только лишаться, но и избыточествовать. Умѣніе лишаться значитъ много, очень много, но далеко не все. Какъ не мало такихъ, кои, умѣвъ лишаться, не умѣютъ потомъ избыточествовать! А

послѣднее, и теперь бываетъ нерѣдко также нужно, какъ и первое, а въ послѣдствіи составить единственную необходимость: ибо человѣкъ ведется къ тому состоянію, въ коемъ не будетъ никакихъ лишеній, и гдѣ посему надобно будетъ только—умѣть избыточествовать.

Какъ пріобрѣтается это великое умѣніе? —Безстрастіемъ. А безстрастіе? —Самоотверженіемъ.—А самоотверженіе? — Самопознаніемъ.—А самопознаніе? — Самозанятіемъ и самоуглубленіемъ.

Умѣніе избыточествовать, подобно умѣнію лишатся, есть качество и принадлежность души; но, усиленное постояннымъ навыкомъ, оно, чуднымъ образомъ, сообщается самому тѣлу. Изъ жизнеописаній великихъ подвижниковъ видно, что самая плоть ихъ умѣла, не только лишатся, но избыточествовать, по волѣ ихъ духа; такъ что они, наприм., вдругъ послѣ самого строгаго поста и величайшихъ лишеній, могли, когда то было нужно, позволять себѣ безвредно вкушение самыхъ разнообразныхъ яствъ.

LXXXI.

Грядый принеси и книги, паче же кожаныя (2 Тим. 4, 13).

Кто пишетъ такимъ образомъ къ другу своему и даетъ ему такое порученіе?

Ученікъ, занимающійся науками, и потому чтеніемъ книгъ? Или наставникъ, преподающій науки, и для сего имѣющій нужду въ книгахъ? Или по крайней мѣрѣ, человѣкъ, который имѣеть много свободного времени и хочетъ употребить его на чтеніе книгъ? Нѣтъ, это пишетъ ап. Павелъ, — пишетъ къ апост. Тимоѳею! пишетъ изъ темницы! Пишетъ въ твердой увѣренности, что *часть отшествія его насталъ* (2 Тим. 4, 6), и онъ уже какъ жертва близокъ къ жертвеннику!

Что это за драгоценныя книги, кои могли занимать собою такого человѣка, въ такомъ мѣстѣ, въ такое время? Безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимали между сими книгами св. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта: но съ другой стороны, выраженіе: *книги, паче же кожаныя*, само собою приводитъ къ мысли, что между сими избранными книгами, коихъ Павелъ хочетъ видѣть предъ смертію и, такъ сказать, проститься съ ними, были не одни книги Ветхаго Завѣта, а и другія—какія именно? Церковь ветхозавѣтная, подъ конецъ существованія своего, имѣла уже, кромѣ священнаго кодекса богоухновенныхъ, не малое чис-

ло и другихъ книгъ, написанныхъ священными мужами. Книги сіи не могли быть чужды Апостолу, который, до обращенія въ христіанство, прошелъ всѣ степени образованія іерусалимскаго, слушая уроки мудрости изъ устъ самого лучшаго изъ учителей закона Гамаліила. Кроме сего, если судить по нѣкоторымъ мѣстамъ посланій Павловыхъ, въ его святыхъ рукахъ бывали и другія книги, написанныя писателями и неіудейскими.

Для насть довольно здѣсь замѣтить, что такое вниманіе на книги обращаетъ самъ апостолъ Павель!

Для чего довольно?—дабы показать, что чтеніе не грѣхъ, что занятіе полезными книгами не противно даже апостольскому достоинству, что обхожденіе съ сими мертвыми наставниками не казалось безполезнымъ даже для того, кто самъ былъ живымъ наставникомъ для всей вселенной. Довольно сего.

LXXXII.

На всяко времѧ очи злыхъ пріеплють злаѧ: добріи же безмолвствуютъ присно (Прит. 15, 15).

Первое нисколько не удивительно: ибо такъ какъ міръ весь лежитъ во злѣ, то стоитъ только, такъ сказать, открыть окно, чтобы зло тотчасъ полилось со всѣхъ сторонъ въ душу: очи злыхъ, предъ всѣми прочими чувствами ихъ, суть отверстия окна для зла: мудрено ли, что они на всяко времѧ пріеплють злаѧ?

Но какъ добріи безмолвствуютъ присно?—безмолвствуютъ, когда вокругъ ихъ все мятется: когда сами они нерѣдко должны участвовать, болѣе или менѣе, въ молвѣ житейской? Добрый какъ море; оно сильно волнуется, иногда какъ бы стонетъ и испускаетъ вопли: но все это на поверхности; нѣсколько сажень въ глубь, и море, какъ увѣряютъ естествоиспытатели, стоитъ недвижимо въ самую сильную бурю. Таковъ и праведникъ: не смотря на внѣшнее движеніе и страданія человѣка своего внѣшняго, онъ внутренно безмолвствуетъ присно. Законъ Бога его посреди чрева его: и онъ не подвижится во вѣкъ. Въ немъ миръ Божій, превосходящий всякъ умъ.

LXXXIII.

Аще кто любить отца или матеръ паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (Матѳ. 8, 34).

Такъ могъ сказать только Богъ, или Богочеловѣкъ. Въ отно-

шению ко всѣмъ другимъ существамъ, какъ бы они ни были велики, могущественны и благотворны, такое требование было бы не по нихъ, превыше ихъ и неприлично имъ. Но въ отношеніи къ Богу, такое требование совершенно справедливо и необходимо. *Справедливо:* ибо Отецъ небесный первѣе и выше всѣхъ отцевъ и матерей земныхъ. Послѣдніе сами должны любить Его паче всего, и слѣд. сами же должны требовать отъ дѣтей своихъ, чтобы и они любили Его паче всего, и слѣд. паче ихъ. *Необходимо:* ибо если человѣкъ не будетъ любить Бога паче отца и матери: то у него земной отецъ и мать будутъ выше Бога, что совершенно противозаконно.

Но сей же самой любви, какая подобаетъ единому Богу, и въ той же самой степени, требуетъ отъ насъ, и требуетъ непремѣнно, Иисусъ Христосъ: ибо Онъ есть Богъ истинный и вѣра въ Него, какъ истиннаго Бога, есть необходимая обязанность каждого.

LXXXIV.

Богъ прелудростію основа землю, въ чувствѣ же Его бездны разверзшаася (Прит. 3, 19. 20).

При взглядѣ на разныя стороны и сицы природы приходятъ въ движеніе и дѣятельность разныя стороны и силы нашего духа: при иныхъ тотчасъ пробуждается умъ и начинаетъ работать воображеніе самаго небогатаго смысленіемъ человѣка; а при иныхъ, въ наименѣе чувствительномъ, возбуждается чувство, а мысль устраниется, даже подавляется.

Такъ бываетъ съ зрителемъ природы, очевидно, потому, что такъ устроена сама здѣмая природа: а почему такова природа, что иною стороною своею возбуждаетъ умъ, иною чувство? — Глубокій отвѣтъ на сіе даетъ въ выше приведенныхъ словахъ Премудрый. По его чистой и святой метафизикѣ, въ самой природѣ иное (какъ небеса съ ихъ строгимъ математическимъ распорядкомъ) произошло преимущественно подъ влияніемъ *прелудости божественной*; другое (какъ бездны водъ съ ихъ непрестанною движимостію и неопределеннostью формъ) подъ особыннымъ вліяніемъ *чувства божественного*.

Въ одномъ человѣкѣ, яко образѣ Божіемъ, отразилась вся совокупность свойствъ божественныхъ, весь Творецъ.

Итакъ, человѣкъ, познай свое высокое достоинство, и будь тѣмъ, чѣмъ бытъ пред назначенъ.

LXXXV.

Явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола (і Іоан. 3, 8).

Какія дѣла? Тѣ ли, кои учинены діаволомъ уже по сотвореніи человѣка, и коихъ сущность состоить въ погубленіи человѣка? Или и тѣ, кои произведены діаволомъ до сотворенія человѣка, и, можетъ быть, всего видимаго міра, въ кругѣ вещей высшемъ, въ собственной его области?—Первѣе всего, безъ сомнѣнія, первыя; ибо Сынъ Божій для того явился разрушить дѣла діавола, чтобы спасти чрезъ то человѣка, имъ погубленнаго. Но, конечно, спасительное разрушеніе дѣлъ діавола простretится за симъ и на прочие ужасные плоды его несчастной дѣятельности; ибо въ мірѣ все связано такъ, чтобы отъ того не страдало совершенство цѣлаго. Одно только дѣло діавола останется неразрушеннымъ—то, что онъ себя изъ архангела свѣта сдѣлалъ архистратигомъ, и увлекъ въ туже бездну зла для другихъ духовъ. За то онъ самъ, какъ неисцѣльное зло, будетъ со всѣми клеветами изгнанъ вонъ изъ вселенной, исключенъ изъ круга вещей, составить особенность, ни къ чему не принадлежащую и ничего собою не составляющую.

Но дѣла діавола не таковы ли по своей натурѣ, что разрушаютъ сами себя? Для чего же нужень такой великий разрушитель? Для того, что надобно было не только разрушить сіи ужасныя дѣла, но и воздигнуть на мѣсто ихъ паки дѣла Божіи. Діаволь паденiemъ своимъ возмутилъ порядокъ вещей, превратилъ все, что могъ: но сущность превращенного осталась неизмѣнною. Изъ сего нового хаоса паки можетъ быть воздвигнутъ прекрасный Божій міръ. И вотъ для сей-то великой цѣли является Сынъ Божій. Тотъ, кѣмъ все сотворено, является и для возсозданія всего.

LXXXVI.

Тѣю не дуженію, но Господеги, и Господь тѣ.и.

(і Кор. 6, 13).

Апостолъ Христовъ желаетъ отвратить коринескихъ учениковъ своихъ отъ плутскихъ пороковъ, къ коимъ такъ наклонна

падшая природа наша, и кои съ такою неимовѣрною силою свирѣпствовали въ древнемъ мірѣ языческомъ, не смотря на его возвышенную, по видимому, образованность, и для сего указываетъ въ сихъ словахъ на цѣль существованія нашего человѣческаго тѣла. Чувственный человѣкъ смотритъ на свое тѣло именно какъ на орудіе чувственныхъ, плотскихъ наслажденій, и въ семъ поставляетъ цѣль его бытія: апостолъ внушаетъ другое, говорить, что тѣло наше, хотя плотское, имѣеть цѣль не плотскую, а духовную, высокую, святую, нѣкоторымъ образомъ—божественную;—что оно предназначено окончательно не только не для какихъ-либо плотскихъ, преступныхъ наслажденій, но, вообще, не для нашихъ наслажденій, даже не для одного нашего духа, а для Виновника всяческихъ—Бога. *Тѣло Господеви*,—уже этого одного достаточно было бы, дабы вселить уваженіе къ тѣлу, заставить обращаться съ нимъ, какъ съ сосудомъ благодати, какъ съ храмомъ божества; но апостолъ симъ не довольствуется, открываетъ достоинство тѣла человѣческаго еще съ другой, высшей стороны, такой, которая выходитъ даже за предѣлы нашего постиженія; онъ говоритъ, что и Господь (Самъ Господь) тѣлу, то есть, какъ тѣло принадлежитъ, подобно нѣкотої собственности, Господу, такъ и Господь благоволитъ принадлежать тѣлу—какъ глава, какъ жизнь и свѣтъ человѣчества, ему вѣрнаго.

Сколько мыслей рождаются при семъ выраженіи такихъ, кои нельзя изобразить языкомъ человѣческимъ!... И каждая изъ нихъ должна служить побужденіемъ блести свое тѣло въ чистотѣ и святости

LXXXVII.

О величѣ и о малѣ не неразумѣвай (Cap. 5, 18).

Почему и о малѣ?—Потому, что и великое слагается изъ малаго; потому что самыя огромныя события начинаются большею частию съ самыхъ малыхъ вещей; потому что непривыкшій обращать вниманія и на малое, скоро привыкаетъ пропускать безъ вниманія и большое.

Не неразумѣвай, то-есть, не отпускай вовсе изъ вниманія, а не то, что бы привязываться къ малому и дорожить имъ какъ великимъ. Въ послѣднемъ случаѣ выходитъ другая крайность: задумываются надъ всякою малостію, какъ бы отъ неї зависѣло все, и чрезъ то самое не имѣютъ времени обратить надлежа-

шаго вниманія на большее, на то, что дѣйствительно того заслуживаетъ.

Каждому свое: большему большое внимание, меньшему—меньшее: но непремѣнно каждому свое: вотъ чего хочетъ отъ насъ Премудрый.

LXXXVIII.

Брашина чреву, и чрево брашномъ: Богъ же и сіе и сія упразднить
(І Кор. 6, 13).

Когда упразднить? Безъ сомнѣнія, тогда какъ будетъ упраздняться все ветхое—и ветхій міръ и ветхій человѣкъ.

Брашина чреву и чрево брашномъ не будетъ,—значитъ будущее состояніе возстановленія человѣка будетъ еще выше его состоянія въ земномъ раю: ибо здѣсь заповѣдано: *отъ всякаго дерева, еже въ раю, снѣдю спѣси* (Быт. 2, 16), слѣд. брашина были чреву и чрево брашномъ, а тамъ, въ будущемъ состояніи, не будетъ ни того, ни другаго.

Съ другой стороны, какъ чрево для брашенъ и брашно для чрева упраздняются, когда и на новой землѣ, подъ новымъ небомъ, побѣждающимъ обѣщано вкушение отъ дерева животнаго (Апок. 2, 7) и *манны сокровенной* (17)?

Это дерево животное, сія манна сокровенная есть, безъ сомнѣнія, не другое что, какъ—то брашно, *пребывающее въ животъ вечный* (Іоан. 6, 27), которое и Самъ Спаситель, еще бывъ на земли, обѣщалъ вѣрующимъ; но сіе премебесное брашно есть—Онъ Самъ!... Для вкушения сего божественнаго брашна не чрево, а душа чистая и святая.

Чрево для брашенъ и брашно для чрева упраздняются!... что же будетъ съ тѣми, для коихъ, по выражению апостола, *чрево есть богъ?* (Фил. 3, 19). Что будетъ съ низкими поклонниками студнаго кумира, когда самъ кумиръ распадется въ прахъ? Да помышлять они, въ свободный часъ, о семъ сами!... Или пусть спрявятся въ посланіи апостольскомъ: тамъ ясно указанъ ужасный конецъ тѣхъ, *иль же богъ чрево, и ихъ же слава въ ступѣ.*

LXXXIX.

Гнѣвъ и ярость умаляютъ дни (Сир. 30, 26).

Хотя бы эта опасность и страхъ за свою жизнь и здоровье

обуздывали людей гнѣвливыхъ и удерживали отъ пропадковъ ярості! Ибо малая ли опасность? Напрасный ли страхъ? Сколько людей, коимъ порывъ гнѣва стоилъ жизни, коихъ онъ убилъ мгновенно, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, среди предприятій и надеждъ? Надѣлъ другими гнѣвъ хотя не разражается такъ губительно, за то всегда разстроиваетъ ихъ здоровье и сокращаетъ жизнь. Иначе и быть не можетъ, по самому существу гнѣва.

Сотрясая всѣ жизненные стихіи тѣла, возмущая и даже останавлива на время всѣ отправленія душевныя и тѣлесныя, приводя въ состояніе кипѣнія и разливая по всему тѣлу желчъ, гнѣвъ, потому самому, неизбѣжно разстроиваетъ весь тѣлесный составъ, неотразимо портатъ кровь и соки. Опустошеніе, имъ производимое, можно даже видѣть и осязать. Посмотрите на себя въ минуту сильного гнѣва въ зеркало: вы ужаснетесь собственного вида; такъ онъ свирѣпъ, багровъ, отвратителенъ! Приможите въ это время руку къ сердцу: оно бьется, какъ млатъ о наковальню. Такое кипѣніе крови, такое сотрясеніе нервовъ, такое разлитіе желчи можетъ ли не действовать губительно на жизнь и здоровье? Отъ того гнѣвливые обыкновенно сухи, жалты, какъ бы испечены въ огнѣ.

Итакъ, если не ради другого чего, то ради собственного здоровья, каждый долженъ быть какъ можно свободнѣе отъ гнѣва; потому что и однократный, сильный гнѣвъ, какъ-видно изъ многихъ примѣровъ, можетъ убить гнѣвающагося—до смерти *).

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.